

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№ 3 (07) 2015

Учредитель

Санкт-Петербургский
институт истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Адрес редакции

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-41-98

Издатель

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Типография

«Нестор-История»
191119, Санкт-Петербург,
ул. Правды, д. 15
Тел. (812)622-01-23

Издается с 2014 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN 2311-603X

Редакционный совет:

академик РАН, д.и.н. **Б. В. Апаньич** (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д-р *Я. Валге* (университеты Тарту и Таллина)
профессор *Т. Вихавайнен* (Хельсинкский университет)

д.и.н., профессор *А. К. Гаврилов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *А. Х. Даудов* (директор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета)

д-р, профессор *И. Коэн* (Высшая школа социальных наук, Париж)

член-корр. РАН, д.и.н. *И. П. Медведев* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *И. И. Муллонен* (доктор филологических наук, профессор Петрозаводского госуниверситета, директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск)

профессор *А. Рабинович* (Индианский университет)

профессор *У. Г. Розенберг* (университет Мичигана, Европейский университет в Санкт-Петербурге)

д.и.н., профессор *Н. Н. Смирнов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)

д.и.н. *А. Н. Чистиков* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. В. Ходяков* (Санкт-Петербургский государственный университет)

к.и.н. *С. Е. Эрлих* (Генеральный директор издательства «Нестор-История»)

№ 3 (07) 2015

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д.и.н. А. И. Рупасов
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Секретариат

Ответственный секретарь – *К. А. Тарасов*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

А. А. Ефимов
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

Дата подписания в печать: 16.09.2015

Перепечатка материалов
допускается только с письменного
разрешения редакции журнала.

Тираж 500 экз.

Заказ № 172

© Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, 2015

© Издательство «Нестор-История», 2015

Члены редколлегии:

к.филол.н. *Д. В. Кейер* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

к.и.н. *В. Ю. Черняев* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

к.и.н. *В. И. Мажуга* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. Б. Свердлов*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН; Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена)

д.и.н., профессор *В. В. Носков* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *Т. В. Андреева* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н. *С. Н. Исколь* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

Содержание

К 80-летию Игоря Павловича Медведева.....	6
---	---

История России

• <i>М. Б. Свердлов</i> К истории великоморавской культурной традиции на Руси конца XI — начала XII в.	10
• <i>М. М. Сафонов</i> «Ссора на лестнице» или еще одна легенда о гибели Пушкина	22
• <i>В. В. Носков</i> Китайские церемонии в Зимнем дворце (Прием миссии Берлингейма в 1870 г.)	30
• <i>С. В. Куликов</i> Н. Н. Покровский: царский бюрократ как «ученый во власти»	40
• <i>Е. Д. Твердюкова</i> Деятельность Государственной торговой инспекции по борьбе с обманом потребителей в советской торговле (середина 1930-х — начало 1990-х гг.)	56

Всеобщая история

• <i>Д. М. Омельченко</i> Образ Египта в произведениях Иоанна Кассиана Римлянина	68
• <i>Д. В. Панченко</i> ВОСПОРОС: об одной греко-скандинавской параллели	87
• <i>Н. Б. Срединская</i> <i>Vona raparhetna</i> и другое о дамах Феррары XIV в.	92
• <i>П. В. Крылов</i> Византия — «страна чудес» в «Чудесах Девы Марии в лицах»	98
• <i>С. А. Исаев</i> Базовые правовые представления византийцев и американцев: попытка сопоставления	108
• <i>М. Витухновская-Кауппала</i> Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель–ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты	117
• <i>А. В. Барынкин</i> Независимость Польши и вопрос формирования ее восточных границ в контексте советской внешней политики рубежа 1918–1919 гг.	132

Публикации

- *Т. В. Андреева, Н. Л. Корсакова*
К истории крестьянского вопроса в России:
Записка неизвестного автора «Об освобождении крестьян в России»
с пометами на полях императора Николая I 150
- *Т. Н. Таценко*
Письмо 1566 г. графини Катарины Шварцбургской
из собрания Научно-исторического архива
Санкт-Петербургского института истории РАН 190
- *Б. С. Каганович*
К биографии М. Д. Приселкова 202

Историография и источниковедение

- *В. Г. Вовина-Лебедева*
С. В. Бахрушин и М. Н. Тихомиров:
к вопросу о школах в исследованиях Древней Руси 206
- *М. Н. Румьинская*
Опыт составления именного указателя к публикации
монастырских хозяйственных книг первой трети XVII в. 218
- *Л. В. Выскочков*
Записные книжки великого князя Николая Павловича
как исторический источник
(К публикации дневников 1822–1825 гг. из фондов ГАРФ) 231
- *П. В. Ильин*
«Биографический словарь» действительных членов
Императорской академии наук — несостоявшийся проект
академика В. В. Латышева 251
- *В. Н. Семенова*
Эфиопская иконография как источник по этноистории страны
конца XIX — начала XX в. 272

Рецензии

- *Л. А. Герд*
Рецензия на монографию: *Анисимов О. В.* Россия и Наполеон III:
борьба за Святые места Палестины. М.: Индрик, 2014 292

Аннотации 299

Abstracts 312

Сведения об авторах 324

Contacts of authors 326

Требования к публикации статей и материалов 328

К 80-летию Игоря Павловича Медведева

1 ноября 2015 г. исполняется 80 лет со дня рождения Игоря Павловича Медведева, одного из старейших сотрудников Санкт-Петербургского института истории РАН, члена-корреспондента РАН, выдающегося византиниста и историка науки.

Жизненный путь И.П. Медведева — это путь неустанных творческих исканий одаренной натуры, которая никогда не давала себе покоя; путь самоотверженного упорного труда в достижении поставленных целей; любознательности, которая никогда не может быть полностью удовлетворена, потому что за одними открытиями открываются новые горизонты, еще более увлекательные.

Родился Игорь Павлович в 1935 г. на Урале, в спецпоселении близ Билимбаев, куда была сослана его мать, и вырос в городе Красноуфимске, в многодетной семье. На непростые послевоенные годы пришлось его ранняя молодость, служба в армии, учеба в спортивном техникуме. Почувствовав тягу к изящным искусствам, Игорь Павлович испытал свои силы в живописи и пении, причем преподаватели отмечали выдающиеся способности своего ученика. Однако И.П. Медведев избрал себе иное поприще: он поступил на исторический факультет Свердловского (ныне Уральского) университета. Его наставником стал профессор М.Я. Сюзюмов, известный советский византинист, специалист по социально-политической истории Византии. Молодой исследователь бесстрашно взялся за сложнейшую и в те времена очень далекую от конъюнктуры тему: исихастские споры в Византии XIV в. Уже в процессе написания дипломной работы (защищенной в 1960 г.) он должен был освоить объемистый корпус богословских текстов на греческом языке, а также монографию протопресвитера Иоанна Мейендорфа, «только что» (в 1959 г.) изданную на французском

языке. Много лет спустя, в 1997 г., эта книга, уже признанная классической, была издана при участии Игоря Павловича и в русском переводе под названием «Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение».

В 1963 г. Игорь Павлович поступил в аспирантуру при Ленинградском отделении Института истории АН СССР. Здесь его ждали годы напряженной учебы и вдохновенной работы. Кандидатскую диссертацию он писал под руководством Е.Э. Липшиц, историка византийского права, которая сумела привить своим ученикам интерес к этой дисциплине, на первый взгляд сухой, но на самом деле открывающей исследователю важные и интересные стороны жизни византийцев. Исследования аспирантских лет были посвящены Мистре, столице Пелопоннеса, находившегося в поздневизантийское время под управлением членов семьи Палеологов. Пройдет много лет, прежде чем Игорю Павловичу удастся побывать в Мистре. Однако через изучение своих источников он уже тогда вполне почувствовал дух древнего города и его истории. В годы обучения в аспирантуре он совершенствовался в языках (греческом и латыни, французском и немецком), посещал незабываемые семинары по чтению Платона с А.И. Зайцевым, участвовал в конференциях. Игорь Павлович использовал все возможности, которые мог предоставить интеллектуальный Ленинград того времени. Среди людей, оказавших большое влияние на его формирование как византиниста, были А.В. Банк, Д.С. Лихачев, Н.В. Пигулевская, Е.Э. Гранстрем и многие другие.

После выхода в свет монографии о Мистре Игорь Павлович вновь обратился к темам, связанным с интеллектуальной жизнью поздней Византии. Несомненно, здесь определенную роль сыграло его научное окружение в Отделе всеобщей истории ЛОИИ СССР АН СССР, где под руководством В.И. Рутенбурга сложилась группа историков итальянского Возрождения. Если в студенческие годы он больше интересовался Григорием Паламой и исихастами, то теперь в фокусе его внимания оказались их оппоненты: Варлаам Калабрийский и гуманисты. Результатом многолетних исследований стала его докторская диссертация «Византийский гуманизм», в которой он убедительно доказывал, что интеллектуальный уровень ученых кругов палеологовской Византии был ничуть не ниже, чем у гуманистических кружков Италии эпохи Возрождения. Более того, византийские гуманисты находились в тесном общении со своими итальянскими коллегами. А многие из них предпочли вовсе переселиться в Италию, бежав от беспокойной и опасной жизни на родине в период ее упадка.

Одновременно И.П. Медведев серьезно занимался изучением греческих рукописей, любви к которым немало способствовала хранитель греческой коллекции Публичной библиотеки Е.Э. Гранстрем. Именно в стенах Отдела рукописей Игорю Павловичу удалось совершить немало подлинных открытий, которые нашли отражение в его статьях и книгах. Юбиляру посчастливилось дважды воспользоваться редкой в то время возможностью стажироваться за границей — в Италии и Франции. Стажировки на архивных курсах дали ему

возможность соотнести свои исследования с уровнем мировой науки, познакомиться с греческими рукописями крупнейших собраний мира и завязать научные контакты с самыми выдающимися специалистами по византиноведению.

Неудивительно, что последующие исследования Игоря Павловича были связаны с пристальным изучением и изданием византийских юридических памятников. Это в первую очередь критическое издание Земледельческого закона (1986 г.), славянская версия текста которого была подготовлена Е.К. Пиотровской. Параллельно И.П. Медведевым был опубликован ряд статей по отдельным вопросам византийского права. Особенно современное звучание приобрела статья о взглядах византийских юристов на смертную казнь. Оказывается, стереотип о жестоких византийских нравах лишь отчасти соответствует действительности; византийские юристы допускали множество членовредительских наказаний, но смертная казнь за уклонение в ереси, в отличие от Западной Европы того времени, ими отвергалась.

Следует отметить, что занятия византийским правом во многом способствовали формированию гражданского сознания Игоря Павловича, который, вслед за старшими поколениями русских византистов, убежден, что Россию с восточно-христианским миром связывают гораздо более крепкие корни, чем с миром западным, и что Византия периода своего наивысшего культурного расцвета во многом превосходила западноевропейские средневековые государства. «Чего стоит один факт, что Карл Великий не умел подписать своего имени!» — любит повторять Игорь Павлович. Монографии «Очерки византийской дипломатики» (1988) и «Правовая культура Византийской империи» (2001) являются вершиной многолетних занятий юбиляра историей права.

С наступлением новой эпохи в истории России в 1990-е гг. появилась возможность заняться широкими архивными разысканиями и историей недавнего прошлого. Для Игоря Павловича это был способ показать ученому миру забытые достижения отечественного византиноведения конца XIX — начала XX в. В течение многих лет под руководством И.П. Медведева трудился целый коллектив архивистов, историков, искусствоведов. Результатом явились три тома коллективного труда — «Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге» (1995), «Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга» (1999), «Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга» (2004), посвященные рукописному наследию крупнейших и незаслуженно забытых отечественных ученых. Конечно, сам юбиляр немало потрудился для написания этих томов: его перу принадлежат замечательные очерки об архивах В.Н. Бенешевича, А.И. Пападопуло-Керамевса и других ученых.

В последние годы внимание И.П. Медведева сосредоточено на проекте по изданию переписки канцлера графа Н.П. Румянцева со знаменитыми учеными своего времени. Румянцев, как известно, был выдающимся «спонсором византиноведения» (по выражению Игоря Павловича). У него в особняке на Английской набережной каждую неделю собирались ученые люди, которые обсужда-

ли различные вопросы, касавшиеся преимущественно древнейшей истории Руси. В поисках источников по отечественной истории Румянцев заказывал исследования также иностранным ученым. Некоторые из них злоупотребили доверием щедрого мецената: так, французский ученый немецкого происхождения К.-Б. Хазе создал блестящую подделку, которая долгое время вводила в заблуждение самых маститых историков — «Записку Готского топарха». И лишь исследования последних десятилетий, проведенные И.И. Шевченко и И.П. Медведевым, привели к разоблачению этой фальшивки. Несомненно, долгожданный выпуск в свет объемного тома ученой переписки Румянцева явится важным событием в научном мире и послужит весомым вкладом в дело исследования истории русской культуры начала XIX в.

Игорь Павлович — Ученый с большой буквы, его заслуги перед отечественной наукой получили самую высокую оценку: он является лауреатом премий митрополита Макария и С.Ф. Ольденбурга, избран членом редколлегий «Византийского временника» и ряда других журналов, является вице-председателем Национального комитета византинистов, в течение многих лет состоит в Международной ассоциации византинистов.

На протяжении более четырех десятилетий И. П. отдает свои силы подготовке научной смены, а в последние пятнадцать лет сфера этой его деятельности даже существенно расширилась благодаря тесному сотрудничеству с университетскими неоэллинистами и византинистами. Его талантливые ученики трудятся в разных странах, внимательно прислушиваясь к советам учителя и продолжая исследования в заданных им направлениях — изучении источников и рукописей.

И.П. Медведева любят и высоко ценят коллеги не только в Петербурге, но в других городах России — Москве, Екатеринбурге, Волгограде, а также за рубежом. Он активно выступает на конференциях по византиноведению, будучи везде желанным гостем, плодотворно участвуя в дискуссиях. Подлинным детищем Игоря Павловича стала Санкт-Петербургская византийская группа, которая продолжает традиции, начатые еще в 1950-е гг. Н.В. Пигулевской. На заседаниях Византийской группы неоднократно выступали не только отечественные, но и зарубежные византинисты — И.И. Шевченко, С. Зайбт и другие, многие из которых избраны ее почетными членами.

Всем известна доброта и отзывчивость Игоря Павловича. К нему постоянно приходили и приходят за советами коллеги всех поколений, и со всеми он находит время подробно обсудить назревшие вопросы. Его гостеприимство радует всех — его дом открыт и для коллег, и для учеников, и для гостей из-за рубежа, только в нем теперь так не хватает Светланы Дмитриевны...

Желаем Игорю Павловичу крепкого здоровья, долгих лет жизни и дальнейших творческих свершений. Пусть тепло его души согревает всех нас, а пример вдохновляет так же неустанно и бескорыстно трудиться на благо науки, как он это делал и продолжает делать всю свою жизнь.

М.Б. Свердлов

К истории великоморавской культурной традиции на Руси конца XI — начала XII в.

Хорошо известен значительный вклад И.П. Медведева в изучение истории и культуры Византии, византийских письменных источников и историографии византиноведения. Особой темой этих обширных и сложных отраслей научных знаний является, в частности, исследование прямых и опосредованных культурных связей Византийской империи со странами южных, западных и восточных славян. Одним из вопросов такой темы является анализ византийской культурной традиции, которая нашла продолжение и развитие в деятельности великоморавской миссии Мефодия, а результаты этой деятельности были учтены при написании выдающегося историко-литературного произведения — Повести временных лет (далее — ПВЛ).

Как отметил А.А. Шахматов, в недатированной начальной части ПВЛ и в ее повествовании под 6406/898 г. летописец использовал в качестве историко-литературного источника сочинение, которое, учитывая его содержание, А.А. Шахматов назвал Сказанием о преложении книг на словенский язык. Он предположил моравское происхождение известий ПВЛ о начале расселения угров-венгров в Паннонии, прослеживая их прямую композиционную и содержательную связь со Сказанием. А.А. Шахматов предположил также составные части этого сказания: начальный рассказ о единстве славян и их расселении, сказание о переводе священных книг на славянский язык, о нашествии угров на славян, их крещении по греческому обряду, об «отпадении» угров в латинскую веру и об изгнании Войтехом славянской грамоты из Моравии, Чехии и Польши¹.

¹ Шахматов А.А. Сказание о преложении книг на словенский язык // Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908. S. 172–188; древнерусские тексты цитируются в упрощенной транскрипции.

Позднее, уточняя свое мнение о сказании, А.А. Шахматов отнес дату 6406/898 г. только к заимствованному из Сказания хронологическому указанию поселения угров-венгров на Среднем Дунае. Он датировал теперь это сочинение временем после 6406/898 г., относя его к среде последователей славянского богослужения в Моравии или Чехии, когда ему грозило полное запрещение и изгнание. Составитель ПВЛ использовал существовавший текст Сказания, не являясь его автором. Поэтому его неточности или ошибки принадлежат автору сказания². В другом исследовании А.А. Шахматов предположил в его авторе одного из учеников Мефодия³.

Н.К. Никольский поддержал гипотезу А.А. Шахматова о Сказании, но отметил активное участие летописца в использовании источников, пересматривая представление о целостном составе сказания в том виде, в котором его реконструировал А.А. Шахматов⁴. По мнению Б.А. Рыбакова, летописец использовал в тексте под 6406/898 г. только Житие Мефодия⁵. Убедительны наблюдения Б.Н. Флори о связи сказания с Сазавским монастырем и его возражения О. Кралику о Легенде Кристиана как об одном из источников Сказания⁶.

Изучению вопроса о моравских литературных произведениях в составе ПВЛ содействовали также исследование кирилло-мефодиевской традиции в трудах П.А. Лаврова, выявление, анализ и публикация в Чехословакии исторических, юридических и литературных произведений, относившихся к Великоморавскому государству, издание в Болгарии сочинений ученика Константина и Мефодия Климента Охридского, комплексное изучение в работах А.В. Флоровского, А.И. Рогова, Б.Н. Флори и других исследователей великоморавских и чешских историко-литературных и литературных произведений в контексте истории и культуры Великоморавского и Чешского государств, их политических и культурных связей со странами Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. Накопленные материалы и наблюдения позволяют вернуться к вопросу о моравских произведениях в составе ПВЛ.

В реконструированном А.А. Шахматовым Сказании о преложении книг на словенский язык дискуссионным является его отношение к указанию походов угров в ПВЛ под 6406/898 г. Конкретно он рассмотрел лишь часть этой записи. Как следствие этого, он считал, что чтение двух последующих фраз — «И начаша воевати угры на греки, и поплениша землю Фрачьску

² Шахматов А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 82–86, 89–90.

³ Шахматов А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 20.

⁴ Никольский Н.К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. Вып. 1.

⁵ Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 232–233.

⁶ Флоря Б.Н. Сказание о преложении книг на словенский язык: Источники, время и место написания // *Byzantinoslavica*. Praha, 1985. Т. 46, № 1. С. 121–130; см. там же литературу проблемы.

и Макидонську доже и до Селуня. И начаша воевати на мораву и на чехи»⁷ — не может быть первоначальным. А.А. Шахматов предположил, что между этими предложениями находилось сообщение об обращении угров в христианство и о подчинении их греческой духовной власти. Иначе, по его мнению, неясно, зачем было упоминать о войнах угров с греками и к какому времени относится пленение уграми Фракии и Македонии. В соответствии с хронологией событий А.А. Шахматов поместил в реконструированном им Сказании сведения об уграх после рассказа о «предложении книг»⁸.

Эта гипотеза А.А. Шахматова могла появиться при двух обстоятельствах: 1) при частичном рассмотрении записей о войнах угров, 2) при предположении о непременно вхождении этих записей в реконструированное Сказание. Если учесть состав и содержание всех записей о войнах угров в ПВЛ под 6406/898 г., то они представляют собой единые по содержанию и близкие по форме записи.

«Пришедше [угри] от востока и устремишася чересь горы великия <...> и **почаша воевати** на живущая ту волохи и словени. Седяху бо ту преже словени, и волохове прияша землю словенську.

Посем же угри прогнаша вольхи, и наследиша землю ту, и седоша съ словены, покоривше я под ся <...>.

И **начаша воевати** угри на греки и поплениша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня.

И **начаша воевати** на мораву и на чехи»⁹.

Каждая из этих записей имеет свое конкретное историческое содержание в определенный хронологический период, представляя собой в совокупности компактную группу известий об уграх в Паннонии.

В первой записи содержатся лишь общие указания на переселение угров с «востока» через Карпаты. Конкретным является только сообщение о том, что угры начали завоевывать живущих тут волохов и славян. Такое обобщающее содержание свидетельствует о том, что этот и последующий текст является отрывком некоего сочинения. Его смысл становится ясен, если рассматривать его как продолжение Сказания о расселении славянских народов, помещенного ранее в недатированной части ПВЛ. Завершение данного Сказания и начало записей об уграх в Паннонии совмещается сюжетно и текстуально. При этом выявляется существенная редакционная работа при написании такого сочинения, которое первоначально представляло собой условно нами названную Повесть о поселении славян на Дунае и нашествии угров.

Приведем текст предполагаемой Повести, выделив вставки, разбивающие последовательное изложение: «По мнозех же времях сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От тех словен разидо-

⁷ Повесть временных лет / Подг., пер., ст. и ком. Д.С. Лихачева. 2-е изд, испр. и доп. СПб., 1996. С. 15.

⁸ Шахматов А. 1) Сказание... С. 178–181; 2) «Повесть временных лет»... С. 85–86, 90–91.

⁹ ПВЛ. С. 15.

шася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте. Яко пришедше седоша на реце имянем Марава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. **А се ти же словени: хрвате белии и серебрь и хорутане.** Волхом бо нашедшем на словени на дунаиския, и седшем в них и насилящем им, **словени же они пришедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне»**¹⁰. Выделенные записи о хорватах, сербах, хорутанах, ляхской группе западно-славянских племен не раскрываются в тексте, подобно мораванам, как перечень новых племенных названий по занимаемым землям. «Ляхи», которые сели «на Висле», даже противоречат этому правилу, не став «вислянами». Эти славянские народы не связаны с контекстом рассказа и территориально они находятся вне Подунавья. Поэтому данные записи можно рассматривать как более поздние интерполяции¹¹, время появления которых будет рассмотрено позднее.

Не с последней фразой о ляхах и ляхских племенах, а с предшествующим сообщением о нашествии «волхов» на дунайских славян и завоевании их сюжетно и текстуально связана запись о нашествии угров и последующий за ней текст, что также свидетельствует о более позднем включении упоминания «ляхов» и западнославянских ляхских племен. В то же время эта связь свидетельствует о существовании некогда единого текста, содержанием которого являлась Повесть о поселении славян на Дунае и нашествии угров: «**Волхом** бо нашедшем на **словени** на **дунаиския**, и седшем в них и насилящем им»; «...и почаша воевати [угры] на живуцая **волохи** и **словени**. **Седяху** бо ту преже словени, и **волохове прияша землю словеньску**».

В литературе высказывались самые разные мнения об этнической принадлежности волхов-волохов. Как следует из исследования В.Д. Королюка, волохи на Балканах являлись восточно-романским населением¹². Однако содержание рассматриваемой записи, указывающей на установление пришельцами господства над поселившимися на Среднем Дунае славянами, позволяет отождествить волохов с франками Карла Великого¹³. В результате его военных действий против Аварского каганата в 791–796 гг. франки распространили свою власть в населенные славянами обширные земли Среднего Подунавья от устья реки Раба до восточного побережья озера Балатон, а также на северо-западную

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ Замечание Б.А. Рыбакова о том, что в реконструкции Сказания о предложении книг не обязательно возводить каждое известие о южных и западных славянах к определенному и целостному литературному произведению (*Рыбаков Б.А. Древняя Русь...* С. 232) представляется обоснованным, но с коррективом: в Сказании они были различны по происхождению.

¹² *Королюк В.Д.* Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971.

¹³ *Шахматов А.А.* 1) Древнейшие судьбы... С. 25–27; 2) «Повесть временных лет»... С. 84; *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 31; *Горский А.А.* Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание // Исторические записки. 1987. Т. 115. С. 323–324.

часть Балканского полуострова¹⁴. В начале IX в. земли вокруг Балатона вошли в состав Восточной империи Каролингов, а около 840 г. они были отданы Людовиком Немецким в лен, в 847 г. — в наследственное владение князю Прибине¹⁵. Таким образом, рассмотренная запись условно названной Повести о поселении славян на Дунае и нашествии угров точно излагает содержание этнополитической истории этого региона в IX в.

Следующая запись Повести о пришествии угров в Подунавье, об изгнании ими волохов-франков и установлении своего господства над оставшимися здесь славянами так же точно излагает этнополитический процесс в данном регионе, но уже в конце IX — начале X в. Угры, поселившиеся в Паннонии в 895 г., остановили здесь немецкую экспансию, а политическая власть Восточной марки и Баварии над обширными районами Паннонии была прекращена¹⁶. Славянское население продолжало там жить, но подчинялось уже власти угров¹⁷.

Более сложно раскрыть содержание следующей записи о начале военных действий угров против «греков», о разорении и пленении ими населения Фракии и Македонии вплоть до Солуни–Фессалоников. Фракия и бóльшая часть Македонии входили в X в. в состав Первого Болгарского царства, поэтому отнесение этих земель к «грекам» являлось данью этнополитической и историко-литературной традиции, совмещенной с обозначением одной «греческой» веры. Первое нападение угров на Фракию отмечается в 895 г. Разорительным был их поход в 934 г., когда были опустошены Фракия, часть Македонии, а венгерское войско дошло до Константинополя. Вероятно, тогда же венгерские отряды дошли и до Солуни. Очень тяжелым, но более ограниченным территориально было нашествие угров на Балканы в 958 г.

Таким образом, в рассматриваемой записи Повести контаминированы сведения о нескольких нападениях угров на Балканы. Видимо, первое из них стало основанием для его раннего хронологического соотнесения с их расселением в Паннонии, но основным содержанием записи стали сведения о походах 934 и, возможно, 958 гг. По мнению А.А. Горского, известие ПВЛ о нападении угров на Фракию, Македонию, Солунь под 6406/898 г. является пересказом сообщения там же под 6442/934 г. о нападении угров на Царьград и Фракию, а появление в тексте Македонии и Солуни объясняется знакомством со Сказанием о грамоте славянской (по Б.А. Рыбакову)¹⁸. Однако в тексте под 6442/934 г. Македония не названа, а обе записи существенно различаются по форме и содержанию. Так что их сходство, вероятно, объясняется одной темой излагаемых событий, а различия — происхождением из разных

¹⁴ История Венгрии. М., 1971. Т. 1. С. 79–80; История на България. София, 1981. С. 132.

¹⁵ Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и ком. Б.Н. Флори. М., 1981. С. 133–134.

¹⁶ Грот К.Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб., 1881. С. 407–409.

¹⁷ История Венгрии. Т. 1. С. 106.

¹⁸ Горский А.А. Русско-византийские отношения... С. 324, 328.

источников: из Сказания о предложении книг и хроники Георгия Амартола, как отметил А.А. Шахматов. Отсюда следует, что рассмотренная запись является не исторически конкретной, а историко-литературной, где обобщены сведения о неоднократных событиях в прошлом с основным содержанием похода 934 г.

Завершает эту тематическую подборку записей о походах угров после их обоснования в Паннонии известие о начале их военных действий против моравов и чехов. Хронологически оно относится к 902–906 гг., когда венгры подвергли ожесточенным нападениям Великоморавское государство, в результате чего оно пало в 906 г. Видимо, уже в этом году, когда венгры прошли по великоморавским землям, а затем впервые напали на Саксонию, их отряды прошли и по Чехии¹⁹.

Не отметив содержательной связи фразы о нападениях угров на моравов и чехов с предшествующим текстом, А.А. Шахматов предположил в ней начало изложения событий покорения уграми Моравии и уничтожения там славянской грамоты²⁰. Между тем эта запись соотнесена с предшествующим повествованием текстуально, составляя своего рода рамочную конструкцию в реконструируемой Повести о поселении славян на Дунае и нашествии угров: «...и прозвашася моравы, а друзии чеси нарекошася. <...> И начаша воевати на мораву и на чехи».

Эти тексты связаны также единством содержания заключенных между ними записей о расселении славян и о поселении там угров.

Если это летописное известие верно, то можно предположить, что при написании ПВЛ была использована условно названная Повесть о поселении славян на Дунае и нашествии угров. Она была сочинена, вероятно, в Моравии на славянском языке после гибели Великоморавского государства, когда Моравия была включена в состав Чешского государства в X в. Цель повести была ограниченной — рассказать об основных событиях расселения славян в Подунавье и о поселении там угров-венгров.

Автор ПВЛ (авторство Нестора в научной литературе дискутируется) использовал не одно, а два моравских по происхождению литературных произведения. Вторым являлось реконструированное А.А. Шахматовым Сказание о предложении книг на словенский язык. Однако история текста Сказания и его состав представляются несколько иными.

А.А. Шахматов обоснованно предположил, что сказание начиналось рассказом о расселении южных и западных славян и завершалось фразой, отделенной от текста летописной вставкой: «И тако разидеся словеньский язык, тем же и грамота прозвася словенская»²¹. Этот текст в недатированной части ПВЛ находил соответствие в статье 6406/898 г.: «Симъ бо первое предложены книги

¹⁹ Přehled dějin Československa. Praha, 1980. Т. I/1. S. 92.

²⁰ Шахматов А.А. «Повесть временных лет»... С. 84.

²¹ ПВЛ. С. 8.

мораване, яже прозвася грамота словенская»²². Последующий текст Сказания, основанный на Житии Мефодия, сообщил о переводе священных книг в Моравии. А.А. Шахматов предположил, что Сказание включило все сведения, сохранившиеся на Руси, о судьбе славянской письменности и православной веры в Моравии и Чехии, а также о крещении угров и т.д. Однако это предположение, по нашему мнению, осталось недоказанным. Больше оснований предположить отнесение записей о поселении угров в Паннонии к другому сочинению, написанному в Моравии. Видимо, сведения о крещении угров, о преследовании славянской письменности и православной веры в Моравии и Чехии, другие сведения о событиях в Паннонии, Моравии и Чехии также принадлежали иному моравско-чешскому произведению. А.А. Шахматов сам предполагал, что Сказание о преложении книг не одно, а наряду с легендой о Вячеславе и другими произведениями попало на Русь в XI в.²³ Этот вопрос нуждается в специальном изучении. Но существование Сказания о преложении книг, состоящего из рассказа о расселении славянских племен в Центральной и Юго-Восточной Европе и основанного на Житии Мефодия повествования о переводе священных книг, представляется доказанным текстуально и по содержанию.

Если предположение о таком составе Сказания признается верным, то как оно соотносится с реконструированной ранее Повестью о поселении славян на Дунае и нашествии угров, начальная часть которой в значительной мере текстуально совпадает с начальной частью Сказания? Представляется, что автор Сказания использовал начальную часть Повести о поселении славян на Дунае. Но поскольку там содержался текст сюжетно ограниченный, он включил (см. ранее) выделенные вставки. Они разбили целостный по содержанию текст, но существенно дополнили историю расселения славян в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Большую работу автор Сказания проделал над второй частью своего сочинения. А.А. Шахматов текстуально доказал, что автор использовал в этом случае Житие Мефодия. Но, сопоставив Житие и Сказание, он пришел к выводу, согласно которому автор обратился к Житию лишь во второй части своего труда, посвященной деятельности Солунских братьев. Первая часть, по мнению А.А. Шахматова, составлена по памяти без обращения к источникам, вследствие чего в Сказании наблюдается ряд противоречий с ними²⁴. Сейчас, когда выявлен и изучен весь круг памятников кирилло-мефодиевского цикла, содержание работы автора над второй частью Сказания, повествующей о преложении книг, представляется иным.

Это повествование можно рассматривать как самостоятельное литературное произведение, написанное с учетом сочинений кирилло-мефодиевского цикла. Поэтому автор имел свою тему, свободно обращался с используемыми источниками и добавлял собственные сведения, почерпнутые из устной традиции.

²² Шахматов А.А. 1) Сказание... С. 187; 2) «Повесть временных лет»... С. 81.

²³ Шахматов А.А. «Повесть временных лет»... С. 84.

²⁴ Там же. С. 89.

При таком понимании второй части Сказания окажется, что уже в самом начале в словах «Ростислав, и Святополк, и Коцел послаша ко царю Михаилу, глаголюще...»²⁵ содержится не «противоречие с источниками», как думал А.А. Шахматов²⁶, а осознанный литературный прием смещения событий во времени. Источником этой фразы послужило, вероятно, Пространное житие Мефодия, где адресатами буллы Адриана II указаны Ростислав, Святополк и Коцел. Начало повествования близко Пространному житию Константина, на что не обратил внимания А.А. Шахматов. Соотносится оно также с Житием Мефодия, но не заимствованиями в виде цитат, а по словарному составу²⁷.

Из сопоставления этих текстов следует, что автор Сказания уже в самом начале изложения этого сюжета использовал Житие Константина. Лексическое единство с Житием Мефодия свидетельствует о его близости к кирилло-мефодиевской традиции. Пользуясь материалами обоих житий, автор создал самостоятельное литературное произведение. Зная из Жития Константина имя отца Солунских братьев, Лев (в Житии Мефодия Лев не упомянут), он прямо ко Льву отправил посланцев императора Михаила и «философов» в связи с просьбой славянских князей, хотя в действительности к этому времени Лев умер. Но это не ошибка, как думал А.А. Шахматов, предполагая начало повествования написанным «по памяти, без всякой справки с источниками»²⁸. Это, как отмечено ранее, литературный прием смещения событий во времени, равно как и другие отклонения от исторических фактов, что было отмечено самим А.А. Шахматовым: азбука была составлена Константином до его отправления в Моравию, Константин не «учил» болгар.

Данные отклонения от исторических фактов свидетельствуют о том, что сочинение о преложении книг было написано значительно позже произошедших событий, когда уже не было живых свидетелей. На то же указывает и конкретный перечень в Сказании переведенных книг: Апостол, Евангелие, Псалтырь и Октоих. Без этих книг не могло совершаться богослужение. В Житии Мефодия процесс перевода книг изложен более конкретно. Сначала Мефодий еще с Константином перевел Псалтырь, Евангелие, Апостол, избранные церковные службы, Номоканон и «книги отеческие»²⁹. Позднее Мефодий перевел Библию, кроме, как сказано в Житии, книги Маккавеев³⁰. Круг переведенных произведений был еще шире, включая титулы византийского свода законов VIII в. — Эклоги³¹.

²⁵ ПВЛ. С. 15.

²⁶ Шахматов А.А. «Повесть временных лет»... С. 89.

²⁷ Ср.: ПВЛ. С. 15–16; Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 1–36, 67–78.

²⁸ Шахматов А.А. «Повесть временных лет»... С. 89.

²⁹ Сказания... С. 169–170.

³⁰ Лавров П.А. Материалы... С. 76.

³¹ Сказания... С. 32–36, 168; см. там же литературу.

В Проложном житии Константина и Мефодия есть лишь общее указание числа переведенных книг — 60³². Отсюда следует, что автор сказания исходил при конкретном указании переведенных книг не из Проложного жития, а из собственного опыта. Он соотносил этот опыт с хорошо известным ему Житием Мефодия, которое, как показал А.А. Шахматов, он широко использовал при написании второй части своего сочинения.

Сказание о предложении книг в том виде, в котором оно было включено в ПВЛ, имело законченный вид. Его заключением стала завершающая фраза, заимствованная из Жития Мефодия, и дополненная указанием на самого Мефодия, организатора перевода книг: «Окончав же, достойно хвалу и славу Богу въздаст, дающему таку благодать епископу Мефодью, настояльнику Аньдроникову»³³. Автор Сказания повышает значимость этого факта, связывая его с ранней историей распространения среди славянских народов — с миссиями апостолов Андроника и ученика Христова — Павла, придавая тем самым деяниям Мефодия апостольское измерение, но возвращая историческое действие в Моравию. В данной связи А.А. Шахматов обоснованно подчеркнул, что из этих слов явствует западнославянское происхождение произведения³⁴.

Из наблюдений над содержанием Сказания следует, что его автор в равной мере пользовался житиями и Константина, и Мефодия. Оба эти произведения написаны в Моравии, первое — до 880 г., второе — в 885 г., вскоре после смерти Мефодия³⁵. После разгрома православного богослужения и изгнания учеников Константина и Мефодия в 886 г., после падения Великоморавского государства славянские богослужения и письменность в Моравии X в. ограничено, но продолжались. К числу моравских православных духовных лиц относился, вероятно, и автор Сказания, о чем может свидетельствовать упоминание в произведении только богослужебных книг.

Сказание было написано в традиции развитой славянской письменности. Кроме житий Константина и Мефодия автор использовал Проложное житие Кирилла. Его использование указывает на то, что Сказание было написано в X в. достаточно поздно, когда уже не было современников кирилло-мефодиевской миссии и можно было приписать Константину к его вящей славе миссию в Болгарию. Для включения повествования о предложении книг в единый исторический контекст автор использовал начало Повести о поселении славян на Дунае и нашествии угров, лишь дополнив это начало перечнями балканских и западнославянских народов, которые жили вне Дунайского бассейна. Таким образом, создавалось идейно насыщенное произведение: единая семья славянских народов, единая славянская письменность в едином круге христианской веры и литературы. Восточные славяне, еще язычники, в эту семью не включены.

³² Лавров П.А. Материалы... С. 100–101.

³³ ПВЛ. С. 16.

³⁴ Шахматов А.А. «Повесть временных лет»... С. 86–87.

³⁵ Сказания... С. 42–49; см. там же литературу.

Возможно, Повесть о поселении славян на Дунае и нашествии угров и Сказание о преложении книг находились в одном сборнике. Они являлись частью той славяноязычной литературы, которая продолжала существовать в Моравии X в. О написании Повести и Сказания в X в. свидетельствуют прослеживаемые в них черты сходства с Легендой Кристиана (X в.), в основе которой находилось, видимо, славянское великоморавское сочинение³⁶.

Время и пути появления этих литературных произведений на Руси устанавливаются достаточно отчетливо³⁷. Славянская письменность, сохранившаяся в Чехии X в., была сосредоточена в православном Сазавском монастыре, основанном в 1033 г. Во время изгнания в Венгрию сазавских монахов они нашли приют в действовавших в Венгрии славянских монастырях. Когда князь Вратислав в 1061 г., завоевав Моравию, овладел княжеским престолом в Праге, он вернул в монастырь сазавских иноков, разрешив им пользоваться славянской письменностью. Так сазавские монахи могли пополнять свои книжные собрания в Венгрии и Моравии. Когда же в 1097 г. славянская письменность в Сазаве была запрещена, часть собранных там моравских и чешских книг была привезена на Русь, следуя давней традиции торговых, политических и культурных связей. Некоторые из них были использованы при написании древнерусских литературных произведений, в том числе и автором ПВЛ. Как установлено, он привлек чешское Житие Вячеслава при составлении в 1109 г. Жития Бориса и Глеба. В ПВЛ прослеживается использование широкого круга чешских письменных источников: Проложного жития Людмилы, Жития Вячеслава, возможно, гомилии, посвященные Людмиле. В числе произведений моравско-чешской книжной традиции, привлеченных автором ПВЛ, находились также моравские сочинения X в.

Во вступительной части летописец использовал Сказание о преложении книг на словенский язык. Оно более полно, чем ранее написанное вступление к Повести о поселении славян на Дунае и нашествии угров, сообщало о расселении западных и южных славян. Следуя своему принципу вписывать Русь во всемирную, в частности в европейскую и славянскую историю, автор ПВЛ добавил к перечню западнославянских племен повествование о расселении восточнославянских племен. Такой прием оторвал завершающую фразу вступительной части Сказания — «И тако разидеся словеньский язык, тем же и грамота прозвася словеньская» — от остального текста и делает ее изолированной в повествовании об истории восточных славян.

Сообщая в датированной части ПВЛ под 6406/898 г. о стоянке угров под Киевом, ее автор переписал вторую часть Повести о поселении славян на Дунае

³⁶ *Рогов А.И.* Великая Моравия в письменности Древней Руси // Великая Моравия: ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 271, 274.

³⁷ *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет»... С. 84–85; Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности / Предисл., ком. и пер. А.И. Рогова. М., 1970. С. 12–30; см. там же литературу.

и нашествии угров. Этот текст он соединил с историей Руси: «...и поляне, яже ныне зовомая Русь». Это дополнение также разбивает целостный текст, как, впрочем, и добавление к следующей фразе: «Сим бо первое преложены книги мораве, яже прозвася грамота словенская, **яже грамота есть в Руси и в болгарех дунаиских**». Завершающую фразу Сказания летописец вновь сводит к истории Руси: «Тем же и словенску языку учитель есть Павел, **от него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель есть Павел...**»³⁸. Такая свобода в создании летописного текста позволила автору ПВЛ органично включить в свое произведение и два моравских сочинения, условно названных Сказание о преложении книг на словенский язык и Повесть о поселении славян на Дунае и нашествии угров, вероятно, в том составе, который реконструирован выше.

References

- Florà B.N.* Skazanie o preloženii knig na slovenskij âzyk: Istočniki, vremâ i mesto napisaniâ // Byzantinoslavica. Praha, 1985. T. 46, № 1.
- Gorskij A.A.* Russko-vizantijskie otnošenâ pri Vladimire Monomahe i russkoe letopisanie // Istoricheskie zapiski. 1987. T. 115.
- Grot K.Â.* Moraviâ i mad'ary s poloviny IX do načala X veka. SPb., 1881.
- Istoriâ na Bolgariâ. Sofiâ, 1981.
- Istoriâ Vengrii. M., 1971. T. 1.
- Korolûk V.D.* Volohi i slavâne russkoj letopisi. Kišinev, 1971.
- Kuzmin A.G.* «Varâgi» i «Rus'» na Baltijskom more // Voprosy istorii. 1970. № 10.
- Lavrov P.A.* Materialy po istorii vzniknoveniâ drevnejšej slavânskoj pis'mennosti. L., 1930.
- Nikol'skij N.K.* Povest' vremennyh let kak istočnik dlâ istorii načal'nogo perioda russkoj pis'mennosti i kul'tury. K voprosu o drevnejšem russkom letopisanii. L., 1930. Vyp. 1.
- Povest' vremennyh let / Podg., per., st. i kom. D.S. Lihačeva. 2-e izd, ispr. i dop. SPb., 1996.
- Přehled dějin Československa. Praha, 1980. T. I/1.
- Rogov A.I.* Velikaâ Moraviâ v pis'mennosti Drevnej Rusi // Velikaâ Moraviâ: ee istoričeskoe i kul'turnoe značenie. M., 1985.
- Rybakov B.A.* Drevnââ Rus': Skazaniâ. Byliny. Letopisi. M., 1963.
- Šahmatov A.* «Povest' vremennyh let» i ee istočniki // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. M.; L., 1940. T. 4.
- Šahmatov A.* Drevnejšie sud'by russkogo plemeni. Pg., 1919.
- Šahmatov A.A.* Skazanie o preloženii knig na slovenskij âzyk // Zbornik u slavu Vatroslava Jagiča. Berlin, 1908.
- Skazaniâ o načale Češkogo gosudarstva v drevnerusskoj pis'mennosti / Predisl., kom. i per. A.I. Rogova. M., 1970.
- Skazaniâ o načale slavânskoj pis'mennosti / Vstup. st., per. i kom. B.N. Flori. M., 1981.

Список литературы

- Горский А.А.* Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание // Исторические записки. 1987. Т. 115.
- Грот К.Я.* Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб., 1881.
- История Венгрии. М., 1971. Т. 1.
- История на България. София, 1981.
- Королюк В.Д.* Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971.
- Кузмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10.
- Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
- Никольский Н.К.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. Вып. 1.
- Повесть временных лет / Подг., пер., ст. и ком. Д.С. Лихачева. 2-е изд, испр. и доп. СПб., 1996.

³⁸ ПВЛ. С. 15–16.

Рогов А.И. Великая Моравия в письменности Древней Руси // Великая Моравия: ее историческое и культурное значение. М., 1985.

Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и ком. Б.Н. Флори. М., 1981.

Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности / Предисл., ком. и пер. А.И. Рогова. М., 1970.

Флоря Б.Н. Сказание о предложении книг на словенский язык: Источники, время и место написания // Byzantinoslavica. Praha, 1985. Т. 46, № 1.

Шахматов А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1940. Т. 4.

Шахматов А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

Шахматов А.А. Сказание о предложении книг на словенский язык // Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908.

Přehled dějin Československa. Praha, 1980. Т. I/1.

М.М. Сафонов

«Ссора на лестнице» или еще одна легенда о гибели Пушкина

26 января 1837 г. Пушкин отправил нидерландскому посланнику Я. Геккерну оскорбительное письмо. В этом письме поэт потребовал, чтобы между его семьей и семьей посланника не было никаких отношений. Пушкин ясно дал понять Я. Геккерну, как он может опозорить дипломата в глазах российского и нидерландского дворов. Я. Геккерн обвинялся в том, что руководил поведением своего так называемого «приемного сына» Ж. Дантеса, который настойчиво преследовал жену поэта своими ухаживаниями. По словам Пушкина, нидерландский посланник диктовал пошлости, которые отпускал кавалергард, и глупости, которые он писал. Более того, представитель иностранной державы прямо обвинялся в сводничестве своего «приемного сына» и жены поэта. В противном случае, если Я. Геккерн не прекратит происки, Пушкин грозил устроить дипломату публичный скандал¹.

В ответ последовал вызов Пушкина на дуэль со стороны Ж. Дантеса². На следующий день состоялся поединок, унесший жизнь Пушкина.

До сих пор причины, заставившие поэта послать это письмо, остаются невыясненными. Нельзя не согласиться со словами С.Л. Абрамович, автора выдержавшей четыре издания книги о предыстории последнего поединка: «Когда мы пытаемся разобраться в калейдоскопе фактов, относящихся к преддуэльным дням, нас более всего поражает отсутствие в эти дни каких-либо бьющих в гла-

¹ А.С. Пушкин — Я. Геккерну 26 января 1837 г // Пушкин А.С. Письма последних лет. 1834–1837. М., 1969. С. 183–184.

² Я. Геккерн — А.С. Пушкину 26 января 1837 г. // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 16. М., 1991. С. 223.

за драматических событий»³. Другими словами, ученым никак не удавалось выявить то, что послужило кульминацией, после которой события приняли необратимый характер.

Сразу после смерти Пушкина П.А. Вяземский создал версию, ставшую канонической. Согласно этой версии Пушкин, нисколько не сомневаясь в верности своей жены, был раздражен сплетнями, которые ходили в обществе из-за настойчивых ухаживаний за ней Дантеса. Поэт желал, чтобы его имя оставалось незапятнанным «везде, где его знают»⁴. Раздражение Пушкина вышло из границ после того, как приехавшие из провинции соседки по имени привезли ему неблагоприятные для его репутации вести. Дантес же на балу у Воронцовых-Дашковых 23 января каламбурил с Н.Н. Пушкиной. Эта болтовня и все эти мелочи растравили рану поэта и побудили его написать Геккерну. По словам Вяземского, в этом письме Пушкин «излил всё свое бешенство, всю скорбь раздраженного, оскорбленного сердца своего в письме к старику-Геккерну, желая, жаждая развязки, и пером, омоченным в желчи, запятнал неизгладимыми поношениями и старика и молодого...»⁵

Однако достаточно сравнить текст письма Пушкина с письмом П.А. Вяземского, чтобы убедиться в том, что они не согласуются между собой. Следуя логике князя, естественно было бы ожидать, что Пушкин вызовет Дантеса на дуэль. Однако он направляет в нидерландское посольство совсем иной документ: требует прекратить сношения между семьями и угрожает дипломату публичным скандалом, если эти отношения не будут прекращены. Очевидно, концы с концами никак не сходятся.

П.Е. Щеголев, автор наиболее известной книги о дуэли и смерти Пушкина, тоже не нашел убедительного объяснения. Он попытался опереться на воспоминания дочери Н.Н. Пушкиной от второго брака с П.П. Ланским, А.П. Араповой. Согласно этим воспоминаниям, Дантес написал Наталье Николаевне письмо с просьбой о встрече. Н.Н. Пушкина, чтобы спасти Дантеса от самоубийства в случае отказа, согласилась. Свидание состоялось на квартире И.Г. Полетики в казармах Кавалергардского полка. Аноним уведомил Пушкина об этой тайной встрече⁶. «...чаша терпения Пушкина была переполнена и раздражению уже не могло быть положено никакого предела. Оно стремительно вышло из границ. Пушкин решил — быть поединку»⁷.

³ *Абрамович С.Л.* Пушкин в последний год жизни (Предыстория последней дуэли). Л., 1989. С. 239.

⁴ Письмо князя П.А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года // Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. С приложением новых материалов из нидерландских архивов. СПб., 1999. С. 245.

⁵ П.А. Вяземский — Д.В. Давыдову 9 февраля 1837 г. // Русский архив. 1879. № 6. С. 248.

⁶ *Арапова А.П.* Н.Н. Пушкина-Ланская // Иллюстрированное приложение к газете «Новое время». 1908. 2 января.

⁷ *Щеголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина. С приложением новых материалов из нидерландских архивов. [СПб., 1999]. С. 120.

«И почему-то написал дерзкое письмо Геккерну и потребовал прекратить всякие сношения между семьями», — добавим от себя. Определенно, здесь что-то не так!

П.Е. Щеголев совершил, по крайней мере, две грубых ошибки. Во-первых, он знал, что А.П. Араповой «трудно верить»⁸. Однако в сообщении о тайном свидании поверил. Поверил потому, что рассказ А.П. Араповой давал хоть какое-то разумное объяснение мотивов Пушкина. К тому же тайное свидание с Дантесом в кавалергардских казармах служило как бы неопровержимой уликой против Натальи Николаевны как главной виновницы гибели поэта. П.Е. Щеголев в этом вопросе был крайне тенденциозен. Он даже как бы и не заметил того, что не Пушкин вызвал Дантеса на дуэль, а наоборот. Между тем А.П. Арапова утверждала, что именно Пушкин послал вызов Дантесу⁹. Логика А.П. Араповой, в действительности не имевшей ни малейшего понятия о том, как на самом деле развивались события, вполне понятна. Дантес, добившись тайного свидания, тем самым нанес оскорбление Пушкину, и тот его вызвал. Но с А.П. Араповой, как говорится, взятки гладки. А вот для П.Е. Щеголева такая логика непростительна. Если бы Пушкин действительно решил, как писал П.Е. Щеголев, — «быть поединку», поэт и должен был бы направить свой вызов Дантесу, а вовсе не Геккерну, даже в том случае, если бы именно он, нидерландский посланник, а вовсе не Идалия Полетика, подстроил это тайное свидание. Во-вторых, содержание пушкинского письма очень плохо согласуется с эпизодом в кавалергардских казармах. Разве можно всерьез поверить в то, что Пушкин мог назвать тайное свидание у И.Г. Полетики, «сношением между семьями», которое он требует немедленно прекратить, угрожая скандалом в противном случае?

П.Е. Щеголев прибег к явному передергиванию, когда писал, что письмо было нужно Пушкину «лишь как символ нанесения неизгладимой обиды»¹⁰. Поэт вовсе не рассчитывал, что Я. Геккерн, после того как получит письмо, «примет меры к действительному прекращению флирта и каких-либо сношений с домом Пушкина... Пушкин жаждал именно развязки...»¹¹

Если это [было бы] действительно так, то возникает вполне закономерный вопрос, не естественней было бы послать в таком случае вызов самому Дантесу, а не его приемному отцу? Неужели же поэт поступил так, чтобы дожидаться вызова с противоположной стороны и не нести ответственности за него? Это было бы совсем не по-пушкински. Немаловажно отметить, последующее поведение поэта после отсылки письма, которое П.Е. Щеголеву не удалось достоверно восстановить¹², свидетельствует, что Пушкин вовсе не стремился к поединку по принципу: чем скорее, тем лучше. Как раз наоборот, в действиях

⁸ Там же. С. 118.

⁹ Арапова А.П. Указ. соч.

¹⁰ Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 124.

¹¹ Там же. С. 127.

¹² Там же. С. 127–131.

Пушкина скорее можно усмотреть нежелание во чтобы то ни стало стреляться с Дантесом¹³.

С.Л. Абрамович пыталась доказать, что тайное свидание Натальи Николаевны с Дантесом состоялось в начале ноября 1836 г., и, следовательно, оно никак не могло быть поводом к январской дуэли¹⁴. Поэтому С.Л. Абрамович пришлось искать новый, и она не смогла его найти. «Что подтолкнуло Пушкина к этому решению? Когда и при каких обстоятельствах он понял, что у него нет другого выхода?» — задавалась вопросами С.Л. Абрамович¹⁵. Дезавуировав и свидание у И.Г. Полетики, и расспросы «соседок по имению», якобы не имевшие места, исследовательница пыталась найти перелом в настроении Пушкина между 22 и 25 января. Однако ничего кроме того, что уже говорилось П.А. Вяземским, С.Л. Абрамович так и не обнаружила. Всё те же площадные каламбуры, которые вывели Пушкина из равновесия, и ничего более. «Эпизод на балу у Воронцовых-Дашковых послужил толчком, побудившим поэта действовать, и с этого момента события стали развиваться стремительно и неотвратно». На решение поэта также повлияло отношение близких ему людей ко всему происходящему.

25 января, ошибочно полагала С.Л. Абрамович, Пушкин написал свое письмо потому, что до него «дошли и какие-то отголоски слухов, разнесшихся по городу после бала у Воронцовых-Дашковых»¹⁶. Пушкин адресовал свое письмо Я. Геккерну, а не Ж. Дантесу, потому что не желал никаких отсрочек и переговоров. Цель письма — вызвать дуэль. Пушкин хотел «разоблачить легенду о благородстве и самопожертвовании Дантеса. Он хотел, чтобы общество узнало правду о Геккернах»¹⁷. Для этого он подготовил копию своего письма. Он добивался поединка не потому, что хотел свести счеты с жизнью, а для того чтобы кровью смыть нанесенное ему оскорбление. Только дуэль могла всё переменить, очистить, вывести из того нестерпимого положения, в котором он оказался¹⁸.

В этом пассаже много пафоса и риторики. Но ни грамма истины. Почему-то автор этой тирады не задалась вопросом о том, отчего же Пушкин, желавший кровью смыть нанесенное ему оскорбление, сам не вызвал на дуэль своего обидчика (разве могло быть что-либо более естественное в такой ситуации?), а потребовал прекратить сношение между семьями? Этого вопроса, оказывается, для С.Л. Абрамович не существовало.

Еще в 1937 г. И.А. Боричевский обратил внимание на то, что в конспективных заметках В.А. Жуковского о дуэли Пушкина, опубликованных П.Е. Щеголевым, есть такая запись: «В понедельник приезд Геккерна и ссора

¹³ Сафонов М.М. 1) Накануне: 25–26 января 1837 года // Смена. 2001. 9 июня; 2) Накануне: 26–27 января 1837 года // Смена. 2001. 16 июня.

¹⁴ Абрамович С.Л. Пушкин в последний год жизни. С. 77.

¹⁵ Там же. С. 238.

¹⁶ Там же. С. 267.

¹⁷ Там же. С. 269.

¹⁸ Там же. С. 270.

на лестнице»¹⁹. И.А. Боричевский понял эту запись так, что в ней речь шла о понедельнике 25 января 1837 г. Ситуация представлялась исследователю следующим образом. 25 января Геккерн явился к Пушкину, и на лестнице произошла ссора. Вследствие этой ссоры поэт написал оскорбительное письмо, которое и спровоцировало дуэль²⁰. Так И.А. Боричевский попытался дать ответ на вопрос о том, почему Пушкин потребовал прекратить сношения между семьями. Визит Геккерна, вызвавший необратимую реакцию, по мысли ученого, и был проявлением этих семейных сношений. В 1963 г. М.И. Яшин опубликовал в журнале «Нева» статью «Гибель Пушкина». Запись В.А. Жуковского о ссоре на лестнице М.И. Яшин прокомментировал так. 25 января, получив оскорбительное письмо от Пушкина, нидерландский посланник не показал его Дантесу, а отправился на Мойку, в дом Пушкина. Пушкин его не впустил и прямо на лестнице произошла какая-то ссора. Впоследствии, чтобы скрыть свой визит и самой ссору, Геккерн проставил в письме Пушкина дату 26 января вместо 25-го. Нидерландский посланник заметал следы²¹.

В 1999 г. при переиздании книги П.Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» Я.Л. Левкович во вступительной статье отметила ряд темных мест в дуэльной истории. Среди них она упомянула запись В.А. Жуковского о ссоре на лестнице и пояснила: «В этот понедельник, 25 января, Пушкин написал Геккерну оскорбительное письмо, делавшее дуэль неизбежной»²². В комментариях же к конспективным заметкам В.А. Жуковского, составленным Я.Л. Левкович, говорилось буквально следующее: «“Ссора на лестнице”, очевидно, была последней вспышкой Пушкина, вызвавшей его оскорбительное письмо Геккерну». Хотя Жуковский не объяснил, зачем приезжал Геккерн, и что вызвало «ссору», однако объяснение заключается в самом «оскорбительном» письме. В письме говорилось о том, что Пушкин не может терпеть, чтобы его семья имела какие бы то ни было отношения с семьей Геккерна. «Письмо было непосредственным поводом к вызову на дуэль — задумаемся, при чем же здесь “сношения между семьями”?» — задалась вопросом Я.Л. Левкович и дала такой ответ. Геккерн предпринял еще одну попытку «сгладить отношения, снять со своего дома оттенок неблагопристойности». Слова Пушкина о «сношениях» между семьями никак не укладываются в контекст оскорбительного письма, «но их легко объяснить, как ответ на только что состоявшуюся “ссору на лестнице”». Скорее всего, 25 января после этого эпизода Пушкин стал готовить свое письмо, которое он отослал на следующий день»²³. Пожалуй, Я.Л. Левкович ближе

¹⁹ Конспективные заметки В.А. Жуковского о дуэли Пушкина // Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 286.

²⁰ *Боричевский И.А.* Заметки Жуковского о гибели Пушкина // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. Вып. 3. М.; Л., 1937. С. 371–392.

²¹ *Яшин М.И.* История гибели Пушкина // Нева. 1969. № 4. С. 181–182.

²² *Левкович Я.Л.* П.Е. Щеголев и его книга «Дуэль и смерть Пушкина» // Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 19.

²³ *Левкович Я.Л.* Примечания // Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 547.

всех подошла к пониманию того, что содержание письма было как-то связано с тем, что произошло накануне его отправки, и что требование прекратить сношение между семьями как раз и было ответом на какие-то сношения, вызвавшие вспышку гнева у Пушкина.

Наконец, в нашумевшей книге итальянской исследовательницы Серены Витале «Пуговица Пушкина», вышедшей вначале на итальянском, а потом и на целом ряде европейских языков, говорилось о том, что некоторые интерпретируют запись В.А. Жуковского следующим образом: «25 января голландский посланник явился в дом № 12 на Мойке, Пушкин даже не впустил его, и последующее обострение отношений стало непосредственной причиной нового вызова». Сама С. Витале допускала: «Возможно, это случилось и так». Но при этом она была убеждена что «не было необходимости в “последней соломинке, которая сломала спину верблюда”»: ненависть Пушкина прорвалась бы наружу даже без смертельной искры этого в высшей степени неприятного посещения, если бы оно действительно произошло». Пушкин закрылся в своем кабинете и стал писать письмо, вызвавшее дуэль²⁴.

Между тем никакой ссоры Пушкина с Геккерном на лестнице дома № 12 не было ни 25 января, ни в другой день. И не потому, что Пушкин жил по иному адресу²⁵. Ссоры не было и не могло быть потому, что нидерландский дипломат появился в доме поэта в день его похорон — в понедельник 1 февраля 1837 г.

Внимательно присмотримся к записи В.А. Жуковского. Хотя дата не представлена, очевидно, речь идет о дне дуэли 27 января: «Встал весело в 8 часов — после чего много писал — часу до 11-го. С 11 обед. — Ходил по комнате необыкновен. весело пел песни — потом увидел в окно Дантеса в дверях встр. радостно. — вошли в кабинет, запер дверь, — через неск. минут посл. за пистолетами, — по отъезде Данзаса начал одеваться; вымылся весь, всё чистое; — велел подать бекешь; вышел на лестницу, — возвратился, — велел подать в кабинет большую шубу и пошел пешком до извозчика — это было ровно в 1 ч. — возвратился уже темно, в карете. Данзас входит, спр. барыня дома — вынесен из кареты людьми — Камердинер взял его в охапку. Грустно тебе нести меня попросил.

Жена встретила в передней — дурнота — n'entrez pas [.] Его положили на диван Горшок Раздели и все <слово не разобрано> Белье сам велел потом лег. У него всё был Данзас. Жена вошла[,] когда он был одет и когда уже послали за Арендтом — Задлер. — Арендт в часу девятом.

В понедельник приезд Геккерна и ссора на лестнице.

Получил из Государств. Казначейства 1-го февр. 10,000. Отдал графу Григорию Александровичу Строганову»²⁶.

²⁴ Витале С. Пуговица Пушкина. Калининград, 2001. С. 289–290. В калининградском издании, которое осуществлено с английского издания книги, ясная фраза В.А. Жуковского «ссора на лестнице» переведена как «спор о шагах», что лишает ее всякого смысла.

²⁵ Сафонов М.М. Вызов Пушкина // Секретные материалы. 2004. № 25 (152).

²⁶ Конспективные заметки В.А. Жуковского о дуэли Пушкина // Щеголев. Указ. соч. С. 286.

В.А. Жуковский вел свои записи в строго хронологическом порядке. В них нет ни одного случая, когда автор рассказывает о том или ином эпизоде уже после описания последовавших за тем событий. О «ссоре на лестнице»[,] упомянуто в записи, которая находится между описанием событий дуэльного дня: среды 27 января и сообщением о том, как Жуковский 1 февраля получил в казначействе деньги, предназначенные Николаем I для вдовы и детей Пушкина. Понедельник, в который приехал Я. Геккерн, приходился, стало быть, на 1 февраля 1837 г., когда и произошла его ссора с В.А. Жуковским. Ссора же Геккерна с Пушкиным на лестнице дома княгини Волконской — это миф, созданный пушкинистами от бессилия найти подлинный повод к дуэли.

Где же все-таки нужно искать то событие, которое заставило Пушкина потребовать прекратить всякое сношение между семьями и пригрозить скандалом, если дипломат не выполнит этого условия? Из всех известных ныне фактов обращает на себя внимание следующий. В 1887 г. А.Н. Гончарова, в замужестве Фризенгоф, продиктовала мужу письмо для своей племянницы А.П. Араповой, которая просила тетю описать дуэльную историю. Письмо супругов Фризенгоф интересно не тем, что оно раскрывает, но тем, что автор пытается намеренно утаить. В этом письме есть одна очень важная, на наш взгляд, деталь. Здесь говорится, что Александрина обедала один раз у Геккернов уже после дуэли. Этот факт приводится в доказательство того, что старые дамы, которые постоянно держали семейный совет, считали виновным за кровавую развязку не одного Дантеса, но Пушкина тоже²⁷. Между тем, из сохранившихся писем Александрины к своему брату Дмитрию Гончарову явствует, что она обедала у Геккернов до дуэли²⁸. Письмо написано в 20-х числах января. Признания Александрины свидетельствуют не только о том, что накануне дуэли она сделала что-то очень Пушкину неприятное, но также и о том, что впоследствии, полвека спустя, именно это госпожа Фризенгоф явно пыталась скрыть. Во всяком случае, из всех известных фактов только этот может быть квалифицирован без всяких натяжек как общение семьями, прекратить которое Пушкин требовал от Геккерна. Было бы большой ошибкой полагать, что эти наблюдения позволяют однозначно трактовать дуэльную историю как историю ревности Пушкина своей свояченицы к Дантесу. Просто в том поединке, который развернулся между поэтом и кавалергардом, Александрина Гончарова оказалась разменной картой.

²⁷ Г. Фризенгоф — А.П. Араповой 14/26 марта 1887 г. // Гроссман Л.П. Цех пера. М., 1930. С. 269.

²⁸ А.Н. Гончарова — Д.Н. Гончарову 22–24 января 1837 г. // Ободовская И.М., Дементьев М.А. Вокруг Пушкина. М., 1978. С. 255.

References

- Абрамович С.Л.* Pushkin v poslednij god jysni (Predystoriq poslednijs dujeli). L., 1989.
Арапова А.П. N.N. Pushkina-Lanskaq // Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete «Novoe vremq». 1908. 2 janvarja.
Боричевский И.А. Zametki Zhukovskogo o gibeli Pushkina // Vremennik pushkinskojs komissii. Vyp. 3. M.; L., 1937. S. 371–392.
Grossman L.P. Ceh pera. M., 1930.
Jashin M.I. Istoria gibeli Pushkina // Neva. 1969. № 4. S. 174–187.
Ободовская И.М., Демет'ев М.А. Vokryg Pushkina. M., 1978.
Pushkin A.S. Pis'ma poslednih let. 1834–1837. M., 1969.
Pushkin A.S. Poln. sobr. soch. T. 16. M., 1991.
Сафонов М.М. Накануне: 25–26 qnvarq 1937 goda // Smena. 2001. 9 iyunq.
Сафонов М.М. Накануне: 26–27 qnvarq 1937 goda // Smena. 2001. 16 iyunq.
Сафонов М.М. Vyzov Pushkina // Sekretnye materialy. 2004. № 25 (152).
Шчеголев П.Е. Duel' i smert' Pushkina. S prilozheniem novyh materialov iz niderlandskih arhivov. SPb., 1999.
Vitale S. Pugovica Pushkina. Kaliningrad, 2001.
Jashin M.I. Istoriya gibeli Pushkina // Neva. № 4. S. 174–187.

Список литературы

- Абрамович С.Л.* Пушкин в последний год жизни (Предыстория последней дуэли). Л., 1989.
Арапова А.П. Н.Н. Пушкина-Ланская // Иллюстрированное приложение к газете «Новое время». 1908. 2 января.
Боричевский И.А. Заметки Жуковского о гибели Пушкина // Временник пушкинской комиссии. Вып. 3. М.; Л., 1937. С. 371–392.
Витале С. Пуговица Пушкина. Калининград, 2001.
Гроссман Л.П. Цех пера. М., 1930.
Ободовская И.М., Демет'ев М.А. Вокруг Пушкина. М., 1978.
Пушкин А.С. Письма последних лет. 1834–1837. М., 1969.
Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 16. М., 1991.
Сафонов М.М. Накануне: 25–26 января 1837 года // Смена. 2001. 9 июня.
Сафонов М.М. Накануне: 26–27 января 1837 года // Смена. 2001. 16 июня.
Сафонов М.М. Вызов Пушкина // Секретные материалы. 2004. № 25 (152).
Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. С приложением новых материалов из нидерландских архивов. СПб., 1999.
Яшин М.И. История гибели Пушкина // Нева. 1969. № 4. С. 174–187.

В.В. Носков

Китайские церемонии в Зимнем дворце (Прием миссии Берлинггейма в 1870 г.)

В 1868 г. правительство Китая направило в турне по столицам тех государств, с которыми оно имело договорные отношения, большую дипломатическую миссию, перед которой ставилась задача договориться о пересмотре условий неравноправных договоров, заключенных по итогам так называемых «опиумных войн». Это был беспрецедентный шаг в истории Китая, поскольку никогда прежде богдыхан, Сын Неба, не снисходил до обращения к иностранным правителям как к равным себе. Фактическим главой этой необычайной миссии стал бывший посланник США в Пекине Энсон Берлинггейм (1820–1870). Двое его китайских коллег, тоже наделенных рангом чрезвычайных посланников и полномочных министров, уже в силу незнания иностранных языков и иноземных обычаев, играли второстепенную роль. Должности секретарей миссии заняли британский и французский дипломаты, а всего ее состав насчитывал около тридцати человек¹. В их число входили шесть китайских студентов, посланных за границу для изучения английского, французского и русского языков². Свое мировое турне чрезвычайная китайская миссия начала с США. 28 июля 1868 г. в Вашингтоне было подписано американо-китайское соглашение, вошедшее в историю под названием «Берлингемов договор» (в историографии утвердилась такая форма), которое впервые утверждало формальное равенство двух государств в их взаимоотношениях.

¹ A. Burlingame to W.H. Seward; December 14, 1867 // Papers relating to the Foreign Relations of the United States. 1868. Washington, 1869. P. 494.

² S.W. Williams to W.H. Seward; December 23, 1867 // Ibid. P. 495.

В сентябре 1868 г. миссия Берлинггейма отправилась в Европу, где ее успехи были гораздо более скромными. Большую часть 1869 г. она провела в Париже, ведя бесплодные переговоры с правительством Франции. После этого миссия Берлинггейма посетила столицы Дании, Швеции и Нидерландов, где также не добилась никаких успехов. В январе 1870 г. Берлинггейм встречался с Бисмарком, а из Берлина китайская миссия направилась в С.-Петербург³. Как утверждал позднее друг Берлинггейма, известный американский политик того времени Н.П. Бэнкс, глава миссии заранее получил заверения, что в российской столице ее ожидал теплый прием и поэтому втайне рассчитывал, что сможет побудить правительство России присоединиться к числу тех держав, которые согласятся на пересмотр своего отношения к Китаю в духе принципов равноправия⁴. Берлинггейма сопровождали его жена Джейн Корнелия, урожденная Ливермор, и сын Эдвард Ливермор, незадолго до того получивший степень доктора философии в Гейдельберге, а впоследствии ставший основателем и редактором журнала *Scribner's Magazine*. Вместе с Берлинггеймом в Россию приехал также бывший секретарь дипломатической миссии США в С.-Петербурге Дж. Кёртин, с которым они повстречались в декабре 1869 г. в Берлине.

Как вспоминал военный министр Д.А. Милютин, «в конце января прибыло в Петербург китайское посольство, в состав которого входили и природные китайцы и несколько европейцев; во главе же посольства был американец Бёрлингем, которого биография довольно замечательна. Попав из адвокатов в члены союзного конгресса, он был назначен в 1861 году посланником Северо-Американских Штатов в Вене, но австрийское правительство отказалось принять его за то, что он открыто высказывал сочувствие к объединению Италии. Вследствие этого он был назначен посланником в Пекин и здесь приобрел такое доверие и расположение китайского правительства, что оно предложило ему принять на себя звание представителя Китая в Европе. Посольство <...> первоначально посетило Северо-Американские Штаты, в течение следующего 1869 года объехало европейские Дворы, побывало в Париже, Лондоне, Берлине и наконец прибыло в Петербург»⁵.

В российской столице действительно серьезно готовились к встрече китайского посольства. Церемониал приема посланцев стран Востока в России резко отличался от стандартизированных процедур приема послов и посланников западных государств особой пышностью и акцентом на внешние эффекты. Так же предполагалось поступить и в данном случае. А.М. Горчаков дал указание директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову о том,

³ *Anderson D.L.* Imperialism and Idealism. American Diplomats in China, 1861–1898. Bloomington, 1985. P. 45.

⁴ *Williams F.W.* Anson Burlingame and the First Chinese Mission to Foreign Powers. N. Y., 1912. P. 249.

⁵ Воспоминания Д.А. Милютина. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 249.

что «Китайцев следует принять по церемониалу который был установлен для последних Японского, Коканского и Бухарского Посольств». В служебной записке, направленной по этому поводу в Экспедицию церемониальных дел Министерства императорского двора, говорилось: «Во главе Посольства не Послы, а посланники и потому их прием должен быть как вообще прием посланников. Не мешало бы придать приему несколько более формы обыкновенного приема посланников по тому уважению, что Китайцы очень редкие гости, почти не бывающие у нас. Свита Посольства хотя и отправится во Дворец, но не войдет в зал где Государь а будет представлена Его Величеству посланниками уже после приема их. При аудиенции будут, разумеется, присутствовать Канцлер и Директор Аз. Департамента»⁶. К записке прилагался список, в котором, помимо трех посланников, числились второй секретарь миссии французский дипломат Эжен де Шан, три китайских драгомана и врач⁷.

В это время в С.-Петербурге находился российский посланник в Китае А.Г. Влангали, хорошо знавший Берлингейма по Пекину. После приезда китайской миссии он чуть ли не каждый день навещал ее главу⁸. К концу января Экспедиция церемониальных дел разработала «проект порядка приемной аудиенции прибывшим сюда Китайским посланникам, составленный по примеру аудиенции последней Японской миссии». Речь шла о дипломатической миссии, направленной правительством сёгуната Токугава в 1861 г. для урегулирования спорных вопросов с европейскими державами, которая стала первой японской делегацией такого уровня, побывавшей в России. Посетив несколько стран Европы, летом 1862 г. японская миссия прибыла в С.-Петербург, «где ее встретили весьма радушно и не третировали как представительницу полуколониальной державы, как это было в столицах других европейских государств»⁹. По поводу приема подобной китайской миссии в должности обер-церемониймейстера князь П.И. Ливен докладывал министру императорского двора: «...проект сей, по предварительному соглашению с Азиатским Департаментом, найден удовлетворительным и соответствующим значению прибывшей сюда Китайской миссии»¹⁰.

В тот же день канцелярия МИД известила В.Ф. Адлерберга о том, что «Китайский Посланник Г. Бурлингайм (Burlingame) и другие члены прибывшей

⁶ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 1 — 1 об.

⁷ Список лицам составляющим Китайское Посольство // Там же. Л. 2.

⁸ Memoirs of Jeremiah Curtin. Madison, 1940. P. 205–206.

⁹ *Синтаро Накамура*. Японцы и русские. М., 1983. С. 203–204. О церемониале приема японской миссии в 1862 г. см.: РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). Д. 94. Л. 15 — 25 об.; Д. 95. Л. 6, 8–15. См. также: Морской Сборник. 1862. № 8. С. 103–107. Совр. Обозрения; Из дневных записок В.А. Муханова // Русский Архив. 1897. № 1. С. 68–69; *Климов В.Ю.* Японское посольство 1862 г. — путь из Германии в Россию // Санкт-Петербург—Япония: XVIII—XIX вв. СПб., 2012. С. 211–231.

¹⁰ П.И. Ливен — В.Ф. Адлербергу, 30 января 1870 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 23 (254/1270). Д. 11. Л. 10. Черновик рапорта датирован 27 января (РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 3).

сюда Китайской миссии будут иметь честь представляться Государю Императору в среду, 4-го Февраля, в 1 час по полудни»¹¹. «Проект порядка приемной аудиенции Китайским посланникам» был утвержден императором 1 февраля. Первоначально предполагалось, что их примет только император, но на следующий день В.Ф. Адлерберг получил извещение от имени Горчакова, что Александр II примет китайскую миссию вместе с императрицей¹². Поэтому на сопроводительных письмах с проектом рукой А.В. Адлерберга, сына и помощника министра императорского двора, добавлено: «В утвержденном порядке приема последовало одно изменение, а именно: Их Величества изволят принять Китайских Посланников вместе, а не порознь. 2 Февраля 1870»¹³. 3 февраля шталмейстеру князю В.И. Барятинскому от имени Ливена было послано предписание «приказать сделать распоряжение о присылке завтра, к 12 часам к квартире Посланников, остановившихся в Гостинице Клея по Михайловской улице, трех придворных незолоченных карет, из коих одну 4-х местную для Китайских посланников с 2 придворными лакеями в красных ливреях, у дверей сей кареты, должен ехать конюшенный офицер верхом, и две кареты двухместные для свиты; при них должны быть по одному лакею; сзади же кареты 4 конюха верхом. — Поезд должен следовать по Невскому проспекту к Зимнему дворцу на Иорданский подъезд и после аудиенции у Государя Императора обратно к Гостинице Клея»¹⁴. Правитель дел Экспедиции церемониальных дел Н.М. Кудрявцев обращал внимание Камер-фурьерской должности на то, что на «крыльце подъезда должны ожидать Посланника два скорохода и гоф-фурьер, а на верхней площадке камер-фурьер»¹⁵.

В тот же день Стремоухов писал Кудрявцеву: «Оказывается, что Канцлер забыл передать кому следует волю Ея Величества на счет приема Г-жи Бурлингам. По его приказанию я сей час уведомил об этом Гр. Владимира Федоровича. Императрица будет принимать Посольство вместе с Государем, в золотой гостиной, а по окончании аудиенции примет Г-жу Бурлингам в Своих комнатах»¹⁶. От имени Горчакова В.Ф. Адлерберг извещался о том, что «Ее Величеству Государыне Императрице благоугодно принять супругу Китайского Посланника Г-жу Берлингам завтра в Среду 4-го числа, после Высочайшей аудиенции Китайского Посольства, в Собственных покоях Ее Величества»¹⁷. А.В. Адлерберг лично сообщил Ливену о приеме супруги посланника, чтобы тот успел принять соответствующие меры¹⁸. От имени обер-камергера графа

¹¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 23 (254/1270). Д. 11. Л. 8.

¹² Там же. Л. 17.

¹³ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 15 — 15 об.

¹⁵ Там же. Л. 16.

¹⁶ П.Н. Стремоухов — Н.М. Кудрявцеву, 3 февраля 1870 г. // Там же. Л. 17 — 17 об.

¹⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 23 (254/1270). Д. 11. Л. 19.

¹⁸ А. Adlerberg à Prince Lieven, 3 Fevrier 1870 // РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 18.

А.П. Шувалова Ливену было сообщено также, что «Императрица изволит принять, неофициально (подчеркнуто Ливеном. — В. Н.), супругу Китайского Посланника, г-жу Берлингам завтра, 4-го сего Февраля, тотчас после аудиенции Китайских Посланников, присовокупляя, что за Г-жою Берлингам придворного экипажа послано не будет, а следует иметь приезд на Собственный Ея Величества подъезд»¹⁹. Соответствующее предписание было направлено также гофмейстерине двора императрицы статс-даме графине Н.Д. Протасовой.

«Приемная аудиенция происходила в Зимнем дворце в среду, 4 Февраля 1870 г. согласно Высочайше утвержденному порядку, а именно:

По утру к 12 часам, присланы были три придворные незолоченные кареты к гостинице Клея по Михайловской улице, где нанята была квартира для Китайских Посланников.

По предварительном извещении Посланников Правителем дел Экспедиции Церемониальных дел Д.С.С. Кудрявцевым об аудиенции, поезд отправился по Невскому проспекту к Зимнему дворцу на Иорданский подъезд в следующем порядке:

В первой 4-х местной карете, запряженной цугом в 4 лошади, ехали три Посланника: Ансон Бюрлинггам, Чи-Канг и Сун-Киа-Ку, и переводчик Азиатского департамента Олоровский (А.Е. Оларовский. — В. Н.). У дверец кареты конюшенный офицер верхом»²⁰. А «за каретою 2 Придворных лакея в алых сертуках»²¹. «Во второй карете, запряженной в 2 лошади, секретарь Китайской миссии Е. де Шан и драгоман Куи-Тун.

В третьей карете, также в 2 лошади, два драгомана Фон-И и Лиенг-Фанг.

Четыре конюха верхом замыкали поезд»²².

«К 12½ часам поезд прибыл на Иорданский подъезд, где Посланники были встречены 2-мя Скороходами и Гоф-Фурьером, а на верхней площадке Камер-Фурьером, предшествовавшим им, в Аванзале встречены Правителем Дел Церемониальной Экспедиции, в Фельдмаршальском зале 1-м С. Петербургским Комендантом и в сопровождении означенных лиц Посланники шествовали чрез Петровскую, Гербовую залы, мимо Пехотного внутреннего караула при отдании чести пикетною комнатою, Александровскую залу чрез Желтую комнату 1-й Запасной половины». «В желтой комнате Посланники встречены в должности Гофмаршала Князем [И. М.] Голицыным и угощаемы были чаем, шеколадом, с разным печеньем, вареньем и конфектами, и сухими фруктами, которые были подаваемы Официантами на золоченных подносах». «По некотором отдохновении», «40 мин. 1 часа Посланники были прошены

¹⁹ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 19.

²⁰ Журнал о приемной и отпускной аудиенции Китайских Посланников // РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 59 — 59 об.

²¹ Камер-фурьерский журнал. Февраль 1870 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). Д. 178. Л. 18 об.

²² Журнал о приемной и отпускной аудиенции Китайских Посланников. Л. 59 об.

в Белую залу и проходили комнатами 1-й Запасной половины мимо Кавалергардского пикета от которого отдана надлежащая честь, а при вступлении в Белую Залу Почетный Караул от Роты Дворцовых Гренадер, помещавшийся по середине залы отдал также честь.

В ожидании аудиенции в Белой зале, Посольству предложено было отдохновение, для чего в углу залы на правой стороне, приготовлено было золоченое канапе, крытое пунцовым трипом и таковые же стулья, здесь же и встретил Посольство Обер Камергер Гр. Шувалов.

В Белой Зале Посольство встретили Состоящий в Должности Обер Церемониймейстера Кн. Ливен, и Директор Азиатского Департамента Стремоухов.

10 мин. 2 часа, 3-е Посланников по повелению Его Величества, Состоящим в должности Обер Церемониймейстера Князем Ливеном были прошены в Золотую Гостиную, куда также вошли Директор Азиатского Департамента и переводчик»²³. Вместе с ними в приемную комнату вошел «Правитель дел Экспедиции Г. Кудрявцев.

При Их Величествах находились: Государственный Канцлер Князь Горчаков, Товарищ Министра Императорского Дворца Граф Адлерберг 2», вице-адмирал К.Н. Посьет, контр-адмирал П.А. Перелешин; обер-камергер Шувалов, статс-дама Протасова и дежурная фрейлина²⁴.

«Посланники войдя в Золотую Гостиную отдали честь Их Величествам несколькими поклонами и приблизясь Старший из них прочел письмо Китайского Императора, которое потом вручил Государю Императору»²⁵. Послание богдыхана к иностранным суверенам гласило, что, «поскольку Китай и иностранные державы являются членами одной семьи», он желал поставить сложившиеся между ними отношения дружбы и взаимопонимания на прочную и долгосрочную основу. В доказательство этого намерения он избрал в качестве своего посланца одаренного многими талантами и мудростью Энсона Берлингейма, который одинаково посвящен как в китайские, так и в иностранные дела, и который пользуется полным его доверием как выразитель его пожеланий по всем вопросам двусторонних отношений. В заключение выражались надежды богдыхана на постоянную дружбу, мир и спокойствие в отношениях с каждой из договорных держав²⁶. Это было совершенно новое слово в истории китайской дипломатии, столь же необычное, как и сама эта миссия, поскольку авторы послания по сути отказывались от идеи китаеццентристского мира, представляя свое государство как одно из многих в общей семье народов.

²³ Камер-фурьерский журнал. Февраль 1870 г. Л. 19–20.

²⁴ Журнал о приемной и отпускной аудиенции Китайских Посланников. Л. 60 об. Здесь в числе присутствующих ошибочно указан великий князь Владимир Александрович. На самом деле, на приеме был Алексей Александрович, что объясняет присутствие там его воспитателей — адмиралов Посьета и Перелешина.

²⁵ Камер-фурьерский журнал. Февраль 1870 г. Л. 20.

²⁶ *Williams F.W. Anson Burlingame and the First Chinese Mission to Foreign Powers. P. 100–101.*

При вручении послания богдыхана Берлинггейм, сделав комплимент своему русскому коллеге Влангали, заявил о желании Китая войти в мировое общество наций и выразил надежду на сохранение его дружественных отношений с Россией. Император в подчеркнуто теплом по тону ответе развил тему о дружественном характере двухсторонних отношений, выразив в заключение большое удовлетворение тем, что интересы Китая представлял гражданин государства, «которое особенно симпатизирует нам»²⁷. Его Величество, приняв послание богдыхана, «оное передал Государственному Канцлеру Князю Горчакову и затем в речи на французском языке выразил о дружелюбных отношениях Китая к России и процветании международной торговли обоих Государств»²⁸. «В конце аудиенции, были введены в Золотую гостиную, Правителем дел Экспедиции, секретарь и три драгомана Китайской миссии, которых старший посланник Г. Бюрлинггам представил Их Императорским Величествам»²⁹.

Затем, «между разговорами с Посольством, из коих один из них объяснялся по Русски, а Старший Посланник по французски,— Его Величество изволил представить им Августейшего Своего Сына Великого Князя Алексея Александровича, и после того 20 мин. 2 часа Их Величества откланявшись Посольству отбыли к Себе, а Посольство тем же порядком возвратилось чрез 1-ю Запасную половину в желтую комнату, где с бывшими Особами при представлении <...> было угощаемо фрыштиком, а после в Малиновой комнате угощаемо было кофеем за тем Посольство теми же залами возвратилось на Иорданский подъезд с соблюдением того же этикета, какой был при встрече»³⁰. «Китайские Посланники со свитою, вышеописанным порядком, возвратились из Зимнего дворца на свою квартиру в тех же придворных каретах»³¹. Пышный церемониал, с которым принималась чрезвычайная миссия богдыхана, был рассчитан, в первую очередь, на китайцев и, вероятно, произвел на них должное впечатление. Что же касается Берлинггейма, то «роскошь дворов и помпезные церемонии Старого Света, казалось, только углубляли и усиливали его республиканизм»³².

В тот же день, в «час по полудни Супруга Китайского Посланника Бюрлинггам в обыкновенном экипаже прибыла на подъезд Ее Величества, где встречена Скороходом и Гоф-Фурьером и в ожидании аудиенции сопровождается во внутренние комнаты 1-й запасной половины, после приема Посольства Обер-Церемониймейстером прошена чрез Белую Залу в Золотую Гостиную и затем 25 мин. 2 часа во внутренние апартаменты Государыни Императрицы, откуда

²⁷ Ibid. P. 249–250.

²⁸ Камер-фурьерский журнал. Февраль 1870 г. Л. 20 — 20 об.

²⁹ Журнал о приемной и отпусковой аудиенции Китайских Посланников. Л. 61.

³⁰ Камер-фурьерский журнал. Февраль 1870 г. Л. 20 об. — 21.

³¹ Журнал о приемной и отпусковой аудиенции Китайских Посланников. Л. 61 об.

³² New York Times. March 24, 1870; Daily Alta California. April 4, 1870 (перепечатки корреспонденции из Берлина, датированной 24 февраля 1870 г., из Rochester Democrat. February 24, 1870).

по представлении Ее Величеству сопровождается тем же порядком на тот же подъезд»³³. Джейн К. Берлингем «была представлена Государыне Императрице, в будуаре, за Золотую гостиною»³⁴. Ее прием императрицей носил неофициальный характер³⁵. Однако сам факт приема супруги посланника стал еще одним свидетельством особого внимания, уделяемого в С.-Петербурге как китайской миссии, как и ее американскому главе. Посланник США при императорском дворе Эндрю Кёртин и сын Берлингеяма в своих письмах на родину особо подчеркивали сердечность, с которой китайская миссия была принята российским императором и его министрами³⁶.

На следующий день китайская миссия по приглашению императора посетила Эрмитаж, после чего Берлингем нанес официальный визит в британское посольство. На этом необычная дипломатическая карьера американского политика фактически завершилась. Путешествие по странам Северной Европы в разгар зимы не прошло даром для непривычного к такому климату американца. Сильнейшая пневмония уложила его в постель, с которой он уже не поднялся³⁷. 6 февраля секретарь китайской миссии официально известил Ливена, что «со вчерашнего дня господин Берлингем прикован к постели из-за сильного приступа горячки, ставшей следствием запущенного катара»³⁸. За жизнь посланника боролись лучшие врачи Петербурга, включая знаменитого С.П. Боткина. Александр II лично интересовался его здоровьем. «Собственный характер м-ра Берлингеяма, важные цели его миссии и особенно его национальность снискали ему симпатии и доброе отношение всех, начиная от императора и ниже», сообщалось в американской прессе³⁹. После кончины Берлингеяма император распорядился, чтобы Горчаков послал вдове покойного соболезнования от имени августейшей четы⁴⁰.

Милютин, отметив, что китайское посольство «было принято в Зимнем дворце с обыною торжественностью», писал далее: «Ровно неделю спустя, 11-го числа, Бёрлингем скоропостижно умер в своей квартире, в гостинице Клэй (в Михайловской улице, впоследствии названной «Европейскою»). 14-го числа происходило отпевание покойника в Англиканской церкви (на Английской

³³ Камер-фурьерский журнал. Февраль 1870 г. Л. 21.

³⁴ Журнал о приемной и отпусковой аудиенции Китайских Посланников. Л. 61.

³⁵ Журнал о представлениях Императорской Фамилии лиц дипломатического корпуса в 1870 году // РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 912. Л. 5 об.

³⁶ *Saul N.E. Concord and Conflict: the United States and Russia, 1867–1914.* Lawrence, 1996. P. 50.

³⁷ *Williams F.W. Anson Burlingame and the First Chinese Mission to Foreign Powers.* P. 250.

³⁸ E. de Champs á Prince Lieven; 6/18 Fevrier 1870 // РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 31 – 31 об.

³⁹ Daily Alta California. March 24, 1870 (перепечатка корреспонденции из Петербурга, датированной 23 февраля 1870 г., из New York Herald. March 14, 1870).

⁴⁰ Sacramento Daily Union. February 26, 1870; Daily Alta California. March 24, 1870.

набережной) в присутствии всего дипломатического корпуса, чинов Министерства иностранных дел и других официальных лиц. Тело оставалось в церковном склепе до отправления его в Америку. Китайское посольство, лишившись своего главы, оставалось, однако, в Петербурге до апреля месяца и было еще раз принято Государем в прощальной аудиенции 4 апреля»⁴¹.

После кончины своего главы китайские дипломаты продолжили череду представлений членам императорской фамилии. По поводу представления наследнику и другим великим князьям свою «просьбу быть представленными Посланники словесно повторили Е. Св. Кн. Ливену при отпевании Г. Бурлингама», а потом выражали беспокойство, «не была ли их словесная просьба забыта Князем»⁴². «При приеме Их Высочествами Китайских Посланников со свитою придерживались порядка приема Европейских посланников»⁴³. «Китайское Посольство», наряду со всем дипломатическим корпусом, было приглашено также на бал в Концертном зале Зимнего дворца, состоявшийся 15 февраля 1870 г.⁴⁴ Но на следующий бал, назначенный на 20 февраля, приглашались уже только «Начальники миссий». «Китайское же посольство приглашать на этот бал не следует», указывалось в предписании Шувалова⁴⁵.

В начале марта в С.-Петербург прибыл первый секретарь китайской миссии англичанин Дж.М. Браун, которого Берлингейм отправил из Парижа в Пекин. Он попытался взять дело в свои руки, однако после кончины главы миссии ее престиж упал практически до нуля⁴⁶. 4 марта 1870 г. В.Ф. Адлерберг получил извещение от имени Горчакова о том, что «Государь Император приказать изволил внести на список лиц Дипломатического Корпуса имеющих представиться Его Величеству при первом случае вновь прибывшего сюда Секретаря Китайской Миссии Броуна (Brown)»⁴⁷. Целый месяц Браун дождался официального представления императору, но удостоился этого только тогда, когда «означенные китайские посланники со свитою» уже «откланивались» Александру II в прощальной аудиенции⁴⁸. Ни о каких торжественных церемониях, подобных тем, какие ожидали миссию Берлингейма по приезде, на этот раз не было и речи. «4 Апреля происходила в Зимнем дворце прощальная аудиенция Китайским посланникам у Государя Императора, приватным образом. Посланники, вместе с новым секретарем г. Броуном и прочими лицами Китайской

⁴¹ Воспоминания Д.А. Милютина. 1868 — начало 1873. С. 249–250.

⁴² РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 34.

⁴³ Журнал о приемной и отпускной аудиенции Китайских Посланников. Л. 61 об.

⁴⁴ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). Д. 178. Л. 35 об.

⁴⁵ А.П. Шувалов — П.И. Ливену, 18 февраля 1870 г. // РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1342. Л. 45.

⁴⁶ Williams F.W. Anson Burlingame and the First Chinese Mission to Foreign Powers. P. 252.

⁴⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 23 (254/1270). Д. 11. Л. 28.

⁴⁸ Журнал о представлениях Императорской Фамилии лиц дипломатического корпуса в 1870 году. Л. 8 об.

миссии прибыли в своих экипажах в Зимний дворец на подъезд Государыни Императрицы и были проведены в Биллиардную комнату.

При наступлении часа аудиенции, два Посланника введены были в Кабинет Государя Императора и во время аудиенции находился при Его Величестве один Государственный Канцлер Князь Горчаков.

В приемной комнате, перед кабинетом Его Величества, за Биллиардной, поставлены два секретаря и три драгомана Китайской миссии. Государь Император выходил к ним из Кабинета. Старший Посланник, при сем случае, представил Его Величеству вновь прибывшего Секретаря, Г. Броуна»⁴⁹. После С.-Петербурга чрезвычайная китайская миссия посетила столицы Бельгии и Италии, а в октябре 1870 г. возвратилась на родину, имея в активе только те успехи, которых она достигла под руководством Э. Берлингейма.

References

- Anderson D.L.* Imperialism and Idealism. American Diplomats in China, 1861–1898. Bloomington, 1985.
 [*Curtin J.*] Memoirs of Jeremiah Curtin. Madison, 1940.
 Daily Alta California. March 24, 1870; April 4, 1870.
Klimov V.Û. Âponckoe posol'stvo 1862 g. — put' iz Germanii v Rossiû // Sankt-Peterburg — Âponiâ: XVIII–XIX vv. Spb., 2012.
 [*Milûtin D.A.*] Vospominaniâ D.A. Milûtina. 1868 — naçalo 1873. M., 2006.
 Morskoi Sbornik. 1862. № 8.
 [*Muhanov V.A.*] Iz dnevnyh zapisok V.A. Muhanova // Russkij Arhiv. 1897. № 1.
 New York Times. March 24, 1870.
 Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1868. Washington, 1869.
 Sacramento Daily Union. February 26, 1870.
Saul N.E. Concord and Conflict: the United States and Russia, 1867–1914. Lawrence, 1996.
Sintaro Nakamura. Âponcy i russkie. M., 1983.
Williams F.W. Anson Burlingame and the First Chinese Mission to Foreign Powers. N. Y., 1912.

Список литературы

- [*Милютин Д.А.*] Воспоминания Д.А. Милютин. 1868 — начало 1873. М., 2006.
 [*Муханов В.А.*] Из дневных записок В.А. Муханова // Русский Архив. 1897. № 1. С. 45–109.
Климов В.Ю. Японское посольство 1862 г. — путь из Германии в Россию // Санкт-Петербург–Япония: XVIII–XIX вв. СПб., 2012. С. 211–231.
Синтаро Накамура. Японцы и русские. М., 1983.
Anderson D.L. Imperialism and Idealism. American Diplomats in China, 1861–1898. Bloomington, 1985.
 [*Curtin J.*] Memoirs of Jeremiah Curtin. Madison, 1940.
 Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1868. Washington, 1869.
Saul N.E. Concord and Conflict: the United States and Russia, 1867–1914. Lawrence, 1996.
Williams F.W. Anson Burlingame and the First Chinese Mission to Foreign Powers. N. Y., 1912.

⁴⁹ Журнал о приемной и отпусковой аудиенции Китайских Посланников. Л. 62 — 62 об.

С.В. Куликов

Н.Н. Покровский: царский бюрократ как «ученый во власти»

История науки всегда находится в центре внимания И.П. Медведева, причем, естественно, его прежде всего интересует собственно научная деятельность ученых, особенно византинистов. Однако, и в этом проявляется подлинно академический энциклопедизм Игоря Павловича, пристальное внимание он уделяет и феномену «ученого во власти», в частности в связи с изучением личности министра народного просвещения и одновременно крупного цивилиста и историка права Л.А. Кассо, который как «ученый во власти» на российском бюрократическом Олимпе начала XX в. был отнюдь не одинок. Более того, в указанный период персональные отношения между властью и наукой протекали в России в рамках трех идеальных типов, о чём уже писалось в историографии¹.

Первый идеальный тип — «ученый во власти», аккумулировал индивидуальные особенности профессиональных ученых, разменявших чисто научную карьеру на карьеру бюрократическую — административную либо судебную. Поставщиками представителей этого типа были университеты, присуждавшие до введения в действие Университетского устава 1884 г. ученые степени кандидата, магистра и доктора. Второй идеальный тип — «несостоявшийся ученый», обобщает индивидуальные черты бюрократов, имевших ментальность ученого,

¹ Куликов С.В. 1) Власть науки и наука власти в России начала XX в. // Россия XXI. 2001. № 5. С. 112–137; № 6. С. 44–65; 2) Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — нач. 1920-х гг.: Материалы международного научного colloquium / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 2003. С. 54–71.

которую в силу тех или иных, иногда просто внешних и случайных причин они не актуализировали до конца. К научному сообществу эти бюрократы принадлежали не по формальному статусу, а именно по ментальности. Третий идеальный тип — «просвещенный сановник», доставшийся в наследство от XIX в., являлся некой золотой серединой между типами, рассмотренными выше: с одной стороны, подобного рода сановники, оканчивая привилегированные вузы (Александровский лицей и Училище правоведения) либо средние (главным образом военные) учебные заведения, либо, наконец, имея прекрасное домашнее образование, не были связаны с наукой формально, с другой — занимаясь ею на досуге, вносили в нее вполне реальный вклад.

Выдающийся государственный деятель Российской империи конца XIX — начала XX в., Николай Николаевич Покровский (1865–1930), имевший репутацию «финансового гения» и ставший последним министром иностранных дел Российской империи, как раз и принадлежал, подобно Л.А. Кассо, к идеальному типу «ученого во власти». Необходимость обращения именно к Н.Н. Покровскому объясняется хотя бы тем, что он едва ли не единственный из последних царских министров сумел сохранить абсолютно безупречную репутацию.

В отзывах о Н.Н. Покровском большинства современников независимо от их политических воззрений и социальных положений мы находим только положительные оценки, в которых особое внимание уделяется его неординарным интеллектуальным, деловым и нравственным качествам. Н.Н. Покровский, по воспоминания его многолетнего друга В.Б. Лопухина, являл собой «личность исключительно светлую, редкую по сочетанию качеств ума, души и сердца, при выдающихся способностях и исключительной просвещенности». В.Б. Лопухину Н.Н. Покровский запомнился как «большой умница и очень талантливый» и «педаггически честный человек»². Журналист Е.Н. Шелькинг, другой друг Н.Н. Покровского, подчеркивал, что он отличался «здравым смыслом и проницательностью», а также «честностью»³. В марте 1916 г. императрице Александре Федоровне, а значит и Николаю II Н.Н. Покровский представлялся как «славный» и «самый симпатичный» из либеральных сановников⁴. Министр торговли и промышленности князь В.Н. Шаховской был «высокого мнения» о Н.Н. Покровском, ибо знал «его тактичность, осторожность и высокий ум»⁵. «Покровский, — вспоминал его подчиненный по МИД Г.Н. Михайловский, —

² Лопухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 48, 203, 288.

³ Шелькинг Е.Н. Ключевые фигуры российской политики в канун войны и революции // Аринштейн Л.М. Во власти хаоса. Современники о войнах и революциях 1914–1920. М., 2007. С. 293.

⁴ Александра Федоровна — Николаю II. 17 марта 1916 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013. С. 537.

⁵ Шаховской В.Н. Sic transit gloria mundi. 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 194.

имел репутацию человека умного и честного, опытного бюрократа»⁶. «Покровский, — сообщал супруге 1 декабря 1916 г. депутат IV Государственной Думы октябрист А.Н. Аносов, — человек очень умный, честный»⁷. Другой депутат IV Думы, земец-октябрист князь И.С. Васильчиков полагал, что Н.Н. Покровский — «человек тактичный, умный и очень деловой»⁸. В речи, произнесенной на заседании IV Думы 14 февраля 1917 г., В.М. Пуришкевич, выражавший к этому времени мнение не только Правой фракции, из которой он вышел в конце 1916 г., но и оппозиции, назвал Н.Н. Покровского «кристально чистым и благородным»⁹. Французским послом Ж.М. Палеологом Н.Н. Покровский характеризовался как «человек осторожный, умный и трудолюбивый». В другом месте Ж.М. Палеолог описывал Н.Н. Покровского как «честного человека» и «прекрасного гражданина, чью прямоту сердца, патриотизм и бескорыстие я никогда не в состоянии буду достаточно восхвалить»¹⁰. По мнению английского посла Д.У. Бьюкенена, Н.Н. Покровский был «человеком широкого ума, честным и толковым»¹¹. На итальянского дипломата графа Л. Альдрованди-Марескотти Н.Н. Покровский произвел впечатление «честного, простого, весьма добродушного человека, не без утонченности»¹².

Более того, современники видели в Н.Н. Покровском едва ли не крупнейшего в предреволюционной России специалиста в области финансовой науки, причем не только в ее практическом, но и теоретическом аспектах. А.Н. Аносов квалифицировал Н.Н. Покровского как человека «самого сведущего в финансовых вопросах», выступающего в качестве «единственного знатока русских финансов»¹³. Н.Н. Покровский, вспоминали его коллеги по кабинету, военный министр генерал А.А. Поливанов и министр торговли и промышленности князь В.Н. Шаховской, «был широко известен как знаток финансовых вопросов»¹⁴, как «большой знаток финансовых и экономических вопросов»¹⁵.

⁶ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского Внешнеполитического ведомства. 1914–1920: В 2 кн. М., 1993. Кн. 1. С. 213.

⁷ Перлюстрационная выписка из письма А.Н. Аносова В.В. Аносовой. 1 декабря 1916 г. // РГИА. Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел). Оп. 2. Д. 1983. Л. 24.

⁸ Васильчиков И.С. То, что мне вспомнилось... М., 2002. С. 121.

⁹ Выступление В.М. Пуришкевича. 14 февраля 1917 г. // Государственная Дума. 1906–1917. Стенографические отчеты: В 5 т. М., 1995. Т. 4. С. 242.

¹⁰ Палеолог Ж.М. Дневник посла. М., 2003. С. 649, 732.

¹¹ Бьюкенен Д.У. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006. С. 223.

¹² Альдрованди-Марескотти Л. Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914–1919 гг.). М., 1944. С. 63.

¹³ Перлюстрационная выписка... // РГИА. Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел). Оп. 2. Д. 1983. Л. 24.

¹⁴ Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 — 15 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 132.

¹⁵ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 170.

Н.Н. Покровский, констатировал Г.Н. Михайловский, «заслуженно считался одним из лучших финансистов»¹⁶ и, подчеркивал Д.У. Бьюкенен, являлся «признанным авторитетом в вопросах экономики и финансов»¹⁷. Научные приоритеты Н.Н. Покровского — науки политэкономического цикла — определились уже на студенческой скамье.

В августе 1884 г. юноша поступил на Юридический факультет Московского университета (в то время семья Покровских жила в Варшаве), однако после назначения отца в Петербург, в декабре 1886 г., находясь на 3-м курсе, Николай подал прошение о переводе его в Петербургский университет. В отношении ректора Московского университета указывается, что при «очень хорошем» поведении юноша на последних переводных экзаменах получил пятерки по всем предметам, кроме богословия (удовлетворительно), а по политэкономии — даже пять «с крестом», т.е. «с плюсом». Несмотря на столь блестящие результаты, в январе 1887 г., при переводе в Петербург, Николаю пришлось экзаменоваться по русскому государственному праву, римскому праву, финансовому праву и статистике, однако все испытания были выдержаны им на «пять». В мае 1888 г. Н.Н. Покровский окончил обучение в университете, получив диплом, в котором отмечено, что экзамены почти по всем предметам (энциклопедия юридических и политических наук, история русского права, история римского права, политэкономия, история философии права, статистика, финансовое право, полицейское право, общее государственное право, русское государственное право, церковное право, уголовное право и судопроизводство, гражданское право и судопроизводство, международное право, римское право, немецкий язык) сданы им на «отлично» и лишь судебная медицина — на «хорошо» и богословие — на «достаточно»¹⁸.

За время обучения Н.Н. Покровского в университете был введен новый Университетский устав 1884 г., заменивший собой более либеральный Устав 1863 г., но соотношение между выпускными свидетельствами образца 1863 и 1884 гг. менялось очень медленно, поскольку новый Устав вводился постепенно¹⁹, и Н.Н. Покровский выпускался еще по старой системе. Согласно Уставу 1863 г., выпускник обязывался в течение года представить «кандидатское сочинение», в ином случае он считался лишь «действительным студентом», а не «кандидатом» соответствующих наук и мог поступить на государственную службу только с более низким чином 12-го (а не 10-го) класса, что означало задержку карьеры на несколько лет. В ноябре 1888 г. Н.Н. Покровский утверждается Петербургским университетом в степени кандидата прав или, иными словами, получает первую ученую степень (за ней следовали степени магистра

¹⁶ Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 213–214.

¹⁷ Бьюкенен Д.У. Указ. соч. С. 223.

¹⁸ В этом абзаце приводятся сведения, почерпнутые Д.Н. Шиловым из студенческого личного дела Н.Н. Покровского (ЦГИА СПб. Д. 14 (С.-Петербургский университет). Оп. 3. Д. 25995).

¹⁹ Щетинина Г.И. Университеты в России и Устав 1884 г. М., 1976. С. 190–192.

и доктора²⁰). Таким образом, в это время он являлся молодым ученым, который, однако, отдал предпочтение не научной, а чиновной карьере — несомненно, по причине своей бедности.

Содержание, получаемое Н.Н. Покровским на государственной службе, было для его семьи (жена и трое сыновей) единственным источником существования. Более того, «служебный заработок для него являлся источником средств не только для существования его семьи в тесном смысле этого слова, т.е. жены и детей, — свидетельствовал В.Б. Лопухин, — но и для поддержания его родителей, а также матери жены, и для оказания посильной помощи, равным образом, другим близким людям. Небольшая земельная собственность в Ковенской губернии служила лишь подспорьем к заработку. Доход от нее преимущественно шел, как это обычно водилось в то время, на уплату процентов в земельный банк, в котором земля была заложена. Дело, в конце концов, сводилось к наличию собственной самоокупавшейся дачи на летнее время. Благодарный сын прекрасно воспитавших его родителей, Николай Николаевич поддерживал их исключительно служебным своим заработком. И за счет этого же заработка помогал другим своим близким, себе лично во многом отказывая и ведя самый скромный образ жизни. Заработок же давался Николаю Николаевичу нелегко»²¹. Впрочем, научные интересы Н.Н. Покровского предопределили его первые шаги на поприще государственной службы, а в дальнейшем оказывали существенное влияние на его бюрократическую карьеру. В июле 1889 г. Н.Н. Покровский поступил в Департамент окладных сборов Министерства финансов. Вскоре, в январе 1893 г., Н.Н. Покровский перешел из Министерства финансов в Канцелярию Комитета министров, где также вел дел решением финансово-экономических вопросов.

В Канцелярии сверх исполнения своих прямых обязанностей Н.Н. Покровский занимался историко-статистическими исследованиями²², что еще больше сблизило его с другим «ученым во власти» — управляющим делами (начальником) Канцелярии Комитета министров А.Н. Куломзиным (также не чуждым историко-статистическим штудиям) — для него Н.Н. Покровский составлял даже важнейшие всеподданнейшие доклады²³. Несомненно, в данном случае, как и позднее, давала себя знать научная закваска, полученная Н.Н. Покровским в университете. «По каждому делу, — подразумевал эту закваску В.Б. Лопухин, сам ей не чуждый, — Николай Николаевич вел большую подготовительную работу, изучая прецеденты, историю вопроса, научную его трактовку, соответствующее иностранное законодательство, подбирая материал

²⁰ *Соболева Е.В.* Организация науки в пореформенной России. Л., 1983. С. 171, 205.

²¹ *Лопухин В.Б.* Указ. соч. С. 145.

²² *Покровский Н.Н.* Историко-статистический очерк современного положения России к концу царствования императора Александра III: В 2 т. СПб., 1896.

²³ *Куломзин А.Н.* Всеподданнейший доклад о потребностях начального образования Сибири по поездкам в Сибирь в 1896 и 1897 гг. СПб., 1898.

для согласования проводимой новой меры с системой соприкасавшихся с нею законоположений». «Большая эрудиция, начитанность Николая Николаевича и усвоенные им знания в области политической экономии и финансового права, — подчеркивал друг Н.Н. Покровского, — были поистине изумительные. Ему могли в этом отношении позавидовать квалифицированные академики и профессора. Но, — оговаривался Лопухин, — не был Николай Николаевич ни замороженным ученым, ни надутым бюрократором. Прекрасный семьянин, он был и хорошим товарищем, веселым, остроумным собеседником, охотником порою кутнуть с друзьями, большим ценителем тонкого юмора. Страстно любил музыку и изящную литературу»²⁴. Оговорка В.Б. Лопухина лишь подтверждает отмеченную выше тенденцию, затронувшую на рубеже XIX–XX вв. личный состав столичных канцелярий, где, вспоминал младший современник Н.Н. Покровского, И.И. Тхоржевский, который также окончил Юридический факультет Петербургского университета со степенью кандидата прав, «кроме представителей русской знати, было уже немало и людей моего типа, т.е. прошедших высшую научную школу и приобретших в ней, кроме знаний, привычку быстро и объективно разбираться в сложных вопросах. Служилый Петербург, как бы предчувствуя предстоящую ему преобразовательную работу, уже запасался людьми: стягивал к себе, обирая профессуру, свежие умственные силы»²⁵. Такие представители идеального типа «ученого во власти», как Н.Н. Покровский и И.И. Тхоржевский, в конце XIX — начале XX в. активно завоевывали петербургские канцелярии, тесня представителей двух других идеальных типов, олицетворявших отношения власти и науки в Российской империи, — «просвещенного сановника» и «несостоявшегося ученого». Впрочем, и ранее высокий уровень образования являлся в Российской империи одним из основных лифтов вертикальной мобильности.

Научная квалификация Н.Н. Покровского была столь высока, что именно ему А.Н. Куломзин поручил написать особую книгу для молодой императрицы Александры Феодоровны, дабы она могла просветиться в русских делах. «Эту книгу, — вспоминал Н.Н. Покровский, — я писал, разумеется, по-русски, а ее уже переводили на английский язык. Тема была громадная: надо было исчерпать и историю, и статистику, и законодательство чуть ли не по всем вопросам государственоведения. А.Н. Куломзин думал, что эту работу можно закончить в несколько месяцев, но она потребовала двухлетнего усидчивого труда. Отдельные главы просматривались такими авторитетами, как Н.Х. Бунге и К.П. Победоносцев. Но в результате книга все-таки запоздала, и императрица, конечно, успела ознакомиться с нашими порядками из других источников»²⁶. Тем не менее совершенно единственный в своем роде двухтомный «Справочник

²⁴ Лопухин В.Б. Указ. соч. С. 144, 145–146.

²⁵ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 32.

²⁶ Покровский Н.Н. Воспоминания последнего министра иностранных дел Российской империи. М., 2015 (в печати).

по России для государственного деятеля»²⁷ почти в 700 страниц являет собой весьма внушительное зрелище. Достаточно перечислить разделы и подразделы справочника: «Единство Российской империи», «Государственная организация», «Права подданных», «Государственная администрация», «Высшие государственные институты», «Министры», «Отдельные отрасли государственной администрации», «Международные отношения», «Государственная оборона», «Материальные ресурсы государства», «Финансы», «Общие особенности агрокультуры и сельской экономики», «Промышленность и торговля», «Пути и средства сообщения», «Правительственные органы управления материальными ресурсами государства», «Духовная сфера», «Церковные учреждения», «Народное образование», «Учреждения императрицы Марии», «Полиция безопасности», «Юстиция», «Местное управление и самоуправление». Благодаря энциклопедическому характеру его учености Н.Н. Покровскому в этой книге поистине удалось объять необъятное, хотя научные приоритеты автора проявили себя и здесь — финансовым и экономическим вопросам он посвятил большую часть уникального издания. Характерно также, что с июня 1899 по январь 1903 г. Н.Н. Покровский снова служил в Департаменте окладных сборов Министерства финансов, теперь уже на должности его вице-директора, а затем — в Государственной канцелярии, которая ведала кодификацией и делопроизводством Государственного совета — на посту статс-секретаря по Департаменту промышленности, наук и торговли.

«Государственная канцелярия, — по наблюдениям И.И. Тхоржевского, — пополнялась главным образом людьми с громкими русскими фамилиями, с высшим образованием, а иногда уже и с учеными именами и с наследственной прочной культурностью»²⁸. Как «ученый во власти» Н.Н. Покровский весьма удачно вписался в личный состав элитарного ведомства, поскольку его «выдающиеся способности», равно как «исключительная образованность, ум и громадная трудоспособность снискали ему на первых же шагах службы в Государственной канцелярии всеобщее уважение. А его скромность, — отмечал В.Б. Лопухин, — приветливость и доброта завоевали ему и всеобщие симпатии». Этому способствовала и тактичность Н.Н. Покровского, «ни в малейшей степени не проявлявшего себя начальником не только по отношению к князю, но и к канцелярской молодежи»²⁹. Несомненно, благодаря общению с бюрократами, подобными Н.Н. Покровскому, чиновники Государственной канцелярии казались И.И. Тхоржевскому, выступавшему в данном случае в роли компетентного эксперта, вращавшегося и правительственных, и в оппозиционных сферах, «самыми культурными, самыми дисциплинированными и наиболее ев-

²⁷ Statesman's Handbook for Russia / Ed. by the Chancery of the Committee of Ministers. Vol. I–II. SPb., 1896. Первый том был «дозволен цензурой» 28 февраля 1895 г., второй — 14 апреля 1896.

²⁸ Тхоржевский И.И. Указ. соч. С. 31.

²⁹ Лопухин В.Б. Указ. соч. С. 120–121.

ропейскими изо всего, что было тогда в России»³⁰. Очевидно, как и во времена А.С. Пушкина, в начале XX в. единственным европейцем в России продолжало оставаться царское правительство...

Поступление в Государственную канцелярию и служба в этом учреждении, естественно, не в качестве «причисленных к ней», являлись аттестатом на обладание интеллектом выше среднего. «Фаворитизма, продвижения по протекции, — характеризовал ситуацию в Государственной канцелярии служивший в ней В.И. Гурко, — по крайней мере, на ответственные должности, не было, да оно и было невозможно: работа Канцелярии требовала значительного умственного развития, большого навыка и немалого труда»³¹. И здесь опять в полной мере проявился стиль бюрократической деятельности Н.Н. Покровского. «Усидчивость и работоспособность его были изумительные, — восхищался другом В.Б. Лопухин, одновременно с Н.Н. Покровским служивший в Департаменте промышленности, наук и торговли. — Он мог писать, не отходя от стола днями и ночами. Как сейчас помню первые его шаги в Государственной канцелярии в должности статс-секретаря. После памятного одного заседания, на котором проходил особо спешный законопроект, Николай Николаевич безотлагательно принялся за составление журнала в служебном кабинете, не думая о возвращении домой, в Царское Село, где он в то время жил с семьей. Просидел за работою весь день и всю ночь до утра, пока не закончил объемистый обстоятельный журнал... Исключительная добросовестность Николая Николаевича сама по себе умножала и осложняла его работу. Он много и усидчиво работал в нашем Департаменте»³².

В.И. Гурко подразумевал и Н.Н. Покровского, когда писал, что в конце XIX — начале XX в. статс-секретарями Государственного совета «были люди с большим опытом: быстро усваивали они самые разнообразные и иногда совершенно им неизвестные перед тем вопросы»³³. Отдавая дань справедливости Государственной канцелярии, В.Б. Лопухин отмечал: «По широким ее горизонтам, по требовавшейся от служащих эрудиции, трудности школы, беспощадно проваливавшей отстававших и не успевавших, ни одно другое учреждение не способно было выдвигать персонал, более подходивший, в смысле бюрократической подготовки, к занятию высших государственных должностей»³⁴. Неудивительно, что Государственную канцелярию В.И. Гурко признавал «рассадником высших должностных лиц»³⁵, а В.Б. Лопухин — «подлинною академиею министров»³⁶. Действительно, в конце XIX — начале XX в. служба

³⁰ *Тхоржевский И.И.* Указ. соч. С. 31.

³¹ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 111–112.

³² *Лопухин В.Б.* Указ. соч. С. 144.

³³ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 112.

³⁴ *Лопухин В.Б.* Указ. соч. С. 116.

³⁵ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 115.

³⁶ *Лопухин В.Б.* Указ. соч. С. 116.

в Государственной канцелярии обеспечивала быстрое достижение самых высоких постов, вплоть до министерских и равных им по статусу. Однако на министерские посты Н.Н. Покровский попал только после того как 12 лет прослужил в Министерстве финансов, куда он вернулся в ноябре 1904 г., чтобы занять место директора Департамента окладных сборов.

В центре внимания Н.Н. Покровского как директора Департамента оказалось кардинальное реформирование налоговой системы в смысле переноса центра тяжести с косвенных налогов как менее справедливых на прямые, более справедливые, и подготовка в связи с этим соответствующих законопроектов. Общая идея, объединявшая данные законопроекты, состояла «в возможном сообразовании податной тяготы с доходностью облагаемых объектов и впоследствии сего в устранении неуравнительности обложения»³⁷. Апофеозом намечавшихся преобразований было введение прогрессивного подоходного налога, трактовавшегося как экономический аналог политической конституции³⁸. Сам вопрос о введении подоходного налога неоднократно обсуждался в бюрократических верхах еще в XIX в.³⁹, и постановка этого вопроса весной 1905 г. лишь отчасти объяснялась необходимостью поддержать устойчивость государственного бюджета, несколько поколебленную русско-японской войной и начавшейся революцией 1905–1907 гг. Н.Н. Покровский справедливо смотрел на налоговые реформы «не как на нечто неожиданное, не как на ответ запуганного правительства на требование левых партий, а как на естественный и необходимый вывод из всей предшествующей нашей податной истории»⁴⁰. Действительно, подготовка преобразования налоговой системы в России начала XX в. полностью опровергает парадигму о реформах как побочном продукте революций, доказывая правильность иной парадигмы — о революциях как издержках реформ⁴¹.

Едва ли министр финансов В.Н. Коковцов мог найти лучшего разработчика проекта подоходного налога, нежели Н.Н. Покровский, поскольку ему было свойственно широкое понимание данной проблемы. В подоходном налоге он видел не просто техническое средство исправления дефектов налоговой системы, но и способ «облегчить бремя существующих налогов для менее состоятельных классов населения. В этом — его социальное назначение, которое в настоящее время едва ли менее важно, нежели фискальное; только меры этого

³⁷ Министерство финансов. 1904–1913. СПб., 1913. С. 103.

³⁸ Подробнее об этом см.: *Коцонис Я.* Подданный и гражданин: налогообложение в Российской империи и Советской России и его подтекст // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquium / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 1999.

³⁹ *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 199–243.

⁴⁰ *Покровский Н.Н.* О подоходном налоге. Пг., 1915. С. 140.

⁴¹ Подробнее об этом см.: *Куликов С.В.* «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // *Нестор.* 2007. № 11. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. С. 117–185.

порядка, — подчеркивал Н.Н. Покровский, — способны и впредь поддержать на твердых основаниях те правовые и экономические устои, на которых зиждется современный общественный строй, основанный на признании неприкосновенности частной собственности и развитии индивидуального хозяйства». Следовательно, введение подоходного налога Н.Н. Покровский расценивал не как шаг по пути к социализму, а как едва ли не единственное средство сохранения капитализма в том виде, в каком он существовал в начале XX в. Принципиальное неприятие Н.Н. Покровским социализма проявилось и в его скептическом отношении к тотальному огосударствлению экономики посредством создания казенных монополий. Признавая, что «некоторые монополии ввести удастся», он, однако, подчеркивал: «Мы сомневаемся, однако, в возможности очень широко использовать этот способ обложения, связанный с отчуждением в пользу казны целых отраслей народного труда и производительности. Кроме того, введение монополий, особенно в значительном числе, без сомнения, вызовет у нас, как и везде, очень сильное сопротивление заинтересованных кругов, так что в результате на очень широкое распространение их рассчитывать едва ли возможно»⁴². Приведенные доводы были не просто частными взглядами Н.Н. Покровского, но ключевой частью экономической идеологии, разделявшейся имперской бюрократической элитой вплоть до 1917 г. и не подразумевавшей, вопреки позднейшим историографическим представлениям, активного вмешательства государства в свободные рыночные отношения, что якобы сближало царский режим и советскую власть. Если императорское правительство и шло на допущение в экономику элементов государственного социализма, то весьма дозированно и не ради них самих, но только для сглаживания острых углов капитализма.

Впервые вопрос о введении прогрессивного подоходного налога рассматривался в мае 1905 г. в Комиссии при Министерстве финансов под председательством товарища министра финансов Н.Н. Кутлера, причем, естественно, главную роль в ней играл Н.Н. Покровский. Работа по подготовке реформирования налоговой системы шла довольно быстро: уже 14 марта 1906 г. Николай II утвердил Меморию Совета министров 7 марта 1906 г., содержавшую программу реформ в области налогов и сборов⁴³. А в конце мая — начале июня 1906 г. под председательством Н.Н. Покровского заседало Особое совещание по вопросу о сборе дополнительных сведений относительно доходов, подлежащих обложению подоходным налогом. Роль Н.Н. Покровского в деле реформирования налоговой системы была такова, что в июле 1906 г. В.Н. Коковцов провел его в товарищи министра финансов, ведающего в том числе и Департаментом окладных сборов.

⁴² Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 107–108, 152.

⁴³ Мемория Совета министров «Об итогах обсуждения программы деятельности Министерства финансов по вопросам финансовой политики». 7 марта 1906 г. // Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг. Л., 1990. С. 323–327.

В должности товарища министра Н.Н. Покровский довел законопроект о подоходном налоге до окончательной редакции: этот законопроект «был разработан в Комиссии под его председательством, в бытность его моим товарищем», — свидетельствовал В.Н. Коковцов⁴⁴. Более того, Н.Н. Покровский играл руководящую роль при подготовке и других реформаторских законопроектов, исходивших от Финансового ведомства в начале XX в. «Все крупные законопроекты по Министерству финансов, — отмечал А.Н. Аносов, подразумевая Н.Н. Покровского, — выработаны им, когда он был товарищем Коковцова»⁴⁵. На заседании Совета министров 24 октября 1906 г. Н.Н. Покровский лично доложил кабинету П.А. Столыпина содержание законопроекта о введении подоходного налога, получившего, хотя и не единогласное, одобрение правительства⁴⁶. Особый журнал Совета министров «По вопросу о введении в России подоходного налога» Николай II утвердил 26 января 1907 г.⁴⁷ и уже 23 февраля, через три дня после открытия II Государственной Думы, В.Н. Коковцов внес законопроект о подоходном налоге в нижнюю палату⁴⁸. Кроме того, правительство, с последовавшего 15 февраля 1907 г. одобрения монарха, внесло в Думу и два других, не менее важных в социально-экономическом смысле налоговых законопроекта, также разработанных под непосредственным руководством Н.Н. Покровского, — о преобразовании налогов с наследств и с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках⁴⁹.

II Дума вместо того чтобы немедленно обратиться к обсуждению столь социально-значимой реформы, как введение подоходного налога, затрагивавшего интересы самых широких кругов населения, в лице доминировавшего в нижней палате большинства революционных партий занялась антиправительственной агитацией и организацией революции, что и предопределило так называемый Третьеиюньский переворот, создавший условия для нормальной законодательной деятельности. Впрочем, сформированные по новому избирательному закону 3 июня 1907 г. III и IV Думы хотя и оказались намного более работоспособными, чем две первые, законопроект о подоходном налоге рассматривали слишком медленно, в результате чего осуществление данной реформы затор-

⁴⁴ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 233, 330.

⁴⁵ Перлюстрационная выписка... // РГИА. Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел). Оп. 2. Д. 1983. Л. 24.

⁴⁶ Гурко В.И. Указ. соч. С. 596.

⁴⁷ См.: Особый журнал Совета министров 24 октября 1906 г. «По вопросу о введении в России подоходного налога» // Особые журналы Совета министров царской России. 1906–1908 гг. 1906 год. М., 2011. С. 259–269.

⁴⁸ Текст закона «О государственном подоходном налоге» см.: Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы. Т. 1. М., 2003. С. 589–624.

⁴⁹ Особый журнал Совета министров 12 января 1907 г. «По вопросу о законопроектах, подлежащих внесению в Государственную думу» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. 1907 год. М., 2011. С. 80.

мозилось на 10 лет. Объясняя причины этого парадокса, Н.Н. Покровский писал: «Податные реформы, особенно такие, как подоходный налог, бьют по карману представителей состоятельных классов, к какой бы политической партии они ни принадлежали. Этот налог затронет интересы и землевладельцев, и фабрикантов, и капиталистов, и представителей свободных профессий, которые до сих пор, кроме ничтожного сравнительно квартирного налога, никаких прямых налогов не платили. Поэтому трудно с какой-либо стороны ожидать поддержки такому преобразованию, если нет для этого внешних и притом настоятельных побуждений»⁵⁰. Для народного представительства Российской империи «внешними и настоятельными» побуждениями стали обстоятельства, порожденные Первой мировой войной.

Ко времени начала войны, с февраля 1914 г., Н.Н. Покровский являлся назначенным членом Государственного совета, впервые за многолетнюю службу получив избыток свободного времени для научных занятий. В 1915 г. он опубликовал цикл статей, посвященных прогрессивному подоходному налогу⁵¹, объединив их в монографию⁵², вышедшую в этом же году и ставшую классическим исследованием данной проблемы. В этой монографии Н.Н. Покровский кратко, но емко, в противовес узко понимаемой фискальной политике, изложил целую программу оздоровления российской финансовой системы. Суть вопроса, по его мнению, состояла «во всемерном оживлении производительных сил страны, путем облегчения приложения капиталов к различным отраслям производства, привлечения к этому и иностранного капитала, при условии сохранения результатов труда русского населения в пользу России; в устранении всех законодательных и иных, столь многочисленных у нас, препон в приложении инициативы к различным видам сельского хозяйства, промышленности и торговли; в заключении после войны отвечающих интересам России торговых договоров и в установлении такой системы народного образования, которая на всех ступенях содействовала бы развитию инициативы и самостоятельности населения. Только тогда, — подчеркивал Н.Н. Покровский, — мы станем на твердые ноги, будем сами удовлетворять своим потребностям и окончательно поставим на солидный фундамент наш торговый и расчетный баланс. Что же касается податной системы, то сила ее не столько в высоте окладов, сколько в такой организации, которая быстро и легко отражала бы в себе рост народного богатства»⁵³. Во многом эта программа остается актуальной для России до сих пор...

После победы Февральской революции Н.Н. Покровский внимательно следил за налоговой политикой Временного правительства, причем оценивал ее весьма

⁵⁰ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 142.

⁵¹ Покровский Н.Н. О подоходном налоге // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1915. № 1–7.

⁵² Покровский Н.Н. О подоходном налоге.

⁵³ Там же. С. 184.

критически, что видно из его статьи, напечатанной в июле 1917 г. в «Новом времени» и посвященной проекту введения поимущественного налога. «В газетах, — начиналась эта статья, — появилось известие, что с 1918 г. предполагается ввести у нас государственный поимущественный налог. Не касаясь здесь теоретической стороны вопроса, попробуем выяснить, своевременно ли теперь и даже в ближайшие годы введение такого налога в России». Далее автор подверг подробной критике произведенное Временным правительством повышение ставок подоходного налога, находя, что это повышение приведет к фактическому уничтожению источников данного налога, а значит — сведет на нет и сам подоходный налог, который в новом виде усложнил бы к тому же и без того сложные обязанности податной инспекции. Еще большему обременению ее обязанностей содействовало бы, по мнению Н.Н. Покровского, введение поимущественного налога, поскольку, согласно проекту, составленному профессором П.П. Гензелем, налогоплательщик обязывался предоставлять податной инспекции информацию о цене своего имущества, оценивая его «по собственному крайнему разумению», что создавало многочисленные возможности для вольных или невольных злоупотреблений. Подводя итоги, Н.Н. Покровский подчеркивал, что «если бы введение поимущественного налога было предположено до войны, то и тогда пришлось бы признать его преждевременным: надо подождать результатов оценки доходов от разного рода имуществ по подоходному налогу, и притом не за один, а за несколько лет; только тогда получится более серьезная база для проверки имущественных оценок»⁵⁴.

Ответом на критику Н.Н. Покровского стала статья профессора Ф.А. Менькова, опубликованная в журнале «Новый экономист» в том же месяце, т.е. в июле. «В широких кругах русского общества, — подчеркивал Ф.А. Меньков, — очень популярна идея о высоком самостоятельном поимущественном обложении. От него ждут весьма значительных поступлений». «Самостоятельный и высокий поимущественный налог при нашем, самом высоком в мире, подоходном налоге, нежелателен и несправедлив, — отмечал автор. — Поэтому нельзя не приветствовать решения налогового совещания при Министерстве финансов, отвергнувшего проект высокого самостоятельного поимущественного налога, который защищали профессор Гензель и [Н. Д.] Соколов, и остановившегося на ставках поимущественного обложения, проектированных еще Бюджетной комиссией Государственной Думы, а именно — в размере от 0,1 до 0,5 % ценности имущества, т.е. по отношению к доходу владельца имущества этот налог составит от 2 до 8 %. Нельзя не признать правильным и установленный совещанием минимум имущества, свободного от обложения, в размере 10 000 руб., причем если доход налогоплательщика не превышает 1000 руб., а также для вдов и сирот минимум повышается до 20 000 руб.»⁵⁵ Однако аргументы Ф.А. Менькова Н.Н. Покровского не убедили, не говоря об «аргументах» пришедшего на смену Временному правительству большевистского режима.

⁵⁴ Покровский Н.Н. Поимущественный налог // Новое время. 1917. № 14817. С. 4.

⁵⁵ Меньков Ф.А. Поимущественный налог // Новый экономист. 1917. № 28–29. С. 5–7.

Лето 1918 г. семьи Покровских и Лопухиных проводили в Павловске, где Н.Н. Покровский делился с В.Б. Лопухиным своими размышлениями о будущем России. Н.Н. Покровский полагал, что «большевистский режим нежизнеспособен, а потому недолговечен», и «в конце концов, большевики уйдут». «Не скоро», — оговаривался он, ссылаясь на исторический опыт Европы: «Нечто подобное тому, что произошло у нас, случилось в Средние Века в Чехии и там продержалось четырнадцать лет. Инерция нашей страны больше. Процесс будет длительнее. Сроки будут больше»⁵⁶. Неизвестно, какие конкретно сроки Н.Н. Покровский планировал для России, но и здесь нельзя отказать ему в проницательности — большевики продержались не две-три недели и даже не два-три года, которые первоначально пророчили им их противники, а более 70 лет.

Антибольшевистские настроения Н.Н. Покровского не остались тайной для ЧК — в 1919 г. он подвергся непродолжительному аресту, что побудило его к эмиграции, сначала в Таллин, в Эстонию, затем — в Каунас (бывший Ковно), столицу независимой Литвы, где Н.Н. Покровский осел в 1920 г. Приезд именно в Каунас объяснялся тем, что здесь он имел родственников по отцовской линии и являлся землевладельцем Ковенской губернии — его права на имение «Борткунишки» были подтверждены правительством Литвы. Восстанавливая разрушенное войной хозяйство имения, Н.Н. Покровский одновременно преподавал — Литовский университет пригласил его на должность доцента кафедры финансов факультета права этого университета⁵⁷. В 1925–1926 гг. на русском⁵⁸ и литовском⁵⁹ языках Н.Н. Покровский опубликовал читавшийся им университетский курс финансовой науки, ставший плодом его высокой учености, апробированной многолетней государственной деятельностью. В 1926 г. Н.Н. Покровский был назначен исполняющим обязанности профессора по кафедре финансов, более того, благодаря своему научному авторитету он становится еще и советником Министерства финансов Литвы, а также избирается почетным председателем Совета Общества русского мелкого кредита. Наконец, в официальном журнале министерства «Lietuvos Ukis» («Экономика Литвы») русский профессор поместил несколько статей. Например, в № 11 за 1926 и в № 3 за 1927 г. появилось его исследование «Государственный порядок прямых налогов в Литве». Итак, круг замкнулся — только в эмиграции Н.Н. Покровский превратился в ученого, кем он был, в сущности, и тогда, когда находился во власти.

⁵⁶ Лопухин В.Б. Указ. соч. С. 337.

⁵⁷ В этом абзаце приводятся сведения, предоставленные Д.Н. Шиловым, а им полученные от Андреаса Вальме (Нарва, Эстония).

⁵⁸ Покровский Н.Н. Основы финансовой науки. Ковно, 1925.

⁵⁹ Pokrovskii N. Finansu mokslo pagrindai. Kaunas, 1926.

References

- Al'drovandi-Mareskotti L.* Diplomaticeskaya vojna. Vospominaniya i otryvki iz dnevnika (1914–1919 gg.). M., 1944.
- B'yukenen D.U.* Moya missiya v Rossii. Vospominaniya anglijskogo diplomata. 1910–1918. M., 2006.
- Chernuha V.G.* Vnutrennyaya politika carizma s serediny 50-h do nachala 80-h gg. XIX v. L., 1978.
- Gosudarstvennaya дума. 1906–1917. Stenograficheskie otchety: V 5 t. M., 1995. T. 4.
- Gurko V.I.* Cherty i siluehty proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v carstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika. M., 2000.
- Kokocov V.N.* Iz moego proshlogo. Vospominaniya 1903–1919 gg.: V 2 t. M., 1992.
- Koconis Ya.* Poddannyj i grazhdanin: nalogooblozhenie v Rossijskoj imperii i Sovetskoj Rossii i ego podtekst // Rossiya i Pervaya mirovaya vojna : Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma / Otv. red. N.N. Smirnov. SPb., 1999.
- Kulikov S.V.* Vlast' nauki i nauka vlasti v Rossii nachala XX v. // Rossiya XXI. 2001. № 5. С. 112–137; № 6. С. 44–65.
- Kulikov S.V.* Carskaya byurokratiya i nauchnoe soobshchestvo v nachale XX v.: zakonomernosti i tipy otnoshenij // Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nach. 1920-h gg.: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma / Otv. red. N.N. Smirnov. SPb., 2003. С. 54–71.
- Kulikov S.V.* «Revolucii neizmenno idut sverhu...»: Padenie carizma skvoz' prizmu ehlititskoj paradigmy // Nestor. 2007. № 11: Smena paradigim: sovremennaya rusistika. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya. С. 117–185.
- Kulomzin A.N.* Vsepoddannejšij doklad o potrebnostyah nachal'nogo obrazovaniya Sibiri po poezdкам v Sibir' v 1896 i 1897 gg. SPb., 1898.
- Lopuhin V.B.* Zapiski byvshego direktora Departamenta Ministerstva inostrannyh del. SPb., 2008. Ministerstvo finansov. 1904–1913. SPb., 1913.
- Men'kov F.A.* Poimushchestvennyj nalog // Novyj ehkonomist. 1917. № 28–29.
- Mihajlovskij G.N.* Zapiski. Iz istorii rossijskogo Vneshnepoliticheskogo vedomstva. 1914–1920 : V 2 kn. M., 1993.
- Osobyе zhurnaly Soveta ministrov carskoj Rossii. 1906–1908 gg. 1906 god. M., 2011.
- Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoj imperii. 1906–1908 gg. 1907 god. M., 2011.
- Paleolog Zh. M.* Dnevnik posla. M., 2003.
- Perepiska Nikolaya i Aleksandry. M., 2013.
- Perlyustracionnaya vypiska iz pis'ma A.N. Anosova V.V. Anosovoj. 1 dekabrya 1916 g. // RGIA. F. 1282 (Kanceljariya ministra vnutrennih del). Op. 2. D. 1983. l. 24.
- Pokrovskij N.* Finansu mokslo pagrindai. Kaunas, 1926.
- Pokrovskij N.N.* Istoriko-statisticheskij ocherk sovremennogo polozheniya Rossii k koncu carstvovaniya imperatora Aleksandra III: V 2 t. SPb., 1896.
- Pokrovskij N.N.* O podohodnom naloge // Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli. 1915. № 1–7.
- Pokrovskij N.N.* O podohodnom naloge. Pg., 1915.
- Pokrovskij N.N.* Poimushchestvennyj nalog // Novoe vremya. 1917. № 14817.
- Pokrovskij N.N.* Osnovy finansovoj nauki. Kovno, 1925.
- Pokrovskij N.N.* Vospominaniya poslednego ministra inostrannyh del Rossijskoj imperii. M., 2015.
- Polivanov A.A.* Devyat' mesyacev vo glave Voennogo ministerstva (13 iyunya 1915–15 marta 1916 g.) // Voprosy istorii. 1994. № 9.
- Soboleva E.V.* Organizaciya nauki v poreformennoj Rossii. L., 1983.
- Statesman's Handbook for Russia / Ed. by the Chancery of the Committee of Ministers. Vol. I–II. SPb., 1896.
- Stolypin P.A.* Programma reform. Dokumenty i materialy. T. 1. M., 2003.
- Shahovskoj V.N.* Sic transit gloria mundi. 1893–1917 gg. Parizh, 1952.
- Shel'king E.N.* Klyucheveye figury rossijskoj politiki v kanun vojny i revolyucii // Arinshtejn L.M. Vo vlasti haosa. Sovremenniki o vojnah i revolyuciyah 1914–1920. M., 2007. С. 262–356.
- Shchetimina G.I.* Universitety v Rossii i Ustav 1884 g. M., 1976.
- Thorzhevskij I.I.* Poslednij Peterburg. Vospominaniya kamergera. SPb., 1999.
- Vasil'chikov I.S.* To, chto mne vspomnilos'... M., 2002.

Список литературы

- Альдрованди-Марекотти Л.* Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914–1919 гг.). М., 1944.
- Бьюкенен Д.У.* Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006.
- Васильчиков И.С.* То, что мне вспомнилось... М., 2002.
- Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты: В 5 т. М., 1995. Т. 4.
- Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Кокцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.: В 2 т. М., 1992.
- Коцюбин Я.* Подданный и гражданин: налогообложение в Российской империи и Советской России и его подтекст // Россия и Первая мировая война : Материалы международного научного colloquium / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 1999.
- Куликов С.В.* Власть науки и наука власти в России начала XX в. // Россия XXI. 2001. № 5. С. 112–137; № 6. С. 44–65.
- Куликов С.В.* Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – нач. 1920-х гг.: Материалы международного научного colloquium / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 2003. С. 54–71.
- Куликов С.В.* «Революции неизменно идут сверху...»: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007. № 11. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. С. 117–185.
- Кудомзин А.Н.* Всеподданнейший доклад о потребностях начального образования Сибири по поездкам в Сибирь в 1896 и 1897 гг. СПб., 1898.
- Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. Министерство финансов. 1904–1913. СПб., 1913.
- Меньков Ф.А.* Поимущественный налог // Новый экономист. 1917. № 28–29. 5–7.
- Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского Внешнеполитического ведомства. 1914–1920: В 2 кн. М., 1993.
- Особые журналы Совета министров царской России. 1906–1908 гг. 1906 год. М., 2011.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. 1907 год. М., 2011.
- Палеолог Ж.М.* Дневник посла. М., 2003.
- Переписка Николая и Александры. М., 2013.
- Перлострационная выписка из письма А.Н. Аносова В.В. Аносовой. 1 декабря 1916 г. // РГИА. Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел). Оп. 2. Д. 1983. Л. 24.
- Покровский Н.Н.* Историко-статистический очерк современного положения России к концу царствования императора Александра III: В 2 т. СПб., 1896.
- Покровский Н.Н.* О подоходном налоге // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1915. № 1–7.
- Покровский Н.Н.* О подоходном налоге. Пг., 1915.
- Покровский Н.Н.* Поимущественный налог // Новое время. 1917. № 14817.
- Покровский Н.Н.* Основы финансовой науки. Ковно, 1925.
- Покровский Н.Н.* Воспоминания последнего министра иностранных дел Российской империи. М., 2015.
- Полливанов А.А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915–15 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 9.
- Соболева Е.В.* Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.
- Столыпин П.А.* Программа реформ. Документы и материалы. Т. 1. М., 2003.
- Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999.
- Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.
- Шаховской В.Н.* Sic transit gloria mundi. 1893–1917 гг. Париж, 1952.
- Шелькин Е.Н.* Ключевые фигуры российской политики в канун войны и революции // Аринштейн Л.М. Во власти хаоса. Современники о войнах и революциях 1914–1920. М., 2007. С. 262–356.
- Щетицина Г.И.* Университеты в России и Устав 1884 г. М., 1976.
- Pokrovskii N.* Finansu mokslo pagrindai. Kaunas, 1926.
- Statesman's Handbook for Russia / Ed. by the Chancery of the Committee of Ministers. Vol. I–II. SPb., 1896.

Е. Д. Твердюкова

Деятельность Государственной торговой инспекции по борьбе с обманом потребителя в советской торговле (середина 1930-х — начало 1990-х гг.)¹

Одним из самых массовых правонарушений в сфере потребительского рынка сегодня является обман потребителей. В 2001 г. подобные криминальные проявления составили 59,8 % всех преступлений экономической направленности². Однако в 2003 г. в рамках кампании по либерализации российского законодательства статья 200 УК РФ, предусматривавшая наказание за обмеривание, обвешивание, обсчет и пр., утратила силу. По итогам 2014 г. по фактам обмана в торговле (ст. 14.7 КоАП РФ) сотрудниками Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзора) было заведено всего 4529 административных производств, что составило лишь 3,1 % от общего числа дел, связанных с необходимостью защиты потребительских прав³.

В СССР основная роль в защите материальных интересов потребителей отводилась Государственным торговым инспекциям (далее — ГТИ), созданным в соответствии с постановлением СНК СССР от 11 сентября 1934 г.⁴ На них

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14–01–00125.

² Мещерин А.И. Обман потребителей: быть или не быть // Право: теория и практика (<http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0903/12.html> (дата обращения 15.05.2015)).

³ Государственный доклад «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2014 году» (<http://gospotrebnadzor.ru> (дата обращения 15.05.2015)).

⁴ Свод законов СССР. 1934. № 48. Ст. 375.

возлагался контроль за соблюдением розничных цен и торговых накидок; проверка продажи товаров чистым весом и полной мерой; расследование жалоб покупателей. Инспекторы могли беспрепятственно посещать торговые предприятия, проводить в них проверки (ежемесячно проверялось до 10 % магазинов), получать необходимые объяснения и документы от должностных лиц. Они имели право давать руководителям торгующих организаций обязательные указания об устранении нарушений и ставить перед ними вопросы о наложении дисциплинарных взысканий на виновных (снятии с работы, перемещении на низшую должность, объявлении выговоров и т.п.), а также налагать денежные штрафы в размере до 250 руб. на администрацию торговых предприятий. Согласно инструкции НКЮ и НКВноторга РСФСР от 14 февраля 1935 г., в случаях выявления единичных, бескорыстных и незначительных по размеру фактов обмеривания, обвешивания и нарушения цен инспекторы ГТИ должны были возбудить административное или дисциплинарное делопроизводство, а в иных случаях — передать материалы в прокуратуру для привлечения виновных к уголовной ответственности⁵.

В Ленинграде при обследовании в 1935 г. 13 838 торговых точек более чем в половине из них (7677) были выявлены случаи обмана покупателей. Но только 225 человек были отданы под суд. Распространенным способом воздействия на нарушителей являлся административный штраф, средняя сумма которого составляла 23 руб. 60 коп.⁶ Наиболее ретивые инспекторы десятками издавали приказы о привлечении к дисциплинарной ответственности продавцов, уличенных в нарушении правил торговли. Уполномоченный ГТИ Костенчик за 4,5 месяца 1936 г. издал 524 постановления об объявлении выговоров и строгих выговоров в отношении работников ленинградских магазинов.

Поскольку такая практика стала массовой, на стол А.А. Жданова легла докладная записка уполномоченного Комиссии советского контроля по Ленинграду и области Н.М. Анцеловича, в которой сообщалось о превращении «огульных дисциплинарных взысканий» в главный, а то и единственный метод руководства⁷. По итогам соответствующей проверки в мае 1936 г. было принято постановление Пленума Комиссии советского контроля, предлагавшее выражать меры дисциплинарного воздействия в основном во «внушении» провинившемуся работнику, в предупреждении; лишь при безрезультатности таких предварительных мер, повторности или грубом характере служебного проступка следовало применять взыскания в форме выговора и увольнения⁸.

Жительница Ленинграда В.Г. Левина вспоминала: «Когда однажды я получала в магазине продукты за целый месяц вперед, уходя в отпуск, ко мне

⁵ Сборник материалов по вопросам контроля за работой государственной и кооперативной торговой сети. М., 1952. С. 166.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 1214. Л. 1–3.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 960. Оп. 3. Д. 4. Л. 5–7.

⁸ Там же. Л. 3.

подошел мужчина, предъявил документ от какой-то комиссии и сказал, что, так как я получила большую партию продуктов, то их взвесят и узнают, нет ли факта обвеса. Я отказывалась, так как должна была в тот же день уехать, чтобы сменить на даче мою свекровь, но он заверил меня, что продавцы всё поняли, и ему уже не удастся их проверить. Мои продукты высыпали на голую чашку весов и скрупулезно их взвешивали. Я бесилась и торопила их, а одна из продавщиц крикнула мне: «Вы на поезд опаздываете, а нам тюрьма, если обвес будет всего восемь грамм!». Как и всё железное, эти наши нормы и правила имели и обратную сторону...»⁹

На практике даже в годы войны уголовное преследование за обман покупателей было скорее исключением, чем правилом¹⁰. В 56 республиках, краях, областях и городах, где в 1944 г. по поручению Главного управления милиции проводилось обследование торговой сети, инспекторы ГТИ уличили в обмане 11 090 торговых работников. Но в судебно-следственные органы были переданы материалы только в отношении 1238 чел., остальные были привлечены к административной ответственности¹¹.

Положение не изменилось и по возвращении страны к мирной жизни. В мае 1948 г. ГТИ совместно с аппаратами милиции, партийными и советскими органами участвовала в масштабных проверках правильности отпуска продуктов и товаров потребителям в торгующих организациях. Она охватила 76 687 магазинов, столовых, палаток и ларьков систем Министерства торговли и Потребкооперации. В 15 308 из них (19,9%) было выявлено 18 067 фактов обмана покупателей. По итогам рейдов было возбуждено 2488 уголовных дел, по которым привлечено к ответственности 3035 чел.¹² Инспекторы при этом руководствовались тем, что судить продавца за недолив 4–5 г водки, недовес 5–8 г крупы, обсчет покупателя на 2–5 коп. нельзя: «Это была бы не профилактика, а избивание кадров»¹³.

До середины 1948 г. ГТИ в своей деятельности ориентировалась на максимальный количественный охват проверяемых торговых точек: сотрудники посещали до 1 тыс. предприятий в квартал. Во второй половине 1948 г. началась перестройка деятельности ГТИ. Министр торговли СССР В.Г. Жаворонков в приказе от 8 июня 1948 г. потребовал от инспекторов более тщательно проводить обследования, изучать и обобщать материалы о характере нарушений, добиваясь их устранения. Однако возможности инспекторов здесь были ограничены. Прокуратура отказывалась принимать к производству «копеечные» дела.

⁹ Левина В.Г. Я помню. Заметки ленинградки. СПб., 2007. С. 102.

¹⁰ Подробнее о практике привлечения к ответственности за обман потребителя в советской торговле в 1930–1940-е гг. см.: Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование внутренней торговли в СССР (конец 1920-х — середина 1950-х гг.). СПб., 2011.

¹¹ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 98. Л. 29–30.

¹² Там же. Д. 100. Л. 23.

¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 23. Д. 27. Л. 65.

А директора торгов и магазинов либо игнорировали предписания ГТИ, либо выполняли их формально: издавая приказы и распоряжения о взысканиях в отношении нарушителей правил торговли, они переводили виновных на аналогичную работу или восстанавливали на прежнем месте после кратковременного понижения в должности. Например, директор пищеторга Свердловского района Ленинграда Воробьев не снял с работы ни одного из четырех продавцов, неоднократно уличавшихся в продаже товаров по завышенным ценам и подмене сортности; в 18 случаях сотрудники даже не были ознакомлены с приказами о взысканиях, наложенных по решениям ГТИ. Также не соблюдалось предписание инспекции о списании с «нечистых на руку» работников в безусловном порядке сумм штрафов. Из 28 соответствующих решений, принятых с января по май 1952 г. в отношении продавцов торгова, только 7 были выполнены в срок¹⁴. Остальные денежные начеты не оплачивались и не обжаловались. Аналогичные факты выявлялись во всех торгующих организациях.

Перечень обманных действий в основном оставался неизменным в течение всего изучаемого периода. В него входили:

- Обмеривание и обвешивание — отпуск покупателю товара в количестве меньшем, чем причитается, т.е. неполным весом или неполной мерой;
- Обсчет покупателя — получение с покупателя при расчете большей суммы денег, чем с него действительно причитается;
- Пересортица — продажа товаров низшего сорта по цене высшего;
- Фальсификация — изменение состава или свойств товара с корыстной целью;
- Превышение установленных розничных цен путем сокрытия преysкуррантов, их подделки и пр.

Но перечень этот не являлся исчерпывающим. Широкое распространение в советской торговле получил так называемый принудительный ассортимент: если гражданин хотел приобрести обувь — ему давали в придачу чашку, если расческу — денатурированный спирт или губную помаду. На подобные факты инспекторы реагировали далеко не всегда. Когда один из покупателей пожаловался на то, что при покупке вина в розлив его обязали приобрести также и закуску, инспектор торгова Лазовская ответила жалобщику: «Отпуск спиртных напитков производится с закуской для того, чтобы люди не напивались допьяна, так как в условиях культурной торговли это не разрешается»¹⁵. Но порой навязывание товара происходило мошенническим путем. Например, некоторые жители г. Кадиевка в 1935 г., приобретая пальто, находили дома в их карманах бутылки водки, за которые, не зная того, расплачивались в магазине¹⁶. Эти злоупотребления сотрудники ГТИ должны были пресекать.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 9937. Оп. 1. Д. 12. Л. 12, 14.

¹⁵ Там же. Ф. 7384. Оп. 12. Д. 13. Л. 126.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

Чаще всего продавцы (особенно в малой рознице, где практиковалось самополучение денег) попросту обсчитывали покупателей. Кассиры нарушали порядок расчетов, выдавая сначала чек, затем — мелкие монеты и лишь в конце — крупные денежные купюры, которые клиенты по рассеянности или в спешке нередко забывали забрать¹⁷.

В торговле пищевыми продуктами широко практиковалось обвешивание посетителей магазинов, чему немало способствовала нехватка контрольных весов. В 38 из 160 проверенных в 1952 г. торговых точек Москвы контрольные весы отсутствовали, в 23 — установлены были так, что ими нельзя было воспользоваться¹⁸. Рабочие места продавцов загромождались товаром, завешивались марлей, и покупатели не имели возможности проверить количество отпускаемых им товаров. При этом даже более совершенные по конструкции циферблатные весы нередко устанавливались с отклонением в 5–25 г в пользу продавцов.

Отечественная промышленность в недостаточном объеме снабжала торговую сеть фасованными товарами: в 1969 г. в расфасованном виде продавалось лишь 5,1 % мяса, 35 % молока, 16 % сметаны, 12,7 % сахара, 11,2 % макарон¹⁹. Сотрудники продовольственных магазинов вынуждены были сами проводить упаковку, не забывая при этом про собственные интересы, путем недовеса создавая значительные товарные излишки. Ленинградская ГТИ в мае 1973 г. проверила 76 магазинов Райпищеторгов, в 46 из них были установлены многочисленные факты фасовок с занижением веса на 5–40 г, на пакетах отсутствовала маркировка с указанием товара, сорта, веса, цены, даты фасовки. Из 3275 проверенных пакетов 700 оказалось неполновесными²⁰. Фабрика Главного управления торговли Москвы, которая фасовала в год более 28 тыс. т продукции, поставляла в сеть крупы, сахар, муку в пакетах, фактический вес которых на 7–10 % был ниже обозначенного на упаковке. Работники торговли беспрепятственно принимали неполновесные товары и продавали по полной стоимости²¹.

В торговле мясом наиболее распространенным видом обмана являлась пересортица, особенно при продаже так называемого граневого мяса (стоявшего на грани перехода из одного сорта в другой), битой птицы, полуфабрикатов. Чтобы получить с мясокомбинатов, холодильников и торговых баз больше мяса, которое позволяло бы проводить пересортицу, торговцы давали крупные взятки. ОБХСС ГУМ арестовала ряд директоров московских магазинов, которые за взятки начальнику отдела сбыта треста Главптицепром получали в пре-

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 135. Д. 49. Л. 106.

¹⁸ Там же. Л. 103–104.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2841. Л. 6.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 9937. Оп. 1. Д. 127. Л. 80.

²¹ ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2921. Л. 203.

имущественном порядке битую птицу, которую сбывали по завышенным ценам, предварительно перештамповывая в соответствующие этим ценам сорта. Таким образом они ежедневно присваивали из выручки от 1 тыс. до 7 тыс. руб.²²

Обман покупателя производился и путем фальсификации товаров. Так, работники одного из магазинов Кировского Райпищеторга Ленинграда примитивным методом изготовляли и продавали тертый сыр из остатков брускового сыра с просроченным сроком реализации²³. Но чаще всего фальсифицировались напитки (вино, водка, соки, молоко и др.) путем разбавления водой.

Одной из самых проблемных оставалась сеть по продаже алкогольных и прохладительных напитков, отпускаявшихся, как правило, через мензурки, сиропные стаканы, пивные кружки. С января 1948 по август 1949 г., по материалам ленинградской ГТИ, следственным органам были переданы материалы в отношении 26 работников Минводторга, 251 чел. снят с работы, 1266 — подвергнуты дисциплинарным взысканиям, 141 — денежному штрафу²⁴. Для предотвращения обмана ленинградских покупателей были приобретены 211 дозаторов (водочных, сиропных, пивных). Однако руководители системы не торопились внедрять технику. 30 из 55 сиропных дозаторов Ленминводторг установил на промышленных предприятиях, где газированная вода отпускалась рабочим бесплатно, а сладкие сиропы (по понятным причинам) не пользовались спросом. Руководство ГТИ предложило обязать местные органы Минторга открывать новые предприятия только при наличии в них дозирующих приборов, предупредив руководителей о персональной ответственности за их внедрение²⁵. Однако и спустя год в торговой сети Ленинграда имелось всего 142 водочных дозатора, а пивные ввиду несовершенства конструкции не использовались вовсе²⁶. В 129 из 141 проведенных за первую декаду ноября 1954 г. предприятий Ленминводторга были установлены 345 случаев нарушения правил торговли, т.е. в среднем по три нарушения в каждой торговой точке. Более 75 % их составляли факты обмана покупателей — недолив, фальсификация, обсчет²⁷. В дальнейшем уровень правонарушений в сети по продаже напитков оставался неизменно высоким. Существовала даже поговорка, что «на пивной пене можно построить дачу».

В промтоварной торговле наибольшее распространение имели обсчет, обмеривание (для чего использовались неполные измерительные метры), перебортица. Согласно советскому законодательству, каждый товар должен был снабжаться маркировкой: в ярлыке или на этикетке указывались предприятие-изготовитель, артикул товара, его сорт, дата изготовления и цена. Без нее

²² Там же. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 127. Л. 36.

²³ ЦГА СПб. Ф. 9937. Оп. 1. Д. 106. Л. 21.

²⁴ Там же. Д. 5. Л. 167.

²⁵ Там же. Л. 160, 167.

²⁶ Там же. Д. 7. Л. 127.

²⁷ Там же. Д. 18. Л. 182.

ни одно промышленное и торговое предприятие не могло выпустить товар в продажу. Во избежание возможности обмана покупателей торговые организации были обязаны вывешивать для всеобщего ознакомления розничный прейскурант и ценники. Министр торговли СССР своим приказом от 14 апреля 1951 г. установил, что на всех товарах в магазинах должны присутствовать ярлыки, централизованно изготовленные Союзторгрекламой²⁸. Но предприимчивые дельцы заказывали в типографиях излишнее количество маркировочных бланков и использовали их в своих целях. В торге Ленодежда в октябре 1953 г. была арестована группа продавцов и сотрудников артели Швейбытпром. Члены артели нашивали на дамские шляпы ярлыки, предназначенные для головных уборов более высокого сорта. Только в течение месяца в пяти магазинах Ленодежды было продано по завышенным ценам 1465 шляп с неправильной маркировкой²⁹.

Периодические перебои в торговле и дефицитность рынка обусловили такое явление, как припрятывание под прилавком, в подсобках и других служебных помещениях товаров для дальнейшей продажи их по знакомству. В ходе одной из проверок в крупнейших промтоварных магазинах Ленинграда в августе 1973 г. в 12 из 59 предприятий были выявлены подобные факты³⁰. Что же касается мелкорозничной сети, такие примеры инспектора были готовы приводить десятками — почти по каждому магазину.

В правовой литературе отмечалось, что обман покупателей являлся наиболее опасной формой тунеядства и паразитизма, чем предопределялась его высокая общественная опасность³¹. Среди причин этого явления правоведа называли наличие пережитков прошлого в сознании людей, «родимых пятен» капитализма, выражающихся в частнособственнической психологии; недостатки в подборе торговых кадров; недостаточный контроль над их деятельностью.

Сами же работники торговли оправдывали себя тем, что нередко вынуждены были затраты на перевозку товаров и тары, покупку оберточной бумаги и пр. производить из личных средств и возмещение понесенных расходов перекладывали на плечи потребителей. Так, директор магазина 42 ОРСа Октябрьской железной дороги Пуненков в объяснении писал: «Единственной объективной причиной, толкающей людей на нарушения [является] только та, что нередко продавцам приходится рассчитывать на продукты за доставку товара и отгрузку тары, так как Управление ОРСа предоставляет транспорт нерегулярно и в недостаточном количестве, а для отправки тары на тарные склады — совершенно не предоставляет, поэтому приходится часто пользоваться случайным

²⁸ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 127. Л. 184.

²⁹ Там же. Л. 187.

³⁰ ЦГА СПб. Ф. 9937. Оп. 1. Д. 127. Л. 136.

³¹ Романенко Н.М. Ответственность за преступления в области торговли по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1963. С. 1.

транспортом»³². Продавец ларька одного из пищеторгов Ленинграда Егорова в объяснении по поводу обмеривания покупателей указала: «Я недолив признаю... так как ларь мы обогреваем за свой счет, тратим на керосин 5 руб. в день, водопровод утеплили также за свой счет, уплатили 200 руб. <...> перед этим обращались в торг, но получили отказ. Директор магазина Мельникова об этом знает... поэтому приходится вынужденно систематически делать недолив»³³. Представляется, однако, что причина — в пресловутом человеческом факторе. Будучи в большинстве своем прекрасными психологами, торговые работники на практике воплощали поговорку: «Купец что стрелец — оплошного ждет». И к концу смены сэкономленные копейки превращались в полновесные рубли.

Только по РСФСР ежегодно инспектировалось около 300 тыс. магазинов и столовых, проводилось свыше 80 тыс. проверок качества товаров. По данным П.Ф. Перевозника, четырнадцать лет возглавлявшего службу БХСС–БЭП в стране, за 1969 г. было выявлено более 17 тыс. фактов обмана потребителей³⁴. В 1970-е гг. работники торговли обманывали покупателей на сумму, равную 15 % ежемесячного заработка. Особую тревогу начальника УБХСС МВД СССР вызывало то, что количество преступлений этого вида ежегодно возрастало в среднем на 16 %³⁵.

Для борьбы с недобросовестностью продавцов в торгующих организациях разрабатывались новые методы воздействия на виновных. Так, Минторг УССР установил порядок, при котором местные ГТИ направляли на учебные курсы тех руководителей, в подведомственных предприятиях которых выявлялись нарушения правил торговли, с последующим приемом экзаменов от них; 192 руководителя, не сдавших экзамены, освободили от занимаемых должностей³⁶.

Меры эти были весьма своевременны, ибо работники торговли и общественного питания, особенно рядовые, проявляли очень низкую осведомленность в вопросах законодательства. В ходе одного из социологических исследований в середине 1980-х гг. им было предложено найти решения по ряду юридических казусов. Число правильных ответов у них оказалось в два раза ниже по сравнению с рабочими тяжелой промышленности и в полтора раза ниже, чем у творческой интеллигенции. Многие из них не знали, как закон оценивает сокрытие от продажи дефицитных товаров. Проявляя готовность активно реагировать на факты совершения преступлений против личности и общественной безопасности (причинение телесных повреждений, хулиганство и пр.), они пассивно относились к правонарушениям, совершенным в сфере торговли (поборам, сокрытию дефицита). Осуждая их в личных оценках, при решении вопроса о наказании

³² ЦГА СПб. Ф. 9937. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.

³³ Там же.

³⁴ ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2921. Л. 197.

³⁵ Перевозник П.Ф. О прошлом для будущего. М., 2002. С. 54.

³⁶ ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 6343. Л. 112.

за подобные проступки они ограничивались эмоциональной реакцией (пытались бы «усоветить» на словах)³⁷. Тем самым, еще не зная слова «корпоративность», работники ярко демонстрировали профессиональную сплоченность.

Самым распространенным в 1960-е — начале 1980-х гг. являлся обман путем превышения установленных розничных цен³⁸. Согласно результатам выборочной проверки ГТИ на предприятиях государственной торговли Ленинграда, проведенной в августе–сентябре 1970 г., подобные нарушения были выявлены в 35,8 % предприятий. Общая сумма завышения розничных цен, подлежащая изъятию в бюджет, составила 144,41 тыс. руб.³⁹

Но далеко не все проверки достигали своей цели. За 1983 и три квартала 1984 г. по РСФСР было проведено 572 тыс. проверок соблюдения правил торговли, из них 427 тыс. недостатков не выявили. Однако это не свидетельствовало о действительном улучшении ситуации в потребительской сфере. В ходе проверок Комитета народного контроля выявлялись неоднократные факты сращивания торгово-инспекторского аппарата с организованными группами, осуществлявшими обман потребителя в широких масштабах. В 1984 г. за использование служебного положения в корыстных целях, сговор с работниками торговли и взяточничество были привлечены к дисциплинарной и судебной ответственности 12 руководителей областных управлений ГТИ. В 1985 г. за упущения в работе были освобождены или заменены 15 начальников местных управлений торгинспекции⁴⁰.

В Ленинграде в конце 1980-х гг. инспекторы фиксировали нарушения в 25–30 % обследуемых предприятий (результаты проверок — см. в табл.).

*Результаты проверок торговой сети Ленинграда
инспекторами ГТИ в 1988–1990 гг.*

Параметры	1988 г.	%	1989 г.	%	9 мес. 1990 г.	%
Общее кол-во проверок	3758	100	3622	100	2289	100
Кол-во торговых точек, в которых выявлялись нарушения правил торговли	1014	27	1074	29,6	588	25,6
В том числе: Завышение цен	81	2,1	96	2,6	59	2,5

³⁷ Юцкова Е.М. Характеристика правосознания некоторых социальных групп населения // Криминологические проблемы правосознания и общественного мнения о преступности: Сб. науч. тр. М.; Прага, 1986. С. 151, 155.

³⁸ Так, 70 % рассмотренных судами Волгоградской и Саратовской областей в 1962 г. уголовных дел по ст. 156 УК составили дела о превышении розничных цен, а по судам Астраханской и Куйбышевской областей — 75 %. См.: Вольфман Г.И., Маландин И.Г. Уголовно-правовая борьба с обманом покупателей. Саратов, 1963. С. 18.

³⁹ ЦГА СПб. Ф. 9937. Оп. 1. Д. 106. Л. 191.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 8643. Л. 119, 127.

Обвес, обсчет	840	22,3	820	22,6	418	18,2
Нарушение порядка продажи товаров	395	10,5	527	14,5	256	11,1
Нарушение порядка ведения Книги отзывов и предложений	85	2,3	80	2,2	59	2,5
Пользование неисправными весоизмерителями	92	2,4	106	2,9	42	1,8

Источник: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 243. Д. 27. Л. 32; Д. 59. Л. 83. Количество нарушений не совпадает с числом проверенных торговых точек, поскольку во многих магазинах в ходе рейдов выявлялись множественные нарушения

Это соответствовало статистике по стране в целом. В конце 1980-х гг. контролирующие органы фиксировали нарушения порядка продажи товаров в каждом третьем из проверяемых торговых предприятий. В 1989 г. в СССР более 70 тыс. работников были наказаны в административном и уголовном порядке за несоблюдение правил торговли. По оценкам ВНИИ МВД СССР, ежегодно сумма наживы от обмана покупателей достигала 6 млрд руб.⁴¹

В начале 1990-х гг. в условиях перехода торговли на карточную систему процент нарушений вырос за счет завышения цен (в том числе на товары низкого качества) и несоблюдения порядка продажи. Только в Ленинграде в январе–марте 1990 г. в ходе проверок было выявлено задержанных от реализации товаров на сумму свыше 10 млн руб., в каждом втором из более чем 1 тыс. предприятий торговли и общепита инспекторы выявили нарушения правил торговли⁴². Специфическим нарушением стало несоблюдение ассортимента товаров, предназначенных для торговли по талонным блокам. При этом нередко продукты отсутствовали на витрине, но имелись в кладовых. При проверках неоднократно фиксировались случаи бесталонных продаж с черного хода. Подобные нарушения оказывались возможны вследствие беспорядков в деле документооборота. Талоны в торг не сдавались, а хранились в магазинах, причем учет и хранение осуществлялись с нарушением установленного порядка: без сортировки по датам, без оговорки исправлений в журналах учета.

В ряде магазинов неправильно заполнялись ценники — указывалась продажная цена без выделения суммы налога с продажи. Договорные цены в разы превышали предельные розничные. При выявлении подобных фактов в ходе проверок инспекторы снимали такие товары с реализации, взыскивая излишние суммы в госбюджет. Хозяйственная неразбериха, а также запрет на проверки кооперативных магазинов способствовали тому, что они открыто занимались спекуляцией товаров, скупленных в госторговле. Продажа велась без оформления ценников, документы о приемке составлялись в произвольной форме

⁴¹ Крылов А.А. Спекулятивная горячка: истоки и лабиринты // Теневая экономика. М., 1991. С. 90–91.

⁴² ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 9959. Л. 7.

и не являлись бланками строгой отчетности⁴³. Необходимо признать, что попытка поддержать свободное предпринимательство на рубеже 1980–1990-х гг. при сохранении плановых начал экономики серьезно усложнила криминогенную ситуацию в стране и на потребительском рынке в частности.

Богатство форм контроля в торговле не поддавалось счету, но от их количества не заполнялись полки магазинов. На одном из заседаний Секретариата ЦК КПСС в мае 1991 г. отмечалось, что в предыдущем году из более чем 6 тыс. злостных нарушителей правил торговли было осуждено к лишению свободы лишь 7 человек; при этом ведомственный, вневедомственный, партийный, общественный контроль осуществляли 32 различные организации, а также почти 2 млн рабочих контролеров⁴⁴.

Работа торговых инспекторов по большей части была обезличена, малоэффективна. Вместо оперативного контроля деятельность ГТИ сводилась, скорее, к информированию властей о беспорядках в сфере обслуживания. Инспекторы должны были наблюдать за соблюдением правил торговли и цен во всех торгующих системах. Но в основном они проводили проверки на предприятиях Министерства торговли; торговая сеть потребкооперации, других министерств и ведомств оставалась практически безнадзорной.

Отсутствие четкой и последовательной политики по делам об охране прав потребителя в СССР не только вело к сохранению масштабов преступности в этой сфере, но и способствовало совершенствованию способов обмана, организации преступных группировок, распространению коррупции и взяточничества.

С 2003 г., как уже указывалось выше, обман потребителей в Российской Федерации наказывается только в административном порядке. При этом органы Роспотребнадзора редко обращают внимание на такие мелочи, а рядовые граждане, как правило, не готовы жертвовать своим временем на бюрократические проволочки в поисках справедливости. Таким образом, обман покупателей остается по большей части безнаказанным. Даже если удастся доказать наличие прямого умысла, недобросовестному продавцу в реальности грозит только денежный штраф.

В начале 2015 г. Министерством промышленности и торговли РФ был разработан законопроект, устанавливающий четкие пределы погрешности при взвешивании и отмеривании товара, превышение которых должно было повлечь обвинение в обмане покупателей. Представляется, однако, что подобные нормативы будут лишь провоцировать «нечистых на руку» торговцев на постоянное обвешивание и обмеривание, позволяющее им легально и безнаказанно наживаться за счет покупателей.

⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 243. Д. 84. Л. 24.

⁴⁴ Против теневой экономики // Правда. 1991. 28 мая.

References

- Juckova E.M.* Charakteristika pravosoznaniya nekotoryh social'nyh grupp naselenija // Kriminologicheskie problemy pravosoznaniya i obshhestvennogo mneniya o prestupnosti: Sb. nauch. tr. M.; Praga, 1986.
- Krylov A.A.* Spekuljativnaja gorjachka: istoki i labirinty // Tenevaja jekonomika. M., 1991.
- Levina V.G.* Ja pomnju. Zаметki leningradki. SPb., 2007.
- Meshherin A.I.* Obman potrebitelej: byt' ili ne byt' // Pravo: teorija i praktika. <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0903/12.html> (data obrashhenija 15.05.2015).
- Perevoznik P.F.* O proshlom dlja budushhego. M., 2002.
- Romanenko N.M.* Otvetstvennost' za prestuplenija v oblasti trgovli po sovetскому ugolovnomu pravu: Avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. M., 1963.
- Tverdjukova E.D.* Gosudarstvennoe regulirovanie vnutrennej trgovli v SSSR (konec 1920-h — seredina 1950-h gg.). SPb., 2011.
- Vol'fman G. I., Malandin I.G.* Ugolovno-pravovaja bor'ba s obmanom pokupatelej. Saratov, 1963.

Список литературы

- Вольфман Г.И., Маладин И.Г.* Уголовно-правовая борьба с обманом покупателей. Саратов, 1963.
- Крылов А.А.* Спекулятивная горячка: истоки и лабиринты // Теневая экономика. М., 1991.
- Левина В.Г.* Я помню. Заметки ленинградки. СПб., 2007.
- Мещерин А.И.* Обман потребителей: быть или не быть // Право: теория и практика. <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0903/12.html> (дата обращения 15.05.2015).
- Перевозник П.Ф.* О прошлом для будущего. М., 2002.
- Романенко Н.М.* Ответственность за преступления в области торговли по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1963.
- Твердюкова Е.Д.* Государственное регулирование внутренней торговли в СССР (конец 1920-х — середина 1950-х гг.). СПб., 2011.
- Юцкова Е.М.* Характеристика правосознания некоторых социальных групп населения // Криминалогические проблемы правосознания и общественного мнения о преступности: Сб. науч. тр. М.; Прага, 1986.

Д.М. Омельченко

Образ Египта в произведениях Иоанна Кассиана Римлянина

В творчестве И.П. Медведева проблема межкультурной коммуникации занимает видное место. В знак признательности и уважения мне бы хотелось на материале поздней античности осветить еще одну грань в бесконечном разнообразии тем, связанных с этой проблемой, к юбилею Игоря Павловича.

Иоанн Кассиан, прозванный Римлянином (ок. 360 — ок. 435), был одним из основателей регулярного монашества в западной части Римской империи и первым, чьи богословские воззрения составили серьезную оппозицию учению Августина Гиппонского о предопределении и благодати. Кассиан, в совершенстве владевший латынью и греческим, живший в Палестине, Египте, Константинополе, Риме и южной Галлии, ощущал себя проводником, или переводчиком, в котором имели нужду обе части позднеантичной духовной ойкумены¹.

Перипетии его жизненного пути напоминают приключенческий роман². Родом предположительно из Малой Скифии (Scythia Minor, современная Добруджа в Румынии)³, Кассиан в юности вместе с другом Германом отправился

¹ *Ioannes Cassianus. Collationes. Praef.* // PL. XLIX. Coll. 477–1328. (Далее для краткости принято обозначение Coll.). В русском переводе: *Иоанн Кассиан Римлянин. Собеседования египетских подвижников* // Он же. Писания / Пер. еп. Петра (Екатериновского). Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 165–520.

² Биография Иоанна Кассиана изложена в книге Геннадия Марсельского «О церковных писателях» (*Gennadius Massiliensis. De scriptoribus ecclesiasticis. 61* // PLLVIII. Coll. 1094–1096).

³ Мы оставляем в стороне споры о его происхождении, отсылая желающих ознакомиться с данной проблемой к следующим трудам: *Chadwick O. John Cassian. A study in primitive*

в «странствование ради воспитания себя в качестве духовного воинства»⁴. Обучаясь правилам духовной жизни, они некоторое время жили у монахов в Вифлееме, где познакомились и с аввой Пануфием, настоятелем одного из египетских монастырей, бежавшим сюда от тяготившей его славы. Возможно, под влиянием бесед с Пануфием молодыми людьми овладело желание отправиться в знаменитый центр монашества — египетскую Фиваиду. Водным путем они переправились в город Феннез (Thennessus) в восточной части дельты Нила⁵. С этого времени в течение семи лет Иоанн и Герман слушали наставления знаменитых старцев и пытались по мере сил подражать их жизни. Их общение с египетскими монахами было столь тесным, что они оказались втянуты в оригенистские споры⁶, на очередной волне которых в 400 г. оказались в Константинополе. Здесь Иоанна и Германа радушно принял патриарх — Иоанн Златоуст (344/354–407). Он настолько проникся доверием к Кассиану, что, рукоположив его в диакона, назначил хранителем сокровищницы кафедрального собора. Когда же в 404 г. Иоанна Златоуста отправили в ссылку, друзья поехали в составе посольства Константинопольского клира искать справедливости в Риме — у папы Иннокентия I. Пребывание в Риме, планировавшееся как краткое, продолжалось в силу ряда обстоятельств около 12 лет.

Наконец, в 415 или 416 г., по неизвестной причине Кассиан (уже без Германа) отправился в южную Галлию — в город Массилию (Марсель). Здесь он через некоторое время основал мужской и женский монастыри, в которых на практике попытался адаптировать полученный на Востоке аскетический опыт к западным условиям. Кроме того, он изложил правила общежительного египетского монашества в двух трудах: «*De institutis coenobiorum*»⁷ (в русском переводе известном как «Постановления киновитян») и «*Collationes*» («Собеседования»). Эти произведения стали вторыми — после Библии — книгами для нескольких поколений галльских монахов⁸.

Написанные спустя два десятилетия после того, как Кассиан покинул Египет и Палестину, «Собеседования» и «Постановления» не раз вызывали сомнения исследователей в аутентичности описанного там опыта: книги слишком подробны для воспоминаний о давно минувшем⁹. Однако нас в данном случае

monasticism. Cambridge: Cambridge UP, 1950. P. 195–198; *Stewart C. Cassian the Monk*. Oxford, 1998. P. 4–5.

⁴ Coll. XVI, praef.

⁵ Coll. X. 1.

⁶ См. об этом ниже.

⁷ *Ioannes Cassianus*. De institutis coenobiorum // PL XLIX. Coll. 53–476. (В дальнейшем для краткости — Inst.). В русском переводе: *Иоанн Кассиан Римлянин*. О постановлениях киновитян // Он же. Писания. С. 7–164.

⁸ *Leysner C.* Authority and asceticism from Augustine to Gregory the Great. Oxford, 2000. P. 37.

⁹ Подробнее об этом: *Chadwick O.* John Cassian... P. 13–33; *Chadwick H.* The Early Church. L., 1969. P. 18–22.

будет интересоваться не этот аспект его трудов, а тот образ Египта, который стремился создать автор в глазах своих латинских читателей.

Чтобы очертания этого образа были более рельефными, необходимо коснуться нескольких обстоятельств. В Галлии еще до появления Кассиана существовали очаги монашества, и не всегда их возникновение можно однозначно связать с влиянием восточного опыта. Значимым событием в истории галльского монашества стало появление нескольких монастырей, основанных Мартином Турским (336–397). Впрочем, единственным прочным камнем в фундаменте этих начинаний было харизматическое лидерство святого епископа, поскольку после его смерти о судьбе этих монастырей ничего неизвестно¹⁰. Иными словами, новым в деятельности Иоанна Кассиана в Галлии было не основание монастырей, а попытка придать им регулярный характер, организовать их жизнь по четким писаным правилам, с опорой на восточный опыт, но с учетом конкретных географических и природных реалий Галлии и психологических особенностей ее жителей.

Другое обстоятельство деятельности Иоанна Кассиана связано с широкой проблемой, которую с известными параллелями и условностями можно обозначить как «египетский текст латинской христианской литературы». Центральное произведение, на долгое время определившее представление о египетском монашестве, — это «Житие Антония Великого»¹¹, написанное епископом Афанасием Александрийским (295–373) приблизительно в 357–362 гг. В книге александрийского богослова аскетические подвиги стоявшего у истоков монашества Антония — копта по происхождению, едва ли знавшего греческий язык — осмыслены в терминах неоплатонизма и стоической философии. Египетская пустыня здесь служит эффектной декорацией для грандиозной битвы человеческого духа со страстями и искушениями. Первый, анонимный и буквальный, латинский перевод появился около 373 г., а второй, выполненный епископом Евагрием Александрийским (ум. 392/3), «по смыслу», — не позднее 375 г. Евагрий усилил ангелологическую и демонологическую составляющие оригинального текста, обозначив важнейшие составляющие Египта как сакрального локуса¹². Точная дата появления «Жития Антония» на Западе неизвестна, однако около 380 г. группа молодых людей

¹⁰ Fontaine J. L'ascetisme chrétien dans la littérature gallo-romaine d'Hilaire à Cassien. La Gallia Romana // Academia Nazionale dei Lincei: Problemi attuali di scienza e di cultura. Roma, 1973. P. 87–115; Griffe É. La gaule chrétienne à l'époque romaine. P.–Toulouse, 1947. P. 279; Clébert J.-P. Provence Antique. III. Aux temps des premières chrétiens. P., 1992. P. 162–172; Сульпиций Север. 1) Житие Мартина. 19; 2) Диалог II. 8. 11 в книге: Сульпиций Север. Сочинения / Пер. и предисл. А.И. Донченко. М., 1999.

¹¹ Житие преподобного Антония, описанное святителем Афанасием Великим в послании к инокам, пребывающим в чужих странах // Преподобный Антоний Великий. Поучения. М., 2004. С. 241–302.

¹² Войтенко А.А. Египетское монашество в IV веке: Житие преподобного Антония Великого. Лавсаик. История монахов. М., 2012. С. 18.

обнаружила возле Трира уединенную хижину «рабов Господних», читавших эту книгу¹³.

Иероним Стридонский (ок. 347–419/20) в конце IV в. составил для западных читателей «Житие» Павла Фивейского — полулегендарного наставника Антония Великого¹⁴. А в начале V в. он перевел на латинский язык так называемый «Пахомиевский корпус» («Pachomiana Latina»), куда входили «Правила» основателя общежительного монашества Пахомия Великого, его послания и некоторые сочинения его учеников¹⁵. Весьма популярной стала и написанная на латинском языке «Historia monachorum»¹⁶ (кон. IV в.) — рассказ о путешествии нескольких насельников монастыря на Елеонской горе (в Палестине) по Верхнему и Нижнему Египту предположительно в 394–395 гг. Ее автором считается один из путешественников — Руфин (345–410), происходивший из итальянского города Аквилеи. Произведение содержит рассказы о подвижниках, с которыми Руфин беседовал лично, о которых рассказали другие паломники, а также краткие истории о святых, чью память чттили их ученики. Принадлежит к жанру peregrinatio, «История монахов» всё же не была точным путеводителем по Египту, а предназначалась для развлечения и духовной пользы читателей¹⁷. Это наложило отпечаток на структуру произведения, изобразительные приемы автора и его особый интерес к чудесным явлениям.

Хотя некоторые представители западной части Римской империи совершали паломнические поездки в Египет¹⁸, всё же знакомство с ним было весьма поверхностным. Как отмечает А.А. Войтенко, «можно полагать, что на христианском Западе, по крайней мере на протяжении IV в., были слабо осведомлены о египетском подвижничестве. Единственным исключением был Рим — что неудивительно. Этот мегаполис представлял собой своеобразную “контактную зону”, куда стекались представители всей христианской ойкумены»¹⁹.

На фоне слабого знакомства с Египтом указанные выше тексты формировали определенные доминанты представлений латиноязычных читателей о восточном монашестве. «Пустынный эпос»²⁰ был повествованием о далеком,

¹³ *Августин*. Исповедь. VIII. 6. 15 / Пер. с лат. М.Е. Сергеевко. М., 2003.

¹⁴ *Vita S. Pauli primi eremiteae* // PL. XXIII. Coll. 17–28.

¹⁵ Часть из них собрана в PL. XXIII. Coll. 65–100.

¹⁶ *Historia monachorum in Aegypto* / Éd.crit. du texte grec et traduction annotée par A.-J. Festugière. Bruxelles, 1971 (*Руфин Аквилейский*. История египетских монахов / Пер. Н.А. Кульковой. М., 2001).

¹⁷ *Войтенко* А. А. Египетское монашество в IV веке. С. 64.

¹⁸ «Лавсаик» (глава X и XLVI) Палладия Еленопольского повествует о двух знатных римлянках — Мелании Старшей и Младшей, которые в последней трети IV в. путешествовали по Египту (*Palladius*. *The Lausiaca history*. N. Y., 1918).

¹⁹ *Войтенко* А.А. Египетское монашество в IV веке. С. 193.

²⁰ Выражение Ж. Ле Гоффа (*Ле Гофф* Ж. Средневековый мир воображаемого / Пер. с фр. М., 2001. С. 87).

экзотичном и полном чудес мире. Импульс во многом задавался исходным материалом, с которым работали переводчики. Как пишет британская исследовательница Фрэнсис М. Янг, «пророчества, чудеса и удивительные подвиги отшельников составляли саму плоть восточной монашеской традиции, они были частью той атмосферы, которая входила в состав этого специфического мировоззрения и образа жизни»²¹. Герои «пустынного эпоса» были максимально далеки от всякой «цивилизованности» с ее благами и соблазнами. Эта отдаленность не только географического свойства, но и «культурного», поскольку в текстах многие монахи представлены как люди, не владеющие ни греческим, ни латинским языками.

Примечательно в связи с этим свидетельство Аврелия Августина. В своей «Исповеди» он показывает реакцию образованного римского юноши, впервые узнавшего о подвигах египетских монахов: «Поднимаются неучи и похищают Царство Небесное, а мы вот с нашей бездушной наукой и валяемся в плотской грязи!»²² Это, конечно, эмоции интеллектуала, в которых чувствуется привкус давней философско-религиозной идеи победы духа над телом²³ или юношеский максимализм. Как воспринимали рассказы о египетских монахах простые полуграмотные или вовсе безграмотные люди, судить трудно. Возможно, для них христианская аскеза представляла собой некую новую форму магии²⁴.

Таким образом, ко времени написания Кассианом своих произведений сюжеты о Египте уже успели приобрести на Западе мифологический привкус. Более того, египетские монахи постепенно становились теми «значимыми другими», с помощью которых западные ревнители аскезы искали собственную идентичность. В этом смысле очень характерны «Диалоги» аквитанского аристократа Сульпиция Севера (сер. IV в. — 420-е гг.). Созданные одновременно или чуть раньше произведений Кассиана, они представили тему христианского Египта в принципиально новом ключе. Сульпиций, организовавший в своем поместье аскетический кружок почитателей Мартина Турского, сам никогда не ездил в Египет. Впрочем, и Мартина он никогда не видел, хотя был знаком с его уче-

²¹ Янг Ф.М. От Никеи до Халкидона: Введение в греческую патристическую литературу и ее исторический контекст / Пер. с англ. П.Б. Михайлова и др. М., 2013. С. 141.

²² Августин. Исповедь. VIII. 8. 19.

²³ Об интеллектуалах, действительно решившихся последовать примеру «неучей», выразительно сказал С.С. Аверинцев: «Блестящие, образованные, утонченные господа... отрекались от приманок цивилизации, чтобы пойти на выучку к грубоватым и хмурым египетским мужикам, являвшим на деле ту цельную, бескомпромиссную простоту сосредоточенной воли, что так трудно давалась всем этим “последним эллинам” и “последним римлянам”» (Аверинцев С.С. От берегов Босфора до берегов Евфрата: Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н.э. // Аверинцев С.С. Другой Рим. СПб., 2005. С. 96).

²⁴ Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 33.

никами. Сюжет «Диалогов» начинается с того, что друг Сульпиция Постумиан, вернувшийся из паломничества в Египет, рассказывает членам кружка о жизни и чудесах восточных аскетов. В ходе повествования паломник делает несколько колких замечаний в адрес галльских монахов. Последние, вкладывая в свое оправдание тонкий привкус самоиронии, пытаются объяснить всё естественными причинами²⁵ и всякий раз лаконично заявляют: «Мы — галлы»²⁶. Более того, именно в параллель сюжету о добродетелях «чужих» монахов выстраивается повествование о жизни «своего» подвижника — Мартина Турского. По мнению Сульпиция, «хотя Египет [обилен] числом своих святых и горд их добродетелями, но ему и всей Азии в одном только Мартине Европа [ни в чем] не уступила»²⁷.

На первый взгляд, перед Кассианом стояла максимально практическая задача — на примере жизни египетских монахов рассказать о конкретных путях достижения духовного совершенства. Однако текст его сочинений слишком многослойный, чтобы свести его лишь к цели просвещения западных ревнителей аскезы. Говоря о правилах монашеской жизни в Египте, Кассиан должен был иметь в виду существование «египетского мифа», поскольку часто в его текстах очевидна попытка избавить египетскую тему от мифологических мотивов и расставить свои богословские акценты. Однако обо всём по порядку.

Иоанн оказался на родине монашества, когда «египетский аскетизм достиг своего зенита. Свежий импульс, данный святым Антонием, еще не сошел на нет, обратная сторона достигнутых успехов и скрытые опасности неизбежной популярности еще не обнаружили свой яд»²⁸. Изначальным намерением Кассиана и Германа, как уже указывалось, было посетить самую дальнюю пустыню — Фиваиду. Но этой цели они так и не достигли. Хотя произведения Кассиана не являются итинерариями и было бы напрасно искать в них точные географические указания, их примерный маршрут реконструировать можно. Упомянутые в «Собеседованиях» места свидетельствуют о том, что их знакомство с Египтом ограничилось нижним течением Нила. Они посетили города в Дельте — Панефис²⁹ (Панефиз) и Диолк (Диолкос)³⁰, а также знаменитые монашеские центры — Келлии³¹ и Скит³².

Как известно, египетское монашество даже в IV в. не было монолитным, различаясь не только в своих аскетических практиках, но подчас и в богословии.

²⁵ Вот, например, как обыгрывается такой стереотип, как любовь галлов к обильной пище. «Мы имеем обыкновение наедаться до тошноты, — заявляет один из монахов. — Прожорливость у греков от жадности, у галлов же от природы» (*Сульпиций Север*. Диалог I. 8. 4).

²⁶ *Сульпиций Север*. Диалог I. 8. 5.

²⁷ *Сульпиций Север*. Диалог II (III). 17. 4–7.

²⁸ Chadwick O. John Cassian... P. 13.

²⁹ Coll. XI–XVII, XX–XXIV.

³⁰ Coll. XVIII.

³¹ Coll. VI. 1; Inst. IV. 34.

³² Coll. I–X, XX.

Среди монахов выделялось несколько этнических групп. Основные — это копты и греки, а в последней трети IV в. появились и паломники, говорящие на латыни³³. Будучи крестьянского происхождения, многие монахи знали лишь коптский язык и могли общаться с чужеземцами через переводчиков. Не случайно, встретив говорящего по-гречески авву Иосифа, Кассиан счел нужным это подчеркнуть³⁴. Впрочем, рассказы о встречах с рассуждающими на темы аскетического богословия старцами заставляют предположить, что иные из них могли просто не владеть разговорным греческим, но читали греческие книги.

Северная часть Египта, в которой оказались Иоанн и Герман, находилась в непосредственной близости от Александрии, испытывала мощное греческое влияние. Материалы раскопок второй половины XX в. показали, что некоторые жившие там монахи могли происходить из городской элиты³⁵. Из нарративных источников очевидно, что в Нижнем Египте широкое распространение получили не коптская литература, а труды христианских платоников Климента Александрийского (ок. 150 — ок. 215), Оригена (ок. 184 — ок. 253) и Евагрия Понтийского (ок. 345 — ок. 399)³⁶. Последние двое не только формулировали аскетический идеал в категориях эллинистической философии, но и глубоко исследовали истоки зарождения греха в человеческом сердце, методы борьбы с искушениями и пути стяжания добродетелей³⁷.

Как пишет О. Чедвик, «александрийское богословие явилось предпосылкой... утонченной концепции духовной жизни, далекой от народной простоты коптов»³⁸. В беседах с представителями эллинской интеллектуальной культуры Кассиан приобщился к той дисциплине богословской мысли и соответствующему взгляду на духовную жизнь, которые отличают его произведения от прочих текстов о египетских монахах.

Отметим еще одно обстоятельство. В Нижнем Египте, при всём многообразии форм аскетической жизни, всё же не было распространено отшельничество в чистом виде, но не было и монастырей с жестким, как в военном лагере, уставом, как у Пахомия Великого. Киновии — небольшие общины монахов, объединенных иерархией подчинения, общей трапезой или богослужением³⁹, — в немалой степени держались здесь на неформальном авторитете старцев⁴⁰.

³³ Читти Д. Град Пустыня. СПб., 2007. Гл. III.

³⁴ Coll. XVI.1.

³⁵ Это подтверждается в том числе эпиграфическими данными (Фридман И.А. Келлии // ПЭ. Т. XXXII. М., 2013. С. 365–366).

³⁶ Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. VIII. СПб., 1851; *Сократ Схоластик*. Церковная история. VI. М., 1996; описание очевидного влияния александрийского богословия см. в Coll. X; XIII. 5; XVI. 1.

³⁷ Минин П.М. Мистицизм и его природа. Киев, 2003. С. 99–102.

³⁸ Chadwick O. John Cassian... P. 21.

³⁹ Inst. I. 3–9.

⁴⁰ Войтенко А.А. Египетское монашество в IV веке. С. 138.

Отшельничество хотя и считалось здесь более высоким призванием, не мыслилось без предварительного опыта монашеского общежития⁴¹.

Сразу следует оговориться, что собственно Египет — его географические и природные особенности, а также нравы и обычаи простого населения — очень мало занимали Кассиана. Не обнаруживал он вкуса и к точным исчислениям расстояний⁴². Впрочем, авторы «пустынного эпоса» тоже не отличались интересом к такого рода сюжетам. Скупые указания на соленые озёра (причем для двух разных местностей автор дает почти идентичные описания⁴³); растущий вдоль Нила папирус, идущий на различные бытовые нужды⁴⁴; особенности питания египтян⁴⁵; способы хозяйствования жителей приморского города⁴⁶ или нравы кочевого племени⁴⁷ — вот тот немногий «краеведческий» материал, который читатель мог почерпнуть из произведений Кассиана. Впрочем, последнего от других авторов отличает то, что его скупые описания никогда не переходят в плоскость «магического реализма»: монахи не переплывают Нил на крокодиле⁴⁸, не приказывают змеям охранять пещеру в пустыне от разбойников⁴⁹, не кормят с рук львов⁵⁰.

Вообще попытка «расколдовывания» Египта Кассианом очевиднее всего обнаруживается при обращении к теме чудес, которая была непременным атрибутом «пустынного эпоса» и вообще античной литературы о путешествиях⁵¹. Как заметил С.С. Аверинцев, «не надо думать, будто во времена, предшествовавшие новоевропейскому рационализму, тема чудотворчества была безопасной. Она могла быть прямо-таки скандальной. Без определенных презумпций, даваемых верой и вероучением, сюжет чудотворства вызывает неизбежные ассоциации с действиями и притязаниями мага — самозваного или, еще того тревожнее, настоящего»⁵².

У Кассиана понимание духовной опасности этих сюжетов выражено с предельной четкостью: «Чудеса, возбуждая удивление, мало содействуют святой жизни»⁵³. Или в другом месте: «Мы обещались писать не о дивных делах

⁴¹ Coll. Praef.; XVIII.

⁴² Coll. VI. 1; Inst. IV. 34.

⁴³ Coll. VII. 26; Coll. XI. 1–2.

⁴⁴ Coll. I. 23.

⁴⁵ Coll. VIII. 1.

⁴⁶ Coll. X. 1.

⁴⁷ Coll. II. 6.

⁴⁸ Руфин Аквилейский. История египетских монахов. XII.

⁴⁹ Руфин Аквилейский. История египетских монахов. IX.

⁵⁰ Сульпиций Север. Диалог I. 13.

⁵¹ Войтенко А.А. Египетское монашество в IV веке. С. 70.

⁵² Аверинцев С.С. Тема чудес в Евангелиях: чудо как деяние и чудотворчество как занятие // Аверинцев С.С. Связь времен. Киев, 2005. С. 137.

⁵³ Inst. Praef.

Божиих, а о постановлениях и ревности святых... чтобы читающим дать необходимое наставление в совершенной жизни, а не бесполезное при неисправлении пороков и суетное удивление»⁵⁴. Действительно, перелистывая многочисленные страницы «Собеседований» и «Постановлений», античный читатель не нашел бы привычных приемов удержания его интереса или сюжетов, дающих возможность немного отдохнуть от серьезных тем. Так, описывая различные виды духовной брани⁵⁵, Кассиан не вставлял в рассказ красочно изображенных битв с дьяволом, какие, например, присутствовали в «Житии святого Антония».

Складывается впечатление, что Кассиан старался «затушевать» проявления чудесного в Египте, поместить их на задний план, а то и вовсе умолчать о них. Едва коснувшись чудесного явления, он немедленно переводит повествование в область христианской морали. Особенно очевидно это при сопоставлении весьма популярного сюжета о том, как некий старец, стремясь испытать своего ученика, велит ему поливать сухую палку или дерево. В «Apophtegmata Patrum»⁵⁶ этим старцем является авва Аммой, а учеником — Иоанн Колов, или Малый. В «Диалогах» Сульпиция их имена неизвестны, а у Кассиана главным героем является Иоанн Ликопольский.

Итак, в «Апофтегмах» старец велит ученику поливать совершенно сухое дерево, ученик три года исполнял это повеление, и произошло чудо — иссохшее дерево покрылось пышной зеленью и дало обильные плоды⁵⁷. В «Диалогах» Сульпиция рассказ обрастает новыми яркими деталями. Вместо сухого дерева ученику дается засохший прутик стриакса. Противное природе приказание усугубляется тем, что ближайший источник воды для полива находится в двух милях от монастыря. Через три года ослабевший от трудов монах удостоился чуда — прут зацвел. И даже спустя несколько лет собеседник Сульпиция видел деревце, выросшее из этого прута⁵⁸.

Что же у Кассиана? Его рассказ, казалось бы, тоже настраивает читателей на ожидание чуда: «Однажды старец, воткнув в землю давно срубленную и почти сгнившую ветку кустарника, приказал Иоанну по два раза в день поливать ее, чтобы ветка от постоянной влажности пустила корни и выросла в дерево, под тенью которого можно было бы отдыхать в летнюю жару». Ожидание и интерес читателей подогревается не менее детальным описанием трудностей исполнения повеления старца: «Юноша, не рассуждая о несбыточности приказа-

⁵⁴ Coll. XVIII. Praef.

⁵⁵ Coll. VII. 15–34; VII. 20; VIII. 12–16; XIV. 7.

⁵⁶ Apophtegmata Patrum — агиографический памятник IV–VI вв., представляющий собой сборник поучений египетских монахов и кратких рассказов об их жизни. Подробнее см.: *Войтенко А.А., Двали М.Р., Сидоров А.И., Турилов А.А.* Apophtegmata Patrum // ПЭ. Т. III. С. 140–142.

⁵⁷ Алфавитный патерик, или Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов / Иоанн Колов. 2–3. М., 2009.

⁵⁸ *Сульпиций Север.* Диалог I. 19. 5.

ния, ежедневно исполнял его с такой точностью, что от ношения воды почти за две мили и поливания ветки в продолжение целого года не могли удержать его ни слабость телесная, ни праздники, ни исполнение важнейших дел, ни дурная зимняя погода. Старец молча, тайно каждый день наблюдал за точностью исполнения и видел, что он с простосердечным расположением исполняет его приказание, как данное от Бога, без всякого смущения в деле и без исследования причины. Хваля его искреннее смирение и послушание, а вместе с тем жалея о столь долгом труде, который он со всем усердием исполнял целый год, подошел к сухому прутику и говорит: «Иоанн! пустило ли корни это дерево или нет?»». Остановимся на миг и отметим, что вместо трех лет, как в других версиях рассказа, Иоанн трудится один год. Настроенный на ожидание чуда читатель ждет вместе со старцем ответа юноши. Но конец рассказа неожиданный: «Когда юноша сказал, что не знает, пустило ли дерево корни, то старец, как бы желая испытать, укрепились ли корни, выдернул перед ним прут этот и, бросив его, приказал ему уже оставить поливку»⁵⁹.

Итак, палка не только не зацвела пышным цветом, но даже не пустила корни. Вместо красочной миниатюры в духе «магического реализма» мы обнаруживаем назидательный пример, получающий трезвую оценку повествователя. Конечно, здесь, как и повсюду в тексте, более чем прохладное отношение Кассиана к чудесам отвечает его просветительской задаче — рассказать о Египте как о месте, где монах достигает духовного совершенства с помощью Божьей и посредством правильно организованной аскетической практики, а не зависит от чудес.

Этой же просветительской задаче служит описание Египта через рассуждения о «разности нравов» между египетскими и галльскими монахами. Система оппозиций, с помощью которой Кассиан делает это, заставляет предположить скрытую полемику с «традицией», основанной Мартином Турским. Последняя, насколько она нам известна по произведениям уже упоминавшегося Сульпиция Севера, не предполагала ни устава, ни иерархии подчинения, ни каких бы то ни было строгих монашеских обетов и основывалась на непререкаемом авторитете самого Мартина и подражании ему. В итоге неорганизованное монашеское движение в Галлии предстает полной противоположностью тому, каким Кассиан описывает Египет.

Сравнительные характеристики Кассиана служат иллюстрацией его изначального тезиса о том, что «лучше [восточных] монастырей... не может быть никакого нового братство на Западе в стране Галлии»⁶⁰. Так, если египетские монахи, по его словам, обладают добродетелью послушания, то «у нас [в Галлии] покоряться не могут и на краткое время»⁶¹. Если египетским монахам кротость нрава позволяет постоянно пребывать в одном монастыре, то в Галлии

⁵⁹ Inst. IV. 24. Текст приводится по русскому изданию, ввиду чрезвычайной выразительности перевода еп. Петра (Екатериновского).

⁶⁰ Inst. Praef.

⁶¹ Inst. IV. 1.

«постоянства никто и в течение года не сохранил»⁶². Если в египетских монастырях всё имущество общее, то «мы [галльские монахи] так любостыжательны, что... если кто хоть пальцем прикоснется к нашим вещам, воспламеняемся таким гневом, что от возмущения сердца не можем и слово вымолвить»⁶³. Если египтяне непрехотливы в пище, то галлы настолько подвержены чревоугодию, что порой, будучи не в силах умерить плоть, покидают монастырь⁶⁴. Наконец, Кассиан восхвалял в египетских монахах постоянные занятия физическим трудом, которым они стремились «истребить в себе память о пышности прежней жизни и удовольствиях и приобрести смирение сердца». Постоянный труд Кассиан считал основой «правильного управления и правильного подчинения»⁶⁵, т.е. сплоченности монашеского общежития. Акцент Кассиана на этой проблеме вновь заставляет вспомнить произведения Сульпиция, в которых последователи Мартина, вышедшие из аристократии, явно не обременяли себя ручным трудом или по крайней мере молитву считали более тяжким делом⁶⁶.

Разумеется, картина жизни в монастырях Египта была гораздо сложнее того идеала «Града Пустыни»⁶⁷, который описал Кассиан. Материалы раскопок, в частности, свидетельствуют о том, что отнюдь не все египетские монахи, часть из которых могла происходить из зажиточной среды, отказывались от атрибутов светской жизни⁶⁸. Для многих физический труд в виде плетения корзин или циновок (с последующей продажей их в городе) был просто залогом выживания. Да и многочисленные рассуждения в различных источниках о послушании не оставляют сомнений в том, что отнюдь не все египетские монахи этой добродетелью обладали.

Противопоставляя Египет Галлии, Кассиан описывал первый как «социальное ино-бытие»⁶⁹, в котором тесно переплелись светлые воспоминания о его

⁶² Inst. IV. 2.

⁶³ Inst. IV. 15.

⁶⁴ Coll. II. 24.

⁶⁵ Inst. II. 3; X. 23.

⁶⁶ Донченко А.И. Сульпиций Север и его произведения. Гл. 1 (<http://ancientrome.ru/antlitrg/sulpsev/intro-f.htm> (дата обращения 25.01.2012)). В этом, конечно, угадываются традиционные черты мышления представителей античной культуры, в которой физическому труду давалась низкая оценка.

⁶⁷ Выражение историка Д. Читти из его одноименной монографии.

⁶⁸ Фридман И.А. Келлии. С. 365.

⁶⁹ Как заметил Георгий Флоровский, «монашество есть “иное жительство”, вне “пребывающего града”, и как бы некий новый и особый “град” <...> В христианском мире монашество есть “иное”, некий “противо-град”, “анти-полис”... Монашество есть всегда исход из мира, выход из натурального общественного строя, отказ и отречение от всех гражданских связей, от семьи и родства, от отечества... И, однако, это не есть выход на анархический простор. Древнее монашество очень социально... В этом социальном ино-бытии всё своеобразии монашества и его исторический смысл» (Флоровский Г.В. Восточные отцы Церкви. М., 2003. С. 488. Курсив автора. — Д. О.).

собственной юности и его же представления о «золотом веке» монашества. Говоря «мы» в отношении галльского монашества, он вовсе не ассоциировал себя с ним, а пытался взглянуть на актуальных в тот момент «своих» глазами «чужого». Характеристика монашества Галлии соответствовала у Кассиана топике «варварского» пространства, лежавшего вне описываемого им «Града Пустыни». Интересно в связи с этим отметить, что младший современник Иоанна — Иларий — осмысливал отъезд группы галльских монахов на Восток как отплытие к берегам, «где римская образованность... почиталась за варварство»⁷⁰.

Другой механизм конструирования образа Египта можно рассмотреть на примере описания Кассианом «антропоморфитской смуты». Несколько упрощая суть проблемы ради краткости изложения, остановимся на этом на некоторое время. «Антропоморфитами» в полемической литературе именовались монахи, которые, основываясь на буквальном прочтении Книги Бытия 1:26 («И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему»), полагали, что Бог имеет человеческий образ и именно так Его следует представлять в молитвенной практике⁷¹. Им противостояли монахи, следовавшие александрийской экзегетической традиции. Поскольку наиболее влиятельным представителем последней был Ориген, оппонентов антропоморфитов называли «оригенистами». Вслед за Оригеном они полагали, что толковать указанное место Писания надо аллегорически, и подобие человека Богу заключается не в физическом облике, а в умной природе его духа⁷².

Поскольку антропоморфитами чаще всего были копты, а их оппонентами — грекоязычные монахи, в историографии можно встретить мнение, что в данном

⁷⁰ Слово св. Илария о жизни св. Гонората, епископа Арелатского. II. 13. 2 // Арелатские проповедники: Сборник исследований и переводов. М., 2004. С. 70.

⁷¹ Coll. X. 3; Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. VIII. 11.

⁷² Ориген пишет об этом следующее: «Того человека, о котором сказано, что он сотворен по образу Божию, мы не считаем телесным. Потому что телесная ткань не содержит в себе образа Божия, да и телесный человек называется не сотворенным, но созданным, как написано в дальнейшем: И создал, то есть вылепил, Бог человека из праха земного (Быт. 2:7). Тот же, который был сотворен по образу Божию, есть внутренний наш человек, невидимый, бестелесный, нетленный и бессмертный. Ибо в этих качествах справедливее всего признавать образ Божий. Если же кто-нибудь сочтет телесным того, кто создан по образу и по подобию Божию, тогда он, видимо, и Самого Бога вынужден представлять себе телесным и выглядящим, как человек; но думать так о Боге — совершенно нечестиво. Телесны как раз те самые люди, которые, будучи лишеными всякого понятия о божественном и читая в Писании о Боге: Небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих (Ис. 66:1), — воображают Бога столь огромного телом, что Он сидит, думают они, на небе, а ноги Его простираются до земли. Думают же они так потому, что нет у них ушей, способных слышать слова Божии о Боге, передаваемые через Писание. Слова: Небо — престол Мой, — тогда бывают поняты достойно Бога, когда мы знаем, что Бог покоится и пребывает в тех, жительство которых на небесах (ср.: Фил. 3:20)» (Цит. по: *Асмус Михаил, диакон*. Гомилия I Оригена Александрийского на книгу Бытия, 13 // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Богословие. Философия. 2008. Вып. 1 (21). С. 35–36).

споре невежеству простых монахов, неспособных подняться на богословские высоты, противостояли образованные греки⁷³. Однако от окончательных выводов стоит воздержаться хотя бы потому, что все сведения о смуте исходят из «оригенистского» лагеря. Впрочем, нам интересна здесь не столько позиция сторон⁷⁴, сколько то, о чём говорит и о чём умалчивает Кассиан, касаясь этой темы.

Начало смуты положило, согласно церковному историку Созомену (ок. 400 — ок. 450), Пасхальное послание патриарха Александрийского Феофила, составленное около 399 г. В нём патриарх, в духе александрийской богословской традиции, отметил, что «Бога надобно почитать бестелесным и чуждым человеческого вида»⁷⁵. Это вызвало резкое неприятие со стороны большинства монахов. Как повествует Иоанн Кассиан, старцы Скита, кроме аввы Пафнутия, не позволили читать послание⁷⁶. Созомен же сообщает, что возмущенные монахи направились в Александрию к Феофилу и, угрожая ему смертью, призвали отказаться от своих слов и анафематствовать сочинения Оригена. Патриарх, который рассчитывал воспользоваться возмущением монахов в своих политических интересах, тут же резко переменяет свою позицию⁷⁷. Значительная часть прооригенистски настроенных греческих монахов была изгнана из Египта, а учение Оригена осуждено на Соборе в Александрии в 399–400 гг.⁷⁸

У Кассиана перипетии споров описаны в короткой и яркой истории. В Скитской общине, где жили тогда Иоанн и Герман, был старец Серапион. Он «превосходил заслугами жизни» всех остальных монахов, но впал «по неучености и сельской простоте» в заблуждение антропоморфизма. В общине старались вернуть Серапиона к праведной вере, но безуспешно, пока некий Фотин, весьма ученый дьякон из Каппадокии, не разъяснил старцу, что на Востоке все «начальники церквей» понимают фразу о создании человека по образу и подобию Божию «не в простом, буквальном, а в духовном смысле». Наконец, Серапион согласился оставить свое заблуждение. Однако вскоре старец понял, что не может молиться, поскольку «из сердца его исчез тот образ Божества антропоморфитов, который он привык представлять себе». Тогда он с плачем воскликнул: «Отняли у меня Бога моего; кого теперь держаться, не имею, или кому поклоняться и молиться, уже не знаю»⁷⁹.

⁷³ *Guillaumont A.* Les «Kephalaiaignostica» d'Evagrele Pontique et l'histoire del' origénisme chez les grec set lessyriens // *Patristica Sorbonensia* 5. Paris, 1962. P. 60; *Хосроев А.* Из истории раннего христианства в Египте. М., 1997. С. 290.

⁷⁴ Подробнее об этом: *Чумми Д.* Град... С. 103–109; *Мејендорф И.* Введение в святоотеческое богословие. Минск, 2001. С. 89–108; *Chadwick O.* John Cassian... P. 33–36; *Флоровский Г., прот.* Антропоморфиты египетской пустыни (<http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=427> (дата обращения 27.06.2015)).

⁷⁵ Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. VIII. 11.

⁷⁶ Coll. X. 2.

⁷⁷ Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. VIII. 11.

⁷⁸ Там же. 12–14.

⁷⁹ Coll. X. 3.

Этой реминисценцией на плач Марии Магдалины (Ин 20:13) завершается рассказ о Серапионе. О дальнейшей его судьбе нам ничего не сообщается. Далее в повествовании Кассиана следует рассказ о том, как видевшие отчаяние старца Иоанн и Герман обратились к авве Исааку за разъяснениями причины подобного заблуждения. Последний, сославшись вновь на «простоту» Серапиона, переходит тут же к пространному рассуждению о том, как следует молиться⁸⁰. Оригеновско-евагриевские истоки этого «трактата о молитве» очевидны для исследователей⁸¹, поэтому не будем останавливаться на нём подробно.

В повествовании Кассиана всё выглядит как вполне естественная победа «оригенистов». О гонениях на них, о своем собственном уходе из Египта, о последующем осуждении учения Оригена не говорится ни слова. Впрочем, и сам Ориген в сочинениях Кассиана нигде не упоминается. Египет в описании «антропоморфитской смуты» показан односторонне. И это в высшей степени показательно. У Кассиана ни здесь, ни в других местах его произведений нет и доли того умиления, которую испытывал перед «неучами» молодой Августин. Герои Кассиана — это прежде всего образованные монахи⁸², не только познавшие на практике законы духовной жизни, но и умевшие рассуждать об этом в терминах аскетического богословия. В реальности, как это очевидно из самих «Собеседований», не все они свободно владели греческим, но в описаниях Кассиана они явно далеки от «простецов», какими мы их видим в «пустынном эпосе».

Наконец, необходимо обратиться к еще одному аспекту повествования Кассиана о Египте, который вызвал немало споров как у современников, так и у позднейших исследователей. Речь идет о XIII главе «Собеседований», где в уста аввы Херемона вложены довольно странные и неожиданные слова. Данная беседа посвящена вопросу о соотношении Божественной Благодати и человеческой воли в деле спасения. Акценты, расставленные в этой беседе, таковы, что ни у кого не возникает сомнений в ее направленности против позиции Августина Гиппонского в этом вопросе (хотя его имя нигде не упомянуто). Сомнение в аутентичности слов Херемона возникло потому, что сама полемика вокруг учения Августина началась десятилетие спустя после пребывания Кассиана в Египте. Не углубляясь в подробности, скажем несколько слов об этом, прежде чем вернуться к основному предмету нашего рассмотрения.

Начало споров относят к 410-м гг., когда британский монах Пелагий⁸³ в своих сочинениях стал отрицать наследственную силу первородного греха. Он полагал, что спасение человека зависит лишь от его собственных

⁸⁰ Coll. X. 4 и далее до конца главы.

⁸¹ Флоровский Г., *прот.* Антропоморфиты египетской пустыни.

⁸² Это очевидно начиная с первой беседы с аввой Моисеем — Coll. I. 6. 20.

⁸³ Пелагий (ок. 360 — после 418) прожил несколько лет в Риме и Палестине. Строгого аскета потрясли распущенность мирян и духовенства Рима, оправдывавшихся тем, что человеческая природа немощна перед неодолимой силой греха. Руководствуясь собственным монашеским опытом и ссылаясь на Св. Писание и Предание, он в своих сочинениях пытался показать несостоятельность такого оправдания.

нравственно-аскетических усилий, благодать же действует через учение и пример Христа⁸⁴. Подобные взгляды вызвали резкую критику со стороны Гиппонского епископа Августина⁸⁵. Последний настаивал на том, что испорченная воля человека сохранила свободу, но способна употребить ее лишь во зло, поэтому все люди справедливо заслуживают наказания. Но по Своей неисповедимой милости Бог еще до сотворения мира предопределил некоторых людей к спасению. Божественная благодать обращает к добру волю этих немногих избранных и дает способность постоянно пребывать в нём. Таким образом, благодать — это незаслуженный дар, который подается независимо от человеческих действий⁸⁶.

Хотя ряд североафриканских соборов и III Вселенский собор (431 г.) осудили учение Пелагия как ересь, жесткие выводы Августина разделялись далеко не всеми. В 427 г. первыми свое недоумение выразили монахи североафриканского города Адрумента. По сути, учение Августина, отвергавшее связь между земной деятельностью человека и его участью в вечности, ставило под вопрос необходимость монашеского образа жизни ради достижения единства с Богом. Однако сила доводов Августина или, скорее, его авторитет в африканской церкви заглушили первые ростки разногласий. Действительно серьезного оппонента известный богослов обрел лишь в лице Иоанна Кассиана. В XVI в. альтернативу Кассиана назовут «полупелагианством»⁸⁷, хотя он старался отойти от крайностей и пелагианства, и августинизма⁸⁸. По мысли Кассиана, человеческая воля после грехопадения была повреждена, но сохранила возможность свободно избирать добро, хотя для его достижения нуждается в Божественном содействии: «Благодать Божия и предваряет нас... и следует за нашей волей... Бог укрепляет нас... и увещает, чтобы мы сами укреплялись». Сорботничество божественной благодати и свободной человеческой воли в деле спасения исключает возможность предопределения одних людей ко спасению, а других к гибели. Показывая антиномичный характер проблемы, Кассиан писал: «Не вера от разумения, а разумение от веры происходит... Потому ум человеческий не может совершенно постигнуть, как Бог производит в нас всё и [в то же время] всё приписывается свободной воле»⁸⁹.

⁸⁴ *Amann É. Semi-Pélagiens // Dictionnaire de théologie catholique. T. XIV/2. Paris, 1941. Coll. 1796–1850.*

⁸⁵ Возможно, в числе предпосылок этой оппозиции было то, что епископу шумного портового города мир и человек в нём виделись иначе, чем живущему в уединении монаху. К тому же собственный опыт трудного прихода в христианство, логический склад ума и многие другие обстоятельства способствовали тому, что Августин оформил свои взгляды на благодать и свободу в довольно жестких терминах, а в пылу полемики довел многие из них до логического конца.

⁸⁶ Подробный анализ взглядов Августина см. в кн.: *Уивер Р.Х. Божественная благодать и человеческое действие: Исследование полупелагианских споров. М., 2006. Гл. I–II.*

⁸⁷ *Иванов М.С. Благодать // ПЭ. Т. V. М., 2005. С. 311.*

⁸⁸ Анализ сочинений Иоанна Кассиана с точки зрения «полупелагианства» см. в кн.: *Уивер Р.Х. Божественная благодать и человеческое действие. Гл. III.*

⁸⁹ *Coll. XIII. 12. 18.*

В конечном итоге и Августин, и Кассиан в противовес Пелагию настаивали на необходимости благодати в деле человеческого спасения, но ставили разные акценты в вопросе о взаимодействии благодати и человеческих усилий. Предположить, что в конце 390-х гг. египетский монах по пунктам разбирал еще не сформированное в пылу полемики учение Августина о Благодати, а также ссылался на те же места Священного Писания, на которые позже будет ссылаться последний, чтобы интерпретировать их прямо противоположным образом, — было бы, конечно, анахронизмом. Даже если точная хронология создания «Собеседований» остается предметом дискуссий, всё же она ложится в тот промежуток времени, когда «полупелагианские» споры уже начались.

Вкладывая свои мысли по поводу благодати и свободной воли в уста египетского старца, Кассиан не просто стремился заручиться поддержкой авторитетной традиции. Не стоит слишком преувеличивать «дерзость» Иоанна. Ведь именно в Египте он познакомился с оригеновско-евагриевским богословием, чье влияние чувствуется в его произведениях. Ориген же задолго до «полупелагианских» споров занимался проблемой человеческой воли⁹⁰.

Возвращаясь от собственно богословских проблем к нашей теме, отметим следующее важное обстоятельство. Разрабатывая свое аскетическое богословие, частью которого и было учение о благодати и свободной воле, Кассиан имел в виду совершенно конкретную аудиторию — галльских монахов, еще не слишком преуспевших в создании регулярной организации. Кассиану важно было не просто показать возможность иного, отличного от августиновского, видения вопроса, но и вписать это видение в жизненную ситуацию монашеского общежития. Дисциплина египетских монахов, детально описанная в «Постановлениях», создавала необходимые условия для размышлений в духе XIII книги «Собеседований». Кассиан, чья духовная родословная началась в Египте, не слишком погрешил против истины, отнеся свои актуальные размышления к ситуации двадцатилетней давности. В данном случае интересно было бы не то, произносил или не произносил авва Херемон эти слова, а то, какие еще мнения, кроме оригенистских, существовали в Египте по этому поводу. Однако в этом вопросе, как и всегда, Кассиан высветил лишь один фрагмент своего масштабного полотна, скрыв во мраке другие его части.

Подведем итоги. Труды Иоанна Кассиана — это не исторические повествования и не итинерарии. Образ Египта, создаваемый в них, односторонен и весьма тенденциозен. Прежде всего он отвечал основной цели — научить молодое галльское монашество общежительной дисциплине. Отсюда очень мало внимания к географическим и природным реалиям, к быту и нравам немонашеского населения. Из всего многообразия египетских аскетических практик автором выделяются и детально описываются в «Постановлениях» и отчасти в «Собеседованиях» киновийные, т.е. общежительные монастыри (точнее, различные их

⁹⁰ Trigg J. W. Origen: The Bible and Philosophy in the Third-Century Church. Atlanta, 1983. P. 115–120; Морескини К. История патристической философии. М., 2011. С. 176–182.

разновидности). Отчасти внимание именно к организованным формам аскезы могло быть связано с противостоянием галльским, нередко хаотичным монашеским инициативам.

Цели наставления отвечала попытка «расколдовывания» Египта при обращении к теме чудес. Первенствующее значение для автора имела не подавляющая духовная мощь полулегендарных египетских чудотворцев, а дисциплина, которая позволила бы монахам преодолевать повседневные трудности и не обзавестись как чудесами, так и их отсутствием.

При чтении его трудов складывается ощущение, что Иоанну Кассиану понастоящему была интересна только та часть монашеской культуры Египта, в которой эллинский ум смог утвердить рациональный порядок организации повседневной жизни и найти этому обоснование в аскетическом богословии. Особенно данная предпосылка очевидна на примере описания «антропоморфитской смуты».

Некоторый отпечаток на образ египетского подвижничества у Кассиана наложила полемика с учением Августина о благодати и свободной воле. Впрочем, считать этот образ совершенным анахронизмом всё же нельзя, поскольку предпосылки собственной позиции Иоанна в этом вопросе лежат в египетском периоде его жизни.

Наконец, говоря о многочисленных факторах, способствовавших формированию образа Египта в произведениях Иоанна Кассиана, не стоит упускать из виду, что они хотя бы отчасти являлись его воспоминаниями о молодости, поэтому неизбежно приобретали некоторые черты представлений о «золотом веке».

Список сокращений

PL Patrologiae cursus completus. Ser. Latina / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1844–1864.

ПЭ Православная энциклопедия М., 2000–2015.

References

- Alfavitnyj paterik, ili Dostopamjatnye skazanja o podvizhnichestve svjatyh i blazhennyh otcov. M., 2009.
- Amann É.* Semi-Pélagiens // Dictionnaire de théologie catholique. T. XIV/2. Paris, 1941. Coll. 1796–1850.
- Asmus Mihail, diakon.* Gomilija Origena Aleksandrijskogo na knigu Bytija, 13 // Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta: Bogoslovie. Filosofija. 2008. Vyp. 1 (21). S. 86–116.
- Averincev S.S.* Ot beregov Bosfora do beregov Evfrata: literaturnoe tvorcestvo sirijcev, koptov i romeev v I tysjacheletii n.je. // Averincev S.S. Drugoj Rim. SPb., 2005. S. 91–143.
- Averincev S.S.* Sud'by evropejskoj kul'turnoj tradicii v jepohu perehoda ot antichnosti k srednevekov'ju // Iz istorii kul'tury srednih vekov i Vozrozhdenija. M., 1976. S. 17–64.
- Averincev S.S.* Tema chudes v Evangelijah: chudo kak dejanie i chudotvorcestvo kak zanjatie // Averincev S.S. Svjaz' vremjon. Kiev, 2005. C. 137–149.
- Avustin Avrelij.* Ispoved' / Per. s lat. M.E. Sergeenko. M., 2003.
- Cerkovnaja istorija Jermija Sozomena Salaminskogo. SPb., 1851.
- Chadwick H.* The Early Church. L., 1969.
- Chadwick O.* John Cassian. Cambridge: Cambridge University Press, 1950.
- Chitti D.* Grad Pustynja. SPb., 2007.
- Clébert J.-P.* Provence Antique. III. Aux temps des premières chrétiens, 1992.
- Donchenko A.I.* Sul'picij Sever i ego proizvedenija. Gl. 1. <http://ancientrome.ru/antlitrr/sulpsev/intro-f.htm> (data obrashhenija 25.01.2012).
- Ioann Kassian Rimljanin.* O postanovlenijah kinovitjan // Pisanija / Per. ep. Petra (Ekaterinovsogo). Sergiev Posad: Svjato-Troickaja Sergieva Lavra, 1993. S. 7–164.

- Ioann Kassian Rimljanin*. Sobesedovanja egipetskih podvizhnikov // Pisanija / Per. ep. Petra (Ekaterinovsogo). Sergiev Posad: Svjato-Troickaja Sergieva Lavra, 1993. S. 165–520.
- Ioannes Cassianus*. Collationes // PL XLIX. Coll. 477–1328.
- Ioannes Cassianus*. De institutis coenobiorum // PL XLIX. Coll. 53–476.
- Ivanov M.S.* Blagodat' // Pravoslavnaia jenciklopedija. T. V. M., 2005. S. 302–313.
- Florovskij Georgij, protoierej*. Antropomorfty egipetskoj pustyni. <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=427> (data obrashhenija 27.06.2015).
- Florovskij G.V.* Vostochnye otcy Cerkvi. M., 2003.
- Fontaine J.* L'ascetisme chrétien dans la littérature gallo-romaine d, Hilaire a Cassien. La Gallia Romana // Academia Nazionale dei Lincei: Problemi attuali di scienza e di cultura. Roma, 1973. P. 87–115.
- Fridman I.A.* Kellii // Pravoslavnaia jenciklopedija. T. XXXII. M., 2013. S. 365–366.
- Gennadius Massiliensis*. De scriptoribus ecclesiasticis, 61 // PL LVIII. Coll. 1094–1096.
- Griffe É.* La gaule chrétienne à l'époque romaine. Paris; Toulouse, 1947.
- Jang F.M.* Ot Nikei do Halkidona: Vvedenie v grecheskuju patristicheskiju literaturu i ee istoricheskij kontekst / Per. s angl. P.B. Mihajlova i dr. M., 2013.
- Le Goff Zh.* Srednevekovyj mir voobrazaemogo / Per. s fr. M., 2001.
- Leyser C.* Authority and asceticism from Augustine to Gregory the Great. Oxford, 2000.
- Minin P.M.* Misticizm i ego priroda. Kiev, 2003.
- Moreskimi K.* Istorija patristicheskoj filosofii. M., 2011.
- Palladius*. The Lausiac history. N. Y., 1918.
- Rufin Akvilejskij*. Istorija egipetskih monahov / Per. N.A. Kul'kovoj. M., 2001.
- Slovo sv. Ilarija o zhizni sv. Gonorata, episkopa Arelatskogo // Arelatskie propovedniki: Sbornik issledovanij i perevodov. M., 2004. S. 59–91.
- Sokrat Sholastik*. Cerkovnaia istorija. M., 1996.
- Stewart C.* Cassian the Monk. Oxford, 1998.
- Sul'picij Sever*. Sochinenija / Per. i predisl. A.I. Donchenko. M., 1999.
- Uiver R.H.* Bozhestvennaja blagodat' i chelovecheskoe dejstvie: Issledovanie polupelagijskikh sporov. M., 2006.
- Vita S. Pauli primi eremita* // PL. XXIII. Coll. 17–28.
- Vojtenko A.A.* Egipetskoje monashestvo v IV veke: Zhitie prepodobnogo Antonija Velikogo, Lavsaik, Istorija monahov. M., 2012.
- Vojtenko A.A., Dvali M.R., Sidorov A.I., Turilov A.A.* Apophthegmata Patrum // Pravoslavnaia jenciklopedija. T. III. S. 140–142.
- Zhitie prepodobnogo Antonija, opisannoe svjatitelem Afanasijem Velikim v poslanii k inokam, prebyvajushhim v chuzhijh stranah // Prepodobnyj Antonij Velikij. Pouchenija. M., 2004. S. 241–302.

Список литературы

- Августин*. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеевко. М., 2003.
- Аверинцев С.С.* От берегов Босфора до берегов Евфрата: литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н.э. // Аверинцев С.С. Другой Рим. СПб., 2005. С. 91–143.
- Аверинцев С.С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 17–64.
- Аверинцев С.С.* Тема чудес в Евангелиях: чудо как деяние и чудотворчество как занятие // Аверинцев С.С. Связь времен. Киев, 2005. С. 137–149.
- Алфавитный патерик, или Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 2009.
- Асмус Михаил, диакон*. Гомилия I Оригена Александрийского на книгу Бытия, 13 // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Богословие. Философия. 2008. Вып. 1 (21). С. 86–116.
- Войтенко А.А.* Египетское монашество в IV веке: Житие преподобного Антония Великого. Лавсаик. История монахов. М., 2012.
- Войтенко А.А., Двали М.Р., Сидоров А.И., Турилов А.А.* Apophthegmata Patrum // Православная энциклопедия. Т. III. С. 140–142.
- Донченко А.И.* Сульпиций Север и его произведения. <http://ancientrome.ru/antlitr/sulpsev/intro-f.htm> (дата обращения 25.01.2012).

- Житие преподобного Антония, описанное святителем Афанасием Великим в послании к инокам, пребывающим в чужих странах // Преподобный Антоний Великий. Поучения. М., 2004.
- Иванов М.С.* Благодать // Православная энциклопедия. Т. V. М., 2005. С. 302–313.
- Иоанн Кассиан Римлянин.* О постановлениях киновилян // Писания / Пер. еп. Петра (Екатериновского). Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 7–164.
- Иоанн Кассиан Римлянин.* Собеседования египетских подвижников // Писания / Пер. еп. Петра (Екатериновского). Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 165–520.
- Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / Пер. с фр. М., 2001.
- Мейендорф И.* Введение в святоотеческое богословие. Минск, 2001.
- Мишин П.М.* Мистицизм и его природа. Киев, 2003.
- Морескини К.* История патристической философии. М., 2011.
- Руфин Аквилайский.* История египетских монахов / Пер. Н.А. Кульковой. М., 2001.
- Слово св. Илария о жизни св. Гонората, епископа Арелатского // Арелатские проповедники: Сборник исследований и переводов. М., 2004. С. 59–91.
- Сократ Схоластик.* Церковная история. М., 1996.
- Сульпиций Север.* Сочинения / Пер. и предисл. А.И. Донченко. М., 1999.
- Уивер Р.Х.* Божественная благодать и человеческое действие: Исследование полупелагианских споров. М., 2006.
- Флоровский Г., прот.* Антропоморфиты египетской пустыни. <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=427> (дата обращения 27.06.2015).
- Флоровский Г.В.* Восточные отцы Церкви. М., 2003.
- Фридман И.А.* Келлии // Православная энциклопедия. Т. XXXII. М., 2013. С. 365–366.
- Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. СПб., 1851.
- Читти Д.* Град Пустыня. СПб., 2007.
- Янг Ф.М.* От Nikei до Халкидона: Введение в греческую патристическую литературу и ее исторический контекст / Пер. с англ. П.Б. Михайлова и др. М., 2013.
- Amann É.* Semi-Pélagiens // Dictionnaire de théologie catholique. T. XIV/2. Paris, 1941. Coll. 1796–1850.
- Chadwick H.* The Early Church. L., 1969.
- Chadwick O.* John Cassian. A study in primitive monasticism. Cambridge: Cambridge UP, 1950.
- Clébert J.-P.* Provence Antique. III. Aux temps des premières chrétiens. P., 1992.
- Fontaine J.* L'ascétisme chrétien dans la littérature gallo-romaine d'Hilaire à Cassien. La Gallia Romana // Academia Nazionale dei Lincei: Problemi attuali di scienza e di cultura. Roma, 1973. P. 87–115.
- Gennadius Massiliensis.* De scriptoribus ecclesiasticis // PL LVIII. Coll. 1094–1096.
- Griffe É.* La gaule chrétienne à l'époque romaine. Paris–Toulouse, 1947.
- Ioannes Cassianus.* Collationes // PL. XLIX. Coll. 477–1328.
- Ioannes Cassianus.* De institutis coenobiorum // PL XLIX. Coll. 53–476.
- Leyser C.* Authority and asceticism from Augustine to Gregory the Great. Oxford, 2000.
- Palladius.* The Lausiac history. N. Y., 1918.
- Stewart C.* Cassian the Monk. Oxford, 1998.
- Vita S. Pauli primi eremitae* // PL. XXIII. Coll. 17–28.

Д. В. Панченко

ΒΟΣΠΟΡΟΣ: об одной греко-скандинавской параллели

Греки держались очень странного представления о том, как возникло имя **ΒΟΣΠΟΡΟΣ**, которым они обозначали два узких пролива, соединяющих Черное море с Азовским и Мраморным, — Керченский пролив и Босфор. Само имя они воспринимали как «коровий брод», а появилось оно будто бы оттого, что через пролив переправилась обращенная в корову Ио. Эсхил в «Прикованном Прометее» отождествил пролив с Боспором Киммерийским (ст. 734). Из Полибия, напротив, следует, что традиция привязывала сказания к Боспору Фракийскому, локализуя мифические события поблизости от Византия (IV, 43). Из схолиев к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (II, 168) и других источников видно, что Полибий действительно отражает общее мнение. Поэт, разумеется, был волен избрать тот Боспор, который лучше подходил антуражу его трагедии, и вопрос о «подлинной» локализации нас может не занимать: женщины не превращаются в коров, и коровы не плавают через проливы. Греки имели дело с говорящим и вместе с тем удивительным именем, им было любопытно узнать, откуда оно взялось, и чья-то изобретательность нашла ответ в мифе об Ио, гонимой по свету ревнивой супругой громовержца. Впрочем, неуклюжесть подобного объяснения должна была бросаться в глаза, да и в мифы ученые писатели не верили. Упомянутые схолии к «Аргонавтике» сохранили еще целый ряд объяснений, например: строили плоты для переправы на другой берег и на них ставили запряженные быками повозки. Из приведенного там материала совершенно ясно одно: греки в действительности не знали, какое отношение один и другой пролив имеют к быкам или коровам.

Можно спорить о том, идет ли речь о народной этимологии или же о закономерном, хотя и несколько неожиданном словообразовании¹. Принципиально то, что греки воспринимали название именно так. Принципиально и то, что они одинаково называли два разных пролива — как если бы это было родовым обозначением сузившегося пути между двумя морями. В древности, собственно, некоторые так и утверждали, что «Боспор» — общее имя для всех узких проливов (Schol. Apollod. Rhod. II, 168, p. 138; Wendel; Etym. Magn. s.v.). И если в пример приводились только два, то, возможно, это связано с тем, что другие проливы, как, например, Мессинский, — узкие, но не длинные. Недавние исследования показали, что около середины I тыс. до н.э. пролив, по которому из Черного моря попадали в Азовское, выглядел иначе; он мог больше походить на Боспор Фракийский. В любом случае оба Боспора соединяют два моря с четко очерченными контурами. Из числа проливов, известных древним, явный аналог представляют собой лишь Дарданеллы, но за этим проливом с очень ранних времен закрепилось другое загадочное имя — Геллеспонт (причем имя «Геллеспонт» еще в середине V в. до н.э. могло включать и Мраморное море, и Дарданеллы, и примыкающую часть Эгейского моря²). Воспримем ли мы утверждение, что все узкие проливы назывались «Боспорами» как свидетельство или всего лишь как гипотезу древних филологов, уже сам факт наличия двух проливов с именем **ВОСПОРОС** позволяет заключить следующее: греки знали, что определенный тип проливов уместно назвать «бычьим» (или «коровьим») и при этом не знали, почему. Мы имеем дело с традицией, истоки которой для греков были уже недоступны.

Любопытно, что с переправой быков (или коров) через пролив мы встречаемся в греческой мифологии еще раз. Захватив на острове Эрифее стадо Гериона,

В тот же направился день к Тиринфу священному с этим
Стадом коровьим Геракл, через броды пройдя Океана.

Так говорит Гесиод³. Казалось бы, Герионовы то ли быки, то ли коровы гораздо лучше подошли бы к объяснению имени **ВОСПОРОС**, нежели история Ио. Необходимость провести Геракла с крайнего запада в Тиринф окружным

¹ Первую, весьма распространенную точку зрения представляет столь влиятельный словарь, как: A Greek-English Lexicon / Compil. by H.G. Liddel and R. Scott, revis. and augment. by H.S. Jones. Oxford, 1996. Вторую обосновал Пауль Кречмер (*Kretschmer P. Literaturbericht für das Jahr 1935 // Glotta. 1938. Bd. 27. H. 1–2. S. 1–40, особенно 29*), и на нее сочувственно ссылаются авторы этимологических словарей: *Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. S. 254; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968. T. 1. P. 187.*

² См.: Strab. VII, fr. 22 Radt; Hdt. IV, 138; 144. Утверждение Лиддэла и Скотта, будто в «Персах» Эсхила и «Аяксе» Софокла «Боспор» означает пролив Геллеспонт, является ошибочным.

³ Theog. 291 sq. (пер. В. Вересаева).

путем не явилась бы существенным препятствием — у Геродота, например, Геракл с Герионовым стадом появляется в Скифии (IV, 8). Однако быки, находящие брод посреди Океана, не понравились греческим поэтам. Уже едва ли не современники Гесиода снабдили Геракла специальным плавсредством, предоставленным ему во временное пользование Гелиосом⁴, и кто-то из них придумал, что на нём же Геракл переправил на материк захваченное им стадо (Apolloed. Bibl. II, 5, 10). Похоже, что версия, которую коротко упомянул Гесиод, не имела прочных корней в мире греческих мифов и преданий.

Между тем быки и морской пролив выступают в едином комплексе в предании скандинавском. Его сохранил Снорри Стурлусон (1179–1241). Он приводит его в «Саге об Инглингах» (V) и «Видении Гюльви» (I). Вот первая из двух версий:

«Один отправился на север, к морю, и поселился на одном острове. Это там, где теперь называется Остров Одина на Фьоне. Затем он послал Гевьон на север через пролив на поиски земель. Она пришла к Гюльви, и он дал ей один плугсланд земли. Тогда она отправилась в Жилища Великанов и зачала от одного великана четырех сыновей. Затем она превратила их в быков, запрягла их в плуг и выпалаха землю напротив острова Одина. Там теперь остров Селунд <...> А там, где прежде была земля, стало озеро. Оно называется Лёг. Заливы в этом озере похожи на мысы Селунда»⁵.

В «Видении Гюльви» Снорри рассказывает историю несколько иначе: «Конунг Гюльви правил той страной, что зовется теперь Швецией. Сказывают о нем, что он даровал одной страннице в награду за ее занимательные речи столько земли в своих владениях, сколько утащат четыре быка за день и за ночь. А была эта женщина из рода асов. Имя ей было Гевьон. Она взяла четырех быков с севера из Страны Великанов — это были ее сыновья от одного великана — и принялась пахать на них. И плуг так сильно и глубоко врезался в землю, что земля эта вся вздыбилась. И поволокли быки землю в море и еще дальше, на запад, и остановились в одном проливе. Там сбросила Гевьон ту землю и дала ей имя и назвала ее Зеландией. А там, где прежде была земля, возникло озеро. Оно теперь в Швеции называется Меларен. И бухты на озере Меларен похожи с виду на мысы Зеландии»⁶.

Поясним, что озеро Лёг комментаторы отождествляют с озером Меларен (расположенном недалеко от Стокгольма), а Селунд — с Зеландией (обширным датским островом, на котором стоит Копенгаген).

М.И. Стеблин-Каменский отмечает в своем комментарии к «Видению Гюльви»: «Предполагают, что, согласно первоначальному смыслу мифа, Гевьон

⁴ См.: *Panchenko D. Scandinavian Background of Greek Mythic Cosmography: The Sun's Water Transport // Hyperboreus. 2012. Vol. 18. P. 5–20.*

⁵ Пер. М.И. Стеблина-Каменского (с незначительными изменениями). См. в: *Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980. С. 13.*

⁶ Пер. О.А. Смирницкой. См. в: *Младшая Эдда. СПб., 2006 (репринт издания 1970 г.). С. 13.*

своим плугом прорыла Эресунд, пролив между Швецией и Зеландией»⁷. Оставив в стороне вопрос о «первоначальном смысле мифа»⁸, согласимся, что такое заключение выглядит убедительным. История Гевьон отчасти являет собой вариант сюжета о превращении жалкого подарка в великое приобретение — вспомним, как Карфаген был основан на земле, которую можно было покрыть одной бычьей шкурой. Вся история получает смысл только в том случае, если Гевьон и ее быки отрезают существенную территорию от владений Гюльви, т.е. Швеции. К подобной картине подходит именно Зеландия и только Зеландия. Соответственно, «там, где прежде была земля», — теперь разделяющий Швецию и Зеландию пролив Эресунд (он же — Эресунн, а традиционно — Зунд). Появление в рассказе вместо Эресунда удаленного от него на полтысячи километров озера Меларен вполне объяснимо. Дело в том, что ко времени Снорри южная часть Швеции, Сконе, уже более двухсот лет принадлежала королям Дании. Между тем Снорри в обоих сочинениях цитирует стихи скальда Браги Старого (первая половина IX в.), в которых говорится о том, что Гевьон, перехитрив Гюльви, прибавила землю к Дании. Применительно к Эресунду и ситуации, которая была при Снорри и сложилась за много поколений до него, получалось, что Гевьон всего лишь отделила одну часть датских владений от другой. Следовательно, Эресунд на роль пролива, возникшего на месте удаленной земли, более не подходил. Что же касается озера Меларен, то оно не только оставалось шведским, но и в конце I — начале II тысячелетий соединялось с Балтийским морем естественным проливом, о котором точно так же, как об Эресунде, можно было сказать, что его прорыли быки Гевьон.

Таким образом, на греческом материале мы имеем два пролива, в идентичном названии которых греки распознавали присутствие «быка» или «коровы», но не знали, почему это так. На скандинавском материале мы имеем историю о том, как быки «пропахали» пролив. Соединение греческого и скандинавского материала побуждает думать, что имя **ВОСПОРОС** нужно понимать не как «бычий/коровий брод», а как «бычий путь», «бычий проход» (само по себе греческое *poros* одинаково хорошо подходит к любой из этих возможностей). То есть имя указывает именно на идею пролива (и представляемого им пути), а не переправы. При том что и Босфор, и Керченский пролив обладают существенной длиной, а не просто являются точками, где два массива суши близко подходят друг к другу, это вполне логично. В основе имени, заключаем мы, лежит миф, родственник мифу о Гевьон и ее быках.

⁷ Там же. С. 121.

⁸ Запряженные в плуг четыре (а не два) фантастических быка побуждают думать о той части созвездия Большой Медведицы, благодаря которой многие народы называли ее Повозкой. Три остальные яркие звезды созвездия образуют своего рода лемех. Остается вспомнить, что на северо-западе Европы распространенным именем Большой Медведицы является Плуг, тогда как римляне называли это созвездие Семью быками.

Следует ли воспринимать греческое **ВОСПОРОС** как северный импорт? В свете разнообразных материалов, которые мы представили в недавних работах⁹, в этом нет ничего невероятного. В данном случае, впрочем, возникает одно сомнение. С точки зрения природного положения вещей, из всех упомянутых проливов Босфор (= Боспор Фракийский) больше всего располагает к аналогии с бороздой, пропаханной гигантскими быками. Скандинавская традиция настойчиво выводит Одина из Фракии. Конечно, многое можно сказать о сомнительности этой традиции, но может оказаться, что в ней всё же заключено и отражение подлинных событий. Оставим рассмотрение этого вопроса на будущее, ограничившись констатацией какой-то исторической связи между быками Гевьон и греческими Боспорами.

References

A Greek-English Lexicon / Compil. by H.G. Liddel and R. Scott, revis. and augment. by H.S. Jones. Oxford, 1996.

Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. S. 254.

Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968. T. 1.

Kretschmer P. Literaturbericht für das Jahr 1935 // Glotta. 1938. Bd. 27. H. 1–2. S. 1–40.

Mladšaã Èdda. SPb., 2006 (reprint izdaniã 1970 g.).

Pančenko D.V. Diffuziã idej v Drevnem mire. SPb., 2013.

Pančenko D.V. Vikingi bronzovogo veka i ih nasledie (k postanovke voprosa) // Stratum plus. 2012. № 2. S. 79–143.

Panchenko D. Scandinavian Background of Greek Mythic Cosmography: The Sun's Water Transport // Hyperboreus. 2012. Vol. 18. P. 5–20.

Sturluson Snorri. Krug zemnoj. M., 1980.

Литература

Младшая Эдда. СПб., 2006 (репринт издания 1970 г.).

Панченко Д.В. Викинги бронзового века и их наследие (к постановке вопроса) // Stratum plus. 2012. № 2. С. 79–143.

Панченко Д.В. Диффузия идей в Древнем мире. СПб., 2013.

Стурлусон Снорри. Круг земной. М., 1980.

A Greek-English Lexicon / Compil. by H.G. Liddel and R. Scott, revis. and augment. by H.S. Jones. Oxford, 1996.

Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968. T. 1.

Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960.

Kretschmer P. Literaturbericht für das Jahr 1935 // Glotta. 1938. Bd. 27. H. 1–2. S. 1–40.

Panchenko D. Scandinavian Background of Greek Mythic Cosmography: The Sun's Water Transport // Hyperboreus. 2012. Vol. 18. P. 5–20.

⁹ *Панченко Д.В.* 1) Викинги бронзового века и их наследие (к постановке вопроса) // Stratum plus. 2012. № 2. С. 79–143; 2) Диффузия идей в Древнем мире. СПб., 2013.

Н.Б. Срединская

Вона parapherna и другое о дамах Феррары XIV в.

Труды члена-корреспондента РАН И.П. Медведева посвящены истории и праву Византии, западноевропейскому средневековью, русско-византийским отношениям, истории науки. Широчайшая эрудиция позволила ему обращаться к самой разнообразной тематике. Тем не менее, общим для его работ остается внимание к источникам, на которых основаны его труды, и скрупулезное их исследование. Немалое число ранее неизвестных архивных документов введено в научный оборот трудами Игоря Павловича. Эта статья, основанная на материалах Западноевропейской секции Архива СПбИИ РАН, должна явиться скромным посвящением к юбилею того, кто так много сделал для этого архива.

Этот краткий очерк построен на изучении актов семейного архива известного в Ферраре рода Сакрати, часть которого была приобретена выдающимся ученым и коллекционером Н.П. Лихачевым (1862–1936) и ныне хранится в Западноевропейской секции Архива СПбИИ¹. Основная часть родового архива Сакрати находится в Италии, в Государственном архиве г. Модены². Главную роль в данном исследовании играет синьора Альбертина, жена богатого горожанина Уберто де Сакрато, основоположника этого рода³.

¹ Западноевропейская секция (далее ЗЕС) Научно-Исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Колл. 4, картонь 133–134.

² Archivio di Stato di Modena (далее ASM), Archivio privato Fiaschi, buste I–VI.

³ Уберто де Сакрато в конце XIII — первой половине XIV в. заложил основу возвышения рода Сакрати. Значительный капитал, накопленный им и приумноженный его сыновьями, помог росту влияния семейства. Сакрати были анноблированы в 1391 г., и с XV в. стали

Среди документов, где впервые появляется имя Альбертины Сакрати — акт 1330 г.⁴ Это зоатика, или акт аренды рабочего скота⁵. Синьора Альбертина сдает в аренду сроком на один год рыжего быка с загнутыми рогами, стоимостью 15 феррарских лир. В акте указано, что объект сделки — бык («портрет» которого находится на обороте акта) из состава «*bona parapherna*» синьоры. Этот документ отличается от других, где в качестве контрагентов выступают женщины.

Многие феррарские документы показывают нам, что для совершения сделки, которая имела бы силу, женщине, распоряжающейся своим имуществом, даже совершеннолетней, необходимо согласие отца или мужа. Так, например, акт 1358 г., фиксирующий уступку права требования (цессию) доли наследства Маргариты, дочери Франческино Сакрати, ее дяде, Саламоне Сакрати, включает в своих начальных строках согласие ее отца⁶. Акт отказа Катерины, жены Бонавентуры, рыбака, и дочери сер Джакомино, бочара, от прав на дом в Ферраре, который она получила в держание на основании *usus*⁷ от фабрики феррарского епископата, также предваряется согласием ее мужа⁸.

Указанный выше акт зоатики, вступивший в силу в 1330 г., напротив, не содержит согласия мужа на совершение сделки. Синьора Альбертина, будучи

одними из самых ярких представителей «нового нобилитета» при дворе правителей Феррары синьоров д'Эсте. После присвоения в 1449 г. статуса графства землям пагримония рода Сакрати в местечке Контрапо семейство приобретает графский титул. О роде Сакрати: *Dean T. Land and Power in late medieval Ferrara. The rule of the Este. 1350–1450.* Cambridge, 2002; *Orsini A. Dell'Archivio Sacrati in Ferrara.* Bologna, 1898; *Carcaci D. di. I duchi Sacrati degli Aldobrandini in Ferrara // Rivista Araldica.* 1948. Ottobre. P. 227–233; 1949. Aprile. P. 97–102; *Срединская Н.Б.* Ранние документы из архива графов Сакрати в собрании СПб Филиала Института российской истории // Средние века. Вып. 58. М., 1995. С. 188–190.

⁴ ЗЕС. Колл. 4. № 29/133. 1 сентября 1330 г., Феррара. Данный документ опубликован полностью в работе: *Срединская Н.Б.* Договор об аренде рабочего скота (зоатика) из архива графов Сакрати // Средние века. Вып. 57. М., 1994. С. 274–278.

⁵ Зоатика (*çoatica, zoatica, iugatica*, встречается также *glovatica* и пр.) — договор об аренде рабочего скота для сельскохозяйственных работ. В средневековой и античной Италии для пахоты чаще служили волы, лошадей приберегали для военных нужд. См.: *Бернадская Е. В.* 1) Феррара и ее сельский округ (по книге нотария Беллино Прегостини) // Итальянские коммуны XIV–XV вв.: Сборник документов из Архива ЛОИИ АН СССР / Под ред. В.И. Рутенбурга. М.–Л., 1965. С. 238–255; 2) К истории аграрных отношений в Северной и Средней Италии XIV–XV вв. (По материалам провинций Модены и Феррары) // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1956. С. 179–199.

⁶ «...dicto suo patre presente et consentiente et eidem de omnibus et singullis infrascriptis parabolam suam dante...» ASM L. 5 № 60, 1358 г.

⁷ *Usus* или *ius usus* — установленный исключительно в Ферраре XII–XV вв. особый вид земельного держания в виде бессрочного, постоянного, наследуемого и отчуждаемого пользования. *Vocchi F.* Uomini e terra nei borghi ferraresi. Il catastro parcellare del 1494. Ferrariae decus, 1976; *Срединская Н.Б.* *Usus* как специфическая форма земельного держания в Ферраре XIV–XV вв. // *Ius antiquum* (Древнее право). 2000. № 2 (7). С. 183–194.

⁸ «...presente dicto eius viro volente, consentiente et parabolam ei dante de omnibus infrascriptibus...» ASM L. 5 № 9, 1348 г. Аналогичные формулы содержатся в актах ASM. L. 4 № 26 1341 г.; ASM. L. 4 № 41 1343 г.; ASM. L. 5 № 21 1350 г.; ЗЕС. Колл. 4. № 38/133.

замужней дамой, самостоятельно, без разрешения мужа, распоряжается судьбой рыжего быка.

Еще один документ родового архива Сакрати, упоминающий *bona parapherna* Альбертины Сакрати, относится к 1326 г. Это договор купли-продажи, по которому она приобретает за 100 старых феррарских лир половину дома в контракте Санта Аньезе⁹. Акт совершается в присутствии Уберто Сакрати, ее супруга. Примечательно то, что его роль состоит не в том, чтобы дать согласие, а в том, чтобы удостовериться, что покупка совершается на средства из *bona parapherna* синьоры Альбертины: «*ipso ser Uberto presente, dicente, protestante et confitente infrascriptum pretium esse de bonis parafranelibus <sic> ipsius domine*» — «в присутствии самого сер Уберто, утверждающего, свидетельствующего и признающего, что указанная ниже цена <уплачена из средств> *bona parapherna* самой госпожи [Альбертины]».

Как можно заметить, возможность свободного распоряжения собственным имуществом предоставлялась дамам брачно-семейным правом Феррары XIV–XV вв., если это имущество имело статус *bona parapherna*.

Появление данного термина в средневековых актах обусловлено значительнейшим влиянием античных установлений на право Северной Италии; рецепция римского права особенно зримо проявляется в правовом статусе лиц. Установление о *bona parapherna*, или *bona paraphernalia*, касалось защиты женского имущества, не входящего в приданое (*parapherna* — кроме приданого), пришло в Древний Рим из Греции (греч. *παράφερνα*), и впоследствии было закреплено Кодексом Юстиниана: «*Nac lege decernimus, ut vir in his rebus, quas extra dotem mulier habet, quas Graeci parapherna dicunt, nullam, uxore prohibente, habeat communionem, nec aliquam ei necessitatem imponat*» — «Устанавливаем этим законом, чтобы муж, если жена этому препятствует, никаким образом не касался бы тех имуществ, которыми, сверх приданого, обладает жена, к тем, которые греки называют *parapherna*, если это не будет обусловлено какой-либо необходимостью»¹⁰.

Это и другие положения о защите женских имущественных прав укрепились в римском праве в связи с развитием новой формы римского брака — *matrimonium sine manu mariti*. Брак *sine manu* был основан на обособлении и раздельном статусе имуществ супругов, и устанавливал защиту не только приданого, но всего, что жена приобрела до брака и в браке своим трудом, по наследству или другими способами, против посягательств супруга и его семьи. В браке *sine manu* муж *ipso iure* не получал никакой власти над имуществом жены, она же получала полное право распоряжаться своим имуществом. Имущественная независимость супругов друг от друга в праве Древнего Рима была гарантирована запретом дарений между ними. Дарение между мужем и женой,

⁹ Акт 29. 12. 1326 г. ASM. L. 3. № 19.

¹⁰ Кодекс Юстиниана. С. 8, 5, 14.

во избежание злоупотреблений, считалось ничтожным, подаренное подлежало возврату¹¹. За исключением дарений супруги, как посторонние люди, могли вступать друг с другом в любые юридические отношения: например заключать договоры займа, купли-продажи и пр., и подавать иски против супруга, нарушившего договор. Если женщина доверяла мужу управление ее имуществом, такие отношения устанавливались, осуществлялись и прекращались в соответствии с ее волей, и рассматривались в праве как договор поручения. Без разрешения жены права на управление ее имуществом супруг не получал¹².

В документах родового архива Сакрати мы находим следы влияния Древнего Рима и на эту сферу жизни средневековой Феррары. В один и тот же день, 16 апреля 1330 г., нотариус Маркезино, сын господина Гульельмо, нотариус, составляет два акта инвеституры, передачи недвижимости, принадлежащей Альбертине Сакрати, в держание на основании *usus*. На основании одного из актов Бонаventura да Салета, сын покойного Джованни Кавальеро, получает в узус дом в контрате Сан Гульельмо в Ферраре за ежегодную плату 50 феррарских сольди¹³. Второй акт предоставляет некоему сер Джованни право *usus* на дом с садом и двориком в той же контрате и на тех же условиях¹⁴. Инвеституру в обоих случаях совершает Уберто Сакрати, передающий в пользование узуариям собственность своей жены как «procurator et procuratorio nomine domine Albertine eius uxoris» — «прокуратор [поверенный] и [выступающий] в качестве прокуратора госпожи Альбертины, его супруги». Далее в акте указано самое важное — основание, на котором сер Уберто получает право действовать от имени своей жены, распоряжаясь ее собственностью: «ut constat de procuratione publico instrumento scripto manu mei notarii infrascripti» — «[назначение] прокуратора установлено официальным документом, составленным собственноручно мною, подписавшимся ниже нотариусом».

Актом инвеституры по праву *usus*, составленным 17 апреля 1330 г., на следующий день после двух рассмотренных выше, сер Уберто Сакрати передает Джакомо де Ланедзоли, мастеру по изготовлению курток и кафтанов, участок земли с домом в контрате Сесто Сан Романо, являющийся собственностью Альбертины Сакрати. Ежегодная плата — 20 болонских гроссов¹⁵. В этом акте, составленном другим нотариусом, Гульельмо, сыном господина Джакомо, табеллиона, мы находим сходные формулировки и ссылки на основания, на которых супруг совершает действия с собственностью жены: «Ser Ubertus de Sacrato procurator et procuratorio nomine domine Albertine eius uxoris ut de procuratione constat publico instrumento manu Marchexini notarii» — «Сер Уберто де Сакрато,

¹¹ Дигесты Юстиниана. D. 24.1.1., D. 24.1.3 пр.

¹² Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998. С. 458–464.

¹³ ASM. L. 3. № 33.

¹⁴ ASM. L. 3. № 34.

¹⁵ ASM. L. 3. № 35.

прокуратор и [выступающий] в качестве прокуратора госпожи Альбертины, его супруги, [назначение] прокуратором которого установлено официальным документом, составленным рукой нотария Маркезино...».

Термином «*procurator*» в римском праве обозначалось лицо, назначенное для выполнения какого-либо дела или ряда дел в пользу другого лица по договору поручения (*mandatum*)¹⁶. Таким образом, мы можем видеть, что на регулирование брачно-семейных отношений в Ферраре оказало несомненное влияние право Древнего Рима, отношения, установившиеся в Риме при переходе к новой форме брака — *matrimonium sine manu mariti*. На этом примере выявляется, что в Ферраре XIV в. в определенных случаях без особого, документально оформленного договором поручения или разрешения супруги, распоряжение ее имуществом со стороны мужа запрещено.

Рассматривая все 15 актов, фиксирующих сделки с имуществом синьоры Альбертины, которые отложились в архиве Сакрати за время ее замужества (она овдовела в 1342 г.), можно разделить их на три группы. Два из них, как было указано выше, совершаются самой синьорой Альбертиной, в них объект сделки или средства для приобретения новой собственности характеризуются как «*bona parapherna*», причем один документ приводит утверждение супруга, что покупка совершена именно из состава *bona parapherna*. Три, также рассмотренных выше, совершены супругом, но по поручению и по воле жены. В них дана ссылка на заключенный ранее договор поручения с указанием имени составившего его нотария. Остальные десять актов фиксируют самостоятельное распоряжение синьорой Альбертиной своим имуществом без согласия мужа, несмотря на то что статус этого имущества как *bona parapherna* в этих актах не указан. Это купля-продажа, инвестируемая по праву *usus*, зоатика¹⁷.

Как можно увидеть, от наличия или отсутствия в документах указания на особый статус имущества Альбертины Сакрати как «*bona parapherna*» возможность самостоятельно им распоряжаться не зависит. Почему же не все дамы Феррары обладали такими правами, и многие акты этого времени, как было указано выше, содержат согласие мужей на совершение ими сделок с их имуществом? Можно предположить, что особый статус имущества дамы, обособленность этого имущества, право без согласия и разрешения мужа заключать договоры, касающиеся ее собственности, утверждался брачным контрактом.

В заключение следует подчеркнуть роль и значение актового материала для исследования повседневной жизни и развития права Феррары XIV в. Именно эти источники способны дать наиболее точные сведения как о правовом статусе женщин и регулировании брачно-семейных отношений, так и о глубине проникновения опыта римских юристов в жизнь североитальянского средневекового города.

¹⁶ Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998. С. 430.

¹⁷ ЗЕС № 28, 30/133; ASM. L. 3. № 9, 20, 41; L. 4 № 20–22, 25, 26.

References

- Bernadskaya E.V.* Ferrara i ee sel'skij okrug (po knige notariya Bellino Pregostini) // Ital'yanskije kommuny XIV–XV vv.: Sbornik dokumentov iz Arhiva LOII AN SSSR / Pod red. V.I. Rutenburga. M.–L., 1965. S. 238–255.
- Bernadskaya E.V.* K istorii agrarnyh otnoshenij v Severnoj i Srednej Italii XIV–XV vv. (Po materialam provincij Modeny i Ferrary) // Iz istorii trudyashchihsya mass Italii. M., 1956. S. 179–199.
- Bocchi F.* Uomini e terra nei borghi ferraresi. Il catastro parcellare del 1494. Ferrariae decus, 1976.
- Carcaci D. di.* I duchi Sacrati degli Aldobrandini in Ferrara // Rivista Araldica. 1948. Ottobre. P. 227–233; 1949. Aprile. P. 97–102.
- Dean T.* Land and Power in late medieval Ferrara. The rule of the Este. 1350–1450. Cambridge, 2002.
- Digesty Yustiniana. M.: Statut, 2002–2006.
- Orsini A.* Dell'Archivio Sacrati in Ferrara. Bologna, 1898.
- Pokrovskij I.A.* Istoriya rimskogo prava. SPb, 1998.
- Sredinskaya N.B.* Dogovor ob arende rabocheho skota (zoatika) iz arhiva grafov Sakrati // Srednie veka. 1994. Vyp. 57. S. 274–278.
- Sredinskaya N.B.* Rannie dokumenty iz arhiva grafov Sakrati v sobranii SPb filiala Instituta rossijskoj istorii // Srednie veka. 1995. Vyp. 58. S. 188–190.
- Sredinskaya N.B.* Usus kak specificheskaya forma zemel'nogo derzhaniya v Ferrare XIV–XV vv. // Ius antiquum (Drevnee pravo). 2000. № 2 (7). S. 183–194.

Список литературы

- Срединская Н.Б.* Ранние документы из архива графов Сакрати в собрании СПб филиала Института российской истории // Средние века. Вып. 58. М., 1995. С. 188–190.
- Срединская Н.Б.* Договор об аренде рабочего скота (зоатика) из архива графов Сакрати // Средние века. Вып. 57. М., 1994. С. 274–278.
- Бернадская Е.В.* Феррара и ее сельский округ (по книге нотариуса Беллино Прегостини) // Итальянские коммуны XIV–XV вв. Сборник документов из Архива ЛОИИ АН СССР / Под ред. В.И. Рутенбурга. М.–Л., 1965. С. 238–255.
- Бернадская Е.В.* К истории аграрных отношений в Северной и Средней Италии XIV–XV вв. (По материалам провинций Модены и Феррары) // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1956. С. 179–199.
- Покровский И.А.* История римского права. СПб., 1998.
- Bocchi F.* Uomini e terra nei borghi ferraresi. Il catastro parcellare del 1494. Ferrariae decus, 1976.
- Carcaci D. di.* I duchi Sacrati degli Aldobrandini in Ferrara // Rivista Araldica. 1948. Ottobre. P. 227–233. 1949. Aprile. P. 97–102.
- Dean T.* Land and Power in late medieval Ferrara. The rule of the Este. 1350–1450. Cambridge, 2002.
- Digesty Yustiniana. M.: Statut, 2002–2006.
- Orsini A.* Dell'Archivio Sacrati in Ferrara. Bologna, 1898.

П. В. Крылов

Византия — «страна чудес» в «Чудесах Девы Марии в лицах»

«Чудеса Девы Марии в лицах», памятник французской литературы конца XIV — начала XV в., сохранившийся в одном экземпляре, так называемом манускрипте Канже из коллекции Парижской национальной библиотеки¹, представляет собой подборку из 40 довольно небольших (самая малая насчитывает 761 строку, самая пространная 3324 строк) пьес религиозного театра. Объемистый двухтомный рукописный сборник был, вполне возможно, составлен для некоего знатного ценителя, и тот факт, что он сохранился в единственном экземпляре, еще не является свидетельством того, что, однажды поставленные, мистерии были преданы забвению². Полный текст пьесы, по обычаю того времени, был представлен чаще всего в единственном экземпляре, а для каждого из исполнителей готовили тетради с индивидуальными партиями³.

Предназначались «чудеса» для душеполезного развлечения гостей ежегодного собрания парижской корпорации Св. Элигия, что объединяла столичных ювелиров. Временем постановок был период 1339–1382 гг. с перерывами в 1354 и 1358–1360 гг. Последние только отчасти соответствовали Жакерии, восстанию Этьена Марселя и прочих особенно несчастных для французской

¹ Ms. Cangé, BN, fr. 819–820. На сегодняшний день существует одно издание: *Miracles de Nostre Dame par personnages*. T. I–VIII / Ed. par. G. Paris et U. Robert. Paris, 1876–1893.

² О популярности «Чудес Девы Марии» см.: *Hasenohr G. Religious reading amongst the laity in France in the fifteenth century // Heresy and literacy, 1000–1530 / Ed. by P. Biller, A. Hudson. Cambridge studies in medieval literature, 23. Cambridge, 1996. P. 211.*

³ *Wickam G. The medieval theatre. 3rd ed. Cambridge, 1987. P. 74.*

стороны перипетий Столетней войны⁴. Однако, если судить по записи в регистре капитула собора Парижской Богоматери от 23 марта 1424 г., представления неких мираклей о чудесах Девы Марии осуществлялись во французской столице и в еще более тяжелые годы — после поражения при Азенкуре в 1415 г. и мирного договора в Труа в 1420 г.⁵

Одна из особенностей пьес из упомянутого сборника состоит в том, что они довольно скромны по объему поэтического текста и количеству персонажей — минимум 10, максимум 36, что не идет в сравнение с мистериями о Рождестве или Страстях Господних⁶ или, например, с «Мистерией об осаде Орлеана». Посвященный совсем недавним в ту пору событиям 1428–1429 гг. текст был окончательно сформирован к 1440 г. В нём 20 538 стихов распределялись по меньшей мере между 130 исполнителями, точное число которых не может быть установлено ввиду присутствия обезличенных персонажей: герольдов, буржуа, воинов, вестников, монахов и т.п.⁷ Если ко всему вышесказанному добавить и то, что запись «Чудес Девы Марии в лицах» содержит очень мало сведений об используемых при постановке декорациях, то можно прийти к выводу о довольно скромных материальных и творческих затратах, требуемых при организации действия, не рассчитанного ни на многодневное представление, ни на большое количество зрителей⁸.

Впрочем, еще более примечательно то, что в мираклях из манускрипта Канже не так уж много собственно чудес, т.е. примеров непосредственного вмешательства божественных сил в привычный ход событий, который оказывается нарушенным. Здесь не находится места для продолжительных сцен, действие которых происходит на небесах, нет долгих диалогов между Христом, Девой Марией, ангелами и прочими надмирными действующими лицами⁹.

⁴ Penn D. The staging of the «Miracles de Nostre Dame par personnages». N. Y.: Columbia Univ. press, 1933. P. 9; Konigson E. Structures élémentaires de quelques fictions dramatiques dans les miracles par personnages du manuscrit Cangé // Revue de la Société d'histoire du théâtre. 1957. T. 29. P. 105.

⁵ Roy E. Etudes sur le théâtre Français du XIVe et du XVe siècle. La comédie sans titre et les Miracles de Notre-Dame par personnages. Paris, 1902. P. II.

⁶ О масштабах французских мистерий см.: Колязин В.Ф. От мистерии к карнавалу: театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья. М.: Наука, 2002. С. 49. Аррасская мистерия Эгаша Меркаде (1425) насчитывала 25 тыс. стихов, а мистерия Арнуля Гребана (1452) — 34 575.

⁷ О «Мистерии об осаде Орлеана» см. например: Крылов П.В. «Битва на подмостках»: «Мистерия об осаде Орлеана» и образ войны в средневековом театре // Мир и война: культурные контексты социальной агрессии. М., 2005. С. 212–215.

⁸ В авиньонской «Мистерии об осаде Трои» было задействовано 200 актеров и 300 стражников. 12 тыс. зрителей наслаждались представлением в течение двух дней. См.: Cohen G. Etudes d'histoire du théâtre en France. 7e ed. Paris, 1956. P. 165.

⁹ В качестве доступного для читателя примера достаточно крупной по объему средневековой пьесы следует назвать: Мистерии Йоркского цикла / Изд. А.Н. Горбунов, В.С. Сергеева. М.: Ладомир, 2014.

Их появления скорее эпизодичны и являются ответом на сочетание двух обстоятельств: твердости в вере и уповании на Бога, убедительно продемонстрированной кем-то из персонажей на предшествующих страницах сочинения, а также непосредственного призыва к помощи Богородицы. Одновременно сцены присподней вовсе отсутствуют на страницах сборника, а «враг» в довольно редкие моменты своего появления предстает непосредственно перед искушаемым им персонажем.

Таким образом, источник конфликта, разрешение которого возлагается автором на Деву Марию, лежит в характерах героев той или иной пьесы. Внимание зрителей при этом обеспечивается сменой, иногда калейдоскопической, изображаемых на подмостках событий. Ситуации, в которые попадают герои, — зачастую вполне обыденные, хотя и заостренные сочинителем для вящей зрелищности, назидательности и трогательности. Клевета здесь особенно чудовищна, суд нарочито несправедлив и жесток, молва показательно беспощадна. Детальные и деловитые описания приготовления к расправе над жертвой, невиновность которой очевидна для зрителя, полностью соответствуют средневековым театральным приемам изображения жестокости, пробуждающим в толпе зевак довольно низменные чувства¹⁰, однако, видимо, способным обеспечить их сопереживание и надежду на высшую справедливость в отсутствие справедливости человеческой. Нежданное вмешательство во вполне земную историю, которая «может случиться с каждым», обладает особенной привлекательностью для зрительской аудитории, которая ищет признаки участия Бога в жизни смертного не только в житиях святых, повествующих о временах давно прошедших. На фоне многочисленных несчастий, постигших человечество в XIV в., компенсаторная популярность жанра «пьесы о чудесном спасении»¹¹, к которому относились миракли из сборника Канже, вполне понятна¹². Они создавали необходимый «контраст с убогостью повседневной жизни», дабы «через пьянящее чувство красоты, через удовольствие — смягчить гнет реальности, без чего жизнь казалась бы нестерпимо тусклой»¹³.

Знаменательно представление № 26, о женщине, которую Дева Мария спасла от сожжения на костре. Сюжет ее бесхитростен и прост, как будто взят из современной полицейской хроники: теща по имени Гибур из чувства ревности

¹⁰ Колязин В. Ф. От мистерии к карнавалу: театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья. М.: Наука, 2002. С. 54. По мнению этого исследователя, «у некоторых средневековых художников поиски грубых, часто жесточайших и даже вульгарных эффектов становятся самоцелью».

¹¹ Рецензия на: Goodich M.E. Violence and Miracle in the Fourteenth Century. Private Grief and Public Salvation. Chicago, 1995 // Annales. 53. 1998. № 6. Nov.–dec. P. 1313.

¹² О популярности жанра см. также: Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002. С. 468.

¹³ Хейзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988. С. 282.

решила убить своего зятя, обманщика и сплетника. Она подговорила двух пришедших из некоей чужой местности рабочих-поденщиков задушить жертву в постели, надеясь скрыть преступление спешными похоронами. Однако местный балби осмотрел тело «усопшего» и без труда обнаружил на его шее следы насильственной смерти. Разоблачив заказчицу убийства, королевский судья приговорил ее к смерти на костре. Однако покаяние осуждённой было столь жалобно, а ее молитва — столь горяча, что тронутая ее несчастьем Богородица послала на помощь Гибур двух архангелов: Михаила и Гавриила. Те устроили так, что пламя, несмотря на все усилия незадачливого палача, не причинило смертнице ни малейшего вреда, раскалив оковы, но не оставив никаких следов ни на ее теле, ни на одежде. Потрясенный свершившимся на его глазах чудом балби велел палачу освободить его несостоявшуюся жертву. Вскорости спасенная от мучительной и постыдной смерти Гибур раздала всё свое имущество нищим и отправилась в монастырь замаливать свой грех, который, как оказалось, был вполне простителен, коль скоро небесные силы проявили явное снисхождение к организованному женщиной убийству недостойного человека, покушавшегося на ее честное имя¹⁴.

Не чужды авторам мираклей и такие мелодраматические приемы, как внезапное исчезновение, переодевание в одежду противоположного пола, неожиданное воссоединение родных людей после многолетней разлуки и т.п. Зато место действия далеко не всегда четко определено, тем более что набор географических названий довольно ограничен. Среди них, пожалуй, чаще всего встречаются те, что связаны с паломничествами, особенно с паломничествами в честь Девы Марии. Например, Булонь во Франции, а также два священных для западных христиан города — Рим и Иерусалим. Относительно много упоминаний всевозможных французских городов, провинций и даже названий парижских предместий, что неудивительно ввиду происхождения сборника.

При всём этом топонимы Константинополь и Византия попадают на страницах «Чудес Девы Марии» нечасто. Однако редкие появления весьма ценны и содержательны.

Так, в № 18 — «Чуде о Феодоре», встречается поговорка «Дороже всего золота Константинополя»¹⁵, свидетельствующая о том, что последний жалкий обломок некогда великой империи в сознании парижского зрителя сохранял значение столицы страны богатства и процветания.

Одновременно Византия для сочинителей пьес представляет собой нечто, находящееся где-то на границах досягаемости. В № 34, «Чуде о Святой Батильде» Константинополь назван в числе прочих мест, где живет принцесса,

¹⁴ № 26. Miracle de une femme que Nostre Dame garda d'estre arse // Miracles de Nostre Dame par personnages. T. IV / Ed. par. G. Paris et U. Robert. Paris, 1879.

¹⁵ «Que mieulx valoit, tant estoit noble que tout l'or de Contentinople». № 18. Miracle de Théodore // Miracles de Nostre Dame par personnages. T. III / Ed. par. G. Paris et U. Robert. Paris, 1878. V. 1500–1501.

достойная руки короля Хлодвига. Но ее, впрочем, отвергают из-за необходимости проделать за ней слишком долгий путь¹⁶.

Именно это очень удаленное географически и окруженное флером неизвестности место представляет собой едва ли не наилучшую декорацию для еще двух мираклей, в которых привычный ход вещей нарушается столь видимым образом, что это невозможно помыслить в прочих обстоятельствах. Так путешествие в Византию, предлагаемое зрителю автором приобретает черты перемещения в «иной мир»¹⁷.

Миракль № 35, «Чудо о торговце и еврее», повествует о богатом человеке по имени Одри, щедрость и набожность которого привела его на грань банкротства. В надежде избежать краха он решил одолжить денег у еврея-ростовщика по имени Муссе. Но поскольку у торговца не было ни достойного имущества для залога, ни уважаемого поручителя, он решил заложить самого себя, а в поручители себе призвать Христа. Заем помог Одри, его дела пошли в гору, он разбогател и вернул долг, отправив Муссе горшок с деньгами и сопроводительным письмом. Впрочем, ростовщик прилюдно обвинил торговца в том, что долг остался невыплаченным, и потребовал, чтобы Одри по условиям займа был обращен в рабство. Оболганный купец воззвал к своему поручителю, и тогда Христос явился собравшейся толпе, объявив ей, что горшок с деньгами надо искать под кроватью лживого кредитора. В финале пьесы раскаявшийся Муссе принимает крещение. Несмотря на вполне французские имена немногочисленных поименованных действующих лиц: Гобен, Губерт, Жоссе, а также главный герой Одри, действие происходит «в Византии, в славном городе, называемом Константинополь»¹⁸. Принципиальная возможность обращения христианина иудеем в рабство во Франции в эпоху постановки «Чудес Девы Марии в лицах» полностью отсутствует, что рискует вызвать недоверие публики к обстоятельствам, ведущим к последующему вмешательству божественных сил, что разом способно обесценить эмоциональный настрой всей пьесы и снизить ее дидактический потенциал. Для того чтобы зритель не засомневался в допустимости подобной истории, как не мог он сомневаться в миракле о женщине, осужденной на смерть за умышленное убийство, автор стоит перед необходимостью найти ей иное, более удобное место действия¹⁹. Здесь сочинителю нужна страна, до-

¹⁶ № 34. *Miracle de Sainte Bauthauch // Miracles de Nostre Dame par personnages*. T. VI / Ed. par. G. Paris et U. Robert. Paris, 1881. V. 74.

¹⁷ Тема поисков «иного мира» в «Чудесах Девы Марии в лицах» исследуется в диссертации Даниэлы Муссо: *Musso D. Réminiscences mythiques dans les Miracles de Nostre Dame par personnages: la mise en scène d'un imaginaire chrétien du XIVe siècle*. Thèse. Université de Grenoble — Università degli studi. Genova, 2013.

¹⁸ «A Bisçance, la ville noble, qui nommée est Constantinoble». № 35. *Miracle de un marchand et un juif // Miracles de Nostre Dame par personnages*. T. VI / Ed. par. G. Paris et U. Robert. Paris, 1881. V. 1138–1139.

¹⁹ В «Песнопениях Деве Марии» кастильского короля Альфонса X Мудрого Константинополь становится ареной еще большего святотатства со стороны иудея в отношении Бого-

вольно далекая и незнакомая, но все-таки христианская, чтобы в текст пьесы более-менее органично вписывалось и решение торговца взять Иисуса себе в поручители, и действие в церкви, где собравшаяся толпа верующих благоговейно внимает явлению Христа. Не вполне ортодоксальная с латинской точки зрения Византия, расположенная во второй половине XIV в. на самой границе христианского мира в иноверном окружении, оказывается для этого едва ли не идеальной, удовлетворяя ко всему прочему зрительский запрос на экзотику и развлечения.

Развлекательная сторона театрального представления еще более заметна в миракле № 37 «О дочери некоего короля», самой объемной по количеству текста пьесе (3326 строк)²⁰, которую М. Стадлер-Онеггер считает «самой бестолковой и лишенной гармонии»²¹. Главная героиня миракля — королевская дочь Изабелла, бежит в Константинополь, спасаясь от кровосмесительного брака с родным отцом, на который его и ее вынуждают вассалы ради благополучия и мира в королевстве. У короля нет наследника мужского пола, притом что он категорически требует себе в жены женщину, что была бы похожа на покойную королеву. Такова, разумеется, одна только Изабелла. Для французских зрителей, бывших свидетелями Столетней войны, поводом к которой был династический конфликт, тема обеспечения престола законным наследником была более чем актуальной, и потому внимание аудитории оказывалось захваченным с самого начала. В этом миракле определенно присутствует некоторый социальный пафос, хотя я бы не согласился с утверждением Ж.К. Обейи о том, что в религиозном театре слышался голос французского народа, «который позволил королю вернуть себе корону»²².

Для успешного побега Изабелла переодевается в мужскую одежду и сразу по прибытии в Константинополь оказывается на войне против турок под видом знатного иноземного рыцаря. Византийский император, почувствовав высокое происхождение незнакомца, назначает пришельца своим маршалом. Во главе императорских войск Изабелла выигрывает сражение и пленяет пятерых неприятельских королей: Аравии, Венгрии (sic!), Тартарии, Турции и некоей Сарацинии (Cerges). В награду цезарь решает выдать свою дочь и наследницу

матери. В песнопении № 34 рассказывается, как образ Девы Марии был выброшен им в отхожее место. Поступок не остался без наказания — богохульник был унесен в ад группой чертей. Иллюстрации из Эскориальского кодекса см.: *Бельтинг Х.* Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002. С. 350.

²⁰ № 37. *Miracle de la fille d'un roy // Miracles de Notre Dame par personnages*. T. VII / Ed. par G. Paris et U. Robert. Paris, 1883.

²¹ *Stadler-Honegger M.* Etude sur le Miracle de Notre-Dame par personnages. Paris: PUF, 1926. Цит. по: *Musso D.* Réminiscences mythiques dans les Miracles de Notre Dame par personnages: la mise en scène d'un imaginaire chrétien du XIVe siècle. Thèse. Université de Grenoble — Università degli studi Genova, 2013. P. 130.

²² *Aubailly J.-C.* Le théâtre médiéval profane et comique. La naissance de l'art. Paris: Larousse, 1975. P. 48–49.

за победоносного маршала. Изабелла в замешательстве возносит молитвы Деве Марии, и посланный ей в помощь архангел Михаил советует девушке принять предложение императора, открыв свой секрет «невесте». Впрочем, почувствовавший что-то неладное цезарь отправляет своего духовника в некую тайную комнату подслушивать разговор новобрачных. Духовник узнаёт секрет Изабеллы и делится им с императором, но тот не верит ему на слово, объявляя молодым супругам, что «по обычаю этой страны»²³ они должны вместе искупаться в бассейне. Изабелла хочет бежать, но вновь явившийся ей архангел Михаил запрещает побег, ибо в таком случае невинный духовник будет казнен по приказу цезаря. Молодые отправляются в сад, где им приготовлен бассейн, а император лично отправляется за ними подглядывать из потаенного покоя. Выйдя из своего укрытия, цезарь приказывает казнить монаха за клевету, но Изабелла не может допустить несправедливости и рассказывает свою историю перед всем константинопольским двором. В достойном классического индийского кинематографа финале пьесы отец Изабеллы женится на византийской принцессе, а сама она выходит замуж за императора.

Видимое участие божественных сил в судьбе дочери короля оказывается, пожалуй, самым скромным на фоне прочих мираклей. Помимо двух уже упомянутых эпизодов, где архангел Михаил поддерживал нравственный выбор главной героини, оно проявляется, пожалуй, только еще один раз в начале пьесы, когда архангел Гавриил выводит Изабеллу и ее двух спутников, заблудившихся в лесу, в порт и устраивает на корабль, идущий в Константинополь. Что касается прочего, в том числе ратных подвигов, то их дочь короля совершает сама, благодаря природной храбрости и благоразумию. Впрочем, образ девушки-полковнца не был во Франции последней четверти XIV в. чем-то обыденным, потому, возможно, и был отправлен автором миракля в Константинополь, подобно тому, как автор миракля № 28 «Чудо об Оттоне, короле Испании», поместил оказавшуюся в сходном с Изабеллой положении женщины-солдата героиню за Пиренеи. Таким же ответом на необходимость вынесения заведомо фантастических деталей повествования вовне привычного пространства было и описание обычной совместного купания новобрачных, который был изобретен автором и приписан византийскому быту без всякой для себя опасности разоблачения.

Хронологический порядок осуществления постановок неизвестен. Однако можно предположить, что он в какой-то мере соответствовал последовательности пьес в манускрипте Канже. В таком случае тексты, где фоном для действия был избран Константинополь, оказались на сцене во второй половине 70-х гг. XIV в., когда ввиду передышки в Столетней войне общественное внимание переключается на успехи турок на европейском направлении. В 1362 г.

²³ «Il vous convient, n'en rechinez, qu'au jour d'huy tout nu vous baigniez en un vergier, mon ami doulx, et vostre femme avecques vous: c'est la guise de ce pais, si que n'en soiez esbahiz» (Miracles de Nostre Dame par personnages. T. VII / Ed. par. G. Paris et U. Robert. Paris, 1883. V. 2763–2768).

османы берут Адрианополь, куда Мурат I в 1365 г. переносит свою столицу. В 1364 г. власть турок распространяется на Филиппополь, а 26 сентября 1371 г. они одерживают громкую победу над сербами в сражении на Марице. Наконец, 1 июля 1375 г. папа Григорий XI объявляет против османов крестовый поход, впрочем несостоявшийся. Но тема крестового похода продолжает настойчиво звучать, к примеру, в посланиях Екатерины Сиенской церковным иерархам и светским правителям²⁴. Как следствие, Византия, чудесного избавления которой от покорения османами желают христиане латинской Европы, вновь оказывается на виду. Но теперь такое чудесное избавление могло произойти только на подмостках.

В театральной победе над турками проявляется сущность мистерии, отражающей защитную реакцию общества, находящегося в состоянии упадка, которое ищет в культовых практиках восстановления вероучительных основ его существования. Идея большого крестового похода против мусульман утрачивала привлекательность в западноевропейском обществе, но иного ответа на успехи османов это общество не знало и радостно внимало сценическому реваншу за взятие Адрианополя, компенсируя свою собственную слабость. Образ осажденного, страдающего, но одновременно славного и величественного Константинополя, которому никто уже не может помочь, кроме переодетой в мужской костюм дочери некоего иноземного короля, укоряет зрительское безразличие к судьбе братьев по вере и одновременно утешает их надеждой на ее благоприятный исход. И в этом явственно прослеживается то, чем является жанр мистерии для позднего средневековья — последняя попытка оживить распадающуюся систему общественных ценностей, возрождая посредством зрелища связывающее социум единодушие и оправдывая заново присущую ему внутреннюю иерархию²⁵.

К церковно-назидательному театру XIV в. вполне применимы слова Ю.М. Лотмана, сказанные им некогда о кино: «Сила воздействия в разнообразии построенной, сложно организованной и предельно сконцентрированной информации, понимаемой в широком, винеровском смысле, как совокупность разнообразных интеллектуальных и эмоциональных структур, передаваемых зрителю и оказывающих на него сложное воздействие — от заполнения ячеек его памяти до перестройки структуры его личности»²⁶. Многие зрители Йоркских мистерий в момент сцены распятия Христа «не скрывали своих слёз,

²⁴ «И воздвигните древо святого Креста; ибо как мы освободились через Крест (так говорит апостол Павел), так, воздвигнув эту хоругвь, которая кажется мне утешением христиан, мы избавимся от войны, разобщенности и многих несправедливостей, а неверные избавятся от своего неверия» (Письмо папе Григорию XI. Конец марта 1371 г. Екатерина Сиенская. Письма / Изд. подг. А.В. Топорова. М.: Ладомир; Наука, 2013. С. 19).

²⁵ XIVe et XVe siècles: crises et genèses. Ouvrage collectif sous la direction de Jean Favier. Paris, 1996. P. 407.

²⁶ Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973. С. 53.

как бы становясь соучастниками разыгрываемых на сцене событий»²⁷. Подобного отношения к увиденным картинам можно было ожидать и от зрителей «Чудес Девы Марии в лицах».

Через несколько десятилетий после их постановки Константинополь будет взят османами. Но таинственный образ Византии и ее столичного города сохранится в культурной памяти западнохристианского мира благодаря многим литературным и театральным сочинениям, среди которых пьесы из манускрипта Канже занимают малую, но весьма показательную часть.

References

- Aubailly J.-C.* Le théâtre médiéval profane et comique. La naissance de l'art. Paris: Larousse, 1975.
- Belting Kh.* Образ и культ. Istoriya obraza do epokhi iskusstva. M.: Progress-Traditsiya, 2002.
- Cohen G.* Etudes d'histoire du théâtre en France. 7e ed. Paris, 1956.
- Ekaterina Siyenskaya.* Pisma / Izd. podg. A.V. Toporova. M.: Ladomir; Nauka, 2013.
- Goodich M.E.* Violence and Miracle in the Fourteenth Century. Private Grief and Public Salvation. Chicago, 1995 // *Annales*. 53. 1998. N 6. Nov.–dec. (Review on).
- Gorbunov A.N.* Ot sotvoreniya mira do ego kontsa (Misterii Yorkskogo tsikla) // *Misterii Yorkskogo tsikla* / Izd. A.N. Gorbunov, V.S. Sergeeva. M.: Ladomir, 2014.
- Hasenohr G.* Religious reading amongst the laity in France in the fifteenth century // *Heresy and literacy, 1000–1530* / Ed. by P. Biller, A. Hudson. Cambridge studies in medieval literature, 23. Cambridge, 1996.
- Kheyzinga Y.* Osen srednevekoviya. Issledovaniye form zhiznennogo ukлада i form myshleniya v XIV i XV vekakh vo Frantsii i Niderlandakh. M.: Nauka, 1988.
- Kolyazin V.F.* Ot misterii k karnavalu: teatralnoy nemetskiy religioznoy i ploshchadnoy stseny rannego i pozdnego srednevekoviya. M.: Nauka, 2002.
- Konigson E.* Structures élémentaires de quelques fictions dramatiques dans les miracles par personnages du manuscrit Cangé // *Revue de la Société d'histoire du théâtre*. 1957. T. 29.
- Krylov P.V.* «Bitva na podmostkakh»: «Misteriya ob osade Orleana» i obraz voyny v srednevekovom teatre // *Mir i vojna: kulturnye konteksty sotsialnoy agressii*. M., 2005.
- Lotman Yu. M.* Semiotika kino i problemy kinoestetiki. Tallin, 1973.
- Miracles de Nostre Dame par personnages*. T. I–VIII / Ed. par. G. Paris et U. Robert. Paris, 1876–1893.
- Musso D.* Réminiscences mythiques dans les Miracles de Nostre Dame par personnages: la mise en scène d'un imaginaire chrétien du XIVe siècle. Thèse. Université de Grenoble — Università degli studi. Genova, 2013.
- Penn D.* The staging of the «Miracles de Nostre Dame par personnages». N. Y.: Columbia Univ. press, 1933.
- Roy E.* Etudes sur le théâtre Français du XIVe et du XVe siècle. La comédie sans titre et les Miracles de Notre-Dame par personnages. Paris, 1902.
- Stadler-Honegger M.* Etude sur le Miracle de Notre-Dame par personnages. Paris: PUF, 1926.
- Wickam G.* The medieval theatre. 3rd ed. Cambridge, 1987.
- XIVe et XVe siècles: crises et genèses. Ouvrage collectif sous la direction de Jean Favier. Paris, 1996.

Список литературы

- Бельтинг Х.* Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002.
- Горбунов А.Н.* От сотворения мира до его конца (Мистерии Йоркского цикла) // *Мистерии Йоркского цикла* / Изд. А.Н. Горбунов, В.С. Сергеева. М.: Ладомир, 2014.
- Ekaterina Siyenskaya.* Письма / Изд. подг. А.В. Топорова. М.: Ладомир; Наука, 2013.
- Колязин В.Ф.* От мистерии к карнавалу: театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья. М.: Наука, 2002.
- Крылов П.В.* «Битва на подмостках»: «Мистерия об осаде Орлеана» и образ войны в средневековом театре // *Мир и война: культурные контексты социальной агрессии*. М., 2005. С. 212–215.
- Лотман Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973.

²⁷ *Горбунов А.Н.* От сотворения мира до его конца (Мистерии Йоркского цикла) // *Мистерии Йоркского цикла* / Изд. А.Н. Горбунов, В.С. Сергеева. М.: Ладомир, 2014. С. 820.

- Мистерии Йоркского цикла / Изд. А.Н. Горбунов, В.С. Сергеева. М.: Ладомир, 2014.
- Хейзинга Й.* Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988.
- Aubailly J.-C.* Le théâtre médiéval profane et comique. La naissance de l'art. Paris: Larousse, 1975.
- Cohen G.* Etudes d'histoire du théâtre en France. 7e ed. Paris, 1956.
- Goodich M.E.* Violence and Miracle in the Fourteenth Century. Private Grief and Public Salvation. Chicago, 1995 // *Annales*. 53. 1998. N 6. Nov.–dec. (Review on).
- Hasenohr G.* Religious reading amongst the laity in France in the fifteenth century // *Heresy and literacy, 1000–1530* / Ed. by P. Biller, A. Hudson. Cambridge studies in medieval literature, 23. Cambridge, 1996.
- Konigson E.* Structures élémentaires de quelques fictions dramatiques dans les miracles par personnages du manuscrit Cangé // *Revue de la Société d'histoire du théâtre*. 1957. T. 29.
- Miracles de Notre Dame par personnages. T. I–VIII / Ed. par. G. Paris et U. Robert. Paris, 1876–1893.
- Musso D.* Réminiscences mythiques dans les Miracles de Notre Dame par personnages: la mise en scène d'un imaginaire chrétien du XIVe siècle. Thèse. Université de Grenoble – Università degli studi Genova, 2013.
- Penn D.* The staging of the «Miracles de Notre Dame par personnages». N. Y.: Columbia Univ. press, 1933.
- Roy E.* Etudes sur le théâtre Français du XIVe et du XVe siècle. La comédie sans titre et les Miracles de Notre-Dame par personnages. Paris, 1902.
- Stadler-Honegger M.* Etude sur le Miracle de Notre-Dame par personnages. Paris: PUF, 1926.
- Wickam G.* The medieval theatre. 3rd ed. Cambridge, 1987.
- XIVe et XVe siècles: crises et genèses. Ouvrage collectif sous la direction de Jean Favier. Paris, 1996.

С.А. Исаев

Базовые правовые представления византийцев и американцев: попытка сопоставления

Однажды в беседе со своим коллегой по Отделу всеобщей истории — известным американистом А.А. Фурсенко — Игорь Павлович Медведев назвал США «страной с историей в двух измерениях»¹. Он дал понять, что у Византии измерений истории гораздо больше.

Я американист. Соглашусь, что Византия и США сегодня выглядят взаимно контрастными объектами истории. США — мировая держава, возникшая на территории, заселяемой белыми европейцами, как принято считать, с 1565 г., и существующая как независимое государство с 1776 г. Византия же — христианская правопреемница языческого Рима, чья история, если считать от Константина Великого до Константина XI, охватывает одиннадцать веков. Преобладает мнение, что Византия только в истории и осталась, хотя Греция, Сербия, Румыния, Грузия, Армения претендуют на статус ее наследников, и некоторые основания для таких претензий есть. В глазах многих граждан этих стран США выглядят даже вовсе «страной без истории»².

¹ *Медведев И.П.* Вспоминая Александра Александровича // Россия и США: познавая друг друга: Сборник памяти академика Александра Александровича Фурсенко. СПб., 2015. С. 17.

² В 1999–2000 гг. я проходил стажировку в Кеннановском институте при Центре им. Вудро Вильсона в Вашингтоне. Этот институт регулярно проводит встречи между действующими политиками и историками. Алекса Джилас, сын знаменитого Милована Джиласа, выступая там 5 октября 1999 г., рассказал один из многочисленных анекдотов, распространенных в Белграде во время натовских бомбардировок. Анекдот содержал такой «обмен любезностями» между сербами и американцами: «Вы, американцы, страна без истории!» — «А мы вас, сербов, оставим без географии!»

Одному «измерению» византийской истории И.П. Медведев в своих работах уделил особенно пристальное внимание, нисколько не сомневаясь в его важности. Это измерение — правовое.

Знарок канонического права Феодор Вальсамон, живший во второй половине XII в., утверждал: «Нельзя ромею не знать законов». В этом и в подобных высказываниях И.П. Медведев видит «целую концепцию византизма как культурной системы, основанной на началах права, причем права цивилизованного, писаного, предполагающего высокий уровень юридического мышления и общей образованности»³.

Он не считает, что «византизм» *идентичен* праву. Но уверен, что именно право — цивилизованное, писанное и рассчитанное на народ, способный правильно понять его и умело применить, — лежит в *основании* византийской культуры.

Как с этим «измерением» обстоит дело в США?

Французский юрист Алексис де Токвиль, посетивший США в 1831–1832 гг., оставил в своем знаменитом трактате «О демократии в Америке» (1835) следующее свидетельство: «Рассматривая Конституцию Соединенных Штатов... становится страшно от того, какой объем разнообразнейших знаний и какая проницательность предполагаются у тех, кто должен управлять».

Но сразу же Токвиль делает важную оговорку: рациональных оснований для такого страха нет. В управлении Соединенными Штатами участвуют наряду с прекрасно образованными представителями политической элиты и простые люди. Но и простые американцы правовым невежеством не грешат:

«Я почти никогда не встречал в Америке такого человека из народа, который не мог бы с удивительной легкостью отличить обязанности, порождаемые законами Конгресса, от тех, что проистекают из законов его штата, и который не смог бы, после того как он отличит предметы, переданные в общее ведение Союза, от тех, которыми должна управлять местная легислатура, указать тот предел, где начинается компетенция федеральных судов и ограничивается или прекращается компетенция судов штата»⁴.

Если это правда, то Византия и США в юридическом измерении находятся как минимум в одной «весовой категории». И.П. Медведев в своих трудах весьма подробно осветил ключевые аспекты византийского правосознания. Я хочу воспользоваться этим, чтобы сопоставить византийское правосознание в *некоторых* (не во всех!) затронутых И.П. Медведевым аспектах с американским.

Предварительно — одно соображение методологического свойства. Для сопоставления имеет смысл брать только такие объекты, какие достаточно сходны для того, чтобы от сопоставления этого можно было ожидать интересных результатов. Сопоставляют одно государство или событие с другим, одну партию

³ Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 102.

⁴ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 138 (перевод сверен с французским оригиналом и исправлен мной. — С. И.).

или революцию с другой, одного политика или ученого с другим. «Полного тождества» никогда не бывает. Но и так чтобы не было совсем «ничего общего», тоже никогда не бывает. Всегда бывает сходство в одних аспектах и различие в других. Истина, на первый взгляд, тривиальная. Однако ее приходится повторять: ведь наши соотечественники сейчас всерьез обсуждают, является «приравнение» нацизма к сталинизму уголовным преступлением или не является.

Соотношение светской и духовной власти

В этом аспекте разница между Византией и США — принципиальная. В Византии светское право тесно переплеталось с церковным, каноническим, а между компетенциями светской и духовной власти не было четких границ⁵. А в США федеральное государство было отделено от религии уже в 1791 г. (I поправка к Конституции).

Однако на законодательство отдельных штатов эта норма была распространена только 8 июня 1925 г. решением Верховного Суда США по делу Гитлов против штата Нью-Йорк. Даже федеральное законодательство США считается с наличием у многих американцев религиозных убеждений: те, кому религия запрещает приносить присягу при вступлении в должность, могут заменить ее формальным «подтверждением» (approval), не имеющим религиозного смысла. А законы отдельных штатов на протяжении XIX в. предусматривали наказания за богохульство или налоги в пользу отдельных религиозных объединений (например в Массачусетсе в пользу конгрегационалистов до конца 1830-х гг.).

Преемственность права

Христианская Византия была *de jure* продолжением языческой Римской империи и изначально выстраивала свою правовую систему, кодифицируя римские юридические нормы, накопившиеся за тысячу с лишним лет: в 530–533 гг. были составлены знаменитые Дигесты Юстиниана⁶.

США — молодая страна, но ее правовая система на несколько веков старше, чем она сама. Отделившись от Великобритании в 1776 г., США разорвали *политическую* связь с метрополией, но сохранили основы *правовой* системы. С принятием федеральной Конституции в 1787 г. эта система усложнилась: наряду с законами отдельных штатов стали действовать и федеральные законы. В отличие от Великобритании вся правовая система в дальнейшем развивалась на этих двух уровнях и на республиканской основе. Это значит, что в США нет никакой наследственной власти и что всякая власть кому-то подконтрольна:

⁵ Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. С. 75, 79–84.

⁶ Там же. С. 108.

даже президент США и судья Верховного Суда (назначаемый пожизненно) могут быть отстранены от власти по импичменту.

При основании одной из колоний — Пенсильвании — ее собственник, Уильям Пенн, проделал работу по масштабу многократно меньшую, но по характеру аналогичную трудам Трибониана. В мае 1682 г. он составил дайджест 90 самых необходимых для новой колонии английских законов (*The Laws Agreed upon in England* — «Законы, согласные с законами Англии») и после созыва первой законодательной ассамблеи Пенсильвании настоял на принятии большей их части «пакетом»⁷.

Кодифицированное право и прецедентное право

Речь идет о двух крайних вариантах такого решения проблем юридической техники, какое позволяет юристу быстро найти нормативный документ, применимый к решаемому делу: либо всё действующее право сводится в кодекс текстов, утверждаемый законодателем, либо прямо признаётся, что действующее право состоит главным образом из судебных прецедентов, которые юрист и обязан со всем тщанием изучать.

Для Византии был характерен первый вариант. Дигесты Юстиниана, Василики Льва VI (начало X в.) — самые внушительные тому свидетельства. Английское же и американское правосознание известный правовед Р. Давид характеризует так:

«Для американского юриста, как и для английского, право — это только право судебной практики; нормы, выработанные законодателем, как бы многочисленны они ни были, несколько смущают юристов, которые не считают их нормальным типом норм права; эти нормы по-настоящему входят в систему американского права лишь после того, как они будут неоднократно применены и истолкованы судами, когда можно будет ссылаться не на сами нормы, а на судебные решения, их применившие. Если нет прецедентов, американский юрист охотно скажет: «По этому вопросу право молчит», — даже если существует совершенно очевидная норма закона, относящаяся к данному вопросу». «Право в США, как и в Англии, понимается как право судебной практики, основанное прежде всего на прецеденте и разуме. Законы и регламенты рассматриваются по традиции только как дополнения или коррективы к корпусу норм, ранее существовавших, то есть к системе общего права в узком смысле»⁸.

За этими крайностями, несомненно, стоит качественная разница двух правосознаний: Англия не была затронута влиянием римского права, столь мощно ощутимым на европейском континенте начиная с XII в.⁹ Поэтому именно

⁷ *The Papers of William Penn*. Vol. II: 1680–1684. Philadelphia, 1982. P. 221–229.

⁸ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996. С. 276–277.

⁹ Там же. С. 21–22.

англосаксонское прецедентное право было перенесено английскими колонистами на американский континент.

Однако и в Византии судьи не только применяли законы, но и толковали их: «Все эти перифразы, толкования, этимологические и другие разъяснения играли порой гораздо более важную роль в правовой жизни, чем свод самого Юстиниана», — признаёт И.П. Медведев¹⁰. С другой стороны, и в США проникло кодифицированное право: это произошло с присоединением Луизианы (1803), где Наполеон успел ввести свой знаменитый Кодекс и где многие его положения остаются в силе и в наши дни¹¹. В первой половине XIX в. в Нью-Йорке, Пенсильвании и некоторых других штатах США развернулся процесс кодификации, так что в 1850-е гг. многим наблюдателям казалось, что юридическая система США в близкой перспективе уподобится французской¹². Так далеко сближение двух систем все-таки не зашло. Решения Верховного Суда США всегда содержат многочисленные ссылки на законы и прецеденты, но ссылки эти далеко не всегда приводятся для того, чтобы применить их к решению дела: часто Верховный Суд объясняет, почему их *не следует* применять. Разрешая сложные правовые коллизии, американцы склонны выстраивать юридические тексты в определенной иерархии: одни для них более, другие менее авторитетны. Такой фундамент писаного права выглядит далеко не так величественно, как Дигесты. Но это не мешает правосознанию, которое опирается на него, быть сложным до изощренности и весьма работоспособным.

Право естественное и право позитивное

В одной из своих статей И.П. Медведев приводит замечательный текст. Димитрий Хоматиан, выступая в 1236 г. перед синодальным судом Охрида, заявил:

«Всё гражданское законодательство делится на два рода права, а именно нормы позитивного права и нормы власти; ибо то является отправление права и может быть названо нормами позитивного права, что следует не природной необходимости, а потенциально возможному. Относящиеся к позитивному праву нормы — это те законоположения, которые законодатели, следуя естественному праву и тщательно разобравшись, устанавливали для судебных тяжб, для действительности соглашений или для случающихся фактов»¹³.

О «нормах власти», т.е. о политике, Хоматиан в дальнейшем отказывается

¹⁰ Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. С. 109.

¹¹ Характерно, что документ 1808 г., коим легислатура федеральной территории Орлеан — будущего штата Луизиана — продублировала Кодекс Наполеона, назывался Digest, т.е. Дигесты/Дайджест.

¹² Friedman L.M. American Law. An Introduction. Revised and Updated Edition. N. Y. — L., 1998. P. 60–61.

¹³ Цит. по: Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. С. 32.

рассуждать, так что сравнение «двух родов» повисает в воздухе. Гораздо интереснее филигранное описание Хоматианом разницы между правом «естественным» и правом «позитивным». Это не одно и то же, но одно тесно связано с другим: законодатели создают «позитивное» право, «следуя» естественному праву, но после того как смогут «тщательно разобраться» в проблеме.

Речь идет об очень важном различии, которым в XVIII–XIX вв. много занимались немецкие правоведы. Позволю себе пояснить его простым примером. Если по шоссе осуществляется двустороннее движение, то необходимо развести транспортные потоки, чтобы избежать столкновений (это требование «естественного» права). Всякий водитель, нарушающий такое регулирование, ставит под угрозу жизни людей и *по справедливости* должен быть наказан. Но регулировать движение можно, введя левостороннее движение (как в Англии или Японии) или правостороннее — как в прочих странах. Невозможно утверждать, будто правостороннее движение «справедливее» левостороннего или наоборот. Выбор того или другого обусловлен традициями страны. Но *какой-то* выбор законодатель сделать обязан, и, главное, выбранного варианта следует в дальнейшем неукоснительно придерживаться. То, что в России движение правостороннее, а не левостороннее, — это часть «позитивного» права страны.

Когда герцог Яков Йоркский (будущий король Яков II) предоставил Уильяму Пенну и еще пяти квакерам права на «землю и власть» (soil and government) в пределах будущей колонии Западная Джерси, то в хартии от 6 августа 1680 г. говорилось между прочим, что Пенн может претендовать на всё и требовать всего, что ему полагается «как по закону, так и по справедливости» (as well in law as in equity)¹⁴. Из чего понятно, что англосаксы прекрасно видели разницу между тем «позитивным законом», который содержится в тексте законодательных документов, и представлениями о «справедливости», которые в Византии назывались «естественным законом». Свое право толковать закон в процессе его применения американские судьи обосновывают именно необходимостью разрешать возникающие время от времени коллизии между позитивным правом и справедливостью¹⁵.

Примером может послужить знаменитое в свое время дело о мосте через Чарльз-ривер (Charles River Bridge vs Warren Bridge 36 U.S. 420 (1837)). В 1785 г. легислатура Массачусетса выдала группе лиц хартию на право строительства моста через р. Чарльз в Бостоне и сбора платежей за проход и проезд на неопределенное время. В 1828 г. та же легислатура выдала другой группе хартию на право строительства еще одного моста рядом с первым; хартия предполагала, что после того как новый мост окупится, он станет бесплатным. Обладатели хартии 1785 г. подали в суд на легислатуру за то, что она, выдав

¹⁴ The Federal and State Constitutions, colonial Charters, and other organic laws of the States, territories, and colonies (59th Congress. 2nd Sess. House Doc. N357). Washington, 1906. Vol. 5. P. 2564.

¹⁵ Friedman L.M. American Law. P. 89–90.

хартию 1828 г., поставила их регулярный доход под угрозу. Однако 14 февраля 1837 г. Верховный Суд США решил дело в пользу хартии 1828 г. В хартии 1785 г. не было записано, что легислатура не вправе выдавать аналогичную хартию, а условия хартии 1828 г. более соответствуют «общему благу»¹⁶. Найдя слабое место в норме позитивного права, суд пожертвовал ею в пользу справедливости.

Наличие/отсутствие писаной/неписаной конституции

В Византии конституции как писаного основного закона не было; в США политическое устройство поныне определяется Конституцией 1787 г. Американцы признают, что неписаных, но фактически действующих конституционных норм у них, может быть, даже больше, чем писаных¹⁷. И.П. Медведев с полным на то основанием утверждает, что неписаная конституция в Византии была. В этом аспекте сходство двух политических систем налицо; однако оно тривиально, потому что И.П. Медведев принимает определение неписаной конституции, данное Георгом Еллинеком; а согласно Еллинеку, неписаная конституция есть вообще во всяком государстве¹⁸. Гораздо интереснее наличие в обеих системах инструментов *конституционного контроля*: представлений, что есть законы высшие, нежели позитивные писанные законы данного государства. В Византии законы, противоречащие канонам Вселенских соборов, объявлялись ничтожными¹⁹; в США Верховный Суд не раз отменял законы, признавая их противоречащими Конституции²⁰.

Равенство перед законом

Принцип равенства подданных перед законом наличествовал в византийском правосознании: его декларирует Эклога VIII в. Однако на практике за одно и то же преступление византийские суды назначали знатым людям и простолюдинам разное наказание. И.П. Медведев полагает, что это и другие отклонения от декларируемой нормы говорят не об отсутствии в византийском правосознании принципа равенства, а лишь о более сложном его понимании: не коммутативном, а дистрибутивном²¹.

¹⁶ White G.E. The American Judicial Tradition. N. Y., 1976. P. 69–70.

¹⁷ Так, положение, что президент США не может занимать должность более чем дважды, долгое время было частью неписаной конституции. Только после того как Ф.Д. Рузвельт его нарушил, оно было юридически оформлено XXII поправкой к Конституции (1951).

¹⁸ Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. С. 30–34.

¹⁹ Там же. С. 80–81.

²⁰ Friedman L.M. American Law. P. 218–220.

²¹ Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. С. 88, 96, 98.

В работах И.П. Медведева очень заметна симпатия автора к принципу равенства перед законом: он рад присутствию этого принципа в византийском правосознании. Между тем принцип равенства перед законом – представление сравнительно недавнее. Его провозгласила Французская революция в связи с упразднением сословий. До 1789 г. права и обязанности француза были обусловлены принадлежностью его к определенному сословию; «равенство» означало всего лишь, что обязанности и права гражданина более не связаны с его сословной принадлежностью.

Однако никуда не делись различия между мужчинами и женщинами, между совершеннолетними и несовершеннолетними, между дееспособными и недееспособными. Мало таких законов, которые относятся действительно ко всем людям, находящимся на территории данного государства. А если речь идет о многонациональной/многоконфессиональной империи, законы вынуждены считаться еще и с этническими/религиозными особенностями, чему ярким примером может служить законодательство Российской империи и Австро-Венгрии. В таких империях законодатель обязан позаботиться о *соразмерности прав и обязанностей* отдельных категорий подданных. Поэтому отмеченные И.П. Медведевым отклонения византийской практики от принципа *равенства* говорят только об адекватности византийского правосознания: оно не связывало себя нормами, неисполнимыми в принципе.

История принципа равенства перед законом в США предельно коротка. Он тоже однажды был зафиксирован в 1776 г. в Декларации Независимости: «All men are created equal» («Все люди созданы равными»). Но как в колониальное время, так и в период независимости США законы весьма разнообразно описывали те категории людей, к которым они должны были применяться. Так, «Negroes» обычно назывались все лица, в чьих жилах текло не менее 1/8 негритянской крови. Если речь шла о политических правах, то это довольно долго были «белые мужчины, не моложе 21 года, верующие в посмертное воздаяние за совершённое на земле и платящие налоги». Базовое юридическое понятие «гражданин США» впервые ввел федеральный закон от 9 апреля 1866 г. Но и после этого в штатах принимались законы, относившиеся специально к китайцам (они составляют, например, целый раздел конституции Калифорнии 1879 г.).

Во время стажировки в США я участвовал (17 ноября 1999 г.) во встрече с верховным судьей США Уильямом Ренквистом и спросил у него, помнит ли он в американской юридической практике хотя бы одно судебное решение, какое опиралось бы на утверждение Декларации Независимости, что «все люди созданы равными». Ренквист после минутного раздумья ответил: «I remember none» («Не помню ни одного»).

Проведенные в данной статье «византийско-американские» параллели ни в коей мере не указывают на прямые заимствования американцами византийского правового наследия. Речь идет о тех чертах глубинного сходства правосознаний христианских цивилизаций, которые воспроизводятся повсюду с минимальными модификациями, даже если для прямых или косвенных заимствований нет технической возможности, и которые в дальнейшем присутствуют в правовых системах, даже если политическая злоба дня мешает нам их видеть.

References

- David R., Žoffre-Spinozi K.* Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti. M., 1996.
Friedman L.M. American Law. An Introduction. Revised and Updated Edition. N. Y. — L., 1998.
Medvedev I.P. Pravovaâ kul'tura Vizantijskoj imperii. SPb., 2001.
Medvedev I.P. Vspominaâ Aleksandra Aleksandroviča // Rossiâ i SŠA: poznavââ drug druga. [Penn W.] The Papers of William Penn. Vol. II: 1680–1684. Philadelphia, 1982.
 Sbornik pamâti akademika Aleksandra Aleksandroviča Fursenko. SPb., 2015.
 The Federal and State Constitutions, colonial Charters, and other organic laws of the States, territories, and colonies. (59th Congress. 2nd Sess. House Doc. N357). Washington, 1906. Vol. 5.
Tokvil' A. Demokratiâ v Amerike. M., 1992.
White G.E. The American Judicial Tradition. N. Y., 1976.

Список литературы

- Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 1996.
Медведев И.П. Вспоминая Александра Александровича // Россия и США: познавая друг друга: Сборник памяти академика Александра Александровича Фурсенко. СПб., 2015.
Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.
Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992.
Friedman L.M. American Law. An Introduction. Revised and Updated Edition. N. Y. — L., 1998.
 The Federal and State Constitutions, colonial Charters, and other organic laws of the States, territories, and colonies. (59th Congress. 2nd Sess. House Doc. N357). Washington, 1906. Vol. 5.
 [Penn W.] The Papers of William Penn. Vol. II: 1680–1684. Philadelphia, 1982.
White G.E. The American Judicial Tradition. N. Y., 1976.

М. Витухновская-Кауппала

Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель–ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты

Карл Йохан Алексис Энкель (1876–1959) принадлежал к семейству, члены которого с середины XIX в. играли роль медиаторов в отношениях между российской властью и финскими элитами. Именно этот слой элиты национальных окраин имел в виду А. Каппелер, когда писал: «...отдельные представители кооптированных в имперскую элиту культурно чуждых привилегированных слоев... вошли в состав высшей политической элиты имперского центра, найдя применение своим специфическим особенностям (хорошее образование, знание языков, международные связи) в армии, бюрократическом аппарате и науке на благо империи»¹.

Эти люди были связаны с метрополией родственными и/или служебными связями, многие из них годами и десятилетиями жили в России, некоторые оставались там навсегда. Российская империя предоставляла многочисленные карьерные и предпринимательские возможности для выходцев из маленькой Финляндии, и честолюбивые, энергичные люди спешили этими возможностями воспользоваться. «Хельсинкская газета» (*Helsingfors Tidningar*) писала в 1836 г., что Россия открыла «новое поле для финских молодых людей в плане карьерного продвижения на пространстве обширной империи»².

¹ *Каппелер А.* Центр и элиты периферий в Габсбургской, Российской и Османской империях (1700–1918 гг.) // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 26.

² *Helsingfors Tidningar*. 1836. 05.03.

Наиболее интегрированной в российские элитные круги была группа финляндских офицеров, служивших в российской армии. Почти все они были этническими шведами. Это неудивительно — шведы составляли подавляющую часть финляндской элиты и стремились сохранить свой высокий статус, а офицерская служба как никакая другая предоставляла для этого возможности. В самой же Финляндии были очень незначительные воинские подразделения (в 1901 г. они были упразднены), и служба в них не давала никаких перспектив для карьерного роста. «На ловлю счастья и чинов» в Россию, по подсчетам Джона Скринна, в общей сложности за весь период истории Великого княжества отправилось от 3,3 до 4,5 тыс. финляндских офицеров³. Поступление финляндцев в российскую армию было упрощено благодаря предоставленным им особым возможностям.

Финляндские офицеры в России часто образовывали династии, сыновья и внуки шли по стопам отцов и дедов. Наш герой относился как раз к такой династии. Его дед, Карл Густав Энкель, уже через три года после заключения Фридрихсгамского мира, по которому Великое княжество Финляндское отходило к России, поступил на военную службу. Он дослужился до чина полковника русской армии. Из его шести сыновей три также выбрали военную карьеру, и два из них, Карл и Николай Энкели, стали генералами. Старший из этих двух генералов Энкелей, Карл (1839–1921), и был отцом нашего героя⁴. Он прошел классический путь финляндского офицера русской службы: окончил кадетское училище в Фридрихсгаме, служил в различных элитных подразделениях русской армии (в гренадерской и гвардейской частях), участвовал в русско-турецкой войне, многие годы жил в Петербурге, а затем в 1885 г. переехал в Финляндию со всей семьей (к тому времени в семье было уже четыре сына и дочь). Карл Энкель-старший получил назначение на должность директора кадетского училища в Фридрихсгаме⁵. Причиной его возвращения стало желание дать детям образование именно в Великом княжестве.

Жена генерала Энкеля происходила из обрусевшего польского дворянского рода Брониковских, ее родным языком был русский. Карл Энкель-старший владел русским так же безукоризненно, как и родным шведским: в его эпистолярных собраниях хранятся письма, написанные на обоих языках без единой ошибки или шероховатости. Домашним языком семьи был русский. Внук Карла Энкеля-младшего, Пьер Энкель, в письме к автору этой статьи вспоминал, как в 1955 г. он был свидетелем встреч братьев

³ О службе финляндских офицеров в российской армии см.: *Screen J.E. O. 1) The Entry of Finnish Officers into Russian Military Service 1809–1917. London, 1976; 2) «Våra landsman»: Finnish Officers in Russian Service, 1809–1917: a Selection of Documents. Åbo, 1983.*

⁴ *Släkten Enckell, 1623–2000. Sammanställ av Gerald Enckell. 2000, s. 87–89; Släktbok. Ny Föld. III: 2–3. Ekenäs, 1989. S. 242–247.*

⁵ *Волков С.В. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. II: Л–Я. С. 799.*

Энкелей — Оскара, Карла и Арвида. Они уже давно жили к тому времени в Финляндии, но беседа вели на русском, языке своего детства.

Всех четырех своих сыновей генерал Энкель определил во Фридрихсгамское кадетское училище. Старший сын, Карл Йохан, которому и посвящено наше сообщение, и второй по старшинству Оскар окончили училище с отличием, «по первому разряду», и их имена были занесены на мраморную доску. Это дало им возможность поступить в элитные подразделения русской армии — Карл в 1896 г. начал службу в Измайловском гвардейском полку (вышел оттуда в 1899 г.), а Оскар на год позже — в Семеновском⁶. О своей службе Карл Йохан писал в своих воспоминаниях: «К офицерскому кругу, который не был гомогенным, относились многие офицеры балтийского происхождения, поляки, литовцы, грузины и т.д., и русский национализм не проявлялся ни в малейшей степени. Иногда случалось, что кто-то из истинно русских к всеобщему удовольствию начинал подсчитывать, сколь многочисленно нерусское большинство, сидящее за завтраком. Дружеский дух офицерства был безупречным»⁷.

Несмотря на открывавшуюся перед ним блестящую военную карьеру Карл Энкель-младший (в России его звали Карл Карлович) предпочел получить инженерное образование, для чего в 1899 г. отправился в Германию. Здесь он поступил в Дрезденскую техническую высшую школу. Он писал в воспоминаниях, что военная наука его никогда не интересовала, и он еще по окончании кадетского корпуса договорился с отцом о том, что не будет продолжать военную карьеру⁸. Впоследствии, став инженером, Энкель быстро поднялся до должности директора-распорядителя акционерного машино- и мостостроительного общества, а также занял пост заместителя председателя финского Союза работодателей. Прекрасно владевший русским языком и имевший многочисленные связи в России, Энкель стал председателем финского представительства Экспертной палаты России. В этом качестве он участвовал в переговорах по развитию русско-финских торговых связей с русскими промышленниками и представителями властей⁹.

Неудивительно, что обладавший такими исключительными данными человек оказался востребованным, когда после Февральской революции внутрироссийский политический ландшафт резко изменился и потребовались новые люди. 7 марта 1917 г. была полностью заменена административная верхушка

⁶ Suomen Kansallisbiografia. Osa 2. Helsinki, 2003. S. 570–572, 575–577.

⁷ *Enckell C. Poliittiset muistelmani*. Porvoo–Helsinki: Werner Söderström osakeyhtiö, 1956. S. 14.

⁸ *Ibid.* S. 18.

⁹ Suomen Kansallisbiografia. Osa 2. S. 570–572; *аф Форселлес-Руска С.* Как из офицера и руководителя промышленности Карла Энкеля получился знаток российских дел и последний статс-секретарь Финляндии в Петербурге // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: Материалы IV ежегодной научной конференции (24–25 апреля 2002 г.) / Под ред. В.Н. Барышникова, С.Ю. Трохачева. СПб., 2003, С. 57–65.

российской власти в Финляндии. По предложению министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова, финляндским генерал-губернатором был назначен Михаил Александрович Стахович и его помощником — барон Сергей Александрович Корф. Помощник финляндского генерал-губернатора Адам Иосифович Липский, директор канцелярии финляндского генерал-губернатора Николай Николаевич Горлов и чиновники особых поручений Александр Николаевич Мясоедов и Михаил Феодорович Ганскау были уволены, причем Липскому и Горлову было предложено немедленно покинуть пределы Финляндии¹⁰. 8 апреля Временное правительство утвердило назначение министром статс-секретарем Финляндии Карла Карловича Энкеля. В этом качестве Энкель занимался, по его словам, «довольно неблагодарным делом взаимного сближения России и Финляндии», пожелания о котором многократно высказывало Временное правительство¹¹. Энкель оставил подробные политические воспоминания, в частности — о своем взаимодействии с Временным правительством¹².

Как отмечает биограф Карла Энкеля аф Форселлес-Риска, он «переехал в Петроград и стал жить в квартире, предоставленной статс-секретариатом. <...> Очевидно, Энкель свободно вращался и в политических, и в военных кругах Петрограда в 1917 г. Пребывая в Петрограде в качестве статс-секретаря, он хорошо знал не только русских промышленников и представителей властей, но и некоторых офицеров, знакомых ему еще со времен лейб-гвардии Измайловского полка. Энкеля также знали в находившемся в Петрограде военном министерстве, по просьбе которого он после нескольких переговоров начал производство военной продукции на своем промышленном предприятии для русской армии»¹³.

В течение Первой мировой войны российско-финляндские отношения находились в «подмороженном» состоянии — так называемая «большая программа русификации», подготовленная к 1914 г., не была принята к исполнению, однако русская власть не делала никаких шагов и в направлении смягчения русификационной политики¹⁴. Поэтому несмотря на теснейшее экономическое взаимодействие державы и окраины в Великом княжестве накапливался негативный протестный потенциал. Даже Иоганн Рихард Даниельсон-Калмари, лидер партии старофиннов, стремившейся к достижению компромисса с российской властью, переметнулся к конституционалистам¹⁵. Выражением протестных на-

¹⁰ *Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi, 1917–1920. Osa I. Helmikuu 1917 – toukokuu 1918. Porvoo–Helsinki: Werner Söderström osakeyhtiö, 1967. S. 24–25.*

¹¹ *Enckell C. Poliittiset muistelmani. Osa I.S. 68.*

¹² *Ibid.* Помимо изданных воспоминаний в распоряжении исследователей находятся несколько более ранних (1920–30-х гг.) интервью Карла Энкеля: SK. Carl Enckellin kokoelma (коллекция Карла Энкеля). Kotelo 28.

¹³ *аф Форселлес-Риска С.* Указ. соч. С. 64.

¹⁴ См. об этом: *Соломещ И.М.* Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.): Учебное пособие. Петрозаводск: Издательство ПГУ, 1992.

¹⁵ *Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии, 1809–1995. М., 1998. С. 99.

строений стала тайная отправка финскими активистами около двух тысяч молодых людей в Германию для военного обучения. Там из них создали егерский батальон, сражавшийся против России на Рижском фронте. Однако стремление к отделению Финляндии от России проявлялось слабо. Деятельность активистов и егерей широкие круги финляндцев расценивали как авантюризм¹⁶.

2/15 марта в результате событий Февральской революции было создано Временное правительство, высший законодательный и исполнительный орган государственной власти в России. Поскольку большинство членов первого состава Временного правительства относились к либеральному лагерю, они почти сразу осуществили то, за что упорно боролись на трибуне III Думы — Великому княжеству Финляндскому были возвращены все его особые права. На заседании 4 марта пункт шестой повестки дня гласил: «Об отмене общеимперского законодательства в Финляндии. Отменить действие закона 17 июня 1910 г., поручив министру-председателю представить проект соответствующего указа». Была упразднена состоявшая при Государственной канцелярии комиссия для систематизации финляндских законов¹⁷.

Период, когда Энкель приступил к исполнению своих обязанностей, можно назвать «медовым месяцем» российско-финляндских отношений. Однако довольно скоро выяснилось, что большая часть финского политического истеблишмента не согласна с тем объемом прав, которые были делегированы финским органам власти¹⁸. Финские сенаторы и депутаты зондировали почву, пытаясь выяснить, готово ли Временное правительство расширить автономные права Великого княжества. Точка зрения основной части финских правоведов сводилась к тому, что Временное правительство не могло заменить царя в качестве носителя высшей власти в Великом княжестве, ибо это противоречило сформировавшейся уже в 1880-х гг. в Финляндии так называемой «теории персональной унии». На этой концепции, сыгравшей значительную роль в формировании финской национальной идентичности и государственности, следует остановиться особо.

История формирования «теории персональной унии» подробно показана в монографии Осмо Юссилы¹⁹. Смысл ее сводился к тому, что Финляндия является особым государством, связанным с Россией союзными отношениями. Единственной связкой между ними выступает царь, являющийся Великим князем Финляндским. После Февральской революции в глазах сторонников

¹⁶ Соломещ И.М. Указ. соч. С. 40–52; Новикова И.Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 89–123.

¹⁷ Архив новейшей истории России. Сер. Публикации. Т. VII: Журналы заседаний Временного правительства: В 4 т. Т. 1: Март–апрель 1917 года / Отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост.: Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. М., 2001. С. 48–49.

¹⁸ Черняев В.Ю. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 37–38.

¹⁹ Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917. Хельсинки, 2009. С. 288–311.

этой теории ее центральное звено — Великий князь Финляндский — исчезло. Следовало, таким образом, заново строить отношения с метрополией, требуя делегировать финским органам власти всё больше прав.

Энкель вспоминает, как сразу после своего утверждения на должность отправился в Петербург, с тем чтобы срочно передать Временному правительству законодательное предложение о внесении изменений в конституцию, одобренное сенатом Финляндии. Суть предложений сводилась к временному расширению полномочий сената. Энкелю поручалось прозондировать отношение членов Временного правительства к такому акту. Он отмечал, что с самого начала понял: будет весьма сложно препятствовать министрам вмешиваться во внутренние дела Финляндии²⁰.

Энкель объясняет в воспоминаниях, в чём была сложность ситуации. По мнению умеренных финских политиков, Россия совершила революцию, не заручившись согласием Финляндии. Финляндия, со своей стороны, отнеслась к новому правительству и новой государственной системе с недоверием, хотя формально договор с Временным правительством и был одобрен. Ситуацию усложняло стремление Советов влиять на финских социал-демократов, чтобы разорвать их связь с Временным правительством. Отношения с Россией усложнялись еще и тем, что в Финляндии были дислоцированы российские войска — от 80 до 100 тыс. чел. Таким образом, взаимное недоверие нарастало.

Всё это, а также зависимость Временного правительства от Советов, т.е. ситуация двоевластия делали, по мнению Энкеля, невозможным нормальное рассмотрение финляндского вопроса. Он отмечал, что члены правительства были неспособны, да и не хотели углубляться в этот вопрос. Было объявлено, что вопросы статуса национальных меньшинств будет решать Учредительное собрание²¹.

В своих воспоминаниях Энкель характеризует особенности в отношении некоторых членов Временного правительства к «финскому вопросу». Милюков, несмотря на свой статус защитника Финляндии, был, как мы покажем далее, настроен жестко. А.И. Гучков заявлял, что принципом взаимоотношений с Финляндией должно быть «ничего бесплатно», т.е. Финляндии следует платить за справедливое, с ее точки зрения, решение русской властью финляндского вопроса. Г.Е. Львову «финский вопрос» был совершенно незнаком, он не высказывал своего мнения, а только просил финских юристов сформировать консолидированную позицию²².

В воспоминаниях Энкеля, а также в его интервью финским газетам и радио, хранящихся в его архивной коллекции, подробно рассказывается о том, как он пытался примирить финскую точку зрения с позицией Временного правительства, стремясь наладить личные контакты с его членами и повлиять на некото-

²⁰ *Enckell C. Poliittiset muistelmani. S. 66–67.*

²¹ *Ibid. S. 69–70.*

²² *Ibid. S. 74–75.*

рых из них. Наиболее тесные связи сложились у него с А.Ф. Керенским. Приведем некоторые фрагменты воспоминаний Энкеля.

30 марта / 12 апреля Карл Карлович в своем салон-вагоне отправился из Петрограда в Хельсинки — начинались пасхальные каникулы. В том же вагоне ехал в Финляндию и Керенский, который собирался посетить своего врача (незадолго до этого ему сделали в Кауниайнене операцию на почках²³). Энкель рассказывает, как бурно толпа на вокзале приветствовала Керенского. За день до этого торжественно открылась работа финского парламента, и Энкель дал Керенскому прочесть речь, которую от лица Временного правительства произнес генерал-губернатор, а также ответную речь председателя парламента. Керенский разгневался: «Здесь же нет благодарности Временному правительству за то, что оно сделало на благо Финляндии! Я собирался завтра сам отправиться в парламента, но теперь об этом нет и речи». Ушел и заперся в своем спальном отделении.

На следующее утро Энкель осторожно вернулся к этому вопросу, посоветовав Керенскому посетить парламента, так как Финляндия относится к нему, Керенскому, с большой симпатией, и хотя его визит и приватный, от него многого ждут. «Я посмотрю», — ответил Керенский, оставив Энкеля в неопределенности. Однако уговоры министра статс-секретаря подействовали, и, как пишет Энкель, Керенский сделал всё возможное, чтобы завоевать народные симпатии в Финляндии. Он посетил парламента, где обнимал главу Сената Оскари Токоя, поцеловал двух депутатов-социалисток, а также возложил букет к памятнику Рунеберга. Тем не менее при посещении парламента Керенский объявил Токою, что предложения сената содержат требования, которые Временное правительство не может одобрить²⁴.

На обратном пути, рассказывает Энкель, Керенский сиял: финские друзья раздобыли ему новый плащ, калоши, чистый воротничок и прочие предметы туалета вместо «пролетарского» одеяния, в котором он считал своим долгом как единственный министр-социалист появляться в Петрограде. Умиротворенный Керенский предложил Энкелю помощь во всех ситуациях, которые могли бы сложиться при его деятельности в Петрограде. Вскоре после этого Энкель воспользовался этим предложением: после безрезультатного визита к Милюкову он обратился «к своему новому другу» (по его словам) Керенскому.

Визит к Милюкову состоялся сразу после возвращения из Хельсинки, 1/14 апреля. До этого Энкель с Милюковым не встречался. Основной задачей Энкеля было обсудить с ним так называемый законопроект Антти Туленхеймо

²³ О лечении Керенского в селе Кауниайнен неподалеку от Хельсинки см. например: *Söderhjelm A. Min värd. Tredje delen. Stockholm, 1931. S. 388–391; Ruuskanen K. Kerenskin puheilla // Vapaussodan kertomuksia. Muistelmia ja kokemuksiä. Toim. Erkki Räikkönen. Helsinki, 1935. S. 538–543.*

²⁴ *Insinööri Carl Enckellin kertomus huhtikuun 9–11 p: nä 1929 (Рассказ инженера Карла Энкеля 9–11 апреля 1929 г.) // SK. Carl Enckellin kokoelma, kotelo 28; Enckell C. Poliittiset muistelmani. S. 72–74.*

(руководителя юридического департамента сената) о передаче части властных полномочий от Временного правительства сенату Финляндии. Законопроект отличался относительно умеренным характером: всё, что касалось общегосударственных дел («интересов России») и сессий парламента, предлагалось оставить в ведении Временного правительства, у русской власти оставалось бы и право разгона парламента. Однако бóльшая часть экономических решений должна была быть передана хозяйственному департаменту сената (после предварительного заключения генерал-губернатора).

Однако и столь умеренный проект вызвал полное несогласие Милюкова. Тот принял Энкеля холодно и заявил, что он против расширения прав Финляндии. Милюков заявил: «Мы дали вам в Манифесте все права, которыми вы должны обладать. А теперь вы требуете большего. У нас нет права давать вам больше, поскольку Временное правительство является высшим органом власти России лишь до созыва Учредительного собрания, которое должно решить вопрос формы правления, а также вопросы отношений с Финляндией, Польшей и всеми другими странами. У Временного правительства нет никаких прав изменять что-либо, это — прерогатива Учредительного собрания. Мы должны сохранить Россию в том же виде, в котором она была, когда император отрекся от власти». Энкель добавляет: «Он был очень холоден, Милюков»²⁵.

После такого приема у министра иностранных дел Энкель, как уже сказано, решил обратиться «к своему новому другу» Керенскому. Тот пригласил его на завтрак в министерство юстиции 7/20 апреля, однако в обеденном зале было по меньшей мере двадцать человек гостей. Энкеля посадили справа от Керенского, и он был потрясен тем, что слева от министра сидела Вера Фигнер («убийца Александра III», — писал Энкель), которая только вернулась из Сибири. Энкель описывает некоторые бытовые детали, например отмечает, что здоровье Керенского было слабым, поэтому ему подавали диетическую еду. В разгар завтрака в обеденный зал ворвался представитель «независимой Тверской губернии», который стал выкрикивать, что губерния не признает Временного правительства. Несмотря на все уговоры (в том числе и Фигнер) он отказался завтракать со всеми, и Керенский отправился с ним на переговоры. Таким образом, разговор Энкеля с Керенским не состоялся²⁶.

В интервью Энкеля есть рассказ и о его неофициальных сношениях с главой Временного правительства князем Г.Е. Львовым, с которым у него установились доверительные отношения. Львов даже пренебрег правилами протокола, неофициально передав Энкелю заключение юридического совещания под председательством Ф.Ф. Кокошкина на проект Туленхеймо. В этом заключении содержалась жесткая критика позиции Финляндии. Львов и Энкель говорились о том, что заключение не будет представлено Временному прави-

²⁵ *Enckell C. Poliittiset muistelmani. S. 74–75.*

²⁶ *Ibid. S. 73.*

тельству до тех пор, пока Энкель не оповестит о нем финский сенат. В большом секрете заключение было доставлено председателю сената Токою и министру юстиции Туленхеймо, которые так же секретно оповестили парламент. Однако финское общественное мнение было взбудоражено, и пресса сильно подогревала настроения в сенате и парламенте, поэтому, не дождавшись результата переговоров, 10/23 мая в Петроград отправились сенаторы-социалисты — Токой и председатель конституционной комиссии Юрьё Мякелин. Они были решительно намерены попасть на прием к Львову. Хотя из-за крайней занятости председателя Временного правительства это было почти невозможно, личные контакты Энкеля сработали (ему было ранее разрешено напрямую звонить Львову), и финские представители были немедленно приняты²⁷.

Однако сенаторы-социалисты были настроены радикально, и прием закончился скандалом. Токой в длинной и наступательной речи выразил удивление и неудовольствие тем, что Временное правительство до сих пор не отреагировало на законопроект об увеличении прав финского правительства. Львов был в свою очередь удивлен, и с недоумением взирал на Энкеля. Тот попытался смягчить ситуацию, разъясняя, что имеет место недоразумение, так как было договорено с Львовым, что ответ России будет дан только тогда, когда Энкель сообщит ему отзывы финляндцев на мнение юридического совещания. Однако Токой, не обращая внимания на Энкеля, протянул Львову предложения финских социал-демократов (которые даже не обсуждались в сенате, и которые были радикальнее предложений Туленхеймо). Львов, внешне спокойный, был возмущен, и высказал неудовольствие Энкелю: он не ожидал от финского правительства столь бестактного и революционного поведения. Энкелю пришлось оправдываться, докладывая Львову, что он не был поставлен в известность об этом новом предложении, и поясняя, что поданные предложения исходят не от сената, а от социал-демократической партии²⁸.

После этой встречи разразился скандал между Туленхеймо и Токоем, показавший, до какой степени была разобщена политическая верхушка Финляндии. Здесь же, на петербургской улице разъяренный Туленхеймо кричал на Токоя: «Прежде чем я сделаю хоть шаг, я хочу знать, являешься ли ты представителем финского правительства, или считаешь себя представителем диктатора Юрьё Мякелина?»²⁹. Таким образом, задача Энкеля усложнялась. Он должен был не только достичь компромисса между Временным правительством и сенатом Финляндии, но и гибко лавировать во внутрифинском политическом противостоянии.

Кризис в финско-российских отношениях совпал с июльскими антиправительственными выступлениями большевиков. В разгар июльского кризиса,

²⁷ Insinööri Carl Enckellin kertomus. S. 8–9.

²⁸ Ibid. S. 9.

²⁹ Insinööri Carl Enckellin kertomus. S. 10.

5/18 июля, когда неясен был еще исход восстания большевиков в Петрограде, сейм одобрил (136 голосов за и 55 против) социал-демократический проект закона о верховной власти. Закон имел два важных аспекта: 1. Петроград лишился верховной власти в пользу Хельсинки, и 2. Верховная власть передавалась не сенату, а парламенту. Было решено, что этот закон не будет отправлен на одобрение Временному правительству. Важно отметить, что перед окончательным голосованием Токой объявил, что Временное правительство пало. Когда было получено известие о том, что Временное правительство вышло победителем из политического кризиса, закон о верховной власти был уже принят. 12/25 июля сейм направил в адрес Временного правительства требование признать «неотъемлемые права Финляндии»³⁰.

Этот финский бунт поначалу подорвал сложившиеся доверительные отношения между Энкелем и Керенским, теперь уже председателем Временного правительства. Энкель вспоминает, что он получил аудиенцию у Керенского 11/24 июля, в 15:00. До этого несколько дней не было телефонной связи с Хельсинки, и он не мог получить оттуда никаких сведений. Керенский принял его в морском министерстве, стоя в центре зала в военном мундире и держа одну руку за спиной, в позе Наполеона. Он произнес: «Ага, что это вы, финны, в самом деле, творите? Вы объявили независимость, говорите, что вы свободны от России, не хотите одалживать нам денег. Хотите ли вы привести дело к тому, что Россия начнет военные действия против вас и закроет границу между нами? Вы стремитесь к этому, так, что ли?»³¹

Энкель набрался мужества в этот решительный момент спокойно ответить: «Александр Федорович, я пришел говорить с Вами не о политике. Я пришел лишь пожать Вашу руку и пожелать удачи на Вашем ответственном посту». Тактика Энкеля оказалась верной — весь «наполеоновский» пафос Керенского исчез, он засмеялся и предложил сесть. «Мы смеялись и беседовали» — вспоминает Энкель. Было решено обсуждать дела Финляндии позже, когда появится генерал-губернатор Стахович. Позже Энкель и Стахович, обсудив ситуацию, приняли решение распустить парламент и назначить новые выборы. Это было осуществлено 31 июля 1917 г. в соответствии с манифестом Временного правительства³².

По мере ослабления позиций Временного правительства, а особенно после начала корниловского выступления возрастали опасения финского сената, что в России надвигается угроза установления диктатуры. Предварительно договорившись через Энкеля с Керенским, сенат решил подготовить открытое письмо о расширении его полномочий. 30 августа / 12 сентября, когда войска Корнилова были на подступах к Петрограду, Керенский подписал это открытое

³⁰ Кеттола Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 30.

³¹ Insinööri Carl Enckellin kertomus. S. 13.

³² Enckell C. Poliittiset muistelmani. S. 90–94.

письмо, которое незамедлительно было опубликовано в Хельсинки³³. В письме говорилось «о передаче сенату Финляндии некоторых дел на окончательное разрешение». Фактически это было осуществление не принятого ранее закона Туленхеймо. Это письмо сохраняло в Финляндии силу закона, пока в стране существовала монархическая система правления, т.е. до июля 1919 г.³⁴

2/15–3/16 октября прошли консультации между конституционным комитетом Стольберга³⁵ и юридической совещательной комиссией Временного правительства³⁶. Обсуждались предложения Комитета по новой конституции и так называемому государственному акту, в котором определялся характер отношений между Финляндией и Россией. Как отмечает Осмо Юссила, законопроекты, предложенные комитетом, «вобрали в себя все те надежды и мечтания, которые лелеяли конституционалистские круги Финляндии...»³⁷. В них в завуалированном виде предлагалось фактически узаконить статус Финляндии как отдельного государства. Отмечалось, например, что Финляндия является республикой, что законодательную власть должны осуществлять парламент и государственный совет. В предложениях Комитета отсутствовала фигура генерал-губернатора, но появилась должность регента, который временно принял бы на себя права Великого князя. Ему принадлежало бы право окончательного утверждения законов Финляндии.

23 октября / 5 ноября предложения комитета Стольберга были представлены Временному правительству; незадолго до этого, 19 октября / 1 ноября был созван на первую сессию новый парламент Финляндии. Энкель так вспоминает об этой последней встрече с Керенским в качестве председателя правительства и верховного главнокомандующего: «Во второй половине дня 5 ноября, то есть незадолго до свержения Временного правительства, мною были представлены подготовленные сенатским конституционным комитетом Стольберга проекты государственного закона и формы правления. В соответствии с этими предложениями, Финляндия должна была иметь собственного президента, наделенного полномочиями главы государства, за исключением права принятия решений по вопросам международных отношений, военных дел, а также прав находящихся в стране русских. Утверждение законов, касавшихся этих вопросов, сохранялось в компетенции носителя российской верховной власти. На заседании царица нервная атмосфера, оно то и дело прерывалось, когда председателя просили выйти, чтобы принять одну из тех делегаций, который являлись, чтобы сообщить о подготовке большевистского мятежа.

³³ *Enckell C.* Op. cit. S. 100–101; *Polvinen T.* Op. cit. S. 97.

³⁴ *Polvinen T.* Op. cit. S. 97; *Кетولا Э.* Указ. соч. С. 31.

³⁵ Конституционный комитет под руководством правоведа Карло Юхо Стольберга был создан сенатом 18/31 марта; ему было поручено разработать положения о форме правления и взаимоотношениях с Россией. О его деятельности см. в частности: *Юссила О.* Указ. соч. С. 751–770.

³⁶ *Polvinen T.* Op. cit. S. 98.

³⁷ *Юссила О.* Указ. соч. С. 753.

Юридический комитет высказал целый ряд соображений по внесению изменений, представленных профессором Н.И. Лазаревским. Я был против изменений, однако правительство приняло их без обсуждения. В одном из пунктов этих изменений упоминался носитель верховной власти, однако особо не уточнялось, что имеется в виду власть российская. Когда я указал на эту неточность, А.Ф. Керенский, вспыхнув, воскликнул: «В Финляндии нет другого носителя верховной исполнительной власти!»³⁸

В интервью Энкеля приводится его собственное возражение Керенскому: «Прошу прощения, Александр Федорович, но в соответствии с этим законом в Финляндии есть президент, который и есть представитель высшей власти в Хельсинки...» Керенский, который не читал законопроекта, и, конечно, во взбудораженной атмосфере начала ноября не был готов вдаваться в детали, ответил: «Ну да, Вы правы, Вы правы!». «Он был очень импульсивный господин» — добавляет Энкель. Так на последнем заседании Временного правительства, посвященном Финляндии, был утвержден статус ее президента, и в целом принят законопроект, намного расширявший полномочия финских властей³⁹.

Однако произошедший через два дня октябрьский переворот сделал возможным реализацию гораздо более радикального проекта — утверждения независимости Финляндии. Предпринимавшаяся Энкелем тактика лавирования и поисков компромиссов увенчалась успехом. Он признавался в своем интервью: «Во время пребывания в Петрограде я надеялся на то, что мы смогли бы получить нашу независимость, как спелый плод, когда Россия распадется. Я говорил с моими помощниками о том, что, конечно, мы еще примем участие в мирной конференции после войны»⁴⁰. Министр статс-секретарь оказался провидцем и прекрасным тактиком: не давая конфликту между Временным правительством и Финляндией зайти слишком далеко, он медленно, но верно приближал независимость своей родины.

Хорошо известно, как осуществилось отделение Финляндии от Российской империи. В конце ноября — начале декабря сенат пришел к выводу о необходимости срочного объявления независимости. 21 ноября / 4 декабря председатель сената П.Э. Свинхувуд зачитал в парламенте объявление сената о том, что Финляндия взяла свою судьбу в свои руки и правительство обращается к другим государствам с просьбой о признании.

23 ноября / 6 декабря собрался парламент, и 100 голосами против 88 была принята Декларация независимости Финляндии⁴¹. Но иностранные государства отказались признать независимость Финляндии, прежде чем ее признает Россия. 14/27 декабря сенат решил отправить Карла Энкеля и профессора

³⁸ *Enckell C. S.* 113–114.

³⁹ *Insinööri Carl Enckellin kertomus.* S. 18.

⁴⁰ *Ibid.* S. 16.

⁴¹ *Новикова И.Н.* Указ. соч. С. 185.

права доктора Карла Густава Идмана в Петроград для выяснения позиции правительства Ленина, но их опередили социал-демократы: Эдвард Гюлинг, Куллерво Манер и Карл Виик встретились с Лениным в Смольном. Ленин, выразив удивление, что рабочие Финляндии еще не совершили революции, обещал поддержку⁴². Троцкий, как и Ленин, одобрил независимость Финляндии, и считал, что она подтолкнет рабочих Великого княжества к революции.

И всё же последний шаг в направлении финской независимости был совершен с участием Карла Энкеля. После Октябрьского переворота его должность называлась уже «представитель Финского сената в России», однако суть ее оставалась прежней. 15/28 декабря Энкель и Идман прибыли в Петроград, где Ленин сказал им: «Дело очень простое. Ваше правительство напишет нам письмо, на которое мы сразу ответим»⁴³. Через два дня, 17/30 декабря 1917 г., в Петроград прибыла делегация, состоявшая из Энкеля, Свинхувуда и Идмана. Энкель вспоминает, что большевики в тот день устроили какую-то большую демонстрацию, и в связи с этим граждане прятались по домам и улицы города были пусты. Финские представители не могли даже найти извозчика на Финляндском вокзале, и полпути прошли пешком, пока уже на Садовой им не попался извозчик. Из статс-секретариата Финляндии в понедельник делегация отправилась в Смольный с двумя экземплярами отношения, адресованного правительству России. Однако в Смольном выяснилось, что название письма следовало изменить: «Совету Народных Комиссаров». Впопыхах перепечатали название (оставив, однако, формулу «правительство России» в тексте), и вновь доставили бумагу в Смольный, где должны были ждать ее утверждения на заседании Совнаркома.

Энкель живо описывает наполненную папиросным дымом комнату, многочисленных посетителей, работников Смольного, каких-то детей, сновавших взад и вперед по просторному залу. Финские посланники нервничали, но в 11 часов вечера бумага была подписана. Финляндия получила независимость. По просьбе финнов к ним вышел Ленин, который сердечно пожал всем троим руки и шутливо спросил: «Теперь вы довольны?». Свинхвуд воскликнул: «Да, да!». После короткой беседы Свинхвуд, попрощавшись, отправился с драгоценным документом домой, в Финляндию⁴⁴. Энкель остался в Петрограде, и получил через четыре дня подтверждение решения о финской независимости, которое было утверждено Центральным комитетом.

Воспоминания и интервью Энкеля ценны не только подробным и детальным воспроизведением исторических событий, но и обилием бытовых деталей, впечатлениями и оценками самого автора. Для самого Карла Йохана Энкеля события 1917 г., в которых он играл одну из важнейших ролей, оказались

⁴² Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Указ. соч. С. 112.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Insinööri Carl Enckellin kertomus. S. 28–31.

судьбоносными — он начал и большую часть своей жизни продолжал карьеру одного из ведущих финских политиков. Неоднократно, в самые решительные периоды финской истории, Энкель занимал должность министра иностранных дел Финляндии⁴⁵, являлся руководителем финской делегации на Парижских мирных переговорах 1919 г., был послом Финляндии во Франции, руководил финской делегацией на переговорах о перемирии с СССР в 1944 г., а также в 1947 г. от лица Финляндии подписал мирный договор с СССР. На всём протяжении его карьеры политика ему помогали навыки, полученные в имперской России, и многочисленные социальные сети, сложившиеся в молодые годы. Как видим, контакты финской и российской элит смогли пережить саму империю, создав богатый задел для будущего обеих стран.

References

Černáev V. Ů. Revolúciã 1917 goda i obretenie Finlãndiej nezavisimosti // Otečestvennaã istoriã. 1993. № 6. S. 37–38.

Enckell C. Poliittiset muistelmani. Porvoo–Helsinki, 1956.

af Forselles-Riska S. Kak iz oficera i rukovoditelã promyšlennosti Karla Ènkelã polučiãsã znatok rossijskih del i poslednij stats-sekretar' Finlãndii v Peterburge // Sankt-Peterburg i Strany Severnoj Evropy: Materialy IV Ežegodnoj naučnoj konferencii (24–25 aprilã 2002 g.). SPb., 2003. S. 57–65.

Kappeler A. Centr i èlity periferij v Gabsburgskoj, Rossijskoj i Osmanskoj imperiãh (1700–1918 gg.) // Ab Imperio. 2007. № 2. S. 17–58.

Ketola È. Revolúciã 1917 goda i obretenie Finlãndiej nezavisimosti // Otečestvennaã istoriã. 1993. № 6. S. 27–36.

Novikova I.N. «Finskaã karta» v nemeckom pas'ãnse: Germaniã i problema nezavisimosti Finlãndii v gody Pervoj mirovoj vojny. SPb., 2002.

Pokinen T. Venãjãn vallankumous ja Suomi, 1917–1920. Osa I. Helmikuu 1917 — toukokuu 1918. Porvoo–Helsinki, 1967.

Ruuskanen K. Kerenskin puheilla // Vapaussodan kertomuksia. Muistelmia ja kokemuksia. Toim. Erkki Rãikkönen. Helsinki, 1935. S. 538–543.

Screen J.E. O. «Vãra landsmans»: Finnish Officers in Russian Service, 1809–1917: a Selection of Documents. Åbo, 1983.

Screen J.E. O. The Entry of Finnish Officers into Russian Military Service 1809–1917. London, 1976.

Slãktbok. Ny Föld. III: 2–3. Ekenäs, 1989.

Slãkten Enckell, 1623–2000. Sammanstãll av Gerald Enckell. 2000.

Söderhjelm A. Min vãrd. Tredje delen. Stockholm, 1931.

Solomeš I.M. Finlãndskaã politika carizma v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 — fevral' 1917 g.): Učebnoe posobie. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PGU, 1992.

Suomen Kansallisbiografia. Osa 2. Helsinki, 2003.

Ůssila O., Hentilã S., Nevakivi Ů. Poliitičeskaã istoriã Finlãndii, 1809–1995. M., 1998.

Ůssila O. Velikoe knãžestvo Finlãndskoe, 1809–1917. Hel'sinki, 2009.

Volkov S.V. Generalitet Rossijskoj imperii: Ènciklopedičeskij slovar' generalov i admiralov ot Petra I do Nikolaã II. M., 2009. T. II: L–Å.

Список литературы

Волков С.В. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. II: Л–Я.

Кappelер А. Центр и элиты периферий в Габсбургской, Российской и Османской империях (1700–1918 гг.) // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 17–58.

⁴⁵ Энкель был министром иностранных дел в следующие отрезки времени: 27.11.1918–28.04.1919, 02.06.1922–14.11.1922, 18.01.1924–31.05.1924, 08.08.1944–17.03.1950.

Кетола Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–36.

Новикова И.Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002.

Соломещ И.М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): Учебное пособие. Петрозаводск: Издательство ПГУ, 1992.

аф Форселлес-Риска С. Как из офицера и руководителя промышленности Карла Энкеля получился знаток российских дел и последний статс-секретарь Финляндии в Петербурге // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: Материалы IV Ежегодной научной конференции (24–25 апреля 2002 г.). СПб., 2003. С. 57–65.

Черняев В.Ю. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 37–38.

Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917. Хельсинки, 2009.

Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–1995. М., 1998.

Enckell С. Poliittiset muistelmani. Porvoo–Helsinki, 1956.

Ruuskanen К. Kerenskin puheilla // Vapaussodan kertomuksia. Muistelmia ja kokemuksia. Toim. Erkki Räikkönen. Helsinki, 1935. S. 538–543.

Polvinen Т. Venäjän vallankumous ja Suomi, 1917–1920. Osa I. Helmikuu 1917 – toukokuu 1918. Porvoo–Helsinki, 1967.

Screen J.E.O. The Entry of Finnish Officers into Russian Military Service 1809–1917. London, 1976.

Screen J.E.O. «Våra landsman»: Finnish Officers in Russian Service, 1809–1917: a Selection of Documents. Åbo, 1983.

Släktbok. Ny Föld. III: 2–3. Ekenäs, 1989.

Släkten Enckell, 1623–2000. Sammanställ av Gerald Enckell. 2000.

Suomen Kansallisbiografia. Osa 2. Helsinki, 2003.

Söderhjelm А. Min värd. Tredje delen. Stockholm, 1931.

А.В. Барынкин

Независимость Польши и вопрос формирования ее восточных границ в контексте советской внешней политики рубежа 1918–1919 гг.

После окончания Первой мировой войны народы Восточной Европы вступили в качественно новый период своего национального и государственного существования. Экономические, социальные и политические катаклизмы, вызвавшие падение европейских империй, давали богатую почву для разнообразных социальных и политических экспериментов. Выходя на мировую политическую арену, молодые государства стали активно заявлять о своих территориальных притязаниях. Польша не стала исключением, ее политическая элита в первые послевоенные годы решилась на рискованное военное разрешение территориальных споров с соседями: с Германией и Советской Россией, а также с Литвой и Чехословакией.

В политических кругах Польши к 1918 г. был выработан ряд моделей возможного территориального оформления польских границ. Роман Дмовский, лидер Национально-демократической партии Польши, в меморандуме, представленном в Лондоне в конце марта 1918 г., указывал на то, что «возрождение Польши в исторических границах 1772 г. на сегодняшний день вряд ли возможно», при этом «основой сильной Польши являются области, на которых большинство населения говорит по-польски». Говоря о восточных областях, Дмовский ограничивался территориями следующих губерний: Ковенской, Виленской, Гродненской, большей частью Минской и частью Волыни¹. Так Дмов-

¹ См.: *Лыкошина Л.С.* Основатель «пястовской» концепции развития Польши Роман Дмовский // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства

ским обосновывалась необходимость создания сильной Польши в этнографических границах.

Планы Ю. Пилсудского были иными. Он не видел, в отличие от своего политического конкурента, возможного союзника в лице России. Пилсудский ориентировался на ослабление восточного соседа посредством максимального расширения польских границ в сторону России². Он подчеркивал, что «на востоке всё иначе — есть тут двери, которые открываются и закрываются. Вопрос в том, у кого больше сил для того, чтобы их открыть»³. Показательно утверждение Пилсудского о том, что порты Либавы и Риги могут компенсировать «сомнительный Гданьск», для чего требовалось привлечь на свою сторону эстонцев и латышей⁴.

Эти две наиболее известные польские концепции территориального оформления Второй Речи Посполитой невольно подводят к выводу о неизбежности военного разрешения вопроса о восточных границах Польши. Польская внешнеполитическая стратегия в любом случае не довольствовалась бы территорией прежнего Царства Польского: Польша не скрывала своих притязаний на «восточные кресы»⁵.

Следует учитывать, что 14 ноября 1918 г. всю полноту государственной власти в Польше получил Ю. Пилсудский, бескомпромиссный политик, подчеркивавший свою приверженность политике свершившихся фактов⁶. Хорошо известны его слова: «Уже в 1918 году, независимо ни от кого, я поставил себе ясную цель в войне с Советами. Я решил приложить все силы к тому, чтобы сорвать любые попытки вновь навязать нам чужую <...> жизнь, причем сделать это как можно дальше от мест, где зарождалась и крепла новая жизнь. В 1919 году я эту задачу выполнил»⁷.

Если позиции польских политиков касательно территориального оформления возрождавшейся Польши относительно хорошо известны, то ответ на вопрос, что собой представляло большевистское видение польской независимости и польских границ в тот период, остается малоизвестным.

В данной статье предпринята попытка выяснить, как политическое и военное руководство Советской России оценивало территориальное оформление возрождавшейся Польши. Можно ли утверждать, что имелись некие стройные

в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 265; *Czubiński A. Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921. Toruń, 2002. P. 49–50.*

² *Czubiński A. Op. cit. P. 49.*

³ *Ibid. P. 58.*

⁴ *Ibid. P. 59.*

⁵ Имеются в виду так называемые восточные кресы (некоторые территории современной Западной Белоруссии, Западной Украины и Литвы, входившие в состав Речи Посполитой до первого раздела 1772 г.).

⁶ *Czubiński A. Op. cit. P. 58.*

⁷ *Пилсудский Ю. Война 1920 года. М., 1992. С. 265.*

концептуальные построения по этому вопросу на рубеже 1918–1919 гг., т.е. в период, когда Красная Армия достигла тех рубежей, которые рассматривались в Варшаве как интегральная часть Второй Речи Посполитой? Весьма непростой проблемой является фактическое признание независимости Польши. Большевистское руководство редко фиксировало свое видение польского вопроса в официальных актах. Идеологические и внешнеполитические представления руководства большевиков в тот период отличались противоречивостью. При рассмотрении этих вопросов неизбежно привлечение широкого круга источников дипломатического, военного и внутривластного происхождения, публицистики, материалов периодической печати.

Революционная Россия вошла в международный дипломатический диалог посредством хорошо известных документов: Декрета о мире и Декларации прав народов России. Громкие заявления молодой советской власти носили исключительно общий характер. Большевики предлагали мир без аннексий и контрибуций. Определяя термин «аннексия», они понимали ее как «всякое присоединение к... государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности»⁸. Декрет вполне ясно определял положение Царства Польского — несмотря на срок давности, разделы Речи Посполитой попадали под данное определение аннексии, что, следовательно, должно было порицаться в контексте «пролетарского» видения международных отношений.

В Декларации прав народов России советская власть предлагала взамен недостойной политики «лжи и недоверия, придинок и провокаций» честную политику, ведущую «к полному взаимному доверию народов России»⁹, поскольку только при наличии такого доверия мог «сложиться честный и прочный союз народов России», в результате которого рабочие и крестьяне народов России могут быть «спаяны в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии»¹⁰. Коротко говоря, национальным окраинам предлагалась новая форма совместного государственного существования. Когда Ноябрьская революция в Германии открыла перед большевиками широкий горизонт возможностей для установления власти в Восточной Европе, данный тезис эволюционировал. В новых условиях советизация бывших западных окраин обосновывалась необходимостью помощи трудящимся данных территорий и их (трудящихся) собственным свободным выбором жить в союзе с Советской Россией¹¹.

В данном контексте интерес представляет и Декрет СНК об отказе от договоров бывшей Российской империи с правительствами Германской и Австро-

⁸ Декрет о мире. Принят II Всероссийским Съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. // ДВП СССР. Т. I. М., 1959. С. 12.

⁹ Декларация прав народов России // Там же. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 15.

¹¹ См. напр.: *Радек К.* Внешняя политика Советской России. М.; Пг., 1923. С. 82.

Венгерской империи, королевств Пруссии и Баварии и др. от 29 августа 1918 г. Еще до аннулирования Брестского мира и падения германского оккупационного режима советским правительством в указанном декрете бесповоротно отменялись «все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа»¹². Право на свободный выбор политического будущего Польши присутствовало и в тексте Постановления ВЦИК об аннулировании Брест-Литовского договора от 13 ноября 1918 г.¹³

Признанная в целом ряде официальных постановлений независимость буржуазной Польши стала переосмысливаться с изменением социально-политической ситуации в Европе¹⁴. Наличие широкого спектра внешнеполитических перспектив для Советской России с неизбежностью требует поиска ответа на вопрос: какую роль должна была сыграть возрождавшаяся Польша после падения германского оккупационного режима?

Российский историк А.Ю. Ватлин полагает, что переломным моментом в позиции самого В.И. Ленина в оценке международного положения явилось 1 октября 1918 г. Тогда, в частности, последний утверждал: «Все умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперед начавшейся в Германии революции»¹⁵. Считая революцию в этой стране делом ближайшего времени, 1 октября 1918 г. Ленин писал: «Армия в 3 миллиона должна быть у нас к весне для помощи международной рабочей революции»¹⁶. В начале октября 1918 г. революция в Германии не являлась свершившимся фактом, однако лидер российских коммунистов усмотрел вероятность военной и продовольственной помощи рабочим одной из ведущих держав Европы. Впрочем, «октябрьский» сценарий задерживался.

Для ускорения революционных событий в Берлин был отправлен Карл Радек¹⁷. В конце 1918 г. ему удалось добраться до Берлина¹⁸, а уже в феврале

¹² Декрет Совета Народных Комиссаров об отказе от договоров правительства бывшей Российской империи с правительствами: Германской и Австро-Венгерской империй, королевств Пруссии и Баварии, герцогств Гессена, Ольденбурга и Саксен-Мейнингена и города Любека от 29 августа 1918 г. // ДВП СССР. Т. I. М., 1959. С. 460.

¹³ Постановление ВЦИК об аннулировании Брест-Литовского договора 13 ноября 1918 г. // Там же. С. 565.

¹⁴ Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930) и капиталистический мир. СПб., 2002. С. 75.

¹⁵ Цит. по: Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М., 2009. С. 29.

¹⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. М., 1970. С. 185.

¹⁷ Подробнее см.: Fiddick T.G. Russia's Retreat from Poland, 1920. From Permanent Revolution to Peaceful Coexistence. London, 1990.

¹⁸ Ранее, в августе 1918 г. большевистское руководство позволило ему доехать только до Орши.

1919 г. нелегальный советский посланник был арестован. Написанные им тогда публицистические сочинения были опубликованы в 1921 г. под общим названием «На службе германской революции»¹⁹. Особого внимания заслуживает статья «Германская революция и польский вопрос», написанная в декабре 1918 г., т.е. еще до поражения спартаковцев и гибели Р. Люксембург и К. Либкнехта. Радек предполагал, что стремление польской политической элиты сводятся к созданию вала между революционной Россией и революционной Германией: «...вал, который они намереваются далеко продвинуть на Восток, в Литву и Белоруссию, и о который должны разбиться волны пролетарской революции»²⁰. Автор не скупился на резкие оценки польских политиков. Ю. Пилсудского он называет «генерал-клоуном», а Р. Дмовского «прихлебателем лондонского Форейн-Оффис и Кэ-д'Орсэ в Париже»²¹. Радек был уверен в том, что польский рабочий класс «все-таки представляет собою достаточную силу для того, чтобы держать свободным путь из России в Германию»²².

Разрешение территориального спора между новообразованной Польшей и ее западным соседом автор видел в союзе германской и польской социалистических республик, поскольку «народным массам и в голову не придет отрывать какие-либо области для той или другой нации, ибо всё национальное угнетение исчезнет». Однако для привлечения польских трудящихся на сторону германского пролетариата требовалась значительная работа: немецкие коммунисты должны оказывать помощь оружием и деньгами своим польским коллегам. И тогда, полагал он, «Польша перестанет быть валом против германской революции, а станет мостом между германской и русской революцией». Такая политика, по его мнению, была предопределена интересами немецкой, польской, русской и мировой революций²³. Сложно судить о том, насколько взгляды Радека могли отражать стратегические построения большевиков в отношении возрождавшейся Польши. Однако очевидно, что исходная посылка его рассуждений была проста: политическое будущее Германии и Польши зависит только от их собственных решений.

С 2 по 6 марта 1919 г. в Петрограде проходил Учредительный съезд Коммунистического интернационала. В принятой платформе констатировалось перерождение империалистической войны в гражданскую; наступала новая эпоха — эпоха коммунистической революции пролетариата²⁴. Рабочий класс в новых условиях должен был «разрушить господство капитала, сделать невозможными

¹⁹ Радек К. На службе германской революции. М., 1921.

²⁰ Радек К. Германская революция и польский вопрос // Радек К. На службе германской революции. С. 90.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 91.

²³ Там же. С. 90–92.

²⁴ Платформа Коммунистического Интернационала // Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г. М., 1933. С. 173.

войны, стереть границы между государствами, превратить весь мир в работающее само на себя сообщество, осуществить свободу и братство народов»²⁵.

Отвергая феномен границ и государства, большевики тем не менее не призывали к скорому осуществлению идей пролетарского интернационализма на практике. Чуть более определенно по этому поводу высказался лишь Л.Д. Троцкий. Затрагивая вопрос о возможном вступлении Красной Армии в Германию, он утверждал: «К счастью или к несчастью, — это, конечно, дело вкуса, — но в настоящий момент до этого еще не дошло»²⁶. Развивая свою мысль, он заключил: «...хотя мы сейчас даже не помышляем о том, чтобы напасть на Восточную Пруссию», но если «наши западные братья призовут нас на помощь, мы ответим: “Мы здесь, мы за это время научились владеть оружием, мы готовы бороться и умирать за мировую революцию!”»²⁷.

Гражданская война в самой России не позволяла оказывать реальную военную помощь пролетариату запада. Показательно, что известия об успехах венгерских и немецких товарищей пришли в то время, когда Троцкий готовил наступление в предгорьях Урала²⁸. Однако, вскоре, следя за итогами революционных выступлений в Центральной Европе, нарком предложил искать иной объект экспансии. Ему казалось, что в новых условиях дорога к революции в Париже и Лондоне должна была прокладываться через Кабул, Калькутту и Бомбей²⁹.

Позиция В.И. Ленина в это время была представлена на VIII съезде РКП(б) (18–23 марта 1919 г.). Глава СНК полагал: у поляков «по нашему революционному календарю недалек уже Октябрь»³⁰. И вместе с тем он признавал, что польские трудящиеся пропитаны духом социал-патриотизма: «Рабочих там запугивают тем, что москали, великороссы, которые всегда поляков давили, хотят внести в Польшу свой великорусский шовинизм, прикрытый названием коммунизма»³¹. В силу этого следует учитывать, что «не путем насилия внедряется коммунизм... Надо предоставить (полякам. — А. Б.) возможность исполнить скромное желание — сделать Советскую власть лучше, чем у нас»³².

Коминтерн противодействовал общей внешнеполитической линии советского НКВД. Нарком Г.В. Чичерин весьма настороженно относился к деятельности новоявленной организации, видя в ней своего прямого конкурента. Представляя диаметрально противоположенное видение задач Советского государства на международной арене, НКВД и ИККИ вступили в негласную конфронтацию.

²⁵ Там же.

²⁶ Речь Л.Д. Троцкого на первом заседании первого конгресса Коммунистического Интернационала (от 2 марта 1919 г.) // Там же. С. 41.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: *Дойчер И.* Троцкий: вооруженный пророк, 1879–1921. М., 2006. С. 458–459.

²⁹ Там же. С. 461.

³⁰ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 47.

³¹ Там же.

³² Там же.

В этом отношении весьма показательна так называемая последняя служебная записка Г.В. Чичерина, известная под названием «Диктатура языкочешущих над работающими». Нарком весьма убедительно назвал своих политических оппонентов: «из наших... “внутренних врагов” первый — Коминтерн»³³.

Прагматическая оценка международных процессов и участие в них, отраженное в конкретных шагах НКВД и НКТП, было вторым неотделимым измерением советской внешней политики, определявшей место РСФСР в мире в контексте возможности установления партнерских отношений с капиталистическими странами.

Если таким интернационалистам, как, например, Радек, Польша могла представляться «мостом», способным соединить революционную Германию и Советскую Россию, то «прагматикам» Польша виделась, в частности, независимой капиталистической страной, с которой было можно наладить товарообмен. О таких перспективах позволяет говорить малоизвестный в истории советско-польских отношений эпизод, связанный с торговой миссией В. Ястржембского. Тогда переговоры с поляками обнаружили взаимную заинтересованность сторон в товарообмене. От заинтересовавшихся советскими предложениями торговых кругов Польши требовалась определенная смелость для того, чтобы пойти на заключение сделок с большевистским правительством. Польша могла стать единственным экономическим партнером из капиталистических стран, с которыми Советская Россия находилась в непосредственной территориальной близости.

К таким выводам приходил и Радек в работе «Внешняя политика Советской России». Он развивал идею о том, что без революции в Германии бывшие западные окраины царской империи являются только транзитными территориями в процессе товарообмена с капиталистическими странами³⁴. Наблюдая за противоречивым развитием революционных событий в Берлине и за поражением коммунистов в январе 1919 г., большевики вынуждены были выстраивать свои отношения с капиталистическими странами на прагматической основе, возвращаться к так называемой «брестской тактике», предполагавшей установление мирных отношений, необходимых для восстановления хозяйства и победы в гражданской войне.

Необходимость концентрировать внимание на внутренних проблемах, а также на ухудшении международного положения диктовала изменение отношения к бывшим окраинам империи. Если революционным романтикам успешное продвижение Красной Армии на запад виделось пробой переноса революции на штыках в Европу, то западные советские республики становились скорее буфером, ограждавшим Советскую Россию от враждебных сил с запада. Для определения отношения к Польше в последующие за Ноябрьской революцией недели следует исходить из того, что советское руководство в то время заняло выжидатель-

³³ «Диктатура Языкочешущих над Работающими». Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Источник. 1995. № 6. С. 107–108.

³⁴ См.: Радек К. Внешняя политика Советской России. М.; Пг., 1923. С. 66–67.

ную позицию. Рассчитывая на революционный взрыв в Германии, ни в октябре, ни в последующие месяцы большевистское руководство не решалось на сколько-либо значительные внешнеполитические акции. Донесения из Берлина вряд ли могли чем-то обнадежить советское руководство и с наступлением 1919 г.

Периодическая печать отчетливо фиксировала всю остроту ситуации. Публикации в основных советских газетах — «Правде» и «Известиях» — воспроизводят весьма неоднозначную картину «мирового революционного процесса». С началом событий в Германии советская пресса запечатлела очевидные надежды большевиков на успех революции. 10 ноября 1918 г. «Правда» напечатала статью с весьма красноречивым названием — «Советская Германия». В ней доказывалось, что «великая европейская и всемирная революция шагает стомильными шагами!», а «гражданская война кипит от Волги до Рейна и Дуная».

Подобная революционная бравурность пропитывала многочисленные статьи и заметки, посвященные политическому положению в Германии. У советских граждан должно было прочно закрепиться представление о том, что победа революции должна была бы означать начало грандиозных революционных событий в мировом масштабе. В связи с чем объявлялось, что «международная социалистическая революция перешла в наступление на буржуазный мир. Она этот мир победит»³⁵.

Складывавшаяся в Германии политическая ситуация вместе с продвижением Красной Армии в Прибалтике и Белоруссии вынуждала редакцию центрального органа РКП(б) остановиться и на польском вопросе. 19 ноября на страницах «Правды» особо подчеркивалось: «Польша и другие оккупированные местности являются в настоящее время той стеной, которая отделяет революционную Германию от Советской России. Для последней поэтому в высшей степени важно всё то, что делается в Польше, а также и в Литве»³⁶. Так впервые в советской центральной прессе появилась метафора, определяющая Польшу как некий барьер на пути к революционной Германии. Однако из текста не следовало, что этот барьер должен быть ликвидирован, но подчеркивалось, что «в период грядущей схватки революционного пролетариата континента Европы с мировой буржуазией польские коммунисты окажутся на своем посту»³⁷.

Вопрос о бывших западных окраинах царской империи вновь зазвучал в статье под названием «С Востока свет»: «Медленно, но также неудержимо отступают в область небытия “новые” буржуазно-республиканские “правительства” Эстляндии, Латвии, Литвы, Белоруссии... Средостение между Россией и Германией падает». Продвижению Красной Армии приписывалась роль «освободительного движения с Востока на Запад»³⁸.

³⁵ Волин Б. Завоевание Берлина // Правда. 1918. 12 ноября.

³⁶ П-ий С. С. Положение в Польше // Правда. 1918. 19 ноября.

³⁷ Там же.

³⁸ С Востока свет // Там же. 1918. 15 декабря.

Обоснование весьма активного расширения советского влияния на запад также нашло свое косвенное отражение в статье И. В. Сталина «Октябрьский переворот и вопрос о национальностях». Автор полагал, что благодаря Октябрьской революции «сложился социалистический союз рабочих и крестьян всей России против контрреволюционного союза национально-буржуазных “правительств” окраин России», в связи с чем борьбу окраинных правительств следовало бы рассматривать как борьбу контрреволюции против социализма³⁹.

Вместе с тем редакция «Правды» допускала и публикацию иных материалов. Уже в номере за 19 ноября в статье «Германская революция в опасности» говорилось о необходимости «смотреть правде в глаза». Автор статьи Ил. Мгеладзе подчеркивал факт отсутствия у революции «своего» правительства, в результате чего такая революция лишалась доверия со стороны Советской России⁴⁰.

Активная деятельность на германской политической сцене таких политиков, как Фридрих Эберт и Филипп Шейдеман, вызывали в Москве особую обеспокоенность. Подтверждением тому служит статья «Германия и союзники», в которой Эберт назывался проводником предательской политики, уговаривавшим бывших врагов своей страны «в случае победы в Германии пролетарской революции раздавить эту революцию». Автора высказывал смелое суждение: «...пролетарская революция в Германии стоит уже на пороге истории»⁴¹.

Вместе с надеждами на революционные преобразования в Германии не получили развития аналогичные чаяния в отношении Польши. Орган ВЦИК «Известия» 12 января 1919 г. доносила до читателей довольно критический взгляд на революционные перспективы в Польше: «Нельзя подходить к оценке политических событий в Польше с готовыми схемами русской или немецкой революции». Впрочем, автор выражал надежду на то, что «ближайшее время в Польше будет периодом изжития с молниеносной быстротой скрытой глубоко в широких массах крестьян и рабочих идеологии национального независимого государства»⁴².

Известный польский исследователь А. Новак видит в подобных пропагандистских выпадах в «Правде» и «Известиях» прямое отражение устойчивых геополитических интересов молодого Советского государства. Упомянутая выше статья «Революционные перспективы в Польше»⁴³ рассматривалась Новаком исключительно в контексте советизации Польского государства на рубеже 1918–1919 гг.⁴⁴ Однако столь пристальное и критическое внимание к политической жизни Второй Речи Посполитой требует весьма осторожных выводов.

³⁹ Сталин И. В. Октябрьский переворот и вопрос о национальностях // Правда. 1918. 19 ноября.

⁴⁰ Мгеладзе И. Германская революция в опасности // Там же. 1918. 19 ноября.

⁴¹ Мещеряков Н. Германия и союзники // Там же. 1918. 3 декабря.

⁴² Бронский М. Революционные перспективы в Польше // Известия. 1919. 12 января.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Nowak A. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków, 2008. P. 97.

Бывшие западные окраины империи Романовых назывались в центральной прессе «средостением» или же «барьером» на пути к революционной Германии. Однако именно Польша лишь единожды была описана такой метафорой, при том что она не становилась объектом для скорого занятия советскими войсками на пути в Германию. Если в отношении Белоруссии допускались такие суждения, например, как — «можно смело надеяться, что в самом ближайшем будущем над Минском будет развеяться Советское революционное знамя»⁴⁵, то в отношении Польской Республики таких суждений не допускалось.

«Правда», равно как и «Известия», довольно редко сопровождалась иллюстративным материалом. Однако в обоих изданиях в декабре 1918 г. были представлены две схематичные карты. Первая, опубликованная 12 декабря в «Известиях», представляла читателям «II период мировой революции после краха германского империализма»⁴⁶. Если РСФСР и «Советская Германия» именовались как «страны на стадии социалистической революции», то Польша описывалась как страна, находящаяся на стадии «националистической революции»⁴⁷, зажата с запада революционной Германией и активно расширяющей свои границы Советской Россией с востока.

Весьма скромная по своим масштабам Польская Республика была представлена на опубликованной 31 декабря 1918 г. в «Правде» карте. Иллюстративный материал представлял читателям «Западный фронт к 25-му декабря»⁴⁸. В отличие от предыдущего примера в данном случае отчетливо представлена восточная граница Польши. Вне пределов Польского государства оказались крупные населенные пункты: Вильно (Вильнюс), Гродно, Барановичи и Брест-Литовск. Польша явно представлялась большевистскому руководству относительно небольшим государственным образованием, основанным на национальных границах.

Центральная советская пресса в период с ноября 1918 г. как минимум до апреля 1919 г. не зафиксировала сколь-либо прямых намерений помощи германской революции, а вместе с тем и стремлений к насильственной смене политического режима в возрождавшейся Польше. Весьма противоречивое (местами даже критическое) видение перспектив социально-политических процессов в Европе газета «Правда» отражала уже с ноября 1918 г. Уверенные суждения о необходимости военно-революционной «помощи» трудящимся массам Польши станут характерны для риторики «Правды» лишь в 1920 г.⁴⁹

⁴⁵ *П-ий С.С.* Положение в Белоруссии // Правда. 1918. 4 декабря.

⁴⁶ II период мировой революции после краха германского империализма // Известия. 1918. 12 декабря.

⁴⁷ Так указано в тексте.

⁴⁸ Западный фронт к 25-му декабря 1918 // Правда. 1918. 31 декабря.

⁴⁹ 30 мая того же года в статье «Лагерь вооруженного пролетариата» отчетливо звучала идея советизации Польши: «Если мы выиграем эту битву и раздавим панскую Польшу, мы соединим свои силы с силами польских рабочих. И когда польский и русский пролетариат

Представление о конечных рубежах продвижения Красной Армии на западе, а следовательно, о возможных восточных границах Польши нашло свое отражение в ходе советского осенне-зимнего наступления в 1918–1919 гг.

Вслед за поражением Германии и падением ее военно-политической роли в Восточной Европе в движение пришли новые политические силы. Территории, занимаемые прежде немецкими войсками, стали предметом спора Советской России и Польской Республики. Уже 16 ноября 1918 г. Главное командование приказало Западной Армии выслать глубокую разведку в направлении Режица–Полоцк–Борисов–Бобруйск–Гомель⁵⁰. Первоначально советскому продвижению сопутствовал успех. Динамика была такова: 10 декабря 1918 г. был занят Минск, 6 января — Вильно (Вильнюс). К 13 февраля 1919 г. Красная армия занимала фронт Паневеж — Слоним — Береза Картузская — Янов Полесский — Сарны — Овруч⁵¹.

На фоне ощутимых успехов в советских военных штабах довольно четко рисовалась перспектива выхода к польским рубежам. В докладе И.И. Вацетиса В.И. Ленину в январе 1919 г. сообщалось, что «в Прибалтике наши успехи докатились до естественной границы Балтийского моря. Того же можно в скором времени ожидать на западе, когда мы дойдем до границ Польши...»⁵². Документы свидетельствуют о том, что установление революционной власти имело исключительно военный характер. В том же докладе И.И. Вацетис указывал, что «столь обширный успех в вопросе о расширении территории Республики достигнут исключительно оружием»⁵³.

Неопределенность государственно-правового статуса рассматриваемых территорий и отсутствие организованного сопротивления способствовали быстрому продвижению Красной Армии, в задачи которой входило «занимать очищаемые территории и устраивать при содействии местных военных комиссариатов и губисполкомов власть на местах»⁵⁴. Очевидно, что не шло речи о каком-либо не военном варианте установления советской власти.

Польское правительство в ноте от 22 декабря 1918 г. охарактеризовало советское продвижение как «враждебный акт» в отношении Польши⁵⁵.

будет одновременно у власти — это будет обозначать начало всеобщего пролетарского восстания в Германии. Вот почему вздуты все жилы на лбу мирового капитализма...» См.: Лагерь вооруженного пролетариата // Там же. 1920. 30 мая.

⁵⁰ Директива Главного командования командованию Западной армии о задачах армии (от 16 нояб. 1918 г.) // ДГККА. М., 1969. С. 176.

⁵¹ *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001 (<http://militera.lib.ru/research/meltyukhov2/03.html> (дата обращения 07.12.2011)).

⁵² Из доклада Главкома В.И. Ленину о стратегическом положении Республики и качестве резервов (январь 1919) // ДГККА. М., 1969. С. 142.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 176.

⁵⁵ Польско-советская война 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. I. М., 1994. С. 7.

30 декабря Варшава заявила Москве, что вследствие наступления Красной армии в Литве и Белоруссии польское правительство вынуждено выступить в защиту своего населения самым энергичным образом. На это советская сторона 7 января 1919 г. ответила заявлением, что советские войска нигде не вступили на территорию, «которая могла быть рассматриваема как принадлежащая Польской Республике»⁵⁶. Позиция советской дипломатии представляется отчасти обоснованной. Советские войска по сути не нарушали рубежей так называемого Царства Польского, хоть и имелись сообщения о занятии спорных территорий. В январе 1919 г. И.И. Вацетис действительно писал о переходе границ Царства Польского, что, по его мнению, грозило тем, «что пределы занятых нами территорий окажутся спорными и вызывающими casus belli с Польшей»⁵⁷. Красная Армия, скорее всего, закреплялась только в сопредельной местности, которая представлялась польской политической элите неотъемлемой частью возрождавшегося государства. И к 1919 г. территориальные требования молодой Польской республики были хорошо известны в Москве. Еще в декабре 1918 г. в Наркомнаце появилась информация об угрозе «польского движения» на территории Гродненской и Виленской губерний. Отход немецких вооруженных сил весьма точно оценивался сотрудниками наркомата как преддверие вооруженного столкновения с поляками⁵⁸.

Конечные пределы продвижения Красной Армии и ее стратегические задачи на рубеже 1918–1919 гг. в исторической литературе стали предметом негласного спора. Российский историк Г.Ф. Матвеев полагает, что территория Царства Польского не становилась объектом советской экспансии ни в 1918, ни в 1919 г.⁵⁹ Это утверждение подкрепляется тем фактом, что командованию Красной Армии довольно длительное время вообще не были известны конечные пункты продвижения советских войск в западном направлении. Доказательством тому служит обращение начальника штаба реввоенсовета Западной армии Костяева к Г.В. Чичерину: «...политическая обстановка, главным образом со стороны Польши, остается неопределенной, посему благоволите указать, до какой линии или до каких пунктов считаете возможным наше продвижение, <...> а также определить восточные границы Польши, которые для военного командования остаются совершенно неизвестными»⁶⁰.

Совершенно противоположной представляется точка зрения ряда западных авторов. Группа ученых, в том числе известный специалист по истории

⁵⁶ Мельтюхов М. Советско-польские войны. М., 2004. С. 29.

⁵⁷ Из доклада Главкома В.И. Ленину о стратегическом положении Республики и качестве резервов (январь 1919) // ДГККА. М., 1969. С. 147.

⁵⁸ См.: ГАРФ. Ф. Р.1318. Оп. 1. Д. 416. Информационный отдел при Наркомнациональностей. Польский стол. Обзор № 15 за время от 12 декабря по 19 декабря 1918 г. Л. 49–50.

⁵⁹ Матвеев Г.Ф. Начало // Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 30.

⁶⁰ Цит. по: Там же. С. 31–32.

советско-польских отношений Н. Девис, пришли к выводу о том, что продвижение Красной Армией имело некое кодовое название: операция «Цель — Висла»⁶¹.

По мнению авторов, само название говорит о том, что перед советскими войсками уже на рубеже 1918–1919 гг. ставилась задача выхода к р. Висла, что, соответственно, влекло за собой занятие ряда этнографических польских земель. Справедливости ради стоит отметить, что сам же Н. Девис ставит под сомнение возможность реализации такой задачи: «Операция с шифром “Цель Висла” должна была закончиться захватом Варшавы», но «несомненно, кодовое название было ничем иным как слоганом, продиктованным революционной бравурой»⁶².

В польской историографии идея о существовании так называемой операции «Цель — Висла» всё же получила широкое распространение. В частности, Я.А. Гоголон пишет: «Уже в декабре 1918 была начата реализации стратегического плана “Операция Висла”. Поглощение польских земель было неизменной целью правительства Ленина», поскольку Польша лежала на пути к революционной Германии⁶³. К сожалению, следуя указанным авторами ссылкам, мы не находим подтверждений тому, что подобное название (а вместе с ним и далеко идущие стратегические цели) когда-либо фигурировали в приказах советского военного командования.

Вряд ли стоит переоценивать и те задачи, которые ставились перед советскими частями. Их продвижение имело территориально ограниченный характер, а решение стратегических задач Красной Армии на западе в целом не было первостепенным.

С этим положением не вполне согласны И.С. Яжборовская и В.С. Парсаданова. В своем совместном труде они писали о сложившемся мифе, якобы красные части были крайне слабыми и очень пассивными⁶⁴.

Опираясь на данные И.И. Вацетиса, исследователи предположили, что «численность Западной армии составляла 81,5 тыс. бойцов — почти 40 процентов всех сил Красной Армии того времени»⁶⁵. Логика представляется довольно ясной — многочисленная армия на западных рубежах Советского государства в подходящий политический момент могла стать авангардом мировой революции. Такой подход вызывает некоторые вопросы.

В коллективной монографии, посвященной Гражданской войне в России, И.И. Вацетис и Н.Е. Какурин действительно говорят о том, что Западная

⁶¹ См.: *Davies N.* Orzeł biały, czerwonagwiazda. Wojnapolsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków, 2011. P. 41; *Croll K.D.* Soviet-polish relations, 1919–1921. Glasgow, 2008. P. 24; *Gocolon J.A.* W obronie Europy. Wojna z bolszewicką Rosją w 1920 roku. Toruń, 2006. P. 24.

⁶² *Davies N.* Op. cit. P. 41.

⁶³ *Gocolon J.A.* Op. cit. P. 24.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ *Яжборовская И.С., Парсаданова В.С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. С. 152.

армия насчитывала 81,5 тыс. бойцов⁶⁶. Утверждение представляется неточным. Первоисточник в виде февральского доклада того же И.И. Вацетиса засвидетельствовал информацию иного характера: численность Западного фронта на конец февраля 1919 г. составляла **81,5 тыс.** штыков и сабель⁶⁷. Западная же **армия**, которая была его составной частью, дислоцировалась в районе Шавли–Ковно–Гродно–Брест–Ровно–Смоленск и насчитывала **46 тыс.** бойцов⁶⁸.

Такова была численность Западной Армии в рассматриваемый период (которая была вполовину меньше той цифры, о которой говорят В.С. Парсаданова и И.С. Яжборовская). Соответственно, едва ли уместно говорить здесь о том, что имеет место миф о слабости советских войск на Западном фронте, который ко всему прочему испытывал на себе постоянную нагрузку в виде глубокой разобщенности составляющих его армий, имевших ярко выраженный национальный характер (Эстонская, Латышская и Литовско-Белорусская армии⁶⁹). Добавим также, что советское военно-политическое руководство в зависимости от общего стратегического положения республики неоднократно меняло направление главного удара, придавая первоочередное значение, как правило, одному фронту. И соответственно, войска перебрасывались с одного театра боевых действий на другой довольно часто. На рубеже 1918–1919 гг. Западный фронт «ударным» не был.

Тем не менее в рассматриваемый период Красной Армией были заняты обширные территории бывших западных окраин империи Романовых, где поляки не представляли этнической доминанты. Пристальное рассмотрение приказов советского военного командования вместе с изучением демографических данных, на наш взгляд, предоставляет весомые основания для выводов о том, каковы были стратегические цели армии Советской России в польско-литовско-белорусском пограничье.

Одним из первых приказов, в котором значились спорные в будущем области, явился Приказ войскам Западной армии о продолжении наступления в Прибалтике и Белоруссии от 12 декабря 1918 г. В нём указывалось: «По закреплении на линии Крейцбург–Двинск продолжать наступление на Митаву, Поневеж, Вильно, Лиду, Барановичи, Пинск, Мозырь»⁷⁰. В самом начале документа отмечалось взятие польскими легионерами Брест-Литовска, в направлении которого в приказе от 9 января 1919 г. предписывалось вести усиленную

⁶⁶ *Какурин Н.Е., Вацетис И.И.* Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002 (<http://www.rusrevolution.info/books/index.shtml?6> (дата обращения 10.06.2012)).

⁶⁷ Из доклада Главного командования В.И. Ленину и Реввоенсовету о стратегическом положении Советской Республики и задачах Красной Армии (23–25 февраля 1919 г.) // ДГККА. М., 1969. С. 154.

⁶⁸ Там же. С. 158.

⁶⁹ Там же. С. 332.

⁷⁰ Приказ войскам Западной армии о продолжении наступления в Прибалтике и Белоруссии № 19/0 от 12 декабря 1918 г. // ДКФКА. Т. 1. М., 1971. С. 481.

разведку⁷¹. В числе всех последовавших в течение 1918–1919 гг. приказов на западном направлении ни единого раза не ставилось целью занятие одной из областей Царства Польского.

Среди тех территорий, которые большевики оспаривали у поляков в 1919 г., не было ни одной административной единицы, где поляки преобладали бы как национальное большинство накануне Первой мировой войны. Стоит обратиться к статистическим источникам, зафиксировавшим национальный состав тех рубежей, которые были заняты Красной Армией в декабре 1918 — январе 1919 г., что и послужило причиной острой напряженности в отношениях с Польшей. Одними из первых городских населенных пунктов, в области которых произошли боевые столкновения польских и советских вооруженных сил в январе–феврале 1919 г., были Вильно (Вильнюс) и Брест-Литовск. Население Брест-Литовска, следуя переписи населения 1897 г., составляло 46568 человек (при учете весомой еврейской составляющей — 30 109). Поляков насчитывалось не более 3358⁷². Ситуация в самом Брестском уезде представляется еще более контрастной — из 218432 жителей уезда поляков было лишь 8515⁷³. Аналогичная картина прослеживалась и на уровне всей Гродненской губернии вместе с городом Гродно⁷⁴.

В конце XIX в. в Виленской губернии за исключением того, что поляки составляли чуть менее 1/3 от общего числа жителей города Вильно (Вильнюс)⁷⁵, на 1 591 207 жителей губернии их приходилось всего 130 054⁷⁶.

Предыдущий ход исторического развития «восточных кресов» сделал поляков культурной и политической доминантой в данном регионе. Большую же часть всего населения (сельского, а в отдельных случаях — городского) составляли представители непольских народностей. Такая ситуация, даже при учете возможных колебаний в демографических показателях в 1914–1918 гг., позволяла командованию Красной Армии осуществлять наступление на запад, опираясь на сложившуюся этносоциальную ситуацию при определении конечной линии продвижения войск.

Показательно, что с развитием советского наступления в Прибалтике и Белоруссии на рубеже 1918–1919 гг., что влекло за собой обострение в отношениях с Польской Республикой, большевики официально не отрицали независимости последней. В этом отношении стоит обратиться к эпизоду, связанному с попыткой организации странами Антанты так называемого совещания на Принцевых островах в середине февраля 1919 г.

⁷¹ Там же.

⁷² Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России (Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Табл. XIII: Распределение населения по родному языку. Т. 1–50. СПб., 1903–1905) (Демоскоп Weekly: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=351 (дата обращения 14.07.2012)).

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

Конференция должна была служить восстановлению мира в России и прекращению Гражданской войны. Желание принять участие в мирной конференции выразило советское правительство. Как утверждают авторы советского Дипломатического словаря, решение «Советского правительства явилось неожиданным для авторов плана созыва конференции. По «совету» сторонников открытой интервенции ряд белогвардейских «правительств» отказался от участия в переговорах с Советской Россией», в результате чего конференция на Принцевых островах не состоялась⁷⁷.

Несмотря на провал миротворческих инициатив стран Антанты, советское руководство успело выразить свою позицию по возможным переговорам. В ноте правительствам Великобритании, Франции, Италии, США и Японии от 4 февраля 1919 г. Правительство РСФСР прямо заявило о готовности начать переговоры с целью прекращения войны и обозначило те условия, которые могли содействовать урегулированию отношений со странами Антанты. Особенно важным, на наш взгляд, являлся четвертый пункт, касавшийся территориальных уступок. В документе подчеркивалось, что «под аннексиями следует подразумевать сохранение на той или другой части территории бывшей Российской империи, за вычетом Польши и Финляндии, военных сил Соглашения или же таких, которые содержатся правительствами Соглашения или пользуются их финансовой, технической, военной или иной поддержкой»⁷⁸. Таким образом советская дипломатия официально закрепляла перед странами Антанты факт отделения и суверенного существования Польши и Финляндии, которые больше не рассматривались как территории, принадлежащие советской власти. Обе эти страны в отличие от Белоруссии и прибалтийских республик⁷⁹ не входили к моменту созыва конференции в орбиту вероятного распространения советской власти силами Красной Армии.

Подводя итог вышесказанному, мы можем заключить, что к рубежу 1918–1919 гг., т.е. к тому моменту, когда вопрос о восточной границе Польши стал предметом военного спора, советское политическое и военное руководство не имело максимально четкого представления об их виде. Ни первые декреты советской власти, ни последовавшие позже международно-правовые документы, которые касались вопроса о польской независимости, никак не фиксировали в своем содержании предполагаемого территориального оформления новых геополитических реалий. Внезапно открывшиеся перспективы установления советской власти в Белоруссии и Прибалтике давали возможность для широкого военно-политического и дипломатического маневра, чем большевики

⁷⁷ См.: Принцёвы острова (план созыва конференции) // Дипломатический словарь. М., 1986. Т. 2. С. 423.

⁷⁸ Нота Правительства РСФСР Правительствам Великобритании, Франции, Италии, США и Японии от 4 февраля 1919 г. // ДВП СССР. Т. 2. М., 1958. С. 59.

⁷⁹ В указанной ноте Г.В. Чичерин отметил, что «Белоруссия, Литва, Латвия почти целиком перешли в руки советских войск этих республик вместе с большими городами — Минском, Вильно, Ригой, Двинском, Митавой...» (Там же).

воспользовались, устанавливая советский строй в рассматриваемом регионе. Представляется, что единственным ориентиром, определявшим крайние пределы продвижения советских вооруженных сил, были польские этнографические границы. Именно границы Царства Польского представлялись неприкосновенными рубежами суверенной буржуазной Польши. Переход этих границ казался советскому руководству возможной причиной войны, которой в Москве пытались избежать даже ценой пренебрежения мнением широких кругов польских коммунистов⁸⁰.

References

- «Diktatura Yazykocheshushikh nad Rabotaushimi». Posledniaya sluzhebnyaya zapiska G.V. Chicherina // Istochnik. № 6. М., 1995.
- Bronski M.* Rewolucyjne perspektywy w Polsce // *Izvestiya*. 1919. 12 yanvarya.
- Croll K.D.* Soviet-polish relations, 1919–1921. Glasgow, 2008.
- Czubiński A.* Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921. Toruń, 2002.
- Davies N.* Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków, 2011.
- Direktivi Glavnogo komandovaniya Krasoy Armii. М., 1969.
- Direktivi komandovaniya frontov Krasnoy Armii. Т. 1. М., 1971.
- Dokumenti vneshney politiki SSSR. Т. 1. М., 1959.
- Dokumenti vneshney politiki SSSR. Т. 2. М., 1958.
- Doycher I.* Trocky: voozyzhonnii prorok, 1879–1921. М., 2006.
- Felshinsky J.* Krushenie mirovoy revoliutsii. Brestskiy mir: Oktyabr' 1917 — noyabr' 1918. М., 1992.
- Fiddick T.G.* Russia's Retreat from Poland, 1920. From Permanent Revolution to Peaceful Coexistence. London, 1990.
- Gocolon J.A.* W obronie Europy. Wojna z bolszewicką Rosją w 1920 roku. Toruń, 2006.
- Kakurin N. E., Vacetis I. I.* Grazhdanskaya vojna. 1918–1921. SPb., 2002.
- Komintern i ideya mirovoy revoliutsii. Dokumenti. М., 1998.
- Lager' vooruzhennogo proletariata // *Pravda*. 1920. 30 maya.
- Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenii. Т. 50. М., 1970.
- Likoshina L.S.* Osnovatel «piastovsoy koncepcii» razvitiya Pol'shi Roman Dmowski // Do i posle Versalya. Politicheskie lideri i ideya nacionalnogo gosudarstva v Centralnoy i Jugo-Vostochnoy Evrope. М., 2009.
- Meltukhov M.I.* Sovietsko-polskie voyni. Voenno-politicheskoe protivostoyanie. 1918–1939 gg. М., 2001.
- Meltukhov M.* Sovietsko-polskie voyni. М., 2004.
- Mesheryakov N.* Germaniya i sojuzniki // *Pravda*. 1918. 3 dekabrya.
- Mgeladze I.* Germanskaya revoliuciya v opasnosti // *Pravda*. 1918. 19 noyabrya.
- Novikova I.N.* «Mezhdru molotom I nakovalney»: Shvetsiya v germano-rosiiskom protivostoyanii na Baltike v godi Pervoy mirovoy voyni. SPb., 2006.
- Nowak A.* Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków, 2008.
- Pervaya vseobshaya perepis' naseleniya Rosiyskoy Imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po rodnomu yazyku i uyezdam 50 guberniy Evropeyskoy Rossii (Istochnik: Pervaya Vseobshaya perepis' naseleniya Rossiyskoy

⁸⁰ Большая политика Москвы в деле мирных переговоров с поляками вызывала противодействие ряда польских коммунистов. Даже пропуск польского чрезвычайного посланника (Александра Венцковского) через территорию Белоруссии являлся проблемой. Чичерин опасался, что такой ход событий мог быть следствием интриг польских коммунистов, которые, по слухам, собирались даже арестовать польского делегата. Сложность политического момента потребовала вмешательства В.И. Ленина, который был вынужден пойти на угрозы: «Если польские коммунисты не будут пропускать Венцковского, мы пошлем отряд, чтобы открыть ему путь к нам» (см.: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 52412. Л. 6. Письмо Г.В. Чичерина А.А. Иоффе от 15.02.1919 г.).

Imperii 1897 g. Tabl. XIII: Raspredelenie naseleniya po rodnomu yaiku. T. 1–50. SPb., 1903–1905) // Demoskop Weekly. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=351 (data obrasheniya 14.07.2012).

Perviy kongress Kominterna. 1919 g. M., 1933.

P-ii S.S. Polozhenie v Belorussii // Pravda. 1918. 4 dekabrya.

P-ii S.S. Polozhenie v Pol'she // Pravda. 1919. 19 noyabrya.

Pilsudsky J. Voyna 1920 goda. M., 1992.

Pis'mo G.V. Chicherina A.A. Ioffe ot 15.02.1919 g. // AVPRF. F. 04. Op. 32. P. 204. D. 52412. L. 6.

Polsko-sovietskaya voyna 1919–1920 (Ranee ne opublikovannie dokumenty i materialy). Ch. I. M., 1994.

Princevi ostrova (plan soziva konferencii) // Diplomaticheskiy slovar'. M., 1986. T. 2.

Radek K. Na sluzhbe germanskoj revoliucii. M., 1921.

Radek K. Vneshnyaya politika Sovetskoy Rossii. M.; Pg., 1923.

S Vostoka svet // Pravda. 1918. 15 dekabrya.

Shishkin V.A. Stanovlenie vneshney politiki poslerevolucionnoy Rossii (1917–1930) i kapitalisticheskiy mir. SPb., 2002.

Sovietskaya Germaniya // Pravda. 1918. 10 noyabrya.

Stalin I.V. Oktyabr'skiy perevorot i vopros o nacional'nostyach // Pravda. 1918. 19 noyabrya.

Vatlin A.U. Komintern: Idei, resheniya, sud'bi. M., 2009.

Volin B. Zavojevania Berlina // Pravda. 1918. 12 noyabrya.

Vos'moy s'ezd RKP(b). Mart 1919 goda. Protokoli. M., 1959.

Yazhborovskaya I.S., Parsadanova V.S. Rossiya i Pol'sha. Sindrom voyni 1920 g. M., 2005.

Zapadniy front k 25-mu dekabrya 1918 // Pravda. 1918. 31 dekabrya.

Матвеев Г.Ф. Начало // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010.

II period mirowej rewolucii posle krakha germanskogo imperializma // Izvestiya. 1918. 12 dekabrya.

Список литературы

Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М., 2009.

«Диктатура Языкоchешущих над Работающими». Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Источник. 1995. № 6. С. 107–110.

Дойчер И. Трояцкий: вооруженный пророк, 1879–1921. М., 2006.

Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002.

Лькошина Л.С. Основатель «пястовской» концепции развития Польши Роман Дмовский // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009.

Матвеев Г.Ф. Начало // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 15–49.

Мельтохов М. Советско-польские войны. М., 2004.

Мельтохов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001.

Пилсудский Ю. Война 1920 года. М., 1992.

Польско-советская война 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. I. М., 1994.

Radek K. Vneshnyaya politika Sovetskoy Rossii. M.; Pg., 1923.

Radek K. Na sluzhbe germanskoj revoliucii. M., 1921

Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930) и капиталистический мир. СПб., 2002.

Язборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005.

Croll K.D. Soviet-polish relations, 1919–1921. Glasgow, 2008.

Czubiński A. Walka Józefa Pilsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921. Toruń, 2002. P. 49–50.

Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków, 2011.

Fiddick T.G. Russia's Retreat from Poland, 1920. From Permanent Revolution to Peaceful Coexistence. London, 1990.

Gocolon J.A. W obronie Europy. Wojna z bolszewicką Rosją w 1920 roku. Toruń, 2006.

Nowak A. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Pilsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków, 2008.

Т. В. Андреева, Н. Л. Корсакова

К истории крестьянского вопроса в России: Записка неизвестного автора «Об освобождении крестьян в России» с пометами на полях императора Николая I

Записка, составленная неизвестным русскоязычным автором на французском языке под названием «*Sur l'affranchissement des paysans en Russie*» («Об освобождении крестьян в России») с французскими маргиналиями Николая I, хранится в Российском государственном историческом архиве, в фонде Комитета 6 декабря 1826 года¹. Записка не датирована и не авторизована. Анализ ее содержания, лексики и идеологической составляющей дает основание утверждать, что по своему типу она является преобразовательным проектом и была создана в первые годы после победы над Наполеоном.

Подобных публикуемому документу неавторизованных автографов записок-проектов, относящихся как к александровскому, так и к началу николаевского царствований, со следами работы с ними императора в виде собственноручных записей, маргиналий и подчеркиваний текстов в фонде Комитета 6 декабря отложилось немало². И это вполне закономерно.

¹ Записка неизвестного лица «Об освобождении крестьян в России» с пометами на полях Императора Николая I (Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1167 (Комитет 6 декабря 1826 года). Оп. 1. Д. 39. Л. 1–10).

² Рассуждения неизвестного об основаниях систем государственного устройства и управления. Автограф. Б. д. (Там же. Д. 53. Л. 16.); Записка неизвестного лица «О постепенном улучшении крепостного состояния крестьян без вреда для помещиков и без потрясения внутреннего спокойствия». Автограф. Б. д. (Там же. Д. 105. Л. 7, 9, 9 об., 12, 13, 15, 16, 17);

Во второй четверти XIX в. институт высших комитетов приобрел исключительное значение, что отразило перестройку административной системы Российской империи, связанную с дальнейшим усилением бюрократического централизма и расширением сфер личного участия императора в преобразовательном и управленческом процессах. Находившая выражение в сужении компетенций и падении значения существовавших высших государственных органов и дальнейшем усилении роли Собственной ЕИВ Канцелярии, руководство которой сосредоточивалось в руках самого Николая I, она включала также введение нового звена в государственный аппарат — особых межведомственных по своему составу временных высших комитетов. В определенной мере перестройка была обусловлена политическим кризисом конца 1825 г. и итогами следствия по делу декабристов. Ведь в своих следственных показаниях руководители движения указывали на связь некоторых членов Государственного совета с «Тайным обществом»³.

Высшие комитеты типологически можно разделить на три группы. К первой относятся комитеты, созданные для разработки взаимосвязанных реформ в государственном управлении, аграрной сфере, сословной системе — Комитет 6 декабря 1826 года, Комитет «для рассмотрения предположений и составления проекта устава об управлении казенных крестьян» (1828 г., апрель—ноябрь), Комитет о состояниях (1829—1830 гг.) и т.д. Ко второй — учрежденные для рассмотрения вопросов управления окраинами Российской империи. Это — Первый и Второй Сибирские комитеты (1827—1838, 1852—1864 гг.); Комитет по делам Царства Польского (1830—1841 гг.); Комитет Западных губерний (1831—1848 гг.); Кавказский комитет (1833—1882 гг.). Третью группу составляют комитеты, созданные для решения различных вопросов внутренней политики и разрабатывавшие меры по укреплению разных отраслей управления, совершенствованию организации государственного аппарата: Комитет для составления общих единообразных штатов по всем министерствам (1829—1832 гг.); Комитет для разработки мер по сокращению расходов в министерствах (1835 г.), комитеты по созданию вексельных и рекрутских уставов и т.д. Для института высших комитетов характерны следующие черты: они были неофициальными, неоформленными юридически высшими государственными органами; чаще всего создавались по повелению Николая I (иногда при его прямом участии); круг лиц, входивших в их состав, был достаточно узок и определялся не только профессионализмом,

Записка [неизвестного] об улучшении положения казенных крестьян, об отмене установлений, стесняющих торговлю и об искоренении злоупотреблений по разным отраслям государственных доходов (Там же. Д. 46. Л. 2, 4 об., 5 об.); Записка 1827 г [неизвестного] о современном состоянии России, ложно приписанная адмиралу [Н. С.] Мордвинову. Писарская копия (Там же. Д. 133. Л. 1, 3, 4, 6 об., 9 об., 11, 12, 13 об., 14, 17, 18, 20 об., 22).

³ Восстание декабристов. Документы. Т. XX. М., 2001. С. 80, 134, 139, 197; Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 370—387.

но и близостью сановников к императору; деятельность большинства комитетов, прежде всего крестьянских, носила секретный характер и определялась лично Николаем I⁴.

Комитет 6 декабря 1826 года

Первый высший секретный комитет николаевского царствования, относящийся к первой группе, был создан 6 декабря 1826 г. и назван по дате основания в день св. Николая⁵. Его учреждение в определенной мере воплощало идею М.М. Сперанского 1803 г.⁶, а также декабристов-интеллектуалов о необходимости создания государственного органа, призванного заниматься подготовкой общего плана преобразований. По их мнению, неудача реализации многих реформаторских проектов, в том числе крестьянских, в конце XVIII— начале XIX в. была напрямую связана с отсутствием «положительного, твердого плана»⁷.

Необходимость перспективного плана развития страны была очевидна и членам Императорского дома. Так, по мнению великого князя Константина Павловича, на исходе правления его царственного брата страна находилась в тяжелейшем социально-экономическом положении, поскольку у правительства не было «определенного плана», всё делалось «в виде опыта, на пробу, все блуждают в потемках»⁸.

⁴ *Архипова Т.Г.* Высшие комитеты России II-й четверти XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической государственности): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. С. 4–7, 21, 32.

⁵ О Комитете 6 декабря 1826 года см.: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: В 2 т. Т. 2: Крестьянский вопрос в царствование Императора Николая. СПб., 1888. С. 1–17; *Алексеев П.В.* Секретные комитеты при Николае I // Великая реформа (19 февраля 1861–1911): Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 194–208; *Кизеветтер А.А.* Внутренняя политика Николая Павловича // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 427–452; *Ловков А.И.* Комитет 6 декабря 1826 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1946; *Сладкевич Н.Г.* О сословных проектах Комитета 6 декабря 1826 г. // Исследования по отечественному источниковедению: Сборник статей к 75-летию профессора С.Н. Валка. Труды ЛОИИ СССР АН СССР. Вып. 7. М; Л., 1964. С. 274–233; *Архипова Т.Г.* Секретный комитет 6 декабря 1826 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 20: Вопросы архивоведения и истории государственных учреждений СССР. М., 1965. С. 212–240; *Долгих А.Н.* Крестьянский вопрос во второй четверти XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 11–13; *Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005. С. 34–68; *Николаенко П.Д.* Князь В.П. Кочубей — первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 570–614.

⁶ *Сперанский М.М.* Проекты и записки / Под ред. С.Н. Валка. Л., 1961. С. 43, 62–66, 120, 142.

⁷ Записка барона Владимира Ивановича Штейнгейля, представленная императору Николаю Павловичу 11 января 1826 г. // Из писем и показаний декабристов: Критика современного состояния России и планы будущего устройства. СПб, 1906. С. 56.

⁸ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование: В 2 т. СПб., 1903. Т. 1. С. 296.

Поэтому учреждение Комитета 6 декабря 1826 года, деятельность которого была направлена на создание «источниковой» и концептуальной основы для подготовки и проведения долгосрочных реформ и который являлся руководящим центром для других комитетов, приобретало важное значение. Тот факт, что он был образован, а реформы рассматривались как взаимосвязанные, свидетельствовал об элементах государственного планирования.

Стратегия и идеология деятельности Комитета были разработаны М.М. Сперанским, с 31 января 1826 г. являвшимся начальником II Отделения СЕИВК. В записке, составленной им 15 ноября 1826 г. по повелению Николая I, главными целями работы Комитета определялись «пересмотр государственного устройства и управления» и подготовка заключения «о необходимых в этом отношении преобразованиях»⁹. М.М. Сперанский рассматривал их широко, имея в виду совершенствование административной системы империи в целом. В силу этого стратегическим направлением деятельности Комитета, имевшего второе название «Комитет для рассмотрения разных предположений касательно улучшения в государственном устройстве», должно было стать системное и взаимосвязанное усовершенствование государственного управления центрального и местного уровней.

Об этом писал Николаю I и граф В.П. Кочубей в докладной записке, созданной им по повелению императора в конце ноября 1826 г.: «Постоянная цель Комитета — долженствует непрестанно состоять в том, чтоб уничтожить разные беспорядки, улучшить те части, кои требуют могут исправления»¹⁰. Будучи активным участником официальных преобразовательных поисков первой четверти XIX в. и имея реформаторский опыт, В.П. Кочубей указывал на незавершенность многих начинаний предшествующего царствования. Анализ причин этого явления был им дан в другой записке 1826 г., составленной также по повелению Николая I еще до учреждения Комитета 6 декабря. По мнению графа, затягивание решения важнейших внутривластных проблем было обусловлено не столько «войнами, следовавшими одна за другой», сколько влиянием на Александра I консервативной «партии», не заинтересованной в преобразованиях. «Поэтому предначертания государя, лишь начатые осуществлением, не получили должной устойчивости, а вследствие того злоупотребления размножились до чрезвычайности <...> нужны существенные перемены в управлении и суде», — заключал автор¹¹.

⁹ Сперанский М.М. Записка об организации Комитета 6-го Декабря 1826 года (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 731 (М.М. Сперанский). Оп. 1. Д. 99. Л. 1–9). Опубликовано по другому списку: Девятнадцатый век. Исторический сборник. М., 1872. Кн. 2. С. 158–174.

¹⁰ Докладная записка Графа Кочубея о предметах занятий Комитета // Сборник Императорского русского исторического общества (далее — Сборник РИО). Т. 74. СПб., 1891. С. XIX.

¹¹ Записка в переводе с французского впервые была опубликована в «Русской старине» (1903. Т. 113. № 1. С. 30–31). Цит. по: Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей — первый министр внутренних дел России. С. 572–573.

Докладная записка В.П. Кочубея о Комитете была возвращена автору с собственноручной запиской императора от 30 ноября 1826 г.¹² В ней Николай I, обобщив основные идеи М.М. Сперанского и В.П. Кочубея, определил основные задачи деятельности Комитета: «1) В пересмотре и разборе бумаг, найденных в Кабинете покойного Государя Императора. 2) В пересмотре нынешнего государственного управления. 3) В изложении мнения: 1) *что предполагалось*¹³, 2) *что есть*, 3) *что кончить оставалось бы*. 4) В изложении мысли, что *ныне хорошо, чего оставить нельзя и чем заменить*. 5) Как материалы к сему употребить: 1) *то, что найдено в Кабинете*, 2) *то, что Г. Балашову поручено было*, 3) *то, что сами Гг. Члены предложат*»¹⁴.

Как видно, Николай I главной целью преобразований поставил продолжение реформирования всей системы государственного управления, которую Александр I заметно усложнил, «стремясь придать ей европейскую стройность и ввести в законодательное русло»¹⁵. В качестве преобразовательного инструмента Николай I избрал модель особых высших государственных учреждений — временных высших комитетов. Первым из них и стал Комитет 6 декабря 1826 года под председательством В.П. Кочубея¹⁶. Его членами назначались: генерал-адъютант, управляющий Кабинетом ЕИВ князь И.В. Васильчиков; действительный тайный советник князь А.Н. Голицын; генерал от инфантерии граф П.А. Толстой; генерал-адъютант, начальник Главного штаба ЕИВ барон И.И. Дибич; начальник II Отделения СЕИВК, тайный советник М.М. Сперанский. Делопроизводителями определялись статс-секретари Д.Н. Блудов и Д.В. Дашков¹⁷, а с 1831 г. — М.А. Корф. Комитет, находившийся в непосредственном ведении Николая I и действовавший под его руководством¹⁸, должен был подготовить и обсудить проекты административных реформ. В вышеприведенной собственноручной записке Николай I подчеркивал: «Успех, который опытом докажется, будет лучшая награда трудящимся, а мне душевное утешение»¹⁹.

¹² Дата ее написания Николаем I находит подтверждение в том, что на оригинале докладной записки В.П. Кочубея его рукой написано: «Возвращено Его Императорским Величеством при особой собственноручной записке. Ноября 30. 1826 г.» (см.: Сборник РИО. Т. 74. С. XVII).

¹³ *Курсив документа.*

¹⁴ Собственноручная записка Императора Николая Павловича о занятиях Комитета // Сборник РИО. Т. 74. С. XVI.

¹⁵ *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 378.

¹⁶ Высочайший рескрипт на имя графа Кочубея об учреждении Комитета 6 декабря 1826 года // Сборник РИО. Т. 74. С. XV.

¹⁷ Там же.

¹⁸ В рескрипте на имя В.П. Кочубея от 6 декабря 1826 г. об учреждении Комитета от имени монарха утверждалось: «Я положил всё сие под собственным Моим ведением и руководством» (Там же).

¹⁹ Собственноручная записка Императора Николая Павловича о занятиях Комитета // Там же. С. XVI.

Практическая цель создания Комитета, определенная самим Николаем I, состояла в разборе и рассмотрении найденных в кабинете Александра I многочисленных проектов и записок со «многими предположениями». В упоминаемой докладной записке В.П. Кочубей писал: «Вашему Императорскому Величеству угодно, чтоб рассмотрены были разные предположения или проекты, заключающиеся в бумагах покойного Государя Императора»²⁰, предлагая следующую тактику работы Комитета с «бумагами» покойного императора. Следовало разделить все проекты по проблемному принципу («по материям») и рассматривать по мере того, как данная проблема или вопрос будет обсуждаться в Комитете²¹. Одним из них и являлась записка неизвестного автора «Об освобождении крестьян в России», которая отражала основные идеи в крестьянском вопросе александровской эпохи, прежде всего самого Александра I.

Александр I и крестьянский вопрос

Аболиционистский план Александра Павловича был сформирован еще в великокняжеский период его жизни, состоял из трех пунктов, реализация которых растягивалась на длительное время. Предполагалось начать с подготовки и издания указа о запрещении продажи крестьян без земли. Вторым шагом должно было стать обнародование законодательного акта, разрешавшего недворянам покупать «земли даже и с деревнями», но с условием, что крестьяне этих деревень становились «обязанными только по земле» и могли переходить на другое место жительства без согласия «господина». Для этого следовало четко определить размер их повинностей и предоставить им «пашпорты». Эти меры, с точки зрения будущего императора, «уже заведут род мужиков вольных». По прошествии времени предполагались подготовка издания третьего указа, согласно которому зависимость крестьян по отношению к помещикам устанавливалась в целом «по земле» и с возможностью «переменить» место жительства. Причем исполнению третьего указа должно предшествовать проведение правительством реформы по усовершенствованию управления казенными крестьянами, которые станут «на ногу вольных мужиков» как «поощрительный пример» помещичьим. И только после всего этого следовало разрешить крепостным крестьянам, заплатившим за себя выкуп, «пользоваться правами вольного». Не сомневаясь в прогрессивности российских дворян, которые продемонстрируют «великодушные примеры непринужденного сему подражания», Александр Павлович полагал, что «так, мало-помалу Россия сбросит с себя сие постыдное рубище неволи, которым она до сего времени

²⁰ Докладная записка Графа Кочубея о предметах занятий Комитета // Там же. С. XVII.

²¹ Там же. С. XVIII. На этот аспект деятельности Комитета указывал и М.М. Сперанский. На первом листе его «Записки об организации Комитета 6-го Декабря 1826 года» есть его карандашная помета: «О Комитете 1826 года для рассмотрения прежних предположений по разным частям управления» (ОР РНБ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 99. Л. 1).

была прикрыта»²². Как видно, план состоял в постепенном и последовательном исполнении комплекса взаимосвязанных мер правительства, направленных: 1) на запрещение продажи безземельных крепостных людей; 2) наделение крестьян минимальными гражданскими правами; 3) постепенное и поэтапное превращение личной зависимости крепостных от их владельцев в поземельную; 4) юридическую регламентацию взаимоотношений помещиков с крестьянами; 5) улучшение материального благосостояния как помещиков, так и крестьян; 6) проведение реформы государственной деревни как модели для деревни помещичьей.

Сразу после восшествия на престол, в мае 1801 г., император, решивший начать осуществление своего плана с запрета продажи крестьян без земли, поручил генерал-прокурору графу А.А. Беклемишеву подготовить проект указа об этом. Рассматривая данный вопрос с позиций адепта просвещенного абсолютизма, А.А. Беклемишев стремился увязать его решение с фискальными интересами государства и гарантией вотчинного права помещиков. В подобном контексте он подготовил Всеподданнейшую записку, в которой предлагал запретить продажу, обосновывая свою позицию необходимостью, с одной стороны, возвращения к нормам предшествующего законодательства (Соборного уложения 1649 г., указов Петра I и Екатерины II), а с другой, — соответствия уровню просвещения России начала XIX в.²³ При этом генерал-прокурор сформулировал несколько принципов, которые позже, во второй половине александровского царствования и в начале николаевской эпохи, стали основополагающими в позиции власти по крестьянскому вопросу. Это — принципы постепенности, историко-правового обоснования изначальной зависимости крестьян «по земле» и соблюдения интересов обеих сторон при доминировании стремления верховной власти улучшить социально-экономическое и финансовое положение дворянства.

На этом же настаивал и неизвестный автор нашей записки. Говоря о плане, который надлежит принять, чтобы добиться в России «свободы для крестьян» и который «требует особой осторожности, как в выборе времени, так и способа его осуществления», он подчеркивал, что «благосостояние крепостного», «его материальное благополучие» «требует подготовительной работы, искусного сочетания частных интересов и интересов общественных». При этом автор считал, что «именно переходя постепенно от худших условий к лучшим, крестья-

²² Проект наследника престола великого князя Александра Павловича. (Не ранее 12 июня 1798 г. и не позднее 1 ноября 1800 г.) // Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): Дворянское общество и власть. Сборник документов / Подг. материала, ввод. статья и комм. А.Н. Долгих. Липецк, 2005: В 2 т. Т. 1. С. 203. О плане Александра Павловича см. также: Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 62–64.

²³ Об этом см.: Шебунин А.Н. К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли // Архив истории труда в России. Кн. 6–7. Пг., 1923. С. 111–112; Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. С. 97–99.

нин может без риска приблизиться к пользованию неограниченной гражданской свободой»; особенно «необходимо проявить величайшую осторожность в отношении дворянства»²⁴.

Что касается второго пункта плана Александра I — предоставления крестьянам минимальных гражданских прав, — то уже поздним летом 1801 г. император внес на обсуждение Негласного комитета поступившие к нему в июле того же года два проекта указа по крестьянскому вопросу. Первый касался разрешения купечеству, мещанству и казенным крестьянам покупать ненаселенные земли. Постановка данного вопроса, надо думать, была обусловлена его стремлением смягчить жесткий каркас сословной структуры общества, ослабить «узел» дворянской привилегированности в земельном вопросе, а по сути — дать толчок развитию капиталистического землевладения²⁵. Об этом свидетельствует примечание на проект неизвестного автора, скорее всего, принадлежащего к управленческой элите. В нем предлагалось усилить данный законодательный акт двумя путями. Во-первых, предоставлением покупателям возможности селиться на приобретенных землях и «заводить свои хозяйства», что должно было способствовать развитию земледелия, уменьшению притока непродуцируемого крестьянского элемента в города, а также равномерному распределению населения по империи. Во-вторых, расширением права покупки земли за счет помещичьих крестьян: «Помещик, естественно, должен будет стараться не разорять крестьян в надежде, что может приобрести больший доход от выпуска их на волю», а «крестьянин, же ища освобождения от помещичьего подданства, будет стараться, менее проживая денег, копить их на выкуп себя и своей семьи. А из того: какое величайшее число людей ежегодно выйти может из помещичьего рабства в свободное состояние»²⁶.

Второй проект указа принадлежал перу П.А. Зубова, который предлагал предоставить крестьянам «широкий набор» гражданских прав, т.е. личную свободу, экономическую независимость, земельную собственность. Приверженец буржуазно-просветительских принципов устройства общества и государства, П.А. Зубов считал не только возможным, но и необходимо-выгодным освобождение дворовых и крестьян, имевших материальную возможность и желавших приобрести «полную свободу» от личной и поземельной зависимости от помещиков. Это должно было происходить путем выкупа казной за каждую мужскую душу старше 15 лет суммы в размере от 300 до 600 рублей, младше —

²⁴ Записка неизвестного лица «Об освобождении крестьян в России» с пометами на полях Императора Николая I. Л. 3, 3 об., 7, 6 об., 9.

²⁵ Сивков К.В. Важный этап в переходе от феодального к буржуазному землевладению в России // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 24–43.

²⁶ *Неизвестный автор*. Примечание на Высочайший именной указ 12 декабря 1801 года «О покупке земель крестьянами государственными и пр.». Конец 1801 — начало 1802 г. // Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): Дворянское общество и власть. Сборник документов. Т. 1. С. 209–211.

180 рублей, а за женскую — 90. Причем выкуп мог происходить не только без согласия владельца, но даже без его прямого участия в выкупной операции. При этом движимая частная собственность выкупающихся семей (скот, деньги, имущество, хлеб) оставалась за ними²⁷.

Итогом обсуждения проекта П.А. Зубова в Негласном комитете осенью 1801 г. стала готовность Александра I разрешить городскому сословию и казенным крестьянам покупать недвижимую собственность. Император поручил управляющему МВД графу В.П. Кочубею составить проект указа. Указ от 12 декабря 1801 г., позволяющий купцам, мещанам и казенным крестьянам приобретать ненаселенные земли, стал результатом официального обсуждения этой проблемы²⁸.

Историко-правовое обоснование изначальной зависимости крестьян «по земле», будучи основным социально-политическим концептом начала XIX в. и третьим пунктом плана Александра I, являлось смысловой осью вопроса о запрещении продажи безземельных крепостных людей. В начале царствования Александра I он был одним из наиболее важных в правительственной политике и общественном мнении²⁹. Но и во второй половине 1810-х гг. этот вопрос, отягощенный разноречивыми толкованиями законодательных норм³⁰, вновь оказался в центре внимания власти и общества. Законодательная незавершенность обусловила его рассмотрение, по предложению министра юстиции князя Д.И. Лобанова-Ростовского, в Комиссии составления законов. Членами Комиссии являлись виднейшие представители интеллектуальной элиты России того времени — М.М. Сперанский, Н.И. Тургенев, а также барон Г.А. Розенкампф, имевший юридическое образование³¹. К декабрю 1819 г. относится записка В.П. Кочубея, внесенная им на рассмотрение Комитета министров, в которой он предлагал обсудить в Государственном совете как один из важнейших вопросов о запрещении продажи крепостных людей без земли и с раздроблением семейств³².

²⁷ Крестьянский проект светлейшего князя П.А. Зубова (проект манифеста). Не позднее 23 июля 1801 г. // Там же. С. 207–209. О проекте П.А. Зубова см.: Сафонов М.М. 1) Крестьянский проект П.А. Зубова // Советские архивы. 1984. № 1. С. 36–38; 2) Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. С. 141–144.

²⁸ ПСЗ-1. Т. XXVI. № 20075. С. 862.

²⁹ Гагарин И.А. Об облегчении рабства в России посредством уничтожения дворовых людей (1814–1815 гг.) // Крестьянский вопрос в России (1796–1830): Дворянское общество и власть: Сборник документов. Т. 1. С. 230–240; О бывших злоупотреблениях в продаже людей. (Три собственноручные записки В.Н. Каразина, представленные гр. Кочубею по его приказанию в январе 1820 года) // Русская старина. 1903. Кн. 8. С. 457–465.

³⁰ О бывших злоупотреблениях в продаже людей. С. 457–465.

³¹ Майков П. Барон Густав Андреевич Розенкампф // Русская старина. 1904. Т. 120. С. 140–185, 371–429; Медведев И.П. Г.А. Розенкампф и его законодательная деятельность в свете неопубликованных мемуаров современника // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб., 2008. С. 331–352.

³² Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей — первый министр внутренних дел России. С. 210.

Проблему запрета на продажу безземельных крепостных и вопрос о зависимости «по земле» в их взаимосвязи ставит и автор публикуемой записки, также считая, что именно с их решения следует начать подготовку «поэтапного осуществления плана» отмены крепостного права, увязывая его с юридической регламентацией взаимоотношений помещиков и крестьян: «Первым шагом к полному освобождению будет недопущение продажи людей, а для этого надо постановить, что крестьяне не могут быть проданы иначе как вместе с землей, на которой они живут, то есть — всей деревней вместе с участком земли, к которой они приписаны, но никогда — по частям и, тем более, — по одному или семьями. Естественным следствием этого правила будет молчаливое признание принципа, согласно которому владелец земли может уступать другому свои права на деревню, но обитатели этой деревни отнюдь не являются его собственностью. Приняв этот пункт, следует приступить к определению размера отчислений крестьянина своему господину». «Закон, который установит пределы требованиям хозяев, должен быть единым для всех областей»³³.

Но еще в начале александровского царствования о необходимости официально-юридического регламентирования взаимоотношений помещиков и крестьян писал М.М. Сперанский в «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», созданной в 1803 г. по заказу Александра I. Реформатор подчеркивал, что административная и судебная власть помещика над крестьянами должна быть сохранена, но официально регламентирована: «Ничто не препятствует установить, чтобы власть сия действовала на постоянных правилах и с известными формами <...> Полиция в селении принадлежать должна, без сомнения, помещику, но права его ничем не оскорбятся, если наказания будут определены в том же Волостном правлении»³⁴. Это было обусловлено системным и последовательным характером реформы центрального и местного управления, необходимостью и важностью их согласования с преобразованиями в управлении и устройстве казенных и владельческих крестьян. Причем в основу преобразовательного процесса М.М. Сперанским ставился принцип не уничтожения, а совершенствования существующих учреждений. В данном своем первом крупном социально-политическом трактате он писал: «Учреждения наши, конечно, недостаточны, но их можно усовершенствовать и исправить <...> Усовершенствование губернского управления не может быть без усовершенствования управления государственного <...> Но каким образом можно основать монархическое управление <...> в стране, где половина населения находится в совершенном рабстве, где сие рабство связано со всеми почти частями политического устройства». Связывая ограничение и смягчение

³³ Записка неизвестного лица «Об освобождении крестьян в России» с пометами на полях Императора Николая I. Л. 7 — 7 об., 8, 10.

³⁴ Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Сперанский М.М. Избранное / Сост., вступ. ст., ком. В.С. Парсамова. М., 2010. С. 295.

крепостничества с преобразованием местного управления, прежде всего волостного, М.М. Сперанский считал совершенно необходимым существование волостных управлений «в имениях казенных и помещичьих»³⁵.

Возвращаясь к нашей записке, можно предположить, что она могла быть написана в 1816 г. Дело в том, что, поскольку освобождение эстляндских крестьян в 1816 г. происходило по инициативе местного дворянства, поддержанной Александром I, то это подтолкнуло элиту российского дворянского общества выступить с подобным начинанием. Либеральная часть общества уповала на реформаторский потенциал просвещенного абсолютизма и полагала, что аболиционистский эксперимент в Прибалтике являлся лишь «опытным полем» для подготовки отмены крепостного права в Центральной России, что император лишь ждет инициативы от российского дворянства в виде преобразовательных проектов или Всеподданнейшего адреса.

В историографической традиции время сбора подписей для Всеподданнейшего адреса с призывом освободить крестьян колеблется между 1815/1816 и 1820 гг. Впервые 1816 г. упомянут М.И. Богдановичем, который, опираясь на свидетельство И.В. Васильчикова, писал, что в тот год 65 богатейших помещиков Петербургской губернии решили освободить своих крестьян, обратив их «в обязанных поселян на основании существовавших тогда на сей предмет постановлений». Обсуждая пути осуществления своих планов, они стали собирать подписи, полагая, что монарх «примет благосклонно предложение, согласное с его образом мыслей». Однако когда И.В. Васильчиков сообщил Александру I о подписке среди дворянства, император выразил неудовольствие и запретил ее продолжать³⁶.

О какой-то подписке идет речь и в мемуарах С.Г. Волконского. Рассуждая о поисках «либералистами» решения крестьянского вопроса, он сообщал, что «первая гласная попытка была сделана в 1815 году Михаилом Орловым, который составил адрес к императору Александру об уничтожении крепостного права в России, подписанный тогда многими из первенствующих служебных чиновников, и, как я узнал впоследствии, там были имена Иллариона Васильевича Васильчикова, графа Воронцова и Блудова»³⁷. Поскольку текст адреса остался неизвестен, то одни исследователи полагали сведения, изложенные М.И. Богдановичем, вполне достоверными³⁸, другие признавали их некоторую алогичность. Так, с точки зрения В.И. Семевского, его составление не могло произойти в 1816 г., поскольку никаких либеральных правительственных «по-

³⁵ Там же. С. 276–278.

³⁶ *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время: В 6 т. СПб., 1869. Т. 1. С. 129–130.

³⁷ *Волконский С.Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 363.

³⁸ *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1898. Т. 4. С. 42, 453; *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 340.

становлений» по крестьянскому вопросу, кроме указа «О вольных хлебопашцах» от 20 февраля 1803 г., не существовало. Однако данный указ не предусматривал утверждения высшей властью договоров между помещиками и освобождаемыми ими крестьянами³⁹.

Между тем в указе подчеркивалось, что помещик и крестьянин могут заключать между собой договор об освобождении, который через губернского предводителя дворянства и министра внутренних дел представлялся императору на утверждение и приобретал силу официального акта. Причем третий пункт указа гласил, что надзор за исполнением «обязательств» вверялся коронной администрации: «Присутственные места по жалобам разбирают и чинят взыскания по общим узаконениям о контрактах и крепостях с таковым при том наблюдением, что если крестьянин или целое семейство не исполнит своих обязательств, то возвращается помещику с землею и семейством его во владение по-прежнему»⁴⁰.

В представлении же просвещенной элиты дворянства этот законодательный акт, введший в аграрную сферу договорные отношения и делавший поселян «обязанными», являлся моделью для предполагаемого полного освобождения «сверху». Поэтому неудивительно, что после эстляндского эксперимента начался сбор подписей для Всеподданнейшего адреса российских дворян с поддержкой данной модели освобождения крестьян, защищавшей прежде всего интересы помещиков.

По мнению же М.К. Азадовского, С.Г. Волконский указывал на самостоятельную попытку М.Ф. Орлова представить Александру I проект крестьянской реформы⁴¹. С точки зрения С.В. Мироненко, рассказ И.В. Васильчикова являлся отзвуком более позднего события — «попытки группы петербургских дворян в 1820 г. создать специальное общество “для изыскания способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению от рабства как их, так и дворовых людей, принадлежавших помещикам в сие общество вступающим”»⁴².

Между тем, выявленные нами и введенные в научный оборот в 2011 г. записки С.П. Трубецкого, в их более поздней редакции 1849–1853 гг., подтверждают достоверность сведений И.В. Васильчикова — М.И. Богдановича и С.Г. Волконского и свидетельствуют о том, что сбор подписей для Всеподданнейшего адреса с поддержкой правительственных намерений освободить крестьян происходил именно в 1816 г. С.П. Трубецкой указывал, что целью поездки Александра I в Западные губернии и Малороссию было «приготовить мысли

³⁹ *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 393.

⁴⁰ ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20620. С. 462.

⁴¹ *Азадовский М.К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов // Литературное наследство. Т. 59. М., 1954. С. 628.

⁴² *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 81–83.

дворянства этих губерний к свободе крестьян. Первое начало положено уже было в Эстляндии, за которою должны были следовать Лифляндия и Курляндия». По мнению мемуариста, император «искренно желал» освобождения крестьян, но «от дворянства хотел только повиновения своей воле, а не содействия. Доказательством тому служит следующее: члены общества (Союза спасения. — Т. А., Н. К.) собрали подписку на освобождение крестьян. Из числа же известных лиц, подписавших согласие свое и обещание исполнить на правилах, которые будут составлены и утверждены правительством, были также граф Кочубей и П.А. Строганов, князь Меншиков и Илларион Васильевич Васильчиков. Последний, подписав, доложил тотчас о том государю, который изъявил свое неудовольствие и приказал уничтожить подписку, сделав изустно строгий выговор собиравшему ее Михаилу Федоровичу Орлову». При этом С.П. Трубецкой приводил еще несколько примеров «нежелания» Александра I, «чтоб дворянство содействовало ему»⁴³.

О том, что данные С.П. Трубецкого относятся к 1816 г., свидетельствуют и следующие факты. М.Ф. Орлов в 1816 г., возвратившись из Франции на родину, стал изучать проблему крепостничества, ведя переписку с инициатором отмены крепостного права в Пруссии, главой прусского правительства бароном Г.-Ф.-К. фон унд цум Штейном⁴⁴. В 1815 г. во Франции произошло знакомство и сближение М.Ф. Орлова с Н.И. Тургеневым, также имевшим контакты со Штейном и также в 1816 г. вернувшимся в Россию и вплотную занявшимся крестьянским вопросом⁴⁵. В том же году оба они стали членами Союза спасения⁴⁶. В 1817 г. П.А. Строганов скончался.

Круг «известных лиц», участвовавших в подписке 1816 г., закономерен и отражает расстановку общественных сил в середине 1810-х гг., когда авангард русской общественно-политической мысли составляли представители прогрессивного сановничества и интеллектуальной элиты дворянства. Так, в 1819 г. петербургский генерал-губернатор М.А. Милорадович, также озабоченный «мыслью сделать что-нибудь для крепостных», решил подать Всеподданнейшую записку о крепостном праве и искал человека, который мог бы ее составить. Через своего адъютанта, члена Союза благоденствия Ф.Н. Глинку он поручил ее написание Н.И. Тургеневу. Работа над документом длилась с 24 по 28 декабря 1819 г. В записке Н.И. Тургенев стремился продемонстрировать Александру I

⁴³ Трубецкой С.П. Записки. Письма И.Н. Толстому 1818–1823 гг. / Сост., вступ. ст., ком.: Т.В. Андреевой, П.В. Ильина. СПб., 2011. С. 54–55. В своих классических мемуарах С.П. Трубецкой при указании фамилий не давал инициалы, а также опустил сюжет, связанный с М.Ф. Орловым. См.: Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности: В 2 т. Т. 1: Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск, 1983. С. 222.

⁴⁴ Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 276.

⁴⁵ Тургенев Н.И. Барон фон Штейн // Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 2001. С. 100–101, 257, 483–488.

⁴⁶ Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 135, 180.

истоки, причины и пути утверждения в России крепостнических отношений, подчеркивая, что «никогда закон не водворял рабства в России». Судебниками 1497 и 1550 гг. и Уложением 1649 г. крестьяне были приписаны к земле, но не являлись собственностью помещиков: «Сие приписание к земле малопомалу и совсем не по законам, а по праву сильного обратилось в настоящее рабство». Причем в наиболее тяжелом положении находились, с точки зрения автора, владельческие крестьяне, злоупотребления и беззакония помещиков в отношении которых основаны на том, что «состояние крестьян» не имеет гражданских прав и отсутствует социальный институт, защищавший их интересы. Более всего «печальные последствия крепостного состояния» находят отражение в особом «классе людей» — дворовых⁴⁷. Н.И. Тургенев подчеркивал, что «улучшение состояния крестьян должно исходить от правительства», «одно только правительство может приступить к улучшению жребия крестьян»⁴⁸, полагая, что, если бы Александр I действительно захотел провести «общее освобождение крестьян», то «взял бы инициативу в свои руки». Поэтому автор записки не предлагал немедленного, единовременного и полного уничтожения крепостничества. Через много лет он вспоминал, что записка была «написана просто, умеренно, я бы даже сказал, добродушно; именно это, по моему мнению, должно было убедить того, кому я ее предназначал <...> Указанные мною средства борьбы со злом уже должны были дать представление о том, сколь оно огромно, и побудить уважающую себя власть объять мыслью всю обширность задачи, решение коей было ее долгом»⁴⁹.

Осознавая, что радикальное и форсированное решение проблемы крепостничества испугает императора⁵⁰, Н.И. Тургенев, как и наш неизвестный автор записки, который указывал, что его «правила станут основанием, на котором постепенно будет построено всё здание освобождения крепостных, вечным памятником тому суверену, который его воздвигнет»⁵¹, представил только «способы, которые могут служить хотя к некоторому облегчению участи людей, в крепостном состоянии находящихся». В силу этого Н.И. Тургенев предлагал решение лишь частных вопросов и введение только ограничительных мер. Поскольку «главнейшими из злоупотреблений» крепостного состояния он определял «продажу людей поодиночке, отделяя их от земли и разлучая даже с семьей», «дурное обращение с крепостными», то основные средства к улучшению их положения сводились к следующему: во-первых, законодательно

⁴⁷ Тургенев Н.И. Нечто о состоянии крепостных крестьян в России. 28 декабря 1819 г. // Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): Дворянское общество и власть. Сборник документов: В 2 т. Липецк, 2005. Т. 2. С. 109–114.

⁴⁸ Там же. С. 115.

⁴⁹ Тургенев Н.И. Россия и русские. С. 539–540.

⁵⁰ Там же. С. 253–254.

⁵¹ Записка неизвестного лица «Об освобождении крестьян в России» с пометами на полях Императора Николая I. Л. 8.

подтвердить закон Павла I о трехдневной барщине; во-вторых, запретить продажу крестьян с землей или без земли, но поодиночке, а также «отрывать их от земли» в дворовые и продавать последних с разлучением семей; в-третьих, усовершенствование указа «О вольных хлебопашцах» как механизм постепенного ограничения крепостнических прав. Причем в «новом устройстве вольных хлебопашцев» правительство должно было стать не только гарантом выполнения «добровольных обязательств крестьян» в отношении помещиков, но и арбитром в их взаимоотношениях, взяв на себя бóльшую часть обязанностей владельцев по управлению и надзору за крепостными⁵². Как видно, эти идеи знаменитой записки Н.И. Тургенева от 28 декабря 1819 г. «Нечто о состоянии крепостных крестьян в России» во многом были реализованы в указе от 2 апреля 1842 г. «Об обязанных крестьянах». Согласно дневнику и воспоминаниям самого автора, 4 января 1820 г. записка была передана М.А. Милорадовичу, а через него — Александру I, который выказал к данному документу благожелательное отношение⁵³. Прочтя ее, император будто бы сказал Михаилу Андреевичу, указывая на печатку, где были выгравированы пчелы, роящиеся вокруг улья: «Вот — это девиз моей бабушки, а также и мой; у меня уже собралось несколько записок о крепостном праве; я выберу из них всё самое лучшее и, в конце концов, сделаю что-нибудь»⁵⁴.

Сами же либералы или, как их тогда называли, «либералисты», считая, что «власть самодержавная есть якорь спасения для Отечества нашего», на которую только и можно было надеяться в деле «освобождения наших братьев от рабства»⁵⁵, и будучи убеждены, что правительству без помощи общественных сил не справиться с этой задачей, свою роль видели как в составлении преобразовательных проектов, так и в создании легальной общественной организации, которая должна была стать «помощником» правительства в деле крестьянской эмансипации. Одним из них и стало упоминаемое выше общество «для изыскания способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению от рабства как их, так и дворовых людей <...>»⁵⁶. Продолжавшееся освобождение прибалтийских крестьян в 1817 и 1819 гг. по инициативе теперь уже курляндского и лифляндского дворянства, поддержанной Александром I, еще более утвердило их в этом намерении. Однако вскоре, уже с 1820 г., император, считая, что в обстановке революционной «вакханалии» в Европе нельзя проводить внутренние российские преобразования, приостановил реформаторский процесс.

⁵² Тургенев Н.И. Нечто о состоянии крепостных крестьян в России. 28 декабря 1819 г. С. 116–124.

⁵³ Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Т. 3. СПб., 1911. С. 219, 222.

⁵⁴ Тургенев Н.И. Россия и русские. С. 254.

⁵⁵ Тургенев Н.И. Нечто о состоянии крепостных крестьян в России. 28 декабря 1819 г. С. 109.

⁵⁶ Об этом см.: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 82, 124–137.

Николай I и крестьянский вопрос

С конца 1826 по весну 1827 г. Николай I был более всего озабочен легитимацией своего прихода к власти⁵⁷. Но как только утвердился на троне, тотчас приступил к решению проблемы крепостничества. В основании намерения Николая I начать «процесс <...> против <...> рабства» лежали как объективный, так и субъективный факторы. Есть опосредованное свидетельство П.Д. Киселева, что в 1854 г. Николай Павлович якобы сказал ему: «Три раза начинал я это дело, и три раза не мог продолжать: видно, это перст Божий»⁵⁸. В правительственной активности по крестьянскому делу в николаевское царствование действительно существовали три периода, о которых писали дореволюционные и некоторые советские историки; сегодня их существование признаётся большинством современных исследователей. В историографической традиции также признаётся факт четкого осознания Николаем Павловичем важности крестьянского вопроса, настоятельной необходимости его постепенного, осторожного, без социальных потрясений разрешения⁵⁹.

Это осознание как субъективный фактор имело несколько аспектов. Во-первых, идеологический, связанный с просветительской идеей о необходимости личной гражданской свободы, невозможности одному человеку быть «недвижимой собственностью» другого, а также убеждением, что превращение «крепостного состояния по земле» в «крепостничество по лицу» произошло на основании обычного права, а не закона. Во время беседы с депутатами смоленского дворянства 23 мая 1847 г. Николай I, обращаясь к ним (губернскому и уездному предводителям дворянства М.В. Друцкому-Соколинскому и М.Л. Фантон де Веррайону), говорил: «Крестьянин, находящийся ныне в крепостном состоянии почти не по праву, а обычаем, чрез долгое время, не может считаться собственностью, а тем менее вещью»⁶⁰.

⁵⁷ Речь идет о многочисленных случаях отказа присягать Николаю I со стороны представителей различных социальных слоев России. Об этом см.: Андреева Т.В. Тайные общества в России: правительственная политика и общественное мнение. С. 608–611.

⁵⁸ Цит. по: Из истории раскрепощения помещичьих крестьян: показания А.Е. Тимашева // Русский архив. 1887. № 6. С. 262.

⁵⁹ *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2: Крестьянский вопрос в царствование Императора Николая I. СПб., 1888. С. 1–28; *Дружнин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: В 4 т. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 18, 187; *Архипова Т.Г.* Высшие комитеты России 1-й четверти XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической государственности). С. 3–4; *Мироненко С.В.* 1) Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 3, 16, 112; 2) Николай I. М., 1993. С. 45; *Долгих А.Н.* Крестьянский вопрос в политике самодержавия в середине 10-х — начале 30-х гг. XIX века. С. 3; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 147, 217; *Выскочков Л.В.* Николай I: Человек и государь. СПб., 2001. С. 364, 368; *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М., 2003. С. 193; *Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005. С. 146–151.

⁶⁰ Цит. по: Дело о приеме имп. Николаем I депутатов смоленского дворянства по вопросу

Во-вторых, существовал социальный аспект, обусловленный слухами в крестьянской среде «о вольности, об уничтожении дворян». Во многом спровоцированные следствием и судом по делу декабристов, казнь дворян-декабристов, слухи привели к крестьянским выступлениям, которые активизировались в 1826–1827 гг.⁶¹ В этой связи руководители III Отделения — А.Х. Бенкендорф и М.Я. фон Фок — в своих отчетах императору писали: «В начале каждого царствования мы видим бунты, потому что народные страсти не довольствуются желаниями и надеждами, что заслуживает особого внимания со стороны правительства»⁶². Они подчеркивали, что казенные крестьяне желают увеличения своих земельных угодий, утверждения их хозяйственного устройства и управления на законах, а не произволе коронных властей, введения государственных податей, соразмерных их доходу с земли и промыслов. Помещичьи — уповают на то, что верховная власть вскоре сделает их положение схожим с казенными, а затем освободит⁶³. В целом А.Х. Бенкендорф и М.Я. фон Фок с самого начала царствования стремились передать Николаю I атмосферу всеобщего ожидания «преобразований без потрясений»⁶⁴.

Поэтому вполне закономерна реакция императора на отчет III Отделения за 1839 г., составленный А.Х. Бенкендорфом, в котором утверждалось: «Вообще крепостное право есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же <...> Начать когда-нибудь и с чего-нибудь

об отмене крепостного права (Архив СПбИИ РАН. Ф. 115 (Коллекция рукописных книг). Оп. 1. Д. 51. Л. 2 об.).

⁶¹ О безымянном письме к статс-секретарю Н.Н. Муравьеву, оказавшемся написанным коллежским асессором Фроловым о бегстве помещичьих крестьян на Урал и о толках среди них о воле. 1826 г. (РГИА. Ф. 1409 (СЕИВК). Оп. 2. Д. 4641. Л. 1 — 13 об.); О ложных приглашениях на счет вольности помещичьих крестьян Вологодской губернии. 13 апреля — 8 октября 1826 г. Резолюция Николая I от 13 апреля 1826 г. (Там же. Д. 4640. Л. 134 об.); О возмущении крестьян, мастеровых и др. против своих владельцев (Там же. Д. 4848. Л. 1–221); О причинах побегов помещичьих крестьян Воронежской губернии и о новом поселении на Урале. 1826 г. (Там же. Д. 4767. Л. 1 — 16 об.); Бумаги по Комитету министров по разным делам: Относительно производства дел о крестьянах, упорствующих в неповиновении своим помещикам. Август 1826 г. Собственноручное повеление Николая I от 30 сентября 1826 г. (Там же. Д. 4589); Крестьянское движение в 1827–1869 гг.: Сборник документов / Подг. А.Е. Мороховец. М., 1931. С. 31–39; Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг.: Сборник документов / Под ред. А.В. Предтеченского. М., 1961. С. 691–705, 817.

⁶² Ежегодные отчеты III Отделения и Корпуса жандармов: Граф А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830-х гг. // Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 153.

⁶³ Русское общество при восшествии на престол имп. Николая Павловича // Русская старина. 1881. Т. 32. Октябрь. № 10. С. 531; Ежегодные отчеты III Отделения и Корпуса жандармов: Граф А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. С. 143, 146, 149, 152–153.

⁶⁴ Толки и настроения умов в Санкт-Петербурге в 1826 г. // Русская старина. 1881. Т. 32. Ноябрь. № 11. С. 541–543, 549; Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая I: По донесениям М.Я. Фока и А.Х. Бенкендорфа. Июль–сентябрь 1826 г. // Там же. Сентябрь. № 9. С. 170, 185, 531; Русское общество при восшествии на престол имп. Николая Павловича // Там же. Октябрь. № 10. С. 304, 313.

надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока может вспыхнуть снизу от народа. Тогда только мера будет спасительна, когда будет предпринята самим правительством тихо, без шума, без громких слов и будет соблюдена благоразумная постепенность. Но что это необходимо и что крепостное состояние есть пороховая мина, в этом все согласны <...> Ропот и неудовольствия угрожают отдаленной, но страшной опасностью». Как указал первый публикатор отчетов А.А. Сергеев, данный текст не только отчеркнут Николаем I красным карандашом на полях, но рядом со словом «вспыхнуть» поставлен большой крест⁶⁵.

Можно предположить, что именно эти доводы руководителя ведомства политического во многом подтолкнули Николая I к созданию очередного секретного крестьянского Комитета 1839–1840 гг., деятельность которого была направлена на подготовку второй части (т.е. концептуальное обоснование постепенной отмены крепостного права во владельческой деревне) разработанной П.Д. Киселевым двуединой реформы. В этом контексте концепция улучшения жизни крестьян через регламентацию и контроль, лежащая в основании реформы в государственной деревне⁶⁶, кажется вполне предсказуемой.

В-третьих, существовал и экономический аспект. О том, что Николай I осознал, что крепостное право является тормозом для развития товарно-денежных отношений и народной промышленности, имеется опосредованное свидетельство А.О. Смирновой-Россет, которая вспоминала, что в одной из бесед того же 1839 г. император якобы ей сказал: «Как мне ни пели бы о том, что крепостное право было полезно с экономической точки зрения, это неправда; оно вбило гвоздь, который сидит в русской коже и давит на меня как несправедливость, которую я лишь терплю»⁶⁷. В советской историографии к достоверности как самих записок, так и этой фразы было весьма скептическое отношение⁶⁸, обусловленное идеологической конъюнктурой и официальной установкой на отрицание какого-либо позитивного начала в политическом мировоззрении российских императоров. Однако, думается, фразу Николая I можно считать достоверной. Ведь мемуаристка не была государственным или общественным деятелем, вовлеченным в обсуждение проблемы крепостного права, и не проповедовала антикрепостнические идеи и либеральную идеологию.

Доминирующим же в «наступлении» на крепостное право, которое принял Николай I в начале своего царствования, был объективный фактор.

⁶⁵ Ежегодные отчеты III Отделения и Корпуса жандармов: Граф А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830-х гг. // Красный архив. 1930. Т. 1 (38). С. 127.

⁶⁶ Христофоров И.А. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 34–35.

⁶⁷ Смирнова-Россет А.О. Записки: Из записных книжек 1826–1845 гг. Ч. 1. СПб., 1895. С. 63.

⁶⁸ Крестова Л.В. К вопросу о достоверности так называемых «Записок» А.О. Смирновой // Смирнова А.О. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. С. 355–393.

Ход социально-экономического развития России заставлял императора не только поощрять активизацию деятельности нарождавшейся российской буржуазии⁶⁹, но и искать способы ограничения, а со временем и подготавливать пути уничтожения крепостничества. Да и необходимость укрепления государственной власти, ослабленной кризисом междоусобицы и событиями 14 декабря, повышения авторитета просвещенного абсолютизма требовала как внедрения в общественное сознание новой государственной идеологии «православия, самодержавия, народности», так и проведения модернизации общественного строя страны в тесной связи с формированием единой административной структуры империи. При этом предполагаемое реформирование государственного управления центрального и местного уровня оказалось теснейшим образом связано с насущными преобразованиями устройства и управления в помещичьей и казенной деревне. Так, уже в начале николаевского царствования формировалась «программа» взаимосвязанных реформ в социальной, административной и идеологической сферах.

Тот факт, что крестьянский вопрос актуализировался в 1820-х — 1830-х гг., был обусловлен важностью модернизации сельского хозяйства, напрямую связанной с социально-экономическим развитием страны и необходимостью укрепления государственной и социальной системы в связи с ростом крестьянских волнений. Помимо этого, послевоенный хозяйственно-экономический и финансовый кризис еще не был изжит и требовал разрешения целого ряда социально-экономических проблем. Районы боевых действий подверглись разорению, сократилась торговля, переживала кризис финансовая система⁷⁰. Во многом именно с задачами его преодоления были связаны выдвинутые еще в 1818 г. предложения А.А. Аракчеева по освобождению крестьян.⁷¹

Однако вначале в Комитете 6 декабря 1826 года крестьянский вопрос не был обозначен. Он был поставлен самим Николаем I на заседании 25 апреля 1827 г. в связи с делом, ставшим ему известным по докладу В.П. Кочубея, о продаже трех дворовых людей одного помещика в зачет по казенному взысканию. М.М. Сперанский как член Комитета информировал, что у него хранятся бумаги, посвященные обсуждаемой проблеме. Николай I повелел ему их представить, а также доставить в Комитет все материалы «о не продаже людей без земли», хранившиеся в Государственном совете⁷². С этого момента проблема

⁶⁹ Кинятина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е гг. XIX в.). М., 1968. С. 5, 256.

⁷⁰ Письма С.П. Трубецкого И.Н. Толстому 1818–1823 гг. // Трубецкой С.П. Записки. Письма И.Н. Толстому 1818–1823 гг. С. 185, 189–191.

⁷¹ Записка о проекте А.А. Аракчеева по освобождению крестьян (1818 г.) // Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): Дворянское общество и власть. Сборник документов. Т. 1. С. 313–315.

⁷² Журнал заседания Комитета 6 декабря 1826 года. Заседание 25 апреля 1827 г. // Сборник РИО. Т. 74. С. 133.

запрещения продажи безземельных крепостных заняла доминирующее место в деятельности Комитета и вскоре аккумулировала в себе другие аспекты аболиционистской программы Николая I, развивающей основные идеи плана Александра I: решение вопроса о дворовых, проведение реформы в государственной деревне как модели для помещичьей, совершенствование указа «О вольных хлебопашцах» как важного этапа постепенной подготовки отмены крепостного права.

Надо сказать, что Николай I в первые годы своего правления пытался придать преобразовательному процессу в крестьянском вопросе больший динамизм и радикальность. Прежде всего это касалось запрещения продавать безземельных крепостных. Император, полагая, что «участь людей, таким образом (т.е. без земли и с раздроблением семейств. — Т. А., Н. К.) продаваемых, не может быть никому равнодушна»⁷³, в собственноручной записке Комитету обратил внимание его членов на необходимость проведения следующих мероприятий: «1. Запретить продавать имения называя число душ, но оговаривая число десятин и угодий. 2. В банки принимать имения в закладе не душами, а то же десятинами и прочими угодьями, вовсе не говоря про души. 3. Зделать особую ревизию одним (подчеркнуто автором. — Т. А., Н. К.) дворовым людям. 4. После сей ревизии вводить указ запрещающий брать из крестьян в дворовые. 5. З дворовых людей платить тройные подушные»⁷⁴.

Как можно заметить, Николай I связывал вопрос о дворовых (число которых он стремился сократить) как безземельных крепостных людях с финансово-кредитной системой страны. Император видел путь к их сокращению в принятии нескольких мер. Во-первых, в качестве залога при торговых и банковских операциях должна была использоваться недвижимая собственность в виде земельных угодий, а не личная (движимая) — в виде безземельных крепостных. Во-вторых, выявив общее количество дворовых по особой ревизии, можно было остановить процесс увеличения их числа путем запрещения брать крестьян в услужение. В-третьих, следовало заставить помещиков прекратить эту практику, введя тройные подушные подати за дворовых. Следует подчеркнуть, что все эти меры были направлены на сокращение феодальных рудиментов в аграрном строе страны и в основе имели мысль об обращении помещичьих крестьян крепкими «владельцу по земле, а не по лицу».

Таким образом, перед членами Комитета Николаем I были поставлены в их взаимосвязи два важнейших вопроса. Во-первых, о постепенном превращении крепостного права «по лицу» в крепостничество «по земле» и, во-вторых, о запрещении продажи крестьян без земли и дворовых и с раздроблением семейств. Они стали приоритетными не только в работе Комитета 6 декабря, деятельность которого продолжалась вплоть до 1832 г., но и секретных крестьянских

⁷³ Там же.

⁷⁴ Цит. по: О прекращении продажи крестьян и дворовых людей поодиночке (РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 176. Л. 136). Опубликовано неточно: Сборник РИО. Т. 90. СПб., 1894. С. 359.

комитетов 1828–1839 гг. Причем с решения данных вопросов Николай I, вслед за Александром I, намеревался начать процесс освобождения крестьян.

Его идеологическая составляющая была разработана М.М. Сперанским, который, обобщив и оформив преобразовательные воззрения Николая I, представил Комитету аналитическую записку «О крепостных людях», в которой кроме истории крепостного права в России и суждений по общим проблемам крепостничества содержались предложения по принятию на данном этапе конкретных мер по крестьянскому вопросу. Разделяя их на «первоначальные» и «постепенные», М.М. Сперанский определял запрещение продажи, закладывания, дарения помещичьих крестьян без земли и «дворовых крепостных людей» важнейшей и «первоочередной». По его мнению, «оно обратит крепостное право на крестьян в прежнее его законное положение, т.е. сделает их крепкими владельцу по земле, а не по лицу» и «прекратит личную продажу их в виде собственности или движимого имущества». И всё же эта «первоначальная мера» не сможет прекратить злоупотребления помещиков и неповиновение крестьян до тех пор, пока их взаимоотношения не будут регламентированы юридически, не будут «договором» установлены «все крестьянские работы и повинности». Но и это важное ограничение крепостного права, с точки зрения М.М. Сперанского, потребует подготовительных мероприятий в виде улучшения управления казенных поселян как образца для помещичьих⁷⁵. Таким образом, основная идея Николая I — М.М. Сперанского заключалась в комплексном подходе и разделении общей проблемы крепостничества на отдельные задачи, решаемые постепенным ограничением крепостных прав.

Два заседания Комитета 6 декабря — 19 сентября и 28 сентября 1827 г. — были посвящены обсуждению проекта Николая I — М.М. Сперанского. В результате проект был одобрен, но Комитет посчитал нужным Положение о дворовых включить составной частью в «закон» или манифест о состояниях. Но главное — члены Комитета ухватились за идею М.М. Сперанского об улучшении положения государственных крестьян как «образце для частных владельцев». Считая ее весьма разумной и обоснованной, они предлагали создать для ее реализации особый комитет. Позже, 20 апреля 1828 г., под председательством кн. А.Б. Куракина был создан Комитет «для рассмотрения предположений и составления проекта устава об управлении казенных крестьян», деятельность которого продолжалась до ноября 1828 г.

В том же 1827 г. вопрос о запрещении продажи безземельных крепостных был поставлен Николаем I и перед Государственным советом. 17 октября 1827 г. статс-секретарь Н.Н. Муравьев огласил собравшимся советникам Высочайшее повеление о внесении в Совет дела «о продаже крестьянина Ивана Еремеева с женою и двумя малолетними дочерьми за частные долги их помещика Гули-

⁷⁵ Записка М.М. Сперанского опубликована: Девятнадцатый век. Исторический сборник. М., 1872. Кн. 2. С. 159–165; см. также: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. С. 4–15; *Сперанский М.М.* Избранное. С. 470–483.

дова». При чем император, приостановив продажу, поставил перед советниками юридический вопрос: «Можно ли допускать подобную продажу людей за долги господ их; и действие сие не противоречит ли смыслу закона?»⁷⁶.

Совет приступил к рассмотрению данного вопроса 25 октября 1827 г. на объединенном заседании двух Департаментов — законов и государственной экономии. При чем по предложению Департамента законов он был разделен на две части — собственно дело Ивана Еремеева и общую проблему запрещения продажи крепостных людей без земли. Инцидент с продажей отдельной крестьянской семьи за частные долги ее владельца был решен положительно: по приказу Николая I продажа семьи Ивана Еремеева была запрещена, выдано из казны 2 тыс. рублей, он с семьей записан в казенные поселяне. Однако ответ на юридический вопрос, поставленный Николаем I, по мнению членов департаментов, зависел от решения вопроса о продаже людей без земли вообще⁷⁷.

Только через два года Общее собрание Государственного совета на заседании 28 апреля 1829 г. в ходе дискуссии вокруг поставленного Николаем I еще в 1827 г. вопроса большинством голосов пришло к выводу, что «существующая в России система крепостничества тесно связана со всеми частями государственного тела: правительственной, кредитной финансовой, права собственности и права наследственного»⁷⁸. Поэтому советники, признавая совершенно необходимым создание проекта указа о запрещении продажи безземельных крепостных, так же как и члены Комитета 6 декабря, посчитали необходимым ввести его в состав общего манифеста, «благоприятного для других состояний». При этом с самим составлением манифеста, т.е. нового «дополнительного закона о состояниях», решили не спешить и поручить анализ имеющихся материалов и подготовку его проекта особому Комитету. Император признал заключение Общего собрания Совета вполне правомерным и наложил на его журнале следующую резолюцию: «Без отлагательства»⁷⁹. В 1829 г. был создан Комитет о состояниях, просуществовавший до 6 марта 1830 г. и подготовивший проект «дополнительного закона о состояниях».

Записка неизвестного автора «Об освобождении крестьян в России», публикуемая ниже, надо думать, поступила к Николаю I не раньше весны 1827 г., когда, как уже отмечалось, крестьянский вопрос был поставлен самим императором на рассмотрение Комитета 6 декабря и позже стал одним из важнейших в его деятельности. Поэтому неудивительно, что император отнесся к записке

⁷⁶ Дело о назначении в продажу крестьянина Еремеева с семейством за долги помещика его Гулидова. 1827 г. (РГИА. Ф. 1149 (Департамент законов Государственного совета). Оп. 1. Д. 72. Л. 1–4).

⁷⁷ *Шебушин А.Н.* К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли. Кн. 8. С. 106–108; *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. С. 11–12.

⁷⁸ О запрещении продажи крестьян порознь и без земли (РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Л. 35).

⁷⁹ Там же. Л. 38.

со вниманием, о чём свидетельствуют его маргиналии. Основные принципы постепенной подготовки отмены крепостного права, «план» автора записки были ему созвучны. По частным же вопросам император в чём-то с ним был согласен, а в чём-то — нет. Так, напротив текста, где говорится о злоупотреблениях крепостного права, император на полях написал: «Многого еще не хватает для того, чтобы дело оказалось правым, что может быть удостоверено донесениями Гражданских губернаторов, каждые 15 дней отсылаемых в Министерство полиции, которые свидетельствуют о частых злоупотреблениях властью, которые совершаются собственниками, иногда даже о жестоких зверствах»⁸⁰.

Однако с мнением автора, что очередность в рекрутском наборе «скрупулезно соблюдается», Николай I не согласился: «Это утверждение совершенно неверно, поскольку вовсе не очередность решает, кому из помещичьих крестьян выпадет жребий идти в рекруты. А единственно воля; но это дает повод заметить, что в данных обстоятельствах благосостояние крестьян оказывается в выигрыше, ибо хозяин отдает в рекруты негодяев, тех, кто не имеет собственности и кого называют бобьями»⁸¹.

П. Д. Киселев

Согласно помете, скорее всего принадлежащей М. А. Корфу⁸², публикуемая записка (как и другие преобразовательные материалы) 16 января 1837 г. была им передана генерал-адъютанту графу П. Д. Киселеву, поскольку со второй половины 1830-х гг. крестьянский вопрос являлся приоритетным в его государственной деятельности. С 1835 г. постоянный член всех секретных комитетов по крестьянскому делу, с 29 апреля 1836 г. главноуправляющий V Отделением СЕИВК, 7 января 1837 г. (т.е. незадолго до передачи ему данной записки), он возглавил Временный совет для управления Департаментом государственных имуществ. Почти через год, 27 декабря 1837 г., П. Д. Киселев стал министром государственных имуществ⁸³.

Значительные результаты в аболиционистском процессе николаевского царствования были достигнуты секретным Комитетом 1835 г. «для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий», который заложил основание реформе государственных крестьян. Ведущую роль в данном Комитете играл П. Д. Киселев, который в течение всего николаевского царствования являлся главным советником императора в крестьянском вопросе. Основная

⁸⁰ Записка неизвестного лица «Об освобождении крестьян в России» с пометами на полях Императора Николая I. Л. 4 об. — В оригинале по-французски.

⁸¹ Там же. Л. 5 об. — В оригинале по-французски.

⁸² Там же. Л. 1.

⁸³ Шолов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 289.

идея П.Д. Киселева состояла в проведении двуединой реформы, т.е. предполагалось начать преобразования с улучшения управления казенными крестьянами, которое должно было стать моделью для помещичьих. Для выработки принципов реформы государственных крестьян было создано V Отделение Собственной ЕИВ Канцелярии, а позже — Министерство государственных имуществ. V Отделение занималось сбором и обработкой информации о положении казенных крестьян, состоянии государственных имуществ и готовило «Положение об устройстве нового управления государственными поселянами», обсуждало вопросы, связанные с введением его в действие, а также рассматривало проекты, относящиеся в целом к крестьянскому вопросу⁸⁴. В 1837–1841 гг. реформа в государственной деревне была проведена. Однако ее главная цель — приблизить устройство казенных крестьян и управления ими к положению «вольных хлебопашцев» — не была реализована. И хотя изменилось управление государственной аграрной сферой, увеличились земельные наделы крестьян, подушный оброк был заменен поземельно-промысловой податью, тем не менее в представлении как самих казенных крестьян, так и общества их положение оставалось «тягостным».

Закономерно, что деятельность другого секретного Комитета 1839–1840 гг. «О пересмотре закона об увольнении в свободные хлебопашцы» была направлена на усовершенствование механизма освобождения помещичьих крестьян по указу 20 марта 1803 г., по сути — на разработку второй части предложенной П.Д. Киселевым двуединой реформы, т.е. подготовку реформы помещичьих крестьян. Причем в ходе ее обсуждения проблема владельческих поселян рассматривалась в контексте всех вопросов, связанных с крепостничеством и обозначенных в публикуемой записке неизвестного автора — о переводе в «вольные хлебопашцы», о запрещении продажи крестьян без земли и дворовых, об инвентарях. По повелению Николая I Комитет должен был начать свою работу с пересмотра и усовершенствования указа «О вольных хлебопашцах» и формирования новой концепции освобождения крестьян. В основу была положена идея об уничтожении личной зависимости, постепенности выведения крестьян из крепостного состояния и нерушимости права частной собственности помещиков на землю. Поскольку принцип освобождения должен был базироваться на освобождении с землей, на чем настаивал сам Николай I, то следовало сделать крестьян «крепкими дворянству по земле, на которой они поселились». Разработка проекта была поручена П.Д. Киселеву, который в феврале 1840 г. подготовил записку «О мерах Правительства в отношении к крепостному состоянию». В записке, учитывая интересы как помещиков, так и крестьян, министр предлагал предоставление последним земли в аренду на основании договора с помещиком, а владельцам земли — «получение соразмерного дохода» от государства. Прочитав записку, 12 февраля 1840 г. Николай I оставил

⁸⁴ РГИА. Ф. 1589 (V Отделение СЕИВК).

собственноручную карандашную запись: «Читал с особым вниманием и полным удовольствием, начала на коих основан проект, мне кажется весьма справедливы и основательны. Я не мог сделать ни одного замечания и разрешил внести в Комитет»⁸⁵. В силу этого вполне логично, что министру государственных имуществ по повелению Николая I отправлялись все наиболее интересные и продуктивные преобразовательные проекты, в том числе и наша записка.

Первая публикация записки, озаглавленной «Неизвестный автор. Проект об освобождении крестьян в России (около 1814–1815 гг.)», была осуществлена А.Н. Долгих в 2005 г.⁸⁶ по той же рукописи: РГИА: Ф. 1167. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–10. Текст записки был дан в современном переводе с французского языка, выполненном А.Р. Ломоносовым. Однако ни публикатор, ни переводчик даже не упоминают о пометах Николая I на французском языке, не говоря уже об их воспроизведении и переводе. Нигде не говорится и о пометах на русском языке, предположительно принадлежащих М.А. Корфу. Кроме того, эта публикация имеет немало (более 10) пропусков, допущенных в переводе текста, в том числе таких, которые несут смысловую нагрузку и отражают политическое мировоззрение автора. И последнее: вряд ли публикуемая записка неизвестного автора была адресована Александру I, как полагает А.Н. Долгих (с. 261). Ведь во всеподданнейших записках государственных деятелей, авторизованных и анонимных записках, предназначенных для императоров, почти всегда есть предваряющее их Всеподданнейшее письмо и обязательное обращение к монарху⁸⁷.

Данная публикация записки произведена также по: РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–10 в переводе с французского языка на русский, выполненном Н.Л. Корсаковой.

На первом листе рукописи имеется карандашная запись: «Проект об освобождении крестьян в России на французском языке препровожу при особой описи к Гене[рал]-Адью[анту] Киселеву 16 января 1837 за № 1 по Секрет[ному] журн[алу]. По возвращении вложен в обертку при разборе дел 12 декабря 1839»⁸⁸. Как уже отмечалось, скорее всего, запись принадлежит М.А. Корфу, который в 1831–1832 гг. являлся делопроизводителем Комитета 6 декабря 1826 года, с 9 марта 1834 г. пожалован в статс-секретари, с 6 декабря

⁸⁵ Всеподданнейшая записка гр. П.Д. Киселева по поводу закона о свободных хлебопашцах с резолюцией имп. Николая I. 1840 г. (РГИА. Ф. 958 (П.Д. Киселев). Оп. 1. Д. 647. Л. 2).

⁸⁶ Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): Дворянское общество и власть. Т. I. С. 240–243.

⁸⁷ Записки статс-секретаря Ник[олая] Наз[имовича] Муравьева, представленные императору Николаю I при письме от 2 марта 1826 г. Автографы (РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 45. Л. 1 – 24 об.); Проект сенатора Дмитрия Баранова о системе Гражданского управления, представленный при письме на Высочайшее имя от 20 октября 1826 г. Автограф (Там же. Д. 133. Л. 1 – 28 об.); Записка неизвестного о государственном преобразовании России. Писарская копия. Б. д. (Там же. Д. 52. Л. 1–30).

⁸⁸ Записка неизвестного лица «Об освобождении крестьян в России» с пометами на полях Императора Николая I. Л. 1.

1834 г. исполнял обязанности государственного секретаря, 1 января 1839 г. утвержден в этой должности⁸⁹.

Это предположение находит подтверждение в нескольких моментах. Во-первых, согласно повелению Николая I, М.А. Корф как статс-секретарь с 1837 г. обязан был «препровождать бумаги министру государственных имуществ графу Киселеву из I-го Отделения Собственной Его Величества Канцелярии для прочтения и соображения при устройстве управления казенными крестьянами»⁹⁰. Во-вторых, еще несколько материалов, отложившихся в фонде Комитета 6 декабря, отмечено идентичной карандашной записью тем же почерком⁹¹.

Публикуемая записка, как говорилось, несет на себе следы работы с ней Николая I. На л. 2 документа есть карандашная помета императора на русском языке: «Проект об освобождении крестьян»⁹². Листы 4 об., 5 – 5 об., 7 – 7 об., 8, 9 – 9 об. имеют карандашные отчеркивания текста на полях вертикальными волнистыми линиями и пометы императора, сделанные на французском языке также карандашом. Наш случай редкий: на всеподданнейших докладах и проектах государственных деятелей, а также авторизованных материалах и записках неизвестных авторов иногда присутствуют императорские собственноручные записи (обычно карандашные), дающие представление о взглядах Николая I на тот или иной вопрос, но всегда на русском языке. Кроме того, документ содержит пометы другого лица в виде карандашных отчеркиваний на полях фрагментов текста прямой (а не волнистой) линией, а также запись на французском языке, сделанную на полях л. 7 об.: «без земли» («*sans terre*»). Можно предположить, что они сделаны П.Д. Киселевым, которому данная записка была отправлена. Хотя с некоторой долей вероятности они могут принадлежать и В.П. Кочубею как председателю Комитета 6 декабря 1826 года.

Текст документа написан черными чернилами на стандартных листах белой бумаги (примерно соответствующей современному формату А4) аккуратным изящным почерком, предположительно писарским. Автор (или переписчик), по-видимому, использовал разлинованный трафарет, так как на каждом листе размещается одинаковое количество (25) строго горизонтальных строк. Текст занимает примерно 2/3 каждого листа в правой (по отношению к читателю) его части. Левая треть листа оставлена, по-видимому, для помет. Представляется, что документ составлен хорошо владевшим французским языком,

⁸⁹ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. С. 319.

⁹⁰ РГИА. Ф. 1180 (Главный комитет по крестьянскому делу) Оп. 1. Д. 145. Л. 16.

⁹¹ Записка неизвестного лица «О постепенном улучшении крепостного состояния крестьян без вреда для помещиков и без потрясения внутреннего спокойствия». Санкт-Петербург. 21 июля 1827 г. Автограф (РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 105. Л. 1 – 28 об.); Записка [неизвестного] об улучшении положения казенных крестьян, об отмене установлений, стесняющих торговлю и об искоренении злоупотреблений по разным отраслям государственных доходов. Автограф. Б. д. (Там же. Д. 46. Л. 1–30).

⁹² Записка неизвестного лица «Об освобождении крестьян в России» с пометами на полях Императора Николая I. Л. 2.

но русскоязычным автором, о чём кроме самого затрагиваемого предмета (столь животрепещущего для российского гражданина) говорит и не совсем «французское» построение фраз, и русские слова, приводимые в скобках для пояснения («мирской сход» «вотчины», «половишки»). Насколько мы можем судить, текст не содержит ошибок во французском языке, все необходимые диакритические знаки в нем аккуратно проставлены.

Наличие автографических помет Николая I на французском языке определяется по самому названию документа в описи: «Записка неизвестного лица “Об освобождении крестьян в России” с пометами на полях Императора Николая I». О том, что мы имеем дело с автографом монарха, говорит и тот факт, что маргиналии для сохранности были покрыты специальным прозрачным лаком. Император использовал для помет карандаш, поэтому, к сожалению, несмотря на принятые меры, текст помет в ряде мест плохо читается, отдельные буквы почти утрачены. Не имея в настоящее время для сравнения никаких других текстов Николая I, написанных по-французски, публикаторы не могут быть до конца уверены в своих, впрочем очень незначительных, реконструкциях. Поэтому текст маргиналий публикуется и в оригинале. Пропуск удвоенных согласных (например в глаголе *commettre*) нередко встречается в текстах XIX в., равно как и написание *y* вместо современного *i* в конце слова (*vray*).

Текст, против которого они находятся, обозначен звездочками.

Считаем своим приятным долгом выразить искреннюю признательность нашему коллеге Игорю Павловичу Медведеву, члену-корреспонденту РАН, который проявил к нашей работе большой интерес, оказал помощь в прочтении трудных мест в пометах Николая I и предложил варианты их перевода. В увлекательной работе по «расшифровке» маргиналий принимали участие и другие сотрудники Отдела всеобщей истории СПбИИ РАН, а также знаток французской культуры и языка А.А. Дакелин, которым публикаторы также выражают благодарность.

Об освобождении крестьян в России

Л. 3 Нет предмета, который мог бы привлечь более пристальное внимание либерального правительства⁹³, чем вопрос о предоставлении свободы большей части

⁹³ Политические понятия «либерализм», «либерал», «либеральное правительство» стали широко распространяться в России и получили официальную легитимацию в начале 1800-х гг., в период реформаторских поисков Александра I и зарождения феномена общественного мнения. Осознание необходимости и своевременности модернизации государственного строя и социальной структуры империи, присущее как носителю верховной власти, так и просвещенной части дворянского общества, «кровавые уроки» Французской революции (о которых упоминает наш неизвестный автор) и возобновление интеллектуального общения с Западом сделали либеральную доктрину привлекательной для монарха и его прогрессивно мыслящих подданных. Являясь альтернативой как деспотизму, так и революционному насилию, она предлагала адекватный путь движения вперед и давала реальную возможность реформировать политическую систему и общественный порядок России без потрясений и социальных конфликтов. Именно на этой антиреволюционной позиции либерализма, основанной на консервативной теории прогресса, делает акцент В.В. Леонтович, подчеркивая, что «с точки зрения исторической и согласно всем наблюдениям — либерализм должен решительно предпочитать просвещенный абсолютизм революционной диктатуре» (*Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 22*). Однако в политическом мировоззрении монархов и общественном сознании разных эпох первой трети XIX в. данные термины имели различное значение. До начала 1820-х гг. в представлении самого Александра I основным смысловым содержанием термина «либерализм» было соединение в нем понятий «свободы» («вольности») и «закона» («легитимности»). Поэтому неудивительно, что данные дефиниции, соединенные в одно понятие «либерализм», понимаемый как реформаторство, являлись основными элементами политического дискурса эпохи. Предложенная императором и высказанная им в знаменитой варшавской речи 1818 г. формула «законно-свободных учреждений» в России являлась не только идеологической концепцией, но главное — политической программой его царствования. Причем ее внешняя несовместимость и внутренний алогизм были очевидны уже наиболее зорким современникам Александра I. Почти сразу после публикации речи императора Н.М. Карамзин писал П.А. Вяземскому: «*Liberalité* принадлежит к неологизму нашего времени: я не мастер переводить таких слов. Знаю свободу: из нее можно сделать свободу, если угодно. *Liberal* в нынешнем смысле свободный; а законно-свободный есть прибавок <...> Всякий закон (гражданский) есть неволя. Но это глубоко и заведет нас далеко» (Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810–1826 гг. // Остафьевский архив. СПб., 1897. С. 49). Вскоре европейские революции начала 1820-х гг. изменили смысл этих понятий не только во взглядах Александра I, но в общественном сознании России. «Либерализм» стал ассоциироваться с радикальными методами политического действия. События 14 декабря 1825 г. и следствие по делу «Тайного злоумышленного общества» еще более актуализировали радикальное значение понятия «либерализм» не только в представлении Николая I, но и в общественном мнении. В 1830-е гг. либерализм уже «стоит в одном ряду с противозаконными и безнравственными деяниями». Об этом см.: *Калашников М.В.* 1) Понятие «либерализм» в политическом дискурсе русского общественного сознания первой трети XIX в. (Опыт историко-семантического анализа) // Освободительное движение в России: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 163–174; 2) Понятие «либерализм» в политическом дискурсе Александра I // Проблемы истории российской цивилизации: Сборник научных трудов. Саратов, 2004. Вып. 1. С. 74–87; 3) Николай I — «прапорщик(и)»-декабристы. Историко-семантический этюд //

нации, которую варварство прошедших времен поставило в зависимость от класса⁹⁴, значительно более малочисленного по сравнению с тем, который составляет основную массу населения. Вместе с тем, этот шаг, как ни один другой, требует особой осторожности как в выборе времени, так и способа его осуществления.

Россия, которая своим национальным духом призвана пользоваться всеми социальными институтами наряду с наиболее цивилизованными народами, которая их догнала и даже во многом превзошла, в этом вопросе всё еще находится позади других. Государь, который заставит ее преодолеть этот последний барьер, будет иметь право на ее вечную признательность // (*Л. 3 об.*) и впишет свое великое имя в историю. Если трудности, которые предстоит преодолеть, придают некоторый блеск этому ценному начинанию, нет ничего, что может прославить его больше, поскольку ничто другое не связано с такими препятствиями и даже опасностью.

Прежде чем обсуждать план, который надлежит принять, чтобы добиться в России свободы для крестьян, важно детально рассмотреть их современное положение.

Человек может быть лишен гражданской свободы, став рабом, крепостным или вассалом: он может принадлежать хозяину, служить своему господину, подчиняться своему сюзеру. Раб — это несчастное существо, коим хозяин владеет как собственностью, тот, кто может быть продан или подарен, чей труд и сама жизнь подчинены абсолютной воле хозяина⁹⁵.

Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 503–520; *Андреева Т. В.* 1) Александр I и мифологема «всевропейского заговора революционеров» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2: История. Вып. 4. С. 25–34; 2) Николай I и мифологема «всевропейского заговора революционеров» // Исторические записки. 2009. Т. 12 (130). С. 98–138; 3) Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 340–370, 760–830.

⁹⁴ Термин «класс» в российском социальном-юридическом лексиконе появился в конце XVIII в., тогда как в Европе имел хождение уже с XVII в. в значении «категория». В официальных материалах он употреблялся чаще всего в тех случаях, когда возникала необходимость внутри какого-либо состояния или сословия выделить особую общественную группу. Так, в журнале заседания Комитета 6 декабря 1826 года от 31 августа 1827 г., на котором рассматривался вопрос о запрещении продажи крепостных людей без земли, подчеркивалось, что запрет вызовет недовольство «многочисленного класса помещиков, необразованных, закоснелых в грубых привычках», что необходимо «установить класс промышленных крестьян». Вместе с тем те же журналы заседаний Комитета 6 декабря демонстрируют тенденцию к дублированию терминов «сословие» и «класс». И это вполне логично, поскольку под тем и другим имелась в виду особая социальная группа внутри более крупной общественной категории. Об этом см.: *Андреева Т. В.* Формирование общества как социального института, эволюция политических понятий «общество» и «общественное мнение» в конце XVIII — первой трети XIX в. // Власть, общество и реформы в России: История, источники, историография: Материалы Всероссийской научной конференции. 6–7 декабря 2006 г. СПб., 2007. С. 7–22.

⁹⁵ Использование понятий «раб», «крепостной», «вассал» — характерное для данной эпохи, но их использование было различным. Так, М. М. Сперанский применительно к рабству вводит разграничения: «рабство политическое, когда воля одного или многих составляет закон» и «рабство гражданское, когда один класс народа в повинностях личных или

Крепостной — это человек, чья жизнь должна проходить на земле, на которой он родился, // (Л. 4) по крайней мере до тех пор, пока его господин не призовет следовать за ним — на войну или повсюду, куда ему заблагорассудится, послать на службу, какой бы она ни была. Он несет барщину и обязан отдавать господину половину или треть своего времени и своих трудов⁹⁶.

Вассал подчиняется своему суверену, платит ему оброк — деньгами или работой, — пока живет на его земле; но вассал может по своему усмотрению сменить суверена, переселиться в другое место и выступать в суде против владельца своего фьефа. Положение русского крестьянина таково, что он принадлежит к обоим двум первым состояниям он не совсем раб, потому что законы защищают его жизнь, а правовой обычай гарантирует неприкосновенность его собственности⁹⁷. Но эти законы вплоть до нашего времени не были достаточными, чтобы не допускать продажу лиц обоих полов⁹⁸; поэтому его положение еще

вещественных зависит от воли другого... Хотите уменьшить в государстве число рабов и деспотов; начните с себя — введите закон вместо произвола» (Сперанский М.М. Еще нечто о свободе и рабстве // Сперанский М.М. Избранное. С. 242–245).

⁹⁶ Подчеркивается общий ход и объективность формирования крепостных отношений в Европе, на что указывали и другие авторы преобразовательных проектов: «Крепостное состояние крестьян есть степень воспитания народов, чрез которую проходили все обитатели новой Европы. История показывает, что почти во всех областях масса простого народа из свободного положения мало-помалу вступала в связи с владельцами земли; из сей связи родились сперва зависимость, суд и расправа и домашняя полиция помещиков; далее — принадлежность крестьян к земле, обращение в личную собственность помещика, но с нравственною умеренностию в требованиях владельцев. Наконец, повинности, ограниченность одним усмотрением помещика, и крепостное право в высшей степени произвола. Что сей ход, по свойству человеческих дел, был необходим, доказывается тем, что сии степени существовали и существуют» (Записка неизвестного лица «О постепенном улучшении крепостного состояния крестьян без вреда для помещиков и без потрясения внутреннего спокойствия». Л. 1–2).

⁹⁷ Еще М.М. Сперанский подчеркивал уникальность крепостнических отношений в России (Сперанский М.М. О крепостных людях // Сперанский М.М. Избранное. С. 470–482). В современной историографии также подчеркивается отличие российского крепостного права, имевшего «свои», несхожие с европейскими причины формирования и отличавшегося как от крепостной зависимости стран Западной, так и крепостничества Центральной Европы. В России потеря служилым и посадским населением возможности выбрать сферу своей деятельности и распоряжаться результатами своего труда, а крестьянами — права перехода на другие земли относится к концу XV — второй половине XVI в., когда происходило зарождение крепостнических отношений. Законодательное утверждение крепостничества нашло отражение в Соборном уложении 1649 г, которое устанавливало постоянную, наследственную и потомственную поземельную крепостную зависимость крестьян всех категорий. Окончательное закрепощение владельческих крестьян, т.е. утверждение собственно *крепостного права*, произошло в результате податной реформы Петра I, когда они были прикреплены к личности землевладельца. Об этом см.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд. М., 2006; Дворниченко А.Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия: Учебное пособие. М., 2010. С. 434–439.

⁹⁸ Имеется в виду, что все законы XVIII в., посвященные вопросу о продаже крепостных без земли и с разделением семейств, реально не работали. Уже в царствование Петра I указом от 15 апреля 1721 г. помещикам рекомендовалось не продавать владельческих

хуже положения крепостного, который не может сменить хозяина иначе как вместе с общиной, // (Л. 4 об.) к которой принадлежит.

Третье состояние, состояние вассальное, есть условие существования жителей Малороссии и Украины вплоть до 1783 г. — эпохи, когда они были прикреплены к земле⁹⁹.

Если закон, как видим, и обрекает русского крестьянина на унижение и страдание, он, тем не менее, фактически еще один из самых счастливых среди тех, кто составляет этот класс во всех других странах. Смягчение нравов, которое принесло царствование Екатерины II, имело *следствием прекращение таких наказаний, где бесчеловечность зачастую сменялось жестокостью¹⁰⁰, и теперь (это факт) наказание свершается только по решению общины (*мирской сход*).

крестьян раздельно и с раздроблением семейств (ПСЗ-I. Т. VI. № 3770. С. 377). Однако этот законодательный акт не был подписан к исполнению, а только объявлен Сенату и поэтому на долгое время оказался парализованным. В начале екатерининской эпохи указом от 5 августа 1771 г. запрещалась продажа крепостных людей без земли с молотка при продаже имений на аукционах или конфискации помещичьего имущества (Там же. Т. XIX. № 13634. С. 293). Законом Павла I от 16 февраля 1797 г. запрещалась продажа людей без земли не только с молотка, но вообще с публичного торга (Там же. Т. XXIV. № 17809. С. 335). Продолжением этого закона стал указ от 28 января 1798 г., согласно которому пресекались продажа, дарение и залог крестьян без земли по казенным взысканиям их владельцев. С помещиков, владеющих только безземельными людьми и имеющих казенные долги, определялось «взыскивать по доходу, который они ему приносят», т.е. приписывать крестьян в казенное ведомство с зачетом помещику долга по мере дохода, получаемого от обложения крестьян особой оброчной податью в его погашение. Причем запрещение продавать крестьян без земли обосновывалось в указе фундаментальным официальным императивом, отражавшим главные принципы правительственной аграрной политики. Они состояли в следующем: крепостные крестьяне как неотъемлемая часть помещичьей земельной собственности не могут быть отделены от нее: «Как земля, на коей поселены крепостные помещичьи люди, составляют неотъемлемую и ненарушимую помещичью собственность <...> и как власть помещика на крепостных его крестьян и дворовых людей, законами установленная и охраняемая, сопрягается с правом приобретать деревни тех <...> то <...> посему крепостных людей без земли отныне и впредь запрещается вообще продавать и закладывать, запрещается также дарить<...>» (Там же. XXV. № 18353. С. 52). Указом от 16 октября 1798 г. было вообще запрещено продавать малороссийских крестьян без земли (Там же. № 18706. С. 419). Однако законы выполнялись плохо; публичная торговля людьми на ярмарках, рынках, аукционах была весьма распространена.

⁹⁹ Речь идет об указе Екатерины II от 3 мая 1783 г. (ПСЗ-I. Т. XXI. № 15724. С. 907), согласно которому малороссийское посольство было закреплено окончательно. См.: *Лазаревский А.М.* 1) Малороссийские посполитые крестьяне // Записки Черниговского губернского статистического комитета. Кн. 1. Чернигов, 1866; 2) Малороссийские посполитые крестьяне (1648–1783 гг.). Историко-юридический очерк по архивным источникам. Киев, 1908; *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 1. С. 148–159; *Мякотин В.А.* Прикрепление крестьянства левобережной Малороссии в XVIII столетии // Русское богатство. 1895. Кн. 2–4.

¹⁰⁰ Имеется в виду указ Екатерины II от 17 января 1765 г., по которому ссылка навечно в Сибирь провинившихся крестьян могла происходить по желанию их владельцев (ПСЗ-I. Т. XVII. № 12311. С. 10).

Работа распределяется справедливо, так как существует обычай обрабатывать для господина то же количество земли, что предоставляется и самому крестьянину. Этот порядок не только обеспечивает потребности работника*, // (Л. 5) но и дает ему возможность делать накопление. Движимое имущество **крестьянина переходит к его детям, и не было случая, чтобы суверен захотел его присвоить**.

В областях, где численность населения превышает количество пахотной земли, необходимой для его содержания, и где в результате промысловая деятельность приводят рабочих в столицы, плотник, каменщик и любой другой, кто будет заниматься там своим ремеслом, находятся под присмотром; они во многом ограждаются от пороков, распространенных в больших городах. Этот отеческий надзор приводит к тому, что плоды ***своего труда рабочие отдают в свои семьи. Их периодическое отсутствие, таким образом, является источником благосостояния всей общины. Промыслы крепостных столь мало стеснены, что им удастся накопить значительные богатства, они становятся торговцами, поставщиками, участвуют в различных предприятиях, создают производства, самостоятельно покупая землю, *** // (Л. 5 об.) превращаясь в господ; и — такова в России сила добронравия, что господин в согласии со своим крестьянином обходит закон, не позволяющий последнему обладать благородной собственностью, и предоставляет ему свое имя; и никогда еще алчность не приводила к присваиванию имущества настоящего владельца.

Воинская повинность, которую в обязательном порядке должен нести ****наиболее многочисленный класс, распространяется как на помещичьи земли, так и на земли, находящиеся под патриаршим управлением.

Очередность при этом скрупулезно соблюдается, и никогда отец, у которого только один сын, не будет с ним разлучен, в то время как семьи, имеющие много детей, должны будут отдать их в армию государства.

Тем не менее, примеры, сколько бы их ни умножать, неоспоримо свидетельствуют о том, что крепостное состояние для крестьянина в России далеко от того, чтобы быть ему тяжелой обузой а, наоборот, **** // (Л. 6) в лице господина обеспечивают ему естественного покровителя, который защищает его — будь то в деревне или в городах — от притеснений, которым местные власти подвергают жителей других сословий; о том, что под покровом этой защиты они не только занимаются доходными ремеслами, но и совершают торговые сделки, берут аренду, создают предприятия; они накапливают значительные богатства, которые имеют возможность беспрепятственно передавать своим детям; тем не менее, благосостояние крепостного в некоторых ситуациях, в которых могло оказаться его ремесло, будь он пахарь или купец-миллионер, его материальное благополучие, распределение времени, личная безопасность зависят от воли или прихоти хозяина. Как бы ни были в России редки злоупотребления такого рода, они могут существовать, и, следовательно, осмелюсь сказать, долг доброго правителя истребить саму эту возможность. Но, повторяю, это // (Л. 6 об.)

благоденствие не будет делом одного дня, оно требует подготовительной работы, искусного сочетания частных интересов и интересов общественных¹⁰¹. Следует начать с изменения отношений между крепостными и их владельцами, и не успокаиваться, пока одни не свыкнутся с лишением их прав, а другие не научатся использовать свободу надлежащим образом к их собственному благополучию и общему процветанию государства.

Бесполезно входить здесь в детали нежелательных последствий, к которым может нас привести слово свобода¹⁰², будучи неверно понятым¹⁰³. Беспорядки, которые воспоследуют, заставят забыть те ужасные эпизоды, в которых мы обвиняем французскую революцию. И потрясение, к которому оно может привести, может стать таковым, что все планы Европы, замышляемые против нас, не могли бы породить подобного. Дать свободу миллионам людей может стать чаянием, потребностью двора // (Л. 7) гуманного и великодушного государя. Как избежать в своей стране бедствий разрушения, к которым приведут несвое-

¹⁰¹ Эти идеи были весьма распространены в царствование Александра I. Так, П.А. Зубов в своем крестьянском проекте подчеркивал: «Уважая, с одной стороны, священное право собственности владельцев, а с другой — преимущества и благо человечества, основанные на личной уверенности в добре, коим благость и защита законов ограждать должны каждого и на полной свободе в возможностях каждого приобретать благосостояние разными путями» (Крестьянский проект светлейшего князя П.А. Зубова (проект манифеста). Не позднее 23 июля 1801 г. С. 207–209). Схожие идеи просматриваются в проекте об освобождении крестьян А.А. Аракчеева, который предлагал населенные имения помещиков, обремененных частными и казенными долгами, покупать в казну. Это вмешательство государства во взаимоотношения помещиков и крестьян, и частнособственнические отношения, постепенный выкуп казною помещичьих крестьян и дворовых людей (с согласия их владельцев), по мнению А.А. Аракчеева, являлось единственным путем к «освобождению помещичьих крестьян из крепостного состояния», «уничтожению крепостного состояния людей в России». С точки зрения автора проекта, защищавшего прежде всего интересы дворянства, это освободило бы помещиков от долгов, «которыми их большая часть обременена», а также открыло дорогу арендным отношениям, наемному труду, развитию экономической свободы и препятствовало бы полному отрыву крестьянского хозяйства от помещичьего. В целом на данную операцию А.А. Аракчеев предлагал отпускать ежегодно из казны по 5 млн рублей, покрывая недостаток денег выпуском особых казначейских билетов (Записка о проекте А.А. Аракчеева по освобождению крестьян. 1818 г. С. 313–315).

¹⁰² *Подчеркнуто автором чернилами.*

¹⁰³ Изучение социально-политического лексикона просвещенной элиты дворянского общества выявило смещение смысловых акцентов, адаптацию к российским условиям основополагающих либеральных социально-политических понятий — «свобода», «рабство», «законность», «собственность». Так, принцип свободы личности в представлениях образованной части дворянства в большей степени отождествлялся не с политической свободой, а со свободой социально-экономической. Существовала тесная взаимосвязь понятий «свобода» и «собственность». Поэтому перспектива уничтожения крепостного права рассматривалась как комплекс мер правительства, одновременно направленный на уничтожение личной зависимости крестьян от помещика, введение юридической регламентации их социально-экономических отношений, предоставление права частной земельной собственности. Об этом см.: Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 259–298, 442–451.

временно введенные новшества, — эта мысль должна обязательно занимать его. Чем труднее задача, тем более ее решение достойно славы. Интересы различных классов общества часто противоположны; примирить их всех, заставить всех возжелать возвращения крестьян к свободе, — заслуживает того, чтобы имя благодетеля России было бы по достоинству оценено Историей¹⁰⁴.

Состояние рабства было рассмотрено по различиям в положении самого раба, серва, вассала; именно переходя постепенно от худших условий к лучшим, крестьянин может без риска приблизиться к пользованию неограниченной гражданской свободой.

Мы показали выше, что *****настоящих рабов, таких, какие были у древних и которые всё еще есть на востоке, в России нет. Первым шагом к // (Л. 7 об.) полному освобождению будет недопущение продажи людей, а для этого надо постановить, что крестьяне не могут быть проданы иначе как вместе с землей, на которой они живут, то есть — всей деревней вместе с участком земли, к которой они приписаны, но никогда — по частям и, тем более, — по одному или семьями. Естественным следствием этого правила будет молчаливое признание принципа, согласно которому владелец земли может уступить другому свои права на деревню, но обитатели этой деревни отнюдь не являются его собственностью*****.

Приняв этот пункт, следует приступить к определению размера отчислений крестьянина *****своему господину. Текущее положение, справедливость которого, кажется, признано, может служить нормой. Я лишь предлагаю оформить письменно то право, которое до сих пор являлось правом обычным; после этого его условия крестьянина будут такими же, как условия *половников*¹⁰⁵***** // (Л. 8) в Каргопольском уезде.

¹⁰⁴ Стремление избежать насильственного пути к прогрессу, понимание необходимости долговременной просветительской подготовки было свойственно и другим авторам преобразовательных проектов: «Явится благотворительный Гений с самыми счастливейшими расположениями разума и воли, какие Небо для блаженства народов вдохнуть смертному может. Он придет в такую эпоху, когда народ, с одной стороны, рассыпав облако предубеждений, увидит, сколь нетвердо политическое его бытие и сколь тщетно иметь права на словах, не имея их на деле; с другой стороны, ужасы смежных преобращений, устранив самых дерзновеннейших, научат по окончании их различать истинную свободу» от ложной, докажут и кровавыми чертами на сердцах всех изобразят, что свобода не что другое есть, как закон, равно на всех действующий, и всеобъемлющий; что метафизические понятия о правилах человека ведут только к безначалию, злу, стократно горшему, нежели самое жестокое самовластие. Наконец, он придет в такую эпоху, когда народ почувствует нужду лучшего устройства, но в то же время будет знать и пределы перемен» (Записка неизвестного о государственном преобразовании России. Писарская копия. Б. д. (РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 52. Л. 5 об. — 6 об.)).

¹⁰⁵ То же, что и половники или испошники — категория крестьян в Северной России, которые всегда сохраняли право перехода на другие земли. В XIV–XVI вв. половничество как особый вид аренды пахотных земель крестьянами был весьма распространен. В первой половине XIX в. он существовал только в четырех северных уездах Вологодской губернии и одном — Каргопольском уезде — Олонецкой губернии. Чаще всего поморские половники были мелкими арендаторами монастырских и частновладельческих земель.

Закон, который установит пределы требованиям хозяев, должен быть *****единым для всех областей. В России он в малой степени ограничит злоупотребления, но в наших польских и немецких областях он в дальнейшем облегчит тяжелое бремя, которое несут бедные крестьяне этих областей.

Эти два правила станут основанием, на котором постепенно будет построено всё здание освобождения крепостных, вечным памятником тому суверену, который ***** его воздвигнет.

Никакие анналы ни одной из стран не укажут нам эпоху, более благоприятную для введения нового порядка вещей, чем та, которую мы находим сейчас у нас. Сильное потрясение, только что пережитое империей, следующее за ним ослабление, страх подвергнуться иноземному завоеванию, ужас перед восстанием народных масс против властей, // (Л. 8 об.) обманутые надежды врага, рассчитывавшего на такую реакцию, изъявление патриотизма всеми классами и в особенности благородное поведение крестьян, — всё это стало теми мощными рычагами, которые оказали сильное воздействие на душу народа и, несомненно, подготовили его к жертвам, на которые он идет со столь высоким энтузиазмом. Преимущества, которые будут предоставлены крестьянам, при условии, что они не станут льготой (исключительным правом), в настоящее время могут встретить лишь всеобщее одобрение.

Но в эту ужасную эпоху, когда престол и жертвенник, национальная независимость и слава русского имени в равной степени подверглись опасности, все классы общества соревнуются один с другим в стремлении спасти Отечество; в то время как армии целой Европы, ведомые Капитаном¹⁰⁶, признанным непобедимым, чей военный гений опирается на принципы безнравственности, когда вся эта громадная машина // (Л. 9) разбилась о патриотизм русского народа. Справедливый суверен, который ежедневно получает от дворянства доказательства любви к себе, готовности к исполнению монаршей воли, несомненно, найдет радость в том, чтобы изыскать такой способ действий, при котором у дворянства не закрадется мысль, что, уничтожая в России рабство, он пренебрег его интересами.

Если благоразумие требует, чтобы неоценимое благо свободы было даровано крестьянству только постепенно — для того чтобы оно могло разумно им воспользоваться, то не менее необходимо проявить величайшую осторожность в отношении дворянства, отнимая у него собственность. Искусство состоит в том, чтобы не лишать его собственности, а заставить самого отказаться от нее.

Условия половничества состояли в том, что двор с пристройками давал землевладелец, орудия труда и скот принадлежали крестьянину, который обязан был платить арендную плату натурой в виде половины урожая. Землевладелец в свою очередь обязывался платить денежную плату за «приряд», т.е. за целый ряд условленных хозяйственных работ. Выполнение обязательств со стороны половника обеспечивалось поручительством или неустойкой. Об этом см.: *Семевский В.И.* Казенные крестьяне при Екатерине II // *Русская старина.* 1879. Т. XXIV. С. 1–40; *Дьяконов М.А.* Половники поморских уездов в XVI–XVII вв. СПб., 1895.

¹⁰⁶ Имеется в виду Наполеон Бонапарт.

*****Чтобы достичь этого, важно преобразовать наследственные владения (*вотчины*)¹⁰⁷ во фьефы, так как владелец фьефа, будучи лишь пользователем неотчуждаемого имущества, легче откажется***** // (*Л. 9 об.*) от феодальных прав, чем тот, кто считает себя его законным собственником.

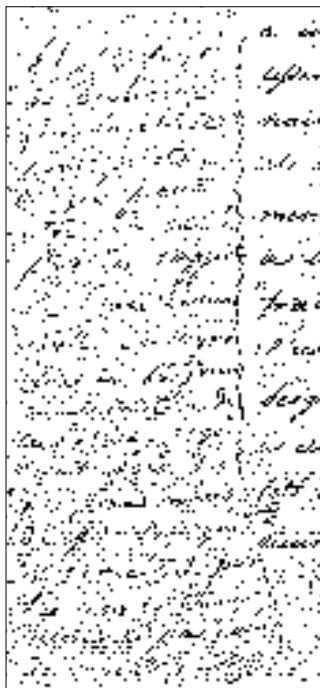
Люди, взятые в массу, дают вести себя туда, куда их ведет искусная рука, не сомневаясь в цели, к которой их ведут. Если она и приводит порой к заблуждениям, то лишь для того, чтобы потом еще увереннее привести в пункт назначения. *****Каждая каста имеет свои причуды, вроде тщеславия, присущего римским всадникам. Только возводя земли в статус баронства, графства и т.п., можно будет заставить их владельцев отступить перед их ограблением***** . Жалуя титулы, мы создадим условия, породим феодальный закон, и переход к полному освобождению крестьян будет быстрым и безопасным.

Настоящий момент благоприятен: император вознаграждает патриотизм дворянства — титулами, вознаграждает патриотизм народа — охраняя его имущество справедливыми законами, которые должны защищать от // (*Л. 10*) последствий насилия и алчности. Разумные и честные люди будут приветствовать Регламент, который на первый взгляд не затрагивает их состояния, люди порочные не осмелятся говорить вслух, а если и осмелятся, не будут услышаны.

Эта идея имеет весьма широкое развитие, но при ее изложении здесь я считаю бесполезным входить во все детали, до тех пор, пока не будет подготовлена система. Впрочем, последствия обнаружатся сами по себе, как только дело будет начато; выбор момента для поэтапного осуществления плана зависит от Мудрости Правительства, так как не следует допускать проникновения в ее (Мудрости. — *Н. К.*) намерения, прежде чем она не сделает окончательный выбор.

¹⁰⁷ В тексте документа слово написано по-русски.

Маргиналии Николая I

Л. 4 об. *—* Il s'en faut de beaucoup que la chose soit juste, ce qui peut être constaté par les rapports des Gouverneurs civils, envoyés chaque 15 jours au Ministère de la Police et quifont foi des fréquens abus de pouvoir qui se com<m>et<t>ent par les propriétaires et même parfois des cruautés atroces.

Многого еще не хватает для того, чтобы дело оказалось правым, что может быть удостоверено донесениями Гражданских губернаторов, каждые 15 дней отсылаемых в Министерство полиции, которые свидетельствуют о частых злоупотреблениях властью, которые совершаются собственниками, иногда даже о жестоких зверствах.

Л. 5. **—**
Autre erreur —
Другая ошибка.

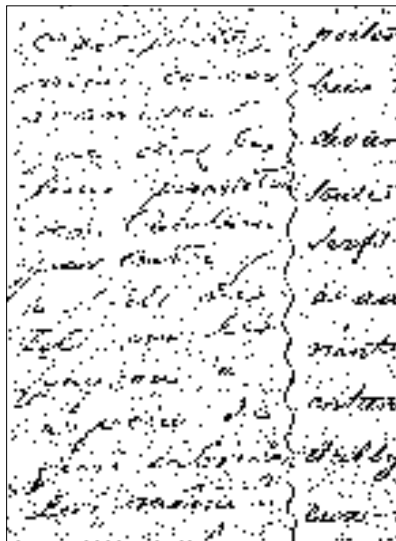
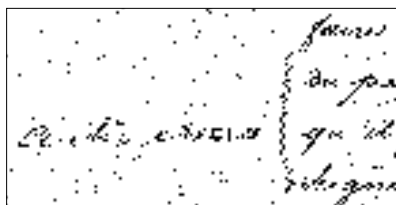
*****—***** C'est juste; mais ces cas n'arrivent que chez les bons proprietaires.

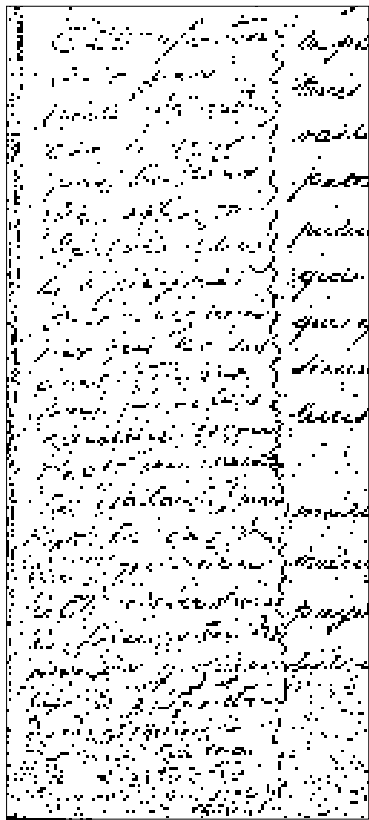
Combien par contre y-a-t-ils de tels où le paysan a à peine de quoi subsister lui-même?

Это справедливо; но так бывает только у хороших хозяев. Сколько, напротив, есть таких, у которых крестьянину едва есть чем прокормиться самому?

Л. 5 об. **—****** Cette assertion n'est pas juste de même, car ce n'est pas le tour de role qui decide chez les paysans des Seigneurs sur qui le sort doit tomber pour marcher comme recrue. C'est uniquement la volonté; mais c'est la cas de dire, que dans cette circonstances le bien-etre des paysans y gagne car le proprietaire donne comme recrue, les mauvais sujets, les hommes sans propriété qu'on nomme Bobyl...

Это утверждение совершенно неверно, поскольку вовсе не очередность решает, кому из помещичьих крестьян выпадет жребий идти в рекруты. А един-

ственно воля; но это дает повод заметить, что в данных обстоятельствах благосостояние крестьян оказывается в выигрыше, ибо хозяин отдает в рекруты негодяев, тех, кто не имеет собственности и кого называют бобылями...

Л. 7 ***_******* Фрагмент отчеркнут на полях (карандаш или чернила).

Л. 7 об. ***_******* sans terre (другим почерком) — без земли.

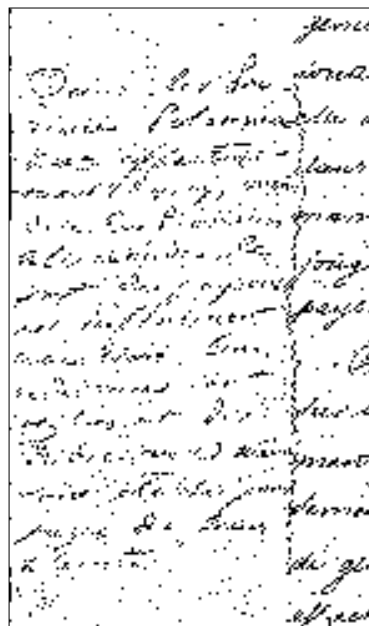
Л. 8 ***_******* Dans les Provinces Polonaises c'est effectivement vrai, mais dans les Provinces Allemandes le sort des paysans est infiniment amélioré, leurs redevances sont réglées et des tribunaux même sont établies pour juger de leur plaintes.

В Польских провинциях это действительно так, но в провинциях Немецких участь крестьян намного больше улучшена, их подати упорядочены и даже учреждены суды, чтобы рассматривать их жалобы.

шена, их подати упорядочены и даже учреждены суды, чтобы рассматривать их жалобы.

Л. 9 ***_******* Фрагмент отчеркнут на полях.

Л. 9 об. ***_******* Фрагмент отчеркнут на полях.

References

Андреева Т.В. Формирование общества как социального института, эволюция политических понятий «общество» и «общественное мнение» в конце XVIII — первой трети XIX в. // *Vlast', общество и реформы в России: Истори, источники, историография: Материалы Всероссийской научной конференции 6–7 декабря 2006 г.* СПб., 2007. С. 7–22.

Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

Архипова Т.Г. Секретный комитет 6 декабря 1826 г. // *Труды Московского государственного историко-архивного института.* Т. 20. М., 1965.

Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия: Учебное пособие. М., 2010.

Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М., 2003.

Khristoforov I.A. Sud'ba reformy. Russkoe krest'yanstvo v pravitel'stvennoy politike do i после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011.

Крест'янский вопрос в России (1796–1830 гг.): Дворянское общество и власть: Сbornik dokumentov: V 2 t. Lipetsk, 2005.

Medvedev I.P. G.A. Rozenkampf i ego zakonodatel'naya deyatelnost' v svete neopublikovannykh memuarov sovremennika // Deyateli russkoy nauki XIX–XX vekov. SPb., 2008. Vyp. 4. S. 331–352.

Milov L.V. Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa. 2-e izd. М., 2006.

Mironenko S.V. Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX v. М., 1989.

Mironenko S.V. Stranitsy taynoy istorii samoderzhaviya: Politicheskaya istoriya Rossii pervoy poloviny XIX stoletiya. М., 1990.

Mironenko S.V. Nikolay I. М., 1993.

Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii. Genезis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: V 2 t. SPb., 1999. T. 2.

Nikolaenko P.D. Knyaz' V.P. Kochubey — pervyy ministr vnutrennikh del Rossii. SPb., 2009.

Pisar'kova L.F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoy chetverti XIX v.: Zamysly, proekty, voploshhenie. М., 2012.

Ruzhitskaya I.V. Zakonodatel'naya deyatelnost' v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I. М., 2005.

Safonov M.M. Problema reform v pravitel'stvennoy politike Rossii na rubezhe XVIII i XIX vv. Л., 1988.

Sladkevich N.G. O soslovykh proektakh Komiteta 6 dekabrya 1826 g. // Issledovaniya po otechestvennomu istochnikovedeniyu: Trudy LOI SSSR AN SSSR. Vyp. 7. М.; Л., 1964.

Timofeev D.V. Evropeyskie idei v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiyskogo poddannogo pervoy chetverti XIX veka. Chelyabinsk, 2011.

Vyskochkov L.V. Nikolay I: Chelovek i gosudar'. SPb., 2001.

Список литературы

Алексеев П.В. Секретные комитеты при Николае I // Великая реформа (19 февраля 1861 — 1911): Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 194–208.

Андреева Т.В. Александр I и мифологема «всевропейского заговора революционеров» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2: История. Вып. 4. С. 25–34.

Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

Андреева Т.В. Формирование общества как социального института, эволюция политических понятий «общество» и «общественное мнение» в конце XVIII — первой трети XIX в. // Власть, общество и реформы в России: История, источники, историография: Материалы Всероссийской научной конференции 6–7 декабря 2006 г. СПб., 2007. С. 7–22.

Архитова Т.Г. Секретный комитет 6 декабря 1826 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1965. Т. 20: Вопросы архивоведения и истории государственных учреждений СССР. С. 212–240.

Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время: В 6 т. Т. 1. СПб., 1869.

Высочков Л.В. Николай I: Человек и государь. СПб., 2001.

Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М., 2003.

Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: В 4 т. М.; Л., 1946. Т. 1.

Калашиков М.В. Понятие «либерализм» в политическом дискурсе Александра I // Проблемы истории российской цивилизации: Сборник научных трудов. Саратов, 2004. Вып. 1. С. 74–87.

Калашиков М.В. Понятие «либерализм» в политическом дискурсе русского общественного сознания первой трети XIX в. (Опыт историко-семантического анализа) // Освободительное движение в России: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 163–174.

Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912.

Княгина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е гг. XIX в.). М., 1968.

Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): Дворянское общество и власть: В 2 т. Т. 1–2 // Подг. мат., ввод. ст. и ком. А.Н. Долгих. Липецк, 2005.

Медведев И.П. Г.А. Розенкампф и его законодательная деятельность в свете неопубликованных мемуаров современника // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2008. Вып. 4. С. 331–352.

- Мироненко С.В.* Николай I. М., 1993.
- Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
- Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990.
- Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999. Т. 2.
- Николаенко П.Д.* Князь В.П. Кочубей — первый министр внутренних дел России. СПб., 2009.
- Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957.
- Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005.
- Сафонов М.М.* Крестьянский проект П.А. Зубова // Советские архивы. 1984. № 1. С. 36–38, 62–64, 97–99.
- Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.
- Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: В 2 т. Т. 1: Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. СПб., 1888; Т. 2: Крестьянский вопрос в царствовании Императора Николая. СПб., 1888.
- Сперанский М.М.* Избранное / Сост., вступ. ст, ком. В С. Парсамова. М., 2010.
- Сперанский М.М.* Проекты и записки / Под ред. С.Н. Валка. Л., 1961.
- Сивков К.В.* Важный этап в переходе от феодального к буржуазному землевладению в России // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 24–43.
- Сладкевич Н.Г.* О сословных проектах Комитета 6 декабря 1826 г. // Исследования по отечественному источниковедению: Сборник статей к 75-летию профессора С.Н. Валка. Труды ЛОИИ СССР АН СССР. Вып. 7. М.; Л., 1964. С. 274–233.
- Смирнова-Россет А.О.* Записки: Из записных книжек 1826–1845 гг. СПб., 1895. Ч. 1.
- Тимофеев Д.В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011.
- Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 2001.
- Христофоров И.А.* Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011.
- Шебунин А.Н.* К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли // Архив истории труда в России. Кн. 6–7. Пг., 1923. С. 106–112.
- Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001.
- Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. 4. СПб., 1898.
- Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование: В 2 т. Т. 1. СПб., 1903.

Т.Н. Таценко

Письмо 1566 г. графини Катарины Шварцбургской из собрания Научно-Исторического архива Санкт- Петербургского института истории РАН

В Западноевропейской секции Научно-Исторического архива СПбИИ РАН, в коллекции 25 «Германия. Акты и письма феодальных владетелей XIV–XIX вв.» хранятся шесть писем второй половины XVI в., собственноручно написанных представительницами немецких княжеских династий того времени. По своему внешнему виду и содержанию они сильно отличаются от преобладающих в коллекции официальных посланий немецких князей. Непрофессиональные, подчас корявые почерки княгинь являют сильный контраст к соразмерным и изящным формам письма опытных придворных канцеляристов. Письма княгинь адресованы ближайшим родственникам: пять — родным братьям и одно — родной сестре, их темы посвящены личным, семейным вопросам. Н.П. Лихачева, который по случаю приобретал рассматриваемые рукописные памятники в немецких антикварных фирмах в начале XX в., они интересовали прежде всего как автографы представительниц известных германских династий XVI в. В самом деле, женщины — авторы писем по рождению и замужеству принадлежали к значительным княжеским домам эпохи¹.

¹ Мария, герцогиня Померанская, урожд. герцогиня Саксонская, 1553 г. (38/432), Анна, пфальцграфиня Рейнская, урожд. ландграфиня Гессенская, 1554 г. (3/435), Доротея Сюзанна, пфальцграфиня Рейнская, впоследствии герцогиня Саксонская, 1558 г. (1/435), Катарина, графиня Шварцбургская, 1566 г. (38/440), Анна Мария, герцогиня Вюртем-

В русле вошедших в моду в последние десятилетия гендерных исследований стали множиться работы, посвященные женщинам княжеского сословия XVI в. Историки обратились к оказавшимся довольно объемными фондам их писем в архивах. Стало очевидным, что активное ведение переписки в XVI в. превратилось для княгинь в привычное занятие, делая их важным коммуникативным звеном династических связей². Поддержание контактов в большой княжеской семье не только питало родственные чувства, но и подчас способствовало достижению важных политических целей. При этом письмам собственноручным придавали особую значимость. Они служили своеобразным знаком родственной близости, теплоты, особого доверительного отношения³. Темами писем в значительной степени являются здоровье и благополучие родственников, приветы близким, выражение родственных чувств привязанности и любви, добрые пожелания (38/432, 3/435, 1/435), поздравления с Новым годом, подарки (3/421, 21/423). Здесь мы встречаемся с любопытным и выразительным источником по истории повседневности в жизни правящих германских династий. Лишь одно из шести писем тематически выходит за рамки повседневности, и в нем находят отражение исторические события эпохи. Речь идет о письме Катарини, графини Шварцбургской к брату Георгу Эрнсту Хеннебергскому от 22 декабря 1566 г. (38/440).

1. Графиня Катарина Шварцбургская

Графиня Катарина Шварцбургская (1509–1567) происходила из княжеской семьи имперских графов Хеннеберг, владения которых лежали в Средней Германии на границе Франконии и Тюрингии. В 1524 г. ее выдали замуж за графа Генриха Шварцбургского, вассала курфюрстов Саксонских в южной Тюрингии. Супруги симпатизировали идеям Реформации и уже в 1527 г. начали церковные преобразования в графстве, при этом Катарина сразу же показала себя как решительная и энергичная последовательница Лютера. Когда в 1538 г. ее супруг умер, не оставив мужского потомства, власть в графстве перешла к представителю другой линии Шварцбургских графов, а Катарина должна была удалиться в свое вдовье имение с резиденцией в Рудольштадте. Новый правящий граф Шварцбургский Гюнтер XV был католиком, но благодаря покровительству курфюрста Иоганна Фридриха Саксонского права лютеран в графстве остались неприкосновенными. Известно, что, став вдовой, Катарина

бергская, урожд. маркграфиня Бранденбург-Ансбах, 1568 г. (3/421), Элеонора, ландграфиня Гессенская, урожд. герцогиня Вюртембергская, 1591 г. (21/423).

² *Holzappel J.* Fürstenkorrespondenz // Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich. Hof und Schrift / Hrsg. von Werner Paravicini (Residenzenforschung. Bd. 15. III / Hrsg. von der Residenzen-Kommission der Akad. der Wissenschaften zu Göttingen). Ostfildern, 2007. S. 317.

³ *Nolte C.* Schriftlichkeit und Mündlichkeit // Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich. Hof und Schrift. S. 26–27.

Шварцбургская продолжала покровительствовать лютеранам в Шварцбурге: заботилась о школах и приглашении хороших евангелических проповедников⁴.

В период после поражения военно-конфессионального союза протестантских князей в Шмалькальденской войне в 1547 г. проявились особое мужество и стойкость Катарини Шварцбургской: в своем замке в Рудольштадте она укрывала преследуемых императором лютеранских пасторов, не признавших интерим. Самым известным из них был крупный лютеранский проповедник и богослов Каспар Аквилла (1488–1560), за голову которого была назначена сумма в 5000 гульденов. В 1548–1549 гг. он провел в замке Рудольштадта много месяцев и был затем переправлен в более надежное место в графстве Хеннебергском⁵. До конца жизни графиня Шварцбургская оставалась активной участницей церковной политики. В острых дискуссиях внутри лютеранства, она, судя по всему, держалась стороны бескомпромиссных ортодоксальных лютеран. Широкую известность приобрело ее активное вмешательство в так называемый спор о ростовщичестве (*Wucherstreit*) в 1564–1565 гг. в Шварцбурге. Тогда она решительно встала на защиту рудольштадтского пастора Бартоломеуса Гернхарда (*Bartholomäus Gernhard*), отлучившего от причастия нескольких представителей дворянства за то, что они ссужали деньги в рост. Вопреки мнению правившего графа Шварцбургского Катарине удалось сохранить радикального пастора в качестве своего придворного проповедника⁶.

2. Письмо 38/440 Катарини Шварцбургской: палеография, текст, формуляр, стилистические особенности

Письмо графини Шварцбургской написано на ранненововерхненемецком языке с элементами нижненемецких форм, например в словах: «*ljeweg*» вместо *lieber*, «*hawen*» вместо *haben*, «*schreiwten*» вместо *schreiben*, «*dut*» вместо *tut*, «*gedan*» вместо *getan*, «*lejws*» вместо *leibs*, «*dack*» вместо *tag*. Это объясняется свободой, которую автор могла позволить себе в собственноручном письме, независимостью от профессиональных норм канцелярий. Письмо исполнено на двух листах бумаги, бифолиуме, листы которого равны 31,8 x 20 см, которые

⁴ *Anemüller B.* Catharina, Gräfin zu Schwarzburg // *Allgemeine Deutsche Biographie* / Hrsg. von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 4 (1876). S. 71–72.

⁵ *Hesse L.F.* Katharina, die Heldenmüthige, Gräfin zu Schwarzburg // *Neue Mitteilungen aus dem Gebiet historisch-antiquarischer Forschungen*. 10. Bd., 1. Hälfte. Halle / Nordhausen, 1863. S. 112.

⁶ *Carius H.* Konfessionspolitik und Recht. Zur Herrschaftspraxis der Herzoginwitwe Dorothea Susanna von Sachsen-Weimar // *Fürstinnen und Konfession. Beiträge hochadliger Frauen zur Religionspolitik und Bekenntnisbildung* / Hrsg. von D. Gehrt und V. von der Osten-Sacken. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. S. 210.

Houdtze, is niet met een
 hier hiende Gortvebom
 hier vriende, is de
 e, hiet vinder jiel, is
 samen te hinde een
 myn vyer giel enfdman
 sjele duijg, is, is dit
 so samen die sjele
 sjele is de wafte we
 die dozfer lappen
 wazden min kypen te
 was is eyn gurek
 die van nymand zacht
 hief om te is an te
 megin gar hwyte, is
 met vriende, is, is
 walleu sje megin met
 in dinder vromen leit an
 wazden wie dan sje for
 sje is vyer e, hiet sje
 sje is met te, is an
 sje sjele an sje
 met mijn jinnere sje
 was mijn sje is sje

dem
 vult
 sje
 samen
 sje

ams
 sje

Рис. 1. Научно-исторический архив СПбИИ РАН 38/440,
 22 декабря 1566 г., Рудольштадт.
 Письмо графини Катарины Шварибургской. Л. 1

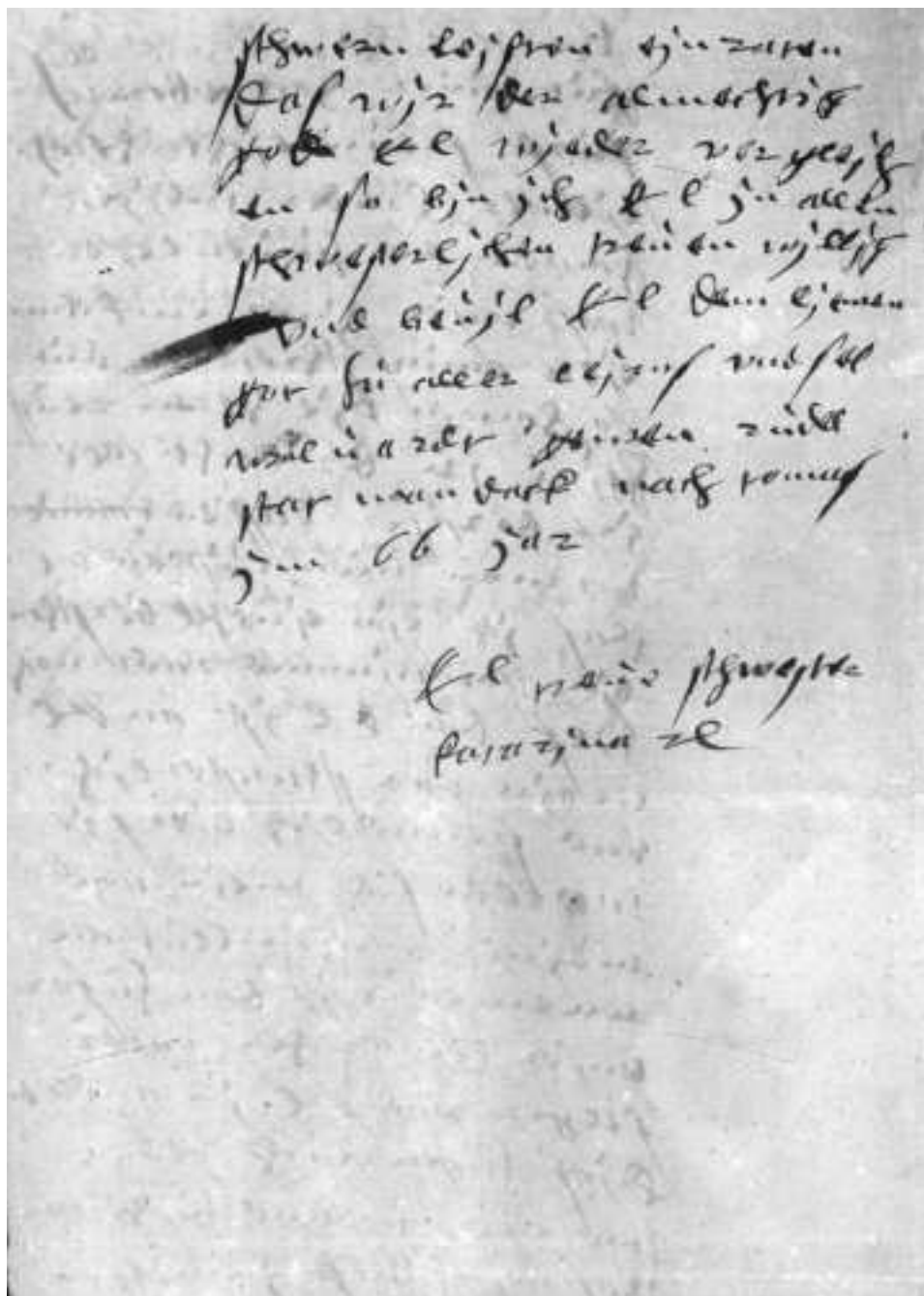

Рис. 2. Научно-исторический архив СПбИИ РАН 38/440,
22 декабря 1566 г., Рудольштадт.

Письмо графини Катарини Шварцбургской. Л. 1 об.

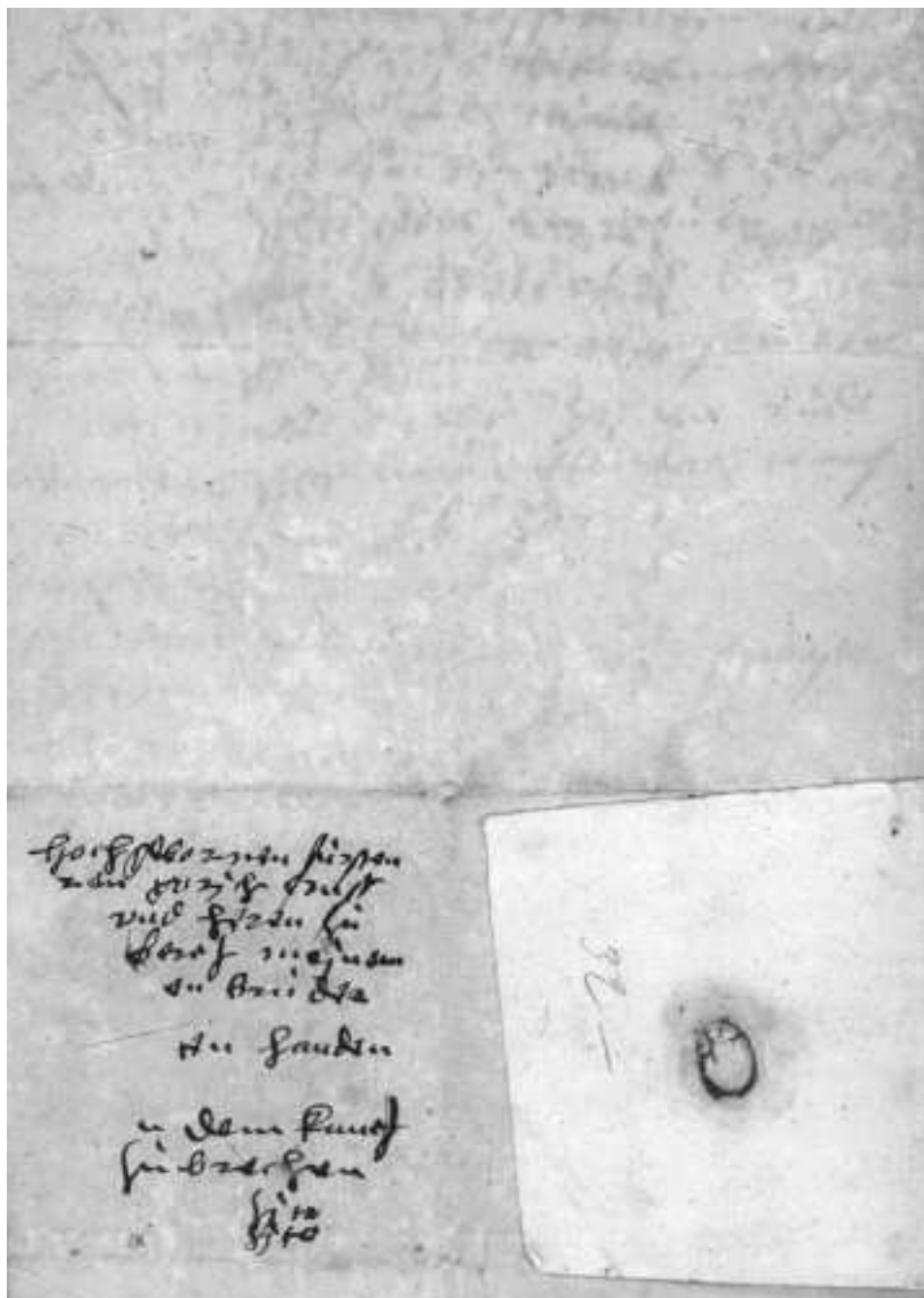

Рис. 3. Научно-исторический архив СПбИИ РАН 38/440,
22 декабря 1566 г., Рудольштадт.
Письмо графини Катарины Шварцбургской. Л. 2 об.

дал свернутый пополам лист in fol. Текстом заполнены л. 1 и л. 1 об., причем последний только наполовину (рис. 1, 2). Адрес получателя частично располагается на л. 2 об. (рис. 3). Другая же часть адреса находится на разъединенной накладной полосе бумаги (рис. 1), прежде скреплявшей свернутое письмо с помощью печати (рис. 3).

Собственноручное письмо исполнено беглым неоготическим курсивом непрофессиональной руки с ярко выраженными индивидуальными чертами. Для него, например, характерна форма буквы *i* с длинной нижней выноской, уходящей под строку. Торопливые движения руки способствовали растянутости корпусов букв в ширину, в письме имеются помарки и зачеркивания. Вместе с тем видно, что Катарина Шварцбургская — опытный писец, текст выписан размашисто, легко и свободно. Автор почти не употребляет сокращений. Исключение составляет лишь очень распространенное сокращение для обращения «Euer Liebden (Ваша милость)» в виде двух букв „E l“. Торопливость письма обусловила обрыв окончаний в некоторых словах, пропуск или, наоборот, повторение слов.

Текст письма мы оформили в виде таблицы, поместив в ее левой части транскрипцию оригинала, а в правой — наш перевод на русский язык. Транскрипция форм букв *u* / *v* передается как в оригинале: по традиции того времени для *u* / *v* в начале слова употреблялась форма *v*, а для *u* / *v* в середине слова — форма *u*. Пунктуация в оригинале отсутствует. Текст мы разделили на несколько смысловых частей в соответствии с формуляром. Выпавшие в результате сокращений элементы слов восстановлены в квадратных скобках.

0	Dem hochgebornen fursten vnd herrn yorich ernst grauen vnd herrn zu hennenberch mejnem herzljewen bruder zu eigen handen anns[onste]n dem Kanczler zu brechen Cjto Cjto INSCRIPTIO	Высокородному князю и господину Георгу Эрнсту, графу и господину Хеннебергскому, моему сердечно любимому брату в собственные руки, в противном же случае — распечатать только канцлеру. Срочно, срочно!
1	schwesterljche treu vnd alles gut zuor hochgeborner furst freundljcher hercz ljewer bruder SALUTATIO	Прежде всего примите уверения в моей сестринской преданности и всемерной благорасположенности, высокородный князь, любезный, сердечно любимый брат.
2	Jnljgent hawen E[uer] l[iebden] zuuerlesen was vnser guter enckelman vjler an uns schreiwten dut EXORDIUM	В приложении В[аша] м[илость] может прочесть всё то, что пишет нам добрый наш Энкельман.
3	so hawen dje heren reussen hejnd jn der nacht alle jre dorffer lassen warnen nun wjssen e[uer] l[iebden] das ich ejn ejn eselbersthen bjn von njmand radt noch hilf dan E[uer] l[iebden] jst NARRATIO	Так господа Ройс этой ночью изволили предупредить об опасности все их деревни. Поскольку В[аша] м[илость] знает, что я в своем упрямстве подобна ослу и ни от кого кроме Вашей милости [не желаю принимать] ни совета, ни помощи,

4	<p>jst an E[uer] l[iebden] mejn gar schwesterljch vnd freundljch bjtt sje wollen sich mein vnd mejner armen leut annemen wie dem zufor vnser ljewer her vater selger vnd E[uer] l[iebden] jn anderen krjgs zugen auch gedan vnd mjr jmand zuschicken das mjr hilft zu dissen schwern⁷ bejsten ejnraten das wjr[d] der almechtige got e[uer] l[iebden] wjeder vergleichen PETITIO</p>	<p>то обращаюсь к В[ашей] м[илости] с сестринской любезной просьбой принять под свое покровительство меня и бедных моих людей, как это прежде при прохождении войск делали наш блаженной памяти любимый отец и В[аша] м[илость], и прислать мне кого-либо, кто бы поддержал меня подмогой и советом в эти трудные времена, Боже Всемогущий воздаст В[ашей] м[илости] за это.</p>
5	<p>so bin jch e[uer] l[iebden] zu allen schwesterljchen treuen wjllig vnd beujl e[uer] l[iebden] dem ljewen got zu aller lejws vnd sel waluardt. CONCLUSIO</p>	<p>Сим изъявляю В[ашей] м[илости] всемерную сестринскую преданность иверяю В[ашу] м[илость] всеблагому Богу ко всякому тела и души благополучию.</p>
6	<p>gewen rudelstat vonn dack nach tomas Jm 66 Jar</p>	<p>Дано в Рудольштадте в день после дня Св. Фомы в год 66</p>
7	<p>E[uer] l[iebden] treue schwester katarjna etc</p>	<p>В[ашей] м[илости] преданная сестра Катарина etc</p>

Осведомленность Катаринны Шварцбургской в вопросах теологии и беглое владение письмом свидетельствуют о том, что она, как и многие другие представительницы княжеского сословия, получила неплохое образование. Это подтверждает и текст письма, который хотя и написан на личную тему и обращен к близкому родственнику, составлен тем не менее в соответствии с употребительным формуляром, восходящим к античной риторике. Из вышеприведенной таблицы видно, что повествование сравнительно краткого письма развивается по установленным рубрикам: приветствие (*Salutatio*), вступление (*Exordium*), сообщение (*Narratio*), просьба (*Petitio*), заключение (*Conclusio*), дата и подпись.

Для языка рассматриваемого письма характерны общие для всех женских родственных писем, в том числе и из собрания архива СПбИИ РАН, стилистические особенности. Прежде всего, это эмоционализация и интимизация языка, которая проявляется здесь в обращении к брату: «hercz ljewer bruder (сердечно любимый брат)» и в выражении своего отношения к нему как «treue schwester (преданная) сестра». По наблюдениям исследователей, постоянное употребление слов таких слов, как «herz», «liebe», «treue», является своеобразным характерным шифром, выражавшим отношение фамильного родства⁸. Своей эмоциональностью и сердечностью такая стилистика резко контрастирует с холодной вежливостью обращений и подписей в официальных княжеских письмах.

Характерным для стилистики женских родственных писем является и определенное принижение собственного образа в отношении родственного адресата. Например, письмо Катаринны Шварцбургской написано от первого лица единственного

⁷ Здесь предположительно пропущено слово *zeiten*.

⁸ *Holzappel J.* Fürstenkorrespondenz // *Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich. Hof und Schrift.* S. 315–316, 319.

числа («Ich-Stil»), в обращении же к младшему брату, правящему князю Хеннебергскому, она использует сочетание «Ваша милость (Euer Liebden)». В подписи письма отсутствует титул графини (Intitulatio). Почтительность адресата к отправителю проявляется и в почти полном отсутствии сокращений на письме.

Как и всякое женское родственное послание, письмо Катарини Шварцбургской содержит пожелание адресату Божьего благословения, она даже апеллирует к Богу в своей просьбе. Примечательно, что речь идет именно о «все-благом, всемогущем Боге», но не о Богородице или Святых. Это подчеркивает протестантский профиль отправительницы письма.

3. Исторический контекст письма

Свойственная женским родственным письмам эмоционализация усиливается в рассматриваемом письме его содержанием. Взволнованное письмо Катарини Шварцбургской к брату является отчаянным криком о помощи. Уже приписка «Срочно, срочно!» на адресе задает тон настроению письма. Катарина пишет 22 декабря 1566 г. из своего замка в Рудольштадте в недалеком графстве Хеннеберг и просит брата взять ее с подданными под защиту, срочно прислать кого-либо для совета и помощи в это трудное время. При этом она ссылается на то, что так прежде в пору военных передвижений («jn anderen ktjgs zugen») делал покойный отец, да и сам адресат — брат. О приближающемся проходе военных соединений графиня Шварцбургская узнала из донесения своего советника Энкельмана, которое для пушей убедительности и пересылает брату. По сведениям Энкельмана, в ближайших к Рудольштадту землях владетельных государей Ройс деревни уже были оповещены о грядущих опасностях. Неожиданным кажется, что даже в этой угрожающей ситуации Катарина не желает ни помощи, ни совета ни от кого, кроме как только от родного брата. С одной стороны, это воспринимается как эмоциональный нажим на адресата, который должен понять, что он один только и может спасти вдовствующую сестру. С другой стороны, показывает гордый и независимый характер графини Шварцбургской, не желавшей обращаться за помощью к посторонним. Любопытно, что, заявляя о своем решительном нежелании звать кого-либо на помощь помимо брата, Катарина Шварцбургская сравнивает себя в собственном своеволии и упрямстве с ослом: «...das ich ejn ejn eselbersthen bjn von njmand radt noch hilf». Слово eselbersthen в данном контексте следует воспринимать как eselborsthen, ибо в XVI в. еще не сложились твердые нормы правописания, писали как слышали. Eselborsthen означает в переводе нечто топорщащееся, сопротивляющееся, упрямое как осел. Сравнение очень сильное и рискованное, содержащее горькую иронию. Подобную, задевающую самолюбие собственную характеристику можно было сообщать действительно только близким людям⁹.

⁹ Автор выражает сердечную благодарность за помощь в интерпретации письма Михаэлю Шюттерле, заведующему Исторической библиотекой в немецком Рудольштадте,

Событие, которое нашло своеобразное отражение в исследуемом письме, связано с кризисным явлением в империи 1560-х гг., получившим название «Грумбахские дела (Grumbachsche Händel)». С середины 1540-х гг. франконский рыцарь Вильгельм фон Грумбах находился в раздоре с епископством Вюрцбургским, государи которого были его сюзеренами. Авантюристический и разбойничий по натуре, Грумбах стал фигурой притяжения для беспокойных и недовольных своим положением представителей рыцарства. Их военные отряды представляли угрозу для немецких территориальных государей и были постоянными нарушителями мира в империи. Исследователи усматривают в этом кризис имперского рыцарства. Из-за утраты военного значения конницы вследствие развития военной техники в начале Нового времени многие представители дворянства остались не у дел. Далеко не все при этом смогли найти свое новое место в обществе, например в ведении хозяйства или в сферах государственного управления. Значительная часть рыцарства деградировала, охотно присоединяясь к авантюрным и криминальным вооруженным операциям¹⁰. После нападения на Вюрцбург и убийства архиепископа Вюрцбургского Мельхиора Цобеля (Melchior Zobel) в 1558 г. Грумбах как опаснейший нарушитель мира в Германии был объявлен в имперскую опалу. В этот момент под свое покровительство его принимает герцог Саксонский Иоганн Фридрих Средний (1529–1595) из Эрнестинской линии династии Веттинов. Грумбах и его окружение умело питали надежды неуравновешенного герцога на возвращение Эрнестинам курфюршеского звания, потерянного в 1547 г. после поражения протестантов в Шмалькальденской войне с императором.

Фрондирующая позиция Иоганна Фридриха Среднего по отношению к императору привела к тому, что и сам герцог, укрывавший Грумбаха в своей хорошо укрепленной крепости Гримменштейн под Готой, на имперском рейхстаге весной 1566 г. в Аугсбурге также был объявлен в имперскую опалу. Для проведения экзекуции над обоими опальными Гримменштейн было решено взять штурмом. Руководство карательным походом поручили курфюрсту Августу Саксонскому, отряды которого в апреле 1567 г. разрушили Гримменштейн и взяли Готу. Грумбах и некоторые служащие Иоганна Фридриха Среднего были казнены, а сам он отправился в пожизненный императорский плен.

Следует отметить, что осада внушительной крепости Гримменштейн длилась несколько месяцев. Известно, что отряды курфюрста Августа Саксонского уже в декабре 1566 г. выдвинулись к Готе¹¹. Естественно, их путь из Дрездена

известному знатоку истории и письменного наследия графини Катарины Шварцбургской (см. публикацию: *Schütterle M.* Ein Brief von Gräfin Katharina von Schwarzburg, datiert 1564, erworben von der Historischen Bibliothek der Stadt Rudolstadt // *Blätter der Gesellschaft für Buchkultur und Geschichte.* 16/ 17. Jahrgang, Rudolstadt 2013. S. 108–120).

¹⁰ *Rabe H.* Deutsche Geschichte 1500–1600. Das Jahrhundert der Glaubensspaltung, München, 1991. S. 476–478.

¹¹ *Klein Th.* Politik und Verfassung von der Leipziger Teilung bis zur Teilung des ernestinischen Staates // *Geschichte Thüringens*, hrsg. von Hans Patze und Walter Schlesinger. Bd. 3. Köln; Graz, 1967. S. 252.

в Готу лежал через упоминающиеся в рассматриваемом письме земли Ройсов, а затем и графство Шварцбург. Именно о движении этих войск идет речь в письме Катарини Шварцбургской. Проходы больших отрядов наемников с бесконтрольными грабежами, разрушениями и насилием были настоящим бичом для населения в XVI в. Неудивительно, что престарелая и одинокая вдова Катарина Шварцбургская испытывала перед этой опасностью глубокий ужас, ощущение которого так ярко передано в письме.

Поразительно, что история, сделавшая графиню Катарину Шварцбургскую знаменитой не только в Тюрингии, но и во всей Германии, связана также с опасностями из-за проходящих вблизи войск. По преданию, она имела место на 20 лет раньше нашедшего отражение в письме эпизода, а именно в 1547 г. Известность эта история получила благодаря Фридриху Шиллеру и его историческому очерку «Герцог Альба на завтраке в замке Рудольштадта», опубликованному в «Немецком меркурии» за 1788 г.¹² Будучи летом 1788 г. в Рудольштадте, Шиллер случайно наткнулся на рассказ в старой хронике о происшествии 1547 г. Тогда герцог Альба, недоброй памяти испанский главнокомандующий императорского войска, только что разгромившего в битве под Мюльбергом на Эльбе (апрель 1547 г.) соединения немецких протестантских сословий, вел свои отряды через Тюрингию обратно в Аугсбург. Предвидя опасности от проходящих недружественных войск, протестантка Катарина Шварцбургская заранее заручилась грамотой императора о защите ее подданных от грабежей и насилия. Вынужденная пригласить герцога Альбу к себе на завтрак в замок в Рудольштадт, она постаралась приличествующим образом угостить его со свитой. Случилось так, что как раз во время завтрака пришло известие о грабежах испанцев, которые силой уводили у шварцбургских крестьян скот. Возмущению Катарини из-за пренебрежения императорской охранной грамотой не было предела, она потребовала у гостей распорядиться немедленно остановить грабежи. Не встретив должного понимания со стороны герцога Альбы, она знаком призвала вооруженную охрану замка и с криком «Кровь князей за кровь волов (Fürstenblut für Oxenblut)!» объявила присутствующих своими пленниками впредь до прекращения грабежей. Так мужественная женщина смогла защитить свою землю и подданных. Вероятно, история имела в основе реальное происшествие. Во всяком случае, сообщения о ней известны уже в письменных сообщениях XVI в.¹³ Вместе с тем в очерке Шиллера явно видна и романтическая стилизация Катарини Шварцбургской как бесстрашной защитницы родины, характерная для эпохи национального пробуждения в Германии конца XVIII — начала XIX в. Во всяком случае именно благодаря публикации Шиллера наша героиня получила широкую известность в Германии под именем Катарини Отважной («Katharina die Heldenmüthige»).

¹² Schiller Fr. Herzog von Alba bei einem Frühstück auf dem Schlosse zu Rudolstadt, im Jahr 1547 // Schillers sämtliche Werke in zwölf Bänden. 11. Bd. Stuttgart, 1862. S. 151–154.

¹³ Cyriacus Spangenberg's Adelsspiegel etc. Schmalkalden, 1591 / Bd. I, 13. Buch, 33. Kapitel.

История со временем стала популярной, по ее мотивам были написаны картины, создано несколько пьес, поставлено немало инсценировок¹⁴.

Популярность графини Катарини Шварцбургской в полной мере сознавал и Н.П. Лихачев, когда в 1913 г. покупал рассмотренное в статье письмо в берлинской антикварной фирме Karl Ernst Henrici¹⁵. Вместе с письмом он приобрел и прилагаемые к нему очерк Шиллера и гравюру с картины Генриха фон Руссиге, где изображена драматическая сцена с герцогом Альбой в Рудольштадте. На папке с письмом рукой Н.П. Лихачева выведена эмоциональная надпись увлеченного собирателя: «Редчайший! Запложено около 30 р (и это не дорого)».

References / Список литературы

Anemüller B. Catharina, Gräfin zu Schwarzburg // Allgemeine Deutsche Biographie / Hrsg. von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 4 (1876). S. 71–72.

Carius H. Konfessionspolitik und Recht. Zur Herrschaftspraxis der Herzoginwitwe Dorothea Susanna von Sachsen-Weimar // Fürstinnen und Konfession. Beiträge hochadliger Frauen zur Religionspolitik und Bekenntnisbildung / Hrsg. von D. Gehrt und V. von der Osten-Sacken. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. S. 201–214.

Hesse L.F. Katharina, die Heldenmüthige, Gräfin zu Schwarzburg // Neue Mitteilungen aus dem Gebiet historisch-antiquarischer Forschungen. 10. Bd., 1. Hälfte. Halle / Nordhausen, 1863. S. 112–128.

Holzappel J. Fürstenkorrespondenz // Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich. Hof und Schrift / Hrsg. von W. Paravicini (Residenzenforschung, Bd. 15. III. Hrsg. von der Residenzen-Kommission der Akad. der Wissenschaften zu Göttingen). Ostfildern, 2007. S. 317–328.

Klein Th. Politik und Verfassung von der Leipziger Teilung bis zur Teilung des ernestinischen Staates // Geschichte Thüringens / Hrsg. von H. Patze und W. Schlesinger. Bd. 3. Köln; Graz, 1967.

Nolte C. Schriftlichkeit und Mündlichkeit // Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich. Hof und Schrift / Hrsg. von W. Paravicini (Residenzenforschung, Bd. 15. III / Hrsg. von der Residenzen-Kommission der Akad. der Wissenschaften zu Göttingen). Ostfildern, 2007. S. 11–35.

Rabe H. Deutsche Geschichte 1500–1600. Das Jahrhundert der Glaubensspaltung. München, 1991.

Schiller Fr. Herzog von Alba bei einem Frühstück auf dem Schlosse zu Rudolstadt, im Jahr 1547 // Schillers sämtliche Werke in zwölf Bänden. Elfter Bd. Stuttgart, 1862. S. 151–154.

Schütterle, M. Ein Brief von Gräfin Katharina von Schwarzburg, datiert 1564, erworben von der Historischen Bibliothek der Stadt Rudolstadt // Blätter der Gesellschaft für Buchkultur und Geschichte. 16/ 17. Jahrgang, Rudolstadt 2013. S. 108–120.

Cyriacus Spangenberg's Adelsspiegel etc. Schmalkalden, 1591. Bd. I, 13. Buch, 33. Kapitel.

¹⁴ *Hesse L.F.* Katharina, die Heldenmüthige, Gräfin zu Schwarzburg... S. 117–120.

¹⁵ Пометка на папке: Henrici V (AK), вырезка из каталога под № 192.

Б.С. Каганович

К биографии М.Д. Приселкова

В огромном личном фонде академика Н.Я. Марра, находящемся в Петербургском филиале Архива Российской академии наук, хранятся два обращенных к нему письма выдающегося русского историка Михаила Дмитриевича Приселкова (1881–1941). В обоих случаях Приселков обращался к Марру не как к создателю «нового учения о языке», а как к авторитетному и влиятельному человеку, к мнениям и рекомендациям которого порой прислушивались и в высоких советских инстанциях. Как известно, в 20–30-х гг. Н.Я. Марр занимал множество должностей, в частности был председателем Секции научных работников — профессиональной организации ученых в рамках ВЦСПС, а с 1930 г. являлся вице-президентом АН СССР. На более раннем этапе своей деятельности Марр в качестве специалиста по средневековой грузинской и армянской литературе и редактора журнала «Христианский Восток» тесно соприкасался с византиноведением и, несомненно, был хорошо знаком с работами Приселкова по истории церковно-политических отношений Византии и Киевской Руси.

Не останавливаясь здесь на деталях биографии М.Д. Приселкова¹, скажем только, что этот крупнейший специалист по русскому летописанию, ученик и ближайший продолжатель дела А.А. Шахматова, до революции работал на кафедре истории церкви Петербургского университета, а позднее — на кафедре русской истории. Начиная с 1923 г. Приселкова стали вытеснять из универси-

¹ См. статью ученика и продолжателя Приселкова: *Лурье Я.С.* Предисловие // Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 5–15 (публиковалась также под названием: *Лурье Я.С.* М.Д. Приселков и вопросы изучения русского летописания // Отечественная история. 1995. № 1. С. 146–159).

тета в рамках борьбы с «буржуазной историографией»; окончательно вне университета он оказался в 1927 г. и сосредоточился на работе в историко-бытовом отделе Русского музея².

Последующие годы в жизни ученого были трагическими: 30 августа 1930 г. М.Д. Приселков был арестован по так называемому «Академическому делу», сфабрикованному ОГПУ (официально оно именовалось делом «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», никогда не существовавшей контрреволюционной организации, готовившей якобы свержение советской власти)³. 10 февраля 1931 г. он был приговорен к 10 годам заключения и отправлен в Соловецкий концлагерь. 15 декабря 1931 г. тюремное заключение Приселкову было заменено 5 годами высылки в Западно-Сибирский край. В августе 1932 г. последовало новое смягчение: отныне ему запрещалось «только» проживать в 12 крупнейших городах СССР без прикрепления к Сибири. Более трех лет Приселков провел в г. Галиче Костромской области, где работал бухгалтером. В Ленинград он вернулся в конце 1935 г.⁴

Публикуемое ниже письмо М.Д. Приселкова к Н.Я. Марру уточняет ряд обстоятельств его жизни в эти годы и позволяет воочию увидеть, чем была ссылка для ученого, оторванного от своего дела. Из текста недатированного письма очевидно, что оно написано во второй половине 1933 г. Некоторые акценты в письме, вероятно, объясняются его назначением и горькой обидой автора на жизнь и людей. Имеем в виду слова о том, что «все мои товарищи по процессу упорно твердили, что я церковный историк», в то время как «я всю жизнь работал над одною темою: русско-византийскими отношениями». Но ведь Приселков действительно состоял на кафедре церковной истории и в 1917–1918 гг. участвовал в работе Поместного собора Русской православной церкви, о чем прекрасно знали фабрикатеры «дела» (хотя, разумеется, ничего криминального в этом не было), и в том, что произошло с Приселковым, виновны были отнюдь не его «товарищи по процессу». В частности, В.Н. Бенешевич 15 апреля 1934 г. просил В.Д. Бонч-Бруевича ходатайствовать о возвращении в Ленинград Приселкова, в лице которого «погибает для науки человек в своем роде единственный», «талантливейший исследователь», добавляя, что «преступлений за ним столько же, сколько и за мной, и такие же»⁵.

² В первом из вышеупомянутых писем к Н.Я. Марру, от 1 сентября 1928 г., Приселков просил его как председателя Секции научных работников содействовать получению им академической пенсии (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 777. Л. 1–2).

³ Не приводя здесь теперь уже довольно значительной литературы об «Академическом деле», увидевшей свет с конца 1980-х гг., ограничимся указанием на публикацию: Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993–1998. Вып. 1–2.

⁴ *Лурье Я.С.* Предисловие. С. 11–12.

⁵ *Медведев И.П.* Переписка В.Н. Бенешевича с В.Д. Бонч-Бруевичем // Всеобщая история и история культуры. Петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 115.

Галич, ИПО⁶,
Рыбная, ул. Калинина, 24

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Узнал из газет, что Вы благополучно вернулись в Ленинград, и спешу обратиться к Вам за помощью.

В начале марта текущего года меня вызвали из Нарымского края в г. Новосибирск, чтобы объявить мне, что еще в августе 1932 г. (т.е. полгода тому назад) ЦИК «освободил» меня от наказания, только ограничив мое местожительство минусом 12 без прикрепления. Это постановление я прочитал и запомнил, конечно. На мой вопрос, могу ли я как освобожденный от наказания просить о восстановлении моей профессорской пенсии, мне предложили обратиться за разъяснением к прокурору Западно-Сибирского края. Сам прокурор был в отъезде, а принявший меня его заместитель, ознакомившись с моим делом, сказал, что я еще в декабре 1931 г., когда мне заменили десятилетний приговор в лагеря пятью годами высылки в г. Новосибирск, мог бы начать эти хлопоты о восстановлении, но что с августовского постановления ЦИК'а нет никаких сомнений в моем праве на восстановление моей пенсии и советовал сейчас же начинать хлопоты.

Приехав из Новосибирска в Галич, я и подал в Наркомпрос (в Пенсионную комиссию) прошение о восстановлении мне пенсии. Это было в начале апреля. В начале июля сестра моя получила наконец справку из Пенсионной комиссии, что мне в моей просьбе отказано.

Николай Яковлевич! Я не юрист и не могу понять, в чём здесь дело. Зам. прокурора сказал мне то, что соответствовало, как мне кажется, ясному смыслу приговора ЦИК'а и что я сам понимал также: раз освобожден от наказания и только ограничен в правах жительства (так в приговоре и сказано: «только ограничив местожительство»), то нет ограничения в имущественных правах, ни в праве на пенсию, конечно. Мне за эти скоро три года и жене моей в особенности пришлось потерять всё имущество или его распродать. Мы со старухою-женою и в разлуке и в нищете. Помогите же мне получить мою пенсию, потому что отказ мне в этом я считаю неправильным и несправедливым.

К этому я добавлю только одно. Я приехал в Галич, рассчитывая отсюда куда-нибудь отправиться, чтобы найти работу по специальности (я думал о музее). Вы представьте мое удивление, когда мне здешнее ГПУ объявило, что я до конца срока (т.е. до декабря 1935 г.) буду безвыездно жить в Галиче, т.е. из минуса 12 без прикрепления мне сделали с прикреплением. И по какому это приказу? Все мечты о работе в музее приходится оставить и работать счетоводом в артелях⁷.

⁶ Ивановская промышленная область.

⁷ Д.С. Лихачев вспоминал, что находясь в Соловках, М.Д. Приселков отказался от работы в музее, заявив: «Я попал сюда за занятия историей и больше ею заниматься не буду»

Я всю жизнь работал над одной темой: русско-византийскими отношениями. Для этого я почти 15 лет изучал русское летописание XIV–XV вв., как когда-то А.А. Шахматов изучил Киевские летописные своды. Я восстановил сгоревшую Троицкую летопись конца XIV в., и мне хотелось бы завершить 30-летний труд⁸. Но все мои товарищи по процессу упорно твердили, что я церковный историк и, следовательно, контрреволюционер. И я, принципиальный враг всякого рода интервенций, объявлен участником заговора. Всё это как сон, тяжелый и мучительный! И эта нищета под старость, и это забвение всей моей работы по музею, и этот несправедливый отказ от пенсии... А Е.В. Тарле, В.Н. Бенешевич, Д.Н. Халтурин — уже свободны и дома!

Неужели, Николай Яковлевич, Вы не протянете мне руку помощи? Я всегда Вас почитал как человека искреннего, справедливого и отзывчивого к своим младшим товарищам по научной работе.

Вас уважающий М. Приселков.

*Петербургский филиал архива Российской академии наук.
Ф. 800. Оп. 3. Д. 777. Л. 3–4. Автограф*

References

Akademičeskoe delo 1929–1931 gg. Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. SPb., 1993–1998. Вып. 1–2.

Lur'e A.S. Predislovie // Priselkov M.D. Istorija russkogo letopisaniâ XI–XV vv. SPb., 1996. S. 5–15.

Lur'e A. S. M.D. Priselkov i voprosy izučeniâ russkogo letopisaniâ // Otečestvennââ istoriâ. 1995. № 1. S. 146–159.

Medvedev I.P. Perepiska V.N. Beneševiča s V.D. Bonč-Bruevičem // Vseobšââ istoriâ i istoriâ kul'tury. Peterburgskij istoriografičeskij sbornik. SPb., 2008.

Priselkov M.D. Troickaâ letopis'. Rekonstrukciâ teksta. M.; L., 1950.

Список литературы

Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОGPU. СПб., 1993–1998. Вып. 1–2.

Лурье Я.С. Предисловие // Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 5–15.

Лурье Я.С. М.Д. Приселков и вопросы изучения русского летописания // Отечественная история. 1995. № 1. С. 146–159.

Медведев И.П. Переписка В.Н. Бенешевича с В.Д. Бонч-Бруевичем // Всеобщая история и история культуры. Петербургский историографический сборник. СПб., 2008.

Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

(цит. по: *Лурье Я.С.* Предисловие. С. 12). Приходится признать, что или память подвела здесь покойного академика, или настроения М.Д. Приселкова в последующие годы изменились.

⁸ См. посмертное издание: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

В.Г. Вовина-Лебедева

С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров: к вопросу о школах в исследованиях Древней Руси

Эта статья написана для исправления одной ошибки, допущенной мной в последней книге. Речь идет о том разделе, где я анализировала взгляды на русское летописание М.Н. Тихомирова и пыталась нащупать преемственность с его учителем С.В. Бахрушиным¹.

Моя первая научная статья была посвящена Новому летописцу и сибирскому летописанию². Тогда уже была очевидна роль С.В. Бахрушина в исследовании сибирских летописей. Прежде всего, не устарела главная идея Бахрушина о первоначальном общем источнике всех известных нам летописных текстов. С.В. Бахрушин предположил, что им могло быть некое «Написание», составленное еще казаками Ермака, в котором они свидетельствовали о том, как пришли с атаманами в Сибирь и какие у них были бои с татарами. Бахрушин предположил также, что «Написание» было составлено по запросу первопрестольного архиепископа Тобольского Киприана. Его положили в основу Синодика казакам. Сравнительный анализ Есиповской и Строгановской летописей, предпринятый Бахрушиным, привел к выводу, что эти летописи восходят к общей основе, и эта основа, предположительно, — именно казачье «Написание». Данные положения стали классическими для истории летописания Сибири, от них отталкивались все последующие исследователи темы. Из идеи о единой основе всех сибирских летописей родилась мысль о сходности зарождения летописания в древности

¹ *Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 824–864.

² *Вовина В.Г.* К вопросу о сибирских статьях Нового летописца // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987.

(от такого же единого начала, неважно, как его называть — Начальным сводом или «Повестью временных лет» (далее — ПВЛ)) и в Сибири в начале XVII в. Действительно, получалось, что провинциальное летописание в условиях, когда нужно было начинать летописную традицию с чистого листа, повторило тот же путь, что и киевское летописание древности: сначала была создана некая основа, на которой потом «нарастали» различные напластования.

Вероятно, под влиянием этих еще старых своих впечатлений я написала в книге о школах в исследовании летописания, что одной из главных тем С.В. Бахрушина было сибирское летописание, хотя ранними летописями он не занимался³. Это, разумеется, была ошибка, и в устном разговоре с А.М. Дубровским мне было сделано справедливое замечание. А.М. Дубровский напомнил мне, что сохранилась неопубликованная при жизни автора рукопись С.В. Бахрушина, как раз посвященная раннему летописанию. Она была издана в 1987 г. в сборнике трудов Бахрушина⁴. С.В. Бахрушин вел семинарий по начальному летописанию в Московском университете, и в 1922 г. сделал доклад в Обществе истории и древностей российских под названием «К вопросу о достоверности Несторовой летописи». А.М. Дубровский в статье, которая сопровождает подготовленную им публикацию, привел отзывы об этом выступлении М.М. Богословского (оценившего доклад чрезмерно критично), А.Н. Филиппова (посчитавшего, что у С.В. Бахрушина был не исторический, а литературный подход, т.е. проявился главный недостаток метода Шахматова), и М.К. Любавского (который сказал, что если следовать С.В. Бахрушину, должны произойти «громадные опустошения в начальных временах нашей истории»)⁵.

Текст, сохранившийся в фонде С.В. Бахрушина в Архиве РАН и опубликованный А.М. Дубровским, датируется им временем после 1926 г. на том основании, что там есть ссылки на издание Лаврентьевской летописи 1926 г.⁶ Можно осторожно предположить, что это — набросок статьи по докладу 1922 г. Трудно судить о том, почему текст так и не был опубликован автором. Возможно, именно негативная реакция коллег была тому причиной.

Рассмотрим главные идеи статьи. По мнению С.В. Бахрушина, мы должны выудить из паутины всегда остроумных гипотез А.А. Шахматова выводы, которые «могут быть признаны бесспорными». Это в своем роде замечательная

³ Отметим следующие работы: *Бахрушин С.В.* 1) Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия. № 3–4. М., 1916. С. 3–28; 2) Основные течения сибирской историографии // Северная Азия. 1925. Кн. 1–2. С. 104–113; 3) Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927; 4) Легенда о Василии Мангазейском // Известия АН СССР. Отдел гуманитарных наук. № 6. Л., 1929. С. 479–509.

⁴ *Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // С.В. Бахрушин. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 15–35.

⁵ *Дубровский А.М.* Предисловие // С.В. Бахрушин. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 8, прим. 9.

⁶ Там же. С. 7.

мысль. Дело в том, что возражения всех историков (как современников, так и первого поколения посмертных критиков) против шахматовских построений заключались в том, что его выводами нельзя или трудно пользоваться. Этими замечаниями они показывали, что для них летопись — исторический источник в смысле источника фактов. Для А.А. Шахматова дело обстояло иначе, он не рассматривал летопись как место, откуда можно черпать «факты». И он не стремился к «беспорности» выводов, в каком-то смысле даже уходил от этого⁷.

Из всех шахматовских построений о древнейших летописных сводах, по мнению С.В. Бахрушина, достоверна лишь гипотеза о своде 60–70-х гг. XI в. Что касается более ранних известий, то некоторые из них достоверны, так как подтверждаются западноевропейскими, византийскими и арабскими источниками. Но это главным образом также известия XI в. С более древними всё обстоит сложнее: «проверку выдерживает», по словам С.В. Бахрушина, лишь дата крещения Руси (хотя и с вариантами).

Из этого он делал вывод о том, что до князя Ярослава Мудрого «летописных записей не существовало». Речь шла, конечно, о связанных записях, о постоянной летописи. Откуда же взял летописец всё остальное? задавался вопросом С.В. Бахрушин. Отвечая на это, он приводил примеры разного рода «анекдотов позднейшего времени» (любимое выражение, которое фигурировало у Бахрушина и в других ранних статьях) типа «анекдота о сапогах». Под «анекдотами» он понимал записи устного происхождения. Но Бахрушин допускал и даже утверждал наличие также ранних письменных записей об отдельных княжениях, о митрополитах и епископах. Типичная черта этих записей — отсутствие в них точных годов. Так, в новгородской летописи читается список новгородских князей, в начальной части которого есть такие сведения о некоторых из них, которые отсутствуют в основном тексте летописи, включая имена, по другим текстам неизвестные. По Бахрушину, это мог быть отрывок кратких, лишенных дат ранних записей. Так же оценивал он и список новгородских епископов. По С.В. Бахрушину, мы таким образом выделяем иную линию летописания, другую летописную традицию, отличную от той, что была положена в основу Начального свода и ПВЛ. А.А. Шахматов также знал эти списки князей и епископов в новгородских летописях, но полагал, что перед нами записи позднейшего характера. Ни А.А. Шахматов, ни его ученики никогда не допускали мысли, что древнейшее летописание было представлено разными генеалогическими древами. Исследуемая статья С.В. Бахрушина показывает, что он был первым, кто высказал эту мысль. Из позднейших исследователей наиболее последовательно ее развивал А.Г. Кузмин, ученик ученика Бахрушина М.Н. Тихомирова (научный «внук» Бахрушина).

Что касается вопроса, когда, по мнению С.В. Бахрушина, возникла эта альтернативная линия летописания, то, как видно из содержания статьи, он полагал, что это произошло после крещения Руси. Именно крещение, по С.В. Бахрушину

⁷ См. подробнее: *Вовина-Лебедева В.Г.* Школы... С. 184–209.

ну, — поворотный момент. С.В. Бахрушин выделял в ПВЛ Повесть о крещении Руси, и напоминал, что ее наличие как отдельного произведения признавали А.И. Соболевский, М.И. Сухомлинов и даже А.А. Шахматов (последнее, конечно, является некоторой натяжкой). Анализ этой Повести о крещении Руси дает, как считал С.В. Бахрушин, основания для вывода, что она представляла собой переплетение многих летописных нитей, и что при жизни Владимира рассказ о крещении не был записан и восстанавливался «литературным путем» значительно позднее, когда детали уже стерлись в памяти. С.В. Бахрушин называл этот первоначальный рассказ также Повестью о первых русских князьях. В ней не было хронологии, рассказывалось о Кие, Щеке, Хориве, призвании варягов, князе Олеге и завоевании Киева, борьбе с древлянами. Написана она была, как считал историк, в первой половине XI в., при жизни Ярослава Мудрого.

Что касается источников этой Повести, С.В. Бахрушин полагал, что это были договоры с греками и другие византийские источники, а также какое-то составленное на Руси географическое сочинение о происхождении народов. Замечательно, что, по предположению Бахрушина, для восстановления первоначального вида Повести нужно внести в ПВЛ некоторые коррективы, исходя из текста Никоновской летописи. Таким образом, он признавал, что поздние летописи можно использовать для реконструкции раннего летописания.

С.В. Бахрушин также поставил вопрос о том, насколько эта его Повесть о первых русских князьях верно изобразила события до 945 г., и сделал вывод, что это — довольно ненадежная основа для рассказа о древнейших событиях. Не рассматривая этот вопрос подробно, переходим к выявлению тех взглядов С.В. Бахрушина на начало летописания, которые развивал потом его ученик М.Н. Тихомиров. Оговариваю, что я не анализирую обе эти концепции полностью. Мне важно понять, как в данном случае осуществлялось (и имело ли место) влияние школы учителя на творчество ученика.

И тут не обойтись без одного замечания относительно А.А. Шахматова. Отношение С.В. Бахрушина к творчеству А.А. Шахматова видно из замечаний первого на защите кандидатской диссертации А.Н. Насонова в 1941 г. и особенно при обсуждении докторской диссертации Насонова в 1944 г.⁸ С.В. Бахрушин советовал диссертанту не увлекаться выявлением сводов-реконструкций и производством «небесспорных» гипотез, которые затруднительно использовать для исторического исследования, отмечая, впрочем, что это порок всего шахматовского направления. Как видим, в этом выступлении проявлено то же отношение к Шахматову, что и в неопубликованной статье.

Стенограмма докторской защиты А.Н. Насонова, о которой шла речь выше, сохранилась в фонде Института истории⁹. Я подробно разбираю ее в своей книге,

⁸ *Вовина-Лебедева В.Г.* Школы... С. 680–737.

⁹ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 1, № 98. Стенограмма заседания ученого совета института 4 декабря 1944 г. Защита диссертации А.Н. Насонова на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Очерки по истории древнерусского летописания».

поэтому не буду останавливаться на деталях. С.В. Бахрушин охарактеризовал метод Шахматова как «крупнейшее достижение в области источниковедения», но назвал его «трудным и сложным», и ставил в заслугу А.Н. Насонову то, что он им «овладел». Бахрушин заметил также, что «в работе, проводимой по методу Шахматова, едва ли мы можем рассчитывать когда-либо получить вполне бесспорные выводы», и что «это нужно сказать относительно блестящих исследований самого Шахматова».

Тут видно глубокое противоречие между шахматовским представлением о летописи и представлением С.В. Бахрушина. Не случайно последний употребил понятие «источниковедение». Бахрушин видел в летописи прежде всего источник информации об исторических явлениях. Реальный летописный текст мог быть таким источником. Но реконструкция не вызывала такого же доверия, так как это была гипотеза и вывод не «бесспорный». Гипотезы в дальнейшем, по выражению С.В. Бахрушина, «могут быть приняты, а могут быть и не приняты» (почти дословно повторяется текст статьи 1920-х гг.). Значит, гипотетический свод затруднительно просто использовать как «источник». В результате Бахрушин пожелал Насонову, чтобы тот «не слишком легко шел по линии предположения наличия каких-либо сводов, которых фактически не существует». Бахрушин отметил, что «это у Шахматова несколько слабая сторона его исследования», поэтому «ставить ее в упрек диссертанту» он не хочет, т.е. пороки работы по сути замечаний Бахрушина — это пороки шахматовского метода, шахматовской школы. А.Н. Насонов в итоге выработал «определенную конструкцию, определенную классификацию», «объединил, систематизировал этот материал» и создал общую картину тверского и псковского летописания. В дальнейшем эта картина может потребовать исправления, но «путь проложен» — и в этом Бахрушин видел главную и очень большую заслугу Насонова¹⁰.

М.Н. Тихомиров уже в этом смысле следовал своему учителю, и, будучи также оппонентом А.Н. Насонова, высказывал сходные мысли, советуя придерживаться анализа реальных текстов. Эта фраза повторялась Тихомировым неоднократно.

Научная биография М.Н. Тихомирова изучена его ученицей Е.В. Чистяковой¹¹, а также другими его учениками¹². Е.В. Чистякова широко использовала «Воспоминания» М.Н. Тихомирова, написанные им на склоне лет и хранящиеся в трех редакциях в его фонде в Архиве РАН. Она отмечала особенное влияние на Тихомирова в университетские годы С.В. Бахрушина, которого сам он называл «определяющим учителем».

¹⁰ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 1, № 98. Л. 13–15.

¹¹ Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров. М., 1987.

¹² Буганов В.И. Источниковедение в трудах академика М.Н. Тихомирова (к 70-летию) // Проблемы источниковедения. Вып. 11. М. 1963; Шмидт С.О. Памяти учителя (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова) // АЕ за 1965. М., 1966. С. 7–30.

М.Н. Тихомиров обращал внимание на то, что, начиная с А.А. Шахматова, существовали две тенденции доказательства «этих спорных летописей». Одна была доказательством «филологическим материалом, сравнением редакций между собой», и она «дала такие шедевры исторической науки, как представление о различных редакциях “Повести временных лет”». Но у Шахматова, по Тихомирову, «была и другая струя», которая была уже отмечена С.В. Бахрушиным. Это его «необычайная гипотетичность», в которой он «отходит от наличного летописного материала» и не строит свои выводы на материале «сличения списков». В этой части шахматовского творчества М.Н. Тихомиров находил «сомнительные вещи... как например, открытие им того, что Новгородский свод сохранил более древние черты, чем “Повесть временных лет”»¹³.

М.Д. Приселков (в связи с другими обстоятельствами) в 1930-х гг. обвинил М.Н. Тихомирова в нежелании видеть значение трудов Шахматова. Сам М.Н. Тихомиров всегда подчеркивал уважение к работам А.А. Шахматова как к выдающемуся вкладу в науку. На это же всегда обращали внимание и его ученики, например С.О. Шмидт. Но, повторимся, метод Шахматова, по Тихомирову, был хорош, а результаты его применения самим Шахматовым не всегда радовали. Поэтому М.Н. Тихомиров был готов взять у А.А. Шахматова сравнительный метод, но не брать всего остального.

Источники, по мнению М.Н. Тихомирова, должны быть уже исследованы филологами, т.е. препарированы ими, подготовлены для историков. Только в этом случае историки могут их использовать. Таким образом, задача филологов — готовить источники для историков. Это была точка зрения не одного Тихомирова. Он пояснил, что «в его студенческие годы, когда труды Шахматова по изучению Повести временных лет были еще относительной новинкой», ему «приходилось слышать отзывы о статьях и книгах Шахматова как о работах крайне гипотетического характера, причем эти отзывы исходили от крупных специалистов-историков». Возможно, под этими историками Тихомиров подразумевал своих учителей, например С.В. Бахрушина, поскольку мы видели именно такое отношение С.В. Бахрушина к работам А.А. Шахматова, проявившееся на защите диссертации А.Н. Насонова.

По мнению М.Н. Тихомирова, «“гипнотизм” теорий Шахматова испытывали многие историки, в частности и сам А.Н. Насонов, что особенно ярко сказалось в его недавнем труде — “Русская земля”, где сочинения А.А. Шахматова цитируются непрерывно, иногда в виде непреложной истины». В отзыве 1944 г. о докторской диссертации А.Н. Насонова «Очерки по истории древнерусского летописания» М.Н. Тихомиров отметил: «Мне кажется, что эти построения о многочисленных погибших сводах являются не только гипотетическими, но и мало нужными для историка. Там, где автор придерживается анализа реальных сводов, дошедших до нас, только там он и дает должный и вполне обоснованный научный материал»¹⁴.

¹³ Вовина-Лебедева В.Г. Школы... С. 705.

¹⁴ Тихомиров М.Н. Русское летописание... С. 332–334.

М. Н. Тихомирову, несомненно, были известны идеи С. В. Бахрушина по поводу ранней летописной Повести. Статья С. В. Бахрушина о начале летописания не была опубликована, но в других статьях 1930-х гг. (например в статье о крещении Руси и об «Империи Рюриковичей»)¹⁵ Бахрушин частично использовал ее материал, в частности он уже прямо писал, что связного летописания до второй половины XI в. не существовало.

Когда М. Н. Тихомиров писал учебные пособия и общие разделы в выходивших в 1940–1960-х гг. обзорных трудах¹⁶, он развивал мысли учителя, прямо подвергнув критике древнейшие своды Шахматова: «Если существовал новгородский свод 1050 г., то он должен был включить в свой рассказ все новгородские известия XI в.». Между тем ПВЛ включает в свой состав «лишь ничтожное количество их». Против существования Древнейшего свода были приведены другие доводы: в нем должно было бы быть описано подробно княжение Ярослава, но мы видим обратное, оно описано менее подробно, чем княжение Ярополка, Олега и Владимира, «между тем мы должны были бы ждать, что летописец наиболее подробно опишет события своего времени». Как видно, в данном случае не только сама идея, но и аргументы М. Н. Тихомирова сходны с бахрушинскими.

После войны в «Очерках истории исторической науки в СССР»¹⁷ в обзоре историографии летописания М. Н. Тихомиров особенно стал выделять как своего предшественника И. И. Срезневского («Древние памятники русского письма и языка»). Он писал, что именно И. И. Срезневский первым показал, что некие записи о начале Руси конца X или начала XI в. были наиболее ранними историческими произведениями, затем они оказались включены в летописи (записи в виде связного рассказа без разделения на годы, широко использовались устные народные предания о борьбе славян с аварами, об основании Киева, походах Олега, Игоря, Святослава и т.п.) и что некоторые из сказаний могли быть «современными», т.е. относиться к более древнему времени, чем составление ПВЛ. В самом труде И. И. Срезневского этот тезис не являлся центральным, но М. Н. Тихомиров выхватил его из контекста рассуждений Срезневского и придал ему особенное значение.

В своих послевоенных работах М. Н. Тихомиров подчеркивал, что это летописное ядро было одновременно каким-то «первоначальным произведением русской историографии», которое отличалось еще «близостью к народному

¹⁵ *Бахрушин С. В.* 1) К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк-марксист. М., 1937. Кн. 2. С. 40–77; 2) Держава Рюриковичей // Вестник древней истории. М., 1938. № 2 (3). С. 88–98.

¹⁶ *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М., 1940.

¹⁷ *Тихомиров М. Н.* Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (IX–XVII вв.) // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955 / Под ред. М. Н. Тихомирова (гл. ред.), М. А. Алпатовой, А. Л. Сидорова.

творчеству, широко использованному ее составителями». И.И. Срезневского же он определял как ученого, «наметившего путь, по которому должно было пойти дальнейшее изучение ранних летописных известий». Но этот ученый не имел продолжателей, в частности потому, что «грандиозная схема русского летописания, предложенная Шахматовым, заслонила выводы всех его предшественников». Причем Тихомиров особенно подчеркивал народную сущность выделяемого им как бы вслед за И.И. Срезневским первоначального текста. В этом смысле он сознательно противостоял Д.С. Лихачеву, который считал первоначальным «Сказание о распространении христианства». Тихомиров же выступал против тезиса о составлении летописи исключительно в церковных кругах, связывая, кстати, последнее понимание с Шахматовым: «И хотя схема А.А. Шахматова была подвергнута критике в трудах ряда авторов, представление о господстве церковных авторов в ранней русской историографии осталось нетронутым»¹⁸.

Идея выделения некоей первоначальной летописной повести не противоречила стремлению М.Н. Тихомирова использовать в своих построениях тексты сохранившиеся, а не их реконструкции, как это делал А.А. Шахматов, гипотетичность построений которого он критиковал. Свое «первоначальное произведение русской историографии» Тихомиров не складывал, подобно Шахматову, из различных колеблющихся отражений, как в призрачной мозаике. Тихомиров просто искал во всех сохранившихся списках летописей следы этого раннего источника. Постепенно важную роль стали играть у него поздние летописные тексты (тут мы вспоминаем обращение его учителя С.В. Бахрушина к тексту Никоновской летописи).

С поисками отличной от шахматовской ранней основы летописания связано и иное, чем у А.А. Шахматова, понимание М.Н. Тихомировым «летописного свода»: «При составлении новых летописей использовались более ранние летописные записи. Поэтому обширные летописи, как правило, представляют соединение многих источников в единое целое, т.е. являются летописными сводами». Это представление о своде отличается не только от Шахматова, но и от П.М. Строева. По Строеву, первоначальные летописи были переработаны (искажены и даже загублены) «невежественными составителями» сводов. А.А. Шахматов отчасти исходил из того же положения. Поэтому Шахматову и нужна была реконструкция. Но М.Н. Тихомирову свод представлялся более простым соединением старого и нового, когда старое в цельном виде вставлено в это новое, а значит — его можно так же просто выделить. Хотя на словах он отмечал, что «совершенно неправильно представлять себе», что его первоначальная повесть «является механическим соединением разнообразных источников», но на деле у него получалось нечто такое, что гораздо ближе именно к такому механическому соединению, чем построения Шахматова.

¹⁸ Там же. С. 57.

Статья М.Н. Тихомирова «Начало русской историографии» была опубликована в журнале «Вопросы истории» в 1960 г.¹⁹ Оригинал статьи не сохранился, и она была переиздана по этой журнальной публикации²⁰. Сохранился также текст выступления М.Н. Тихомирова с одноименным сообщением на XI Международном конгрессе исторических наук в Швеции 21 марта 1960 г.²¹ Основная мысль и статьи, и выступления вполне в духе С.В. Бахрушина: летописным сводам предшествовали записи об исторических событиях и отдельные сказания²². Фрагменты этих первоначальных сказаний сохранили поздние летописи. В частности, протограф той летописи, которую использовала Устюжская летопись, по Тихомирову, отразил Киевский летописный свод 1060-х гг. Позднее М.Н. Тихомиров стал писать уже о том, что в Устюжской летописи просто отразился более древний текст — «Сказание о русских князьях», написанное еще в X в. Таким образом, даже название своей «первоначальной повести» М.Н. Тихомиров дал почти такое же, как и Бахрушин, и содержание ее понималось им также по-бахрушински. Как и Бахрушин, Тихомиров полагал, что это было «повествование без разделения на годы». Только датировка была несколько иная: по Бахрушину, она датировалась не ранее начала XI в.

Вопрос об источниках для реконструкции этого «Сказания» (т.е. своей «первоначальной повести») М.Н. Тихомиров также проработал значительно детальнее, чем С.В. Бахрушин. Он увидел отражение этого древнейшего текста (более древнего, чем текст ПВЛ и текст Новгородской 1-й летописи) не только в Устюжской (или Архангелогородской) летописи. Так, кстати, считала и К.Н. Сербина — издательница этой летописи, но она полагала, что текст первой части Устюжской летописи просто отразил Начальный свод. М.Н. Тихомиров поддержал также и Е.Ю. Перфецкого в том, что можно вычленив раннюю летописную традицию, которая нашла свое отражение в летописце, известном в XV в. польскому анналисту Длугошу.

Главный источник для исследования взглядов на летописи позднего Тихомирова — материалы к последней, оставшейся незаконченной книге, которую сам автор думал назвать (в соответствии с высказанной уже в «Очерках истории исторической науки» идеей) следующим образом: «Начало русской историографии». Мысль о ценности поздних текстов для восстановления начала летописания становилась в этот период для него определяющей. В фонде Тихомирова в Архиве РАН сохранились наброски первой редакции, двух вариантов второй редакции и третья редакция текста книги²³. Наброски первой

¹⁹ Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5. С. 41–56.

²⁰ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 46–66.

²¹ Архив РАН. Ф. 693. Оп. 1. № 90. Другой вариант текста этого доклада хранится в архиве РАН: Ф. 457. Оп. 1. № 258. См.: Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР / Сост. И.П. Староверова. М., 1974. С. 21 (№ 117, 118).

²² Архив РАН. Ф. 693. Оп. 1. № 90. Л. 1.

²³ Там же. № 97–100; Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве

редакции и черновик второй датируются 1963–1964 гг., черновик третьей редакции — 1964 г., а третья редакция — 1965 г. — т.е. всё относится фактически к последнему году жизни М.Н. Тихомирова.

В черновом варианте второй редакции, сохранившемся во фрагментах, сказано: «Трудно согласиться с А.А. Шахматовым и его последователями, которые всю нашу древнейшую историографию объясняют сменой различных летописных сводов». В результате «создается как бы летописное генеалогическое древо». Тихомиров тонко подметил ту особенность школы Шахматова, которая не была ранее в центре обсуждения у тех, кто о ней писал. Речь шла о понимании Шахматовым летописания как единой системы, все звенья которой связаны друг с другом. «...Летописные генеалогические деревья по этой причине оказываются столь же путанными, как и многие родословные таблицы знатных родов, ищущих себе предков, вышедших “из немец”»²⁴. В этом месте можно увидеть не только сходство идей М.Н. Тихомирова с бахрушинскими, но и логику рассуждения, сходную с бахрушинской. С.В. Бахрушин в указанной выше статье писал о том, что изначально было много княжеских родов (ссылаясь на известное место в договорах с греками), но они были истреблены, остался только род Рюрика. И поэтому сохранившиеся летописи производят впечатление, что род изначально был единственным, если бы не сохранились остатки старой картины (упоминание князей Рогволода, Мала и др.).

Что касается Никоновской летописи, то М.Н. Тихомиров в конце жизни пришел к выводу, что «Никоновская летопись не имеет значения для истории древнейших русских летописей». Вопреки мнению Бахрушина, он не находил теперь в ней следов искомой изначальной повести. Зато он много размышлял о возможности использования «Памяти и похвалы» мниха Иакова²⁵. Другие важнейшие источники оставались прежними: Устюжская летопись и Длугош (вслед за Перфецким).

Наиболее интересна третья редакция неопубликованной книги М.Н. Тихомирова, поскольку она отражает более или менее завершённый этап его работ²⁶. Прибавились источники, пригодные, по его мнению, для реконструкции альтернативной линии летописания, в их числе теперь оказались псковские летописи (Псковская 1-я летопись). Главная идея также претерпела некоторое изменение. Теперь время написания «Сказания о первых русских князьях» определялось Тихомировым так же, как это делал С.В. Бахрушин — самым началом XI в. Это и было «начало русской историографии». «Сказание», по мнению Тихомирова, отличалось высокой достоверностью (также слово из арсенала Бахрушина), в нем были использованы рассказы очевидцев, «которые еще жили в ту эпоху».

Академии наук СССР / Сост. И.П. Староверова. М., 1974. С. 22 (№ 128, 129, 130, 131).

²⁴ Архив РАН. Ф. 693. Оп. 1. № 98. Л. 7.

²⁵ Там же. Л. 66–67.

²⁶ Там же. № 100.

Итак, мы видим, что М.Н. Тихомиров в отношении истории раннего летописания развивал критику своего учителя С.В. Бахрушина в адрес А.А. Шахматова. Логика учителя и ученика с самого начала имела много общего. Тем не менее, первоначально Тихомиров был движим исключительно желанием кое-где подправить Шахматова, приспособить его к восприятию историков. Но в конце жизни он стал углубленно разрабатывать идею Бахрушина о другом (в сравнении с шахматовскими построениями) начале летописания. И именно это привело М.Н. Тихомирова к глобальной идее «освобождения от Шахматова» (поскольку он сам писал о «гипнотизме» теории Шахматова). Для истории идей важно было проследить эту связь учителя и ученика.

Остается без ответа естественным образом возникающий вопрос о том, почему М.Н. Тихомиров при столь явном сходстве своих выводов с выводами С.В. Бахрушина не ссылаясь на его мнение по поводу раннего летописания. Мы даже не можем с уверенностью сказать, знал ли Тихомиров ту раннюю статью, о которой говорится в начале нашей работы. С одной стороны, как ученик Бахрушина Тихомиров, несомненно, мог знать мнение своего учителя о начале летописания, даже не ведая о существовании его неопубликованной статьи, о которой идет речь. Возможно, некоторые вопросы просто обсуждались ими, и к ряду выводов они когда-то пришли совместно. Но вполне понятно, что М.Н. Тихомиров мог и должен был иметь доступ к архиву учителя после его смерти. И именно в этот период Тихомиров начал работу над последней монографией. Пожалуй, более определенно тут сказать уже ничего нельзя.

References

- Bahrušin S.V.* Deržava Rûrikovičej // Vestnik drevnej istorii. M., 1938. № 2 (3). S. 88–98.
Bahrušin S.V. K voprosu o krešenii Kievskoj Rusi // Istorik-marksist. M., 1937. Kn. 2. S. 40–77.
Bahrušin S.V. Osnovnye tečenie sibirskoj istoriografii // Severnaâ Aziâ. 1925. Kn. 1–2. S. 104–113.
Bahrušin S.V. [K voprosu o dostovernosti Načal'nogo svoda] // S.V. Bahrušin. Trudy po istočnikovedeniû, istoriografii i istorii Rossii èpohi feodalizma. M., 1987. S. 15–35.
Bahrušin S.V. Očerki po istorii kolonizacii Sibiri v XVI i XVII vv. M., 1927.
Bahrušin S.V. Legenda o Vasilii Mangazejskom // Izvestiâ AN SSSR. Otdel gumanitarnyh nauk. № 6. L., 1929. S. 479–509.
Bahrušin S.V. Tuzemnye legendy v «Sibirskoj istorii» S. Remezova // Istoričeskie izvestiâ. № 3–4. M., 1916. S. 3–28.
Buganov V.I. Istočnikovedenie v trudah akademika M.N. Tihomirova (k 70-letiiû) // Problemy istočnikovedeniâ. Vyp. 11. M., 1963.
Čistâkova E.V. Mihail Nikolaevič Tihomirov. M., 1987.
Dubrovskij A.M. Predislovie // S.V. Bahrušin. Trudy po istočnikovedeniû, istoriografii i istorii Rossii èpohi feodalizma. M., 1987. S. 3–14.
Rukopisnoe nasledie akademika M.N. Tihomirova v Arhive Akademii nauk SSSR / Sost. I.P. Staroverova. M., 1974.
Šmidt S.O. Pamâti učitelâ (Materialy k naučnoj biografii M.N. Tihomirova) // AE za 1965. M., 1966. S. 7–30.
Tihomirov M.N. Russkoe letopisanie. M., 1979.
Tihomirov M.N. Načalo Russkoj istoriografii // Voprosy istorii. 1960. № 5. S. 41–56.
Tihomirov M.N. Razvitie istoričeskikh znanij v Kievskoj Rusi, feodal'no-razdroblennoj Rusi i Rossijskom centralizovannom gosudarstve (IX–XVII vv.) // Očerki istorii istoričeskoj nauki v SSSR. T. 1. / Pod red. M.N. Tihomirova (gl. red.), M.A. Alpatova, A.L. Sidorova. M., 1955.

Vovina-Lebedeva V. G. К вопросу о сибирских стат'ях Нового летописца // *Literatura i klassovaâ bor'ba èpohi pozdnego feodalizma y Rossii.* Novosibirsk, 1987.

Vovina-Lebedeva V.G. Školy issledovaniâ russkih letopisej: XIX–XX vv. SPb., 2011. S. 824–864.

Список литературы

Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // *Исторические известия.* № 3–4. М., 1916. С. 3–28.

Бахрушин С.В. Основные течение сибирской историографии // *Северная Азия.* 1925. Кн. 1–2. С. 104–113.

Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.

Бахрушин С.В. Легенда о Василии Мангазейском // *Известия АН СССР. Отдел гуманитарных наук.* № 6. Л., 1929. С. 479–509.

Бахрушин С.В. К вопросу о крещении Киевской Руси // *Историк-марксист.* М., 1937. Кн. 2. С. 40–77.

Бахрушин С.В. Держава Рюриковичей // *Вестник древней истории.* М., 1938. № 2 (3). С. 88–98.

Бахрушин С.В. [К вопросу о достоверности Начального свода] // С.В. Бахрушин. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 15–35.

Буганов В.И. Источниковедение в трудах академика М.Н. Тихомирова (к 70-летию) // *Проблемы источниковедения.* Вып. 11. М., 1963.

Вовина-Лебедева В. Г. К вопросу о сибирских статьях Нового летописца // *Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России.* Новосибирск, 1987.

Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 824–864.

Дубровский А.М. Предисловие // С.В. Бахрушин. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 3–14.

Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР / Сост. И.П. Староверова. М., 1974.

Тихомиров М.Н. Начало историографии // *Вопросы истории.* 1960. № 5. С. 41–56.

Тихомиров М.Н. Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (IX–XVII вв.) // *Очерки истории исторической науки в СССР.* Т. 1. / Под ред. М.Н. Тихомирова (гл. ред.), М.А. Алпатов, А.Л. Сидорова. М., 1955.

Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.

Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров. М., 1987.

Шмидт С.О. Памяти учителя (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова) // *АЕ* за 1965. М., 1966. С. 7–30.

М. Н. Румынская

Опыт составления именного указателя к публикации монастырских хозяйственных книг первой трети XVII в.¹

Важной составной частью научно-справочного аппарата публикации исторических документов являются указатели. В поисках интересующих сведений исследователь, как правило, в первую очередь знакомится с оглавлением и справочным аппаратом опубликованного источника. Тщательно составленные подробные индексы, содержащие разнообразные сведения о лицах, понятиях, топонимах, дают возможность оценить объем содержащейся информации и уровень научного издания, а также помогают быстро сориентироваться в книге.

В статье предложено рассмотреть один из подходов к составлению указателей имен при публикации приходных и расходных денежных книг Кирилло-Белозерского монастыря первой трети XVII в.² Впервые комплекс хозяйственных документов монастыря, в том числе приходные и расходные денежные книги 1567–1611 гг., опубликовал в 1910 г. академик Н.К. Никольский в виде приложения ко второму выпуску первого тома исследования, посвященного истории Кирилло-Белозерского монастыря³. К сожалению, это издание не было снабжено справочным аппаратом.

¹ По теме статьи на XIX Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XXI вв.», посвященной 100-летию со дня рождения Александра Ильича Копанева, (1–4 июля 2015 г., г. С.-Петербург), прочитан доклад «Научно-справочный аппарат к изданию массовых источников XVI–XVIII вв.».

² Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 613–697.

³ *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. СПб., 1910. Т. 1, вып. 2: О средствах содержания монастыря. С. 0I-0СССХХ.

Работа по введению в научный оборот документального наследия Кирилло-Белозерского монастыря продолжалась и в дальнейшем. В 1980-е гг. А.Х. Горфункель и З.В. Дмитриева под руководством А.Г. Манькова подготовили и издали вотчинные хозяйственные книги монастыря 1559–1601 гг. Публикация представляла собой «единый комплекс документов, всесторонне раскрывающий деятельность монастыря как земельного собственника на протяжении второй половины XVI в.»⁴. Но к опубликованным документам был приложен только указатель географических названий.

В 2010 г. (через 100 лет после первого издания Н.К. Никольского) появилась следующая публикация хозяйственных материалов Кирилло-Белозерского монастыря, включившая «все сохранившиеся и ранее не изданные денежные учетные документы за первую треть XVII в.»⁵. Под руководством З.В. Дмитриевой группой сотрудников С.-Петербургского института истории РАН был подготовлен значительный комплекс монастырских приходных и расходных книг за 1601–1637 гг., куда вошли денежные книги большой казны и «сундушные» книги⁶.

Монастырские книги денежного учета, «наиболее распространенного и типичного вида хозяйственной документации средневековых монастырей»⁷, имеют свою особенность. Они содержат большое количество имен не только старцев, слуг, служебников, дворовых людей, но и вкладчиков, мастеров «шваленного дворца», иконописцев, крестьян и т.д. Этот фактор в процессе подготовки научно-справочного аппарата публикации явился одной из причин возникновения многочисленных вопросов о принципах составления именных указателей.

Практика составления индексов, имеющая давнюю традицию, сложилась и развивалась Императорской Археографической комиссией, на заседаниях которой ставились и обсуждались вопросы «необходимости выработки общих правил для руководства при составлении указателей»⁸.

Мы обратились к «Правилам издания исторических документов», неоднократно подвергавшимся изменениям, дополнениям и уточнениям. Один из первых проектов «руководящих правил», содержащий раздел о научно-справочном аппарате, был подготовлен председателем Археографической комиссии А.Ф. Бычковым для издания летописей⁹. В нем предусматривались

⁴ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга Кирилло-Белозерского монастыря 1559–1601 гг. / Сост.: А.Г. Горфункель, З.В. Дмитриева; под ред. А.Г. Манькова. Вып. 1–3. М.; Л., 1983. С. I.

⁵ Дмитриева З.В. Введение // Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. С. 5.

⁶ Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. / Сост. З.В. Дмитриева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010.

⁷ Дмитриева З.В. Введение // Там же. С. 5.

⁸ Летопись занятий Археографической комиссии за 1905 г. Вып. XVIII. СПб., 1907. I. С. 5.

⁹ ЛЗАК за 1895–1899 годы. Вып. XII. СПб., 1901. Отд. I. С. 241–242. См. также: ЛЗАК за 1888–1894 годы. Вып. XI. СПб., 1903. Отд. IV. С. 112.

«глухие» «личные указатели», куда имена крестьян, не имевших прозвищ и встречавшиеся в рукописях один раз, не вносились¹⁰. Такие правила служили руководством при составлении указателей личных имен также к «Актам, относящимся до юридического быта», «Новгородским писцовым книгам» и т.д.¹¹

Постепенный переход Археографической комиссии к систематическому изданию исторических документов допетровского периода требовал новых разработок и внесения уточнений и дополнений в существующие «Правила». Обсуждение и утверждение нового проекта прошло по инициативе В.Г. Дружинина¹². В состав утвержденных «Правил»¹³ вошел расширенный раздел «для составления указателей к изданиям Комиссии». В именных указателях должны были даваться краткие пояснения к именам, где указывались звание или сословие и ближайшее родство, если оно известно¹⁴.

Следующие правила издания документов XV–XVII вв., которые долгое время служили руководством для публикаторов, вышли в 1922 г.¹⁵ Они были специально разработаны в связи с подготовкой к изданию «Сборника грамот Коллегии экономии»¹⁶. Отличие их от «Правил» Археографической комиссии состояло в более подробных указаниях, в частности для составления индексов имен. Включение всех имен в указатель стало обязательным требованием. Разновидности и разночтения имен, встречающиеся в рукописи, приводились в скобках, при этом давались перекрестные ссылки разночтений на современную форму имени. По возможности помещались наиболее полные сведения, обнаруженные о персоналиях в источнике: происхождение, местожительство, титул, должность, состояние и занятие¹⁷.

¹⁰ Проект правил для составления указателей к изданиям Комиссии // ЛЗАК за 1905 г. Вып. XVIII. I. С. 13–14.

¹¹ ЛЗАК за 1888–1894 годы. Вып. XI. СПб., 1903. Отд. IV. С. 189–190, 197.

¹² В ноябре 1896 г. Археографическая комиссия приняла решение о публикации «Донских дел» (447-е заседание, 9 ноября 1896 г. // ЛЗАК за 1895–1899 годы. Вып. XII. Отд. I. С. 73). После выхода в 1898 г. первого тома редактор издания В.Г. Дружинин на заседании 25 января 1905 г. подал докладную записку «об отсутствии точных правил» для изданий Комиссии (ЛЗАК за 1905 г. Вып. XVIII. СПб., 1907. I. С. 5; *Брачев В.С.* Петербургская Археографическая комиссия (1834–1929 гг.). СПб., 1997. С. 99).

¹³ В основу «Правил для отдельных изданий Императорской Археографической комиссии» был положен разработанный «при поручении издания Донских дел» проект А.Ф. Бычкова (ЛЗАК за 1905 г. Вып. XVIII. СПб., 1907. I. С. 5).

¹⁴ Проект правил для составления указателей к изданиям Комиссии // ЛЗАК за 1905 г. Вып. XVIII. I. С. 14.

¹⁵ Правила издания сборника грамот Коллегии экономии. Пг., 1922. Под руководством А.С. Лаппо-Данилевского, редактора Сборника грамот Коллегии экономии, и А.А. Шахматова в работе по составлению «Правил» принимали участие Н.В. Борсук, В.И. Ветреников, Н.И. Сидоров, позднее присоединился П.Л. Маштаков (Правила издания сборника грамот Коллегии экономии. Пг., 1922. С. II).

¹⁶ Сборник грамот Коллегии экономии: В 2 т. Т. 1. Пг., 1922; Т. 2. Л., 1929.

¹⁷ Правила издания сборника грамот Коллегии экономии. С. 43, 44, 46, 47.

Пока велась работа по подготовке «Правил издания сборника грамот Коллегии экономии», Петроградское отделение Главного управления архивным делом выпустило в свет в 1919 г. общие «Правила издания документов»¹⁸, которые не учитывали специфику научных публикаций и не могли служить руководством в издании исторических документов, особенно раннего периода.

В 1936 г. Историко-археографический институт Академии наук СССР подготовил «Правила издания документов XVI–XVII вв.»¹⁹. Они были разработаны «с целью внесения единообразия и точности приемов в издательскую деятельность», а также в связи с проведенной реформой русского правописания, не учтенной в «Правилах издания Сборника грамот Коллегии экономии»²⁰, и сохраняли требования аннотированных указателей имен, выработанные для «Сборника грамот»²¹.

Выходившие в последующие годы «Правила»²², дополнявшиеся и расширявшиеся благодаря обобщению накопленного опыта издания исторических источников, сохранили основные, ранее выработанные принципы и приемы подготовки и составления именных указателей. В то же время они не исключали дальнейшего развития и создания специальных правил публикации документов раннего периода, что могло повлечь изменения и уточнения за счет более детальной разработки научно-справочного аппарата²³.

Такие правила, учитывавшие специфику исторических документов XV–XVII вв., подготовил и опубликовал в предисловии к первому тому «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» И.А. Голубцов²⁴. В дальнейшем И.А. Булыгиным были составлены правила издания «Актов Русского государства XVI — начала XVII в.»²⁵, а в 1987 г.

¹⁸ Правила издания документов (Приняты в засед. Научно-издат. Совещ. при Петрогр. Отделении Главного Управления Архивным Делом 15 сентября 1919 года). Отд. отт. [Пг., Гос. тип., 1919].

¹⁹ Правила издания документов XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения. Сб. 2. Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. XVII. М.; Л., 1936. В подготовке «Правил» принимали участие акад. Б.Д. Греков, В.Г. Гейман, Р.Б. Мюллер, К.Н. Сербина, С.Н. Чаев.

²⁰ Там же. С. 315–331.

²¹ Там же. С. 328–329.

²² Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда Союза СССР. М., 1945; Правила издания исторических документов. М., 1955; Правила издания исторических документов в СССР. М., 1969; Правила издания исторических документов в СССР. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М., 1990.

²³ Правила издания исторических документов. М., 1955. С. 3–4; Правила издания исторических документов в СССР. М., 1969. С. 4; То же. М., 1990. С. 7.

²⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. 1. С. 6–12.

²⁵ Правила издания «Актов Русского государства XVI — начала XVII в.» / Сост. И.А. Булыгин. М., 1984. Основное внимание автор уделит проблемам передачи текста и составлению легенд. Именной и географической указатели только номинированы, вероятно, автор не ставил перед собой задачу разработки особых требований к указателям.

С.М. Каштанов разработал «Методические рекомендации по изданию “Актов Русского государства”»²⁶.

Анализ основных и специально выработанных в разные годы правил издания исторических документов показал существование двух традиционно сложившихся подходов к составлению именных указателей: «глухих», упрощенных, и аннотированных, несущих развернутую информацию.

Ознакомившись с историей формирования общих и специальных правил издания исторических документов раннего периода, мы обратились к справочным материалам публикаций известных историков и археографов: А.С. Лаппо-Данилевского, С.Б. Веселовского, И.А. Голубцова, Л.В. Черепнина, А.А. Зимины, Л.И. Ивиной, А.П. Павлова и др. Среди них «Новгородские писцовые книги», «Приходо-расходные книги Болдина Дорогобужского монастыря», «Сборник грамот Коллегии экономии», «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», «Приходо-расходные книги Московских приказов. 1619–1621 гг.», «Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г.», «Писцовые книги Деревской пятины 1550–1560-х гг.», «Описи Соловецкого монастыря XVI века»²⁷.

Изучение научно-справочных материалов к упомянутым выше и ряду других опубликованных источников показало, что наиболее распространенным типом именных указателей для публикаций, вышедших в 1980–2000-х гг., является указатель «упрощенный», мало учитывающий особенности источника. В индексы вводятся личные имена, приведенные к полной документальной форме, включаются не все социальные группы лиц, встречающихся в документах. Так, в именной указатель к публикации «Писцовых книг Деревской пятины»²⁸ не внесены крестьяне и холопы, не приняты во внимание различия имен (в указателе Рясницын Пятый Юрьев сын, в тексте — Ресницын, Ресницен²⁹).

²⁶ В дальнейшем эти правила вошли в монографию «Актовая археография» (Каштанов С.М. Актовая археография. М., 1998).

²⁷ Новгородские писцовые книги: Указатель к первым шести томам. Пг., 1915; Приходо-расходные книги Болдина Дорогобужского монастыря / Подг. В.В. Майковым. Пг., 1923; Сборник грамот Коллегии экономии: В 2 т. Т. 1. Пг., 1922; Указатели к первому и второму томам Сборника грамот Коллегии экономии. Л., 1931; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.: В 2 т. Т. 1 / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1951; Т. 2 / Сост. И.А. Голубцов. М., 1958; Приходо-расходные книги Московских приказов. 1619–1621 гг. / Сост. акад. С.Б. Веселовский, указатель имен — сост. Н.К. Ткачева. М., 1983; Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подг. текста С.Н. Богатырева. М., 1996; Описи Соловецкого монастыря XVI века / Сост. З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, М.И. Мильчик. СПб., 2003; Писцовые книги Новгородской земли. Т. 5: Деревской пятины 1550–1560-х гг. / Сост. К.В. Баранов. М., 2004.

²⁸ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 5: Деревской пятины 1550–1560-х гг. С. 418–458.

²⁹ Там же. С. 450, 416, 408.

Публикации последних лет³⁰ свидетельствуют о продолжении тенденции упрощенного подхода публикаторов к подготовке именных указателей. Об одной из причин этого процесса писал С.М. Каштанов, отмечая невозможность положить четкие критерии в основу словника имен. Он подчеркивал, что сложность отбора личных имен для указателей связана с видоизменениями прозвищ, имен, сведений о профессии, месте рождения «в зависимости от эпохи, региона и социальной принадлежности лица»³¹, и с сожалением констатировал снижение научного уровня справочного аппарата к публикациям документов XII–XVIII вв.³²

Однако имеющийся позитивный опыт ряда публикаторов показывает, что основные принципы подготовки аннотированных именных указателей, заложенные и разработанные отечественными археографами, дали нам возможность полнее отразить специфику исторического источника, в нашем случае учетно-денежной документации одного из крупнейших монастырей Русского Севера. Денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря — своеобразная энциклопедия повседневной монастырской жизни, содержащая сотни имен старцев, «монастырских людей», крестьян, нанимавшихся монастырем на работы, вкладчиков, среди которых имена царских особ, князей, бояр и др. Многочисленность имен представителей разных социальных слоев — одна из особенностей хозяйственных монастырских документов, характерных для массовых источников, и не исключено, что данный фактор мог служить препятствием к составлению подробных именных словников. При работе над именным указателем к публикации денежных книг Кирилло-Белозерского монастыря нами были положены в основу приемы и методы составления аннотированного указателя, выработанные А.С. Лаппо-Данилевским и А.А. Шахматовым, группой ученых во главе с Б.Д. Грековым, И.А. Голубцовым, С.М. Каштановым³³.

Переходя к анализу именного указателя кирилловских приходных и расходных денежных книг, необходимо отметить, что при подготовке индексов имен была проведена большая, скрупулезная работа по идентификации лиц (старцев, слуг, крестьян), транскрипции имен иноков³⁴, выявлению всех

³⁰ Кандалакшский монастырь в XVI — XVIII веках: в 2 ч. Ч. II: Вкладная книга Кандалакшского Пречистенского монастыря 1562/63–1687 гг. / Авт.-сост.: С.А. Никонов, Л.В. Пушкина. Мурманск: МГУ, 2013; Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. / Сост. Е.Б. Французова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013; Ильменское Поозерье и смежные территории в конце XV–XVII вв. / Подг. публ. И.Ю. Анкудинов. М., 2014 (Материалы по истории Новгорода и Новгородской земли. Вып. 3); Писцовые и переписные книги Торжка XVII — начала XVIII в. Ч. 1 / Сост. И.Ю. Анкудинов, П.Д. Малыгин. М., 2014.

³¹ Каштанов С.М. Актовая археография. С. 95.

³² См. подробнее: Каштанов С.М. Актовая археография. С. 296–297.

³³ См. подробнее: сн. 12, 16, 21, 23 настоящей статьи.

³⁴ Имена священнослужителей и иноков даны в транскрипции по «Указателю имен святых» (Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. 1913.

разночтений имен, сбору и систематизации сведений о персоналиях, упоминаемых в публикации.

В процессе составления указателя было признано целесообразным сгруппировать все имена в четыре указателя: старцы Кирилло-Белозерского монастыря, монастырские люди³⁵, крестьяне, прочие³⁶. В таком случае появилась возможность представить количественный состав «населенников» монастыря.

В указатель «Старцы Кирилло-Белозерского монастыря» помимо транскрибированных иноческих имен включены просторечные формы: Васьян *см.* Вассиан, Иев *см.* Иов, Вениамин (Вельямин) Суворов. Редкие имена (Заведей) даны в чтениях источника. Монастырские слуги, служки, дворовые люди, «шваленные» мастера, крестьяне, лица с неустоявшимися фамилиями внесены в соответствующие указатели по именам³⁷. Данный прием помогает не только более широкому осмыслению публикуемого источника, но и дает возможность проследить возникновение и развитие фамилий на Руси среди крестьянского населения. В XVI–XVII вв. широкое распространение получили «прозвища» и «назвища», выполнявшие первоначально «роль современных фамилий, обозначая принадлежность к семье, территории»³⁸, отмечавшие черты характера человека или его физические особенности (Богдан Григорьев сын, Еуфимка Великосельский, Митка Неустройка, Елеска Глухой и т.д.).

Большая часть имен в указателях «Монастырские люди» и «Крестьяне» дана в чтениях источника. Восстановление полной исходной формы имени в индексах, применяемое обычно составителями, влечет за собой многочисленные неточности и погрешности³⁹. Просторечные уменьшительные формы имен, возникшие в сниженном стиле речи, говорах, принятые в употреблении

[Репринт.] М., 1993. С. 720–730. См. также: Святые православной церкви // Христианство: Энциклопедический словарь. М., 1995. Т. 3. С. 576–698).

³⁵ Понятие «монастырские люди» включает в себя монастырских слуг, служек, дворовых людей, «шваленных» мастеров. См. подробно: *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Т. 2: Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 87.

³⁶ Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. С. 613–697.

³⁷ Этот подход к осмыслению подачи материала был предложен З.В. Дмитриевой (*Дмитриева З.В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003. С. 317–333) и Т.И. Шабловой (*Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Т. 2: Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. С. 402–427).

³⁸ *Тороп Ф.* Популярная энциклопедия русских православных имен. М., 1999. С. 69.

³⁹ В рукописи: Сенка (Сеня) Тимофеев сын, конюх, в указателе: Семен Тимофеев сын, хотя возможно, его звали Семеном или Арсением (Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. Указатели. С. 175). Федко Олешин, крестьянин, в указателе дан как Федор Олешин, однако эта уменьшительная форма имеет несколько документальных имен (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 2. С. 628).

к крестьянам, монастырским слугам, «шваленным» мастерам и дворовым людям, в основе своей могут иметь разные полные документальные имена. В «Популярной энциклопедии русских православных имен» Ф. Торопа приведены следующие примеры: Сенька — полное имя Семен или Арсений; Федко — Федор, Нефед; Паша — Пахом, Ипат⁴⁰. Уменьшительная форма имени Ларя имеет несколько документальных имен — Илларион, Филарет, Гиларий⁴¹.

В большей части публикуемых приходо-расходных денежных книг статьи на оплату «монастырским людям» за «рождественские», «великоденские» и «успенские рубахи» составлены в дательном падеже: кузнецу Кочню, Сидорку Ситу и т.д. (Кочень, Кочня или Кочан⁴²; Сидорка Сито или Сит (?)). Определение именительного падежа имен и «прозвищ» в ряде случаев явилось серьезной проблемой. Ее частичное решение было найдено в расходной части денежных книг казначеев старцев Иоакима Набячина (1629 г. сентября 1 — 1630 г. августа 31), Варфоломея Климентьева (1632 г. сентября 1 — 1632 г. декабря 31), Филарета Углечанина (1633 г. января 1 — 1633 г. августа 31), Моисея (1634 г. сентября 1 — 1634 г. декабря 28), Иоасафа Чаромского (1635 г. января 1 — 1635 г. августа 31) и Мартиниана Шахова (1636 г. февраля 1 — 1636 г. августа 31), где списки слуг, дворовых людей и «шваленных» мастеров даны в именительном падеже⁴³.

Как уже отмечалось выше, монастырские хозяйственные документы насыщены большим количеством имен, в том числе их разночтениями. В указателях предпринята попытка учесть все варианты личных имен и прозвищ, в частности с чередованием гласных и согласных в их написании⁴⁴. Например: Фрол и Флор. В «Энциклопедии» Ф. Торопа форма Фрол указана как русская православная, а Флор — церковная⁴⁵. В рукописи встречаются Фрол-Флор

⁴⁰ Тороп Ф. Популярная энциклопедия русских православных имен. С. 219.

⁴¹ Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 2005. С. 335.

⁴² В справочнике С.Б. Веселовского приведено: Кочень Давидов, крест., конец XV в.; Кочан Иван, крест., нач. XVI в. (Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974. С. 161).

⁴³ Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. С. 288, л. 40 — 41 об.; с. 289–290, л. 47–51; с. 294–295, л. 66 — 69 об.; с. 299–230, л. 86 — 89 об.; с. 307, л. 29–30; с. 308, л. 32 об. — 36; с. 324, л. 57–61; с. 328, л. 74 об. — 77 об.; с. 338, л. 32 об. — 33 об.; с. 339–340, л. 39 об. — 42 об.; с. 356–357, л. 118 об. — 122; с. 361–362, л. 141 — 144 об.; с. 374–375, л. 43–46; с. 381–382, л. 70 — 73 об.; с. 395–396, л. 48 об. — 52; с. 401–402, л. 69 — 72 об.; С. 406–407, л. 86 — 90 об.

⁴⁴ Встречающиеся разночтения имен подтверждают, на наш взгляд, предположение З.В. Дмитриевой о том, что монастырские приходные и расходные книги переписывались под диктовку, т.е. имена записывались, как воспринимались на слух (Дмитриева З.В. Келарские приходные и расходные книги старца Кирилло-Белозерского монастыря Матвея Никифорова (1654–1660 гг.) // Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 446).

⁴⁵ М.Я. Морощкин имя Флор считает христианской формой (Морощкин М.Я., свящ. Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867).

Михайлов, слуга (1615 г.), Фролка-Флор Тереботунец (с 1610 по 1616 г.). Имя Бажен воспроизводится как Божен, Бажин, Божин и т.д.⁴⁶

Хронологический принцип публикации кирилловских денежных книг позволил выявить сведения о персоналиях более чем за 30 лет, которые вошли в именные указатели. В состав аннотаций включены данные о статусе инока, периоде выполнения им послушания, дате и месте принятия пострига, о периоде службы «монастырских людей» и изменении их послужных списков, профессиях мастеров «шваленного дворца», а также иноческие имена, принятые при постриге. По прямым и косвенным данным приходных и расходных частей денежных книг в отдельных случаях установлены приблизительные даты смерти, вошедшие в аннотации: «Преставися старец Иван Чемесов. Взято по нем за два сорокоуста, на воск и на фимьян рубль 6 алтын 4 денги»⁴⁷; «В Горы священнику Данилу дано сорокоусту... по старце Исядоре, что был слуга Иван Сукин»⁴⁸. Косвенные сведения касаются в основном слуг и дворовых людей монастыря, после смерти которых, как правило, продавались одежда и вещи, им принадлежавшие: «После Карпа Соломина продано ево платье... за все взято 3 рубли 30 алтын»⁴⁹, «После слуги Семена Лихорева осталось денег 20 рублей. По нем же на корм 10 рублей. По нем же на воск и фимьян 20 алтын»⁵⁰.

Выявленные в ряде случаев даты смерти крестьян внесены в соответствующий указатель. Там же приводятся сведения о вотчинной принадлежности монастырю, местожительстве, роде занятий, родственных связях, а при принятии пострига иноческое имя. Пояснения о месте жительства и принадлежности крестьян даны в чтениях рукописи.

Несомненный интерес представляет указатель «Прочие», в который включены имена царских особ, бояр, князей, родовитых стариц женского Горицкого монастыря, лиц высшего духовенства и священнослужителей, старцев других монастырей, посадских, служилых, торговых людей и пр. Среди них встречаются князья Долгоруковы, Голицыны, Воротынские, Волынские, старица Агафья

⁴⁶ Помимо «Популярной энциклопедии русских православных имен» Ф. Торопа и «Словаря русских личных имен» Н.А. Петровского, где собраны просторечные уменьшительные формы и по возможности восстановлены документальные исходные имена, были использованы сборники «Русские имена и прозвища в XVII веке» (Соколов А. Русские имена и прозвища в XVII веке. Казань, 1891), «Личные имена в писцовых книгах XVI века, не встречающиеся в православных святцах» (Чечулин Н.Д. Личные имена в писцовых книгах XVI века, не встречающиеся в православных святцах. СПб., 1890), недавно переизданный «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н.М. Тушикова (Тушиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Вступ. ст. и подг. текста В.М. Воробьева. М.: Русский путь, 2004), одно из ценнейших и заслуживающих особого внимания изданий.

⁴⁷ Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. С. 251, л. 15.

⁴⁸ Там же. С. 269, л. 83 об.

⁴⁹ Там же. С. 87, л. 19.

⁵⁰ Там же. С. 87, л. 19 об.

Кайбулина (урожденная Шереметева), старица княжна Ирина Мстиславская, старица Параскева (Феодосия Михайловна Петрова-Солового, царица, вторая жена царевича Ивана Ивановича) и др.

В текстах приходных и расходных денежных книг обнаружены новые биографические свидетельства, пополнившие родословия Долгоруковых, Голицыных, Воротыньских, Кропоткиных, Шереметевых⁵¹. Записи содержали ранее неизвестные даты смерти боярина Андрея Ивановича Голицына, «в иноцех» Дионисия (июнь 1630 г.), старицы Горицкого монастыря княгини Агафьи Ивановны Кайбулиной (дочери князя Ивана Васильевича Большого Шереметева, жены царевича Михаила Кайбулича) (февраль 1627 г.). Также удалось установить имя Анны Петровны Нащокиной, второй жены князя Владимира Тимофеевича Долгорукова, бывшего в родстве с царем Михаилом Федоровичем (дочь В.Т. Долгорукова, Мария Владимировна, была первой женой государя). Эти сведения с указанием места захоронения в Кирилло-Белозерском монастыре внесены в аннотации к именам представителей княжеских и боярских родов. Там же приводятся послужные списки бояр и князей, уточненные по материалам рукописи «Боярская дума за 100 лет (1613–1712 гг.)»⁵².

Имена и фамилии дьяков и подьячих, вошедшие в указатель «Прочие», дополнительно выверены по справочнику С.Б. Веселовского «Дьяки и подьячии XV–XVII вв.»⁵³.

Введение дополнительных сведений из других источников, на наш взгляд, повышает ценность справочного аппарата. Так, в именной указатель «Старцы» по Спискам П.М. Строева⁵⁴ и Н.К. Никольского⁵⁵ внесены периоды управления игуменов Кирилло-Белозерского монастыря.

Описанный подход и приемы составления аннотированных указателей способствовали выявлению важных фактов хозяйственной деятельности монастыря. В ряде случаев имели место нерегулярные выплаты жалования монастырским слугам и дворовым людям с опозданием на полгода, год и более года: статья по 8 алтын за «великоденские рубахи»: «Якунке Ширге, ему же

⁵¹ Подробнее об этом см.: *Румынская М.Н.* Приходо-расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря начала XVII в. как источник изучения родословия. К истории родов Долгоруковых, Голицыных и Шереметевых // Вопросы генеалогического источниковедения: Материалы XIII Петербургских генеалогических чтений. Санкт-Петербург, 20–21 июня 2009 г. СПб., 2010. С. 140–149.

⁵² Авторский коллектив выражает глубокую благодарность А.П. Павлову, Е.В. Анисимову и П.В. Седову за возможность использовать материалы рукописи биографического справочника «Боярская дума за 100 лет (1613–1712 гг.)» при подготовке указателя личных имен.

⁵³ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячии XV–XVII вв. М., 1975.

⁵⁴ *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 54–56.

⁵⁵ *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. 1397–1625). Т. 2: Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. СПб., 2006. С. 111–122.

за рождественские и успенские»⁵⁶; «Слугам нежаловальным и дворовым людям даваны денги за рождественские рубахи. Статья по 8 алтын: ...Максиму Голубцову, ему же за успенские»⁵⁷; «слушкам молодым и дворовым людям даны рубашечные рождественские денги, которым казначей старец Моисей не додал»⁵⁸ и т.д. Задержка оплаты не была связана с поручениями, которые выполняли слуги в длительных поездках, в этих случаях им платили вперед.

В расходной части книги казначей «чернца Мартиныяна 130-го году» отсутствуют записи монастырских расходов за апрель 1622 г.: «И всего в марте в росходе денег 119 рублей 21 алтын пол-4 денги. Месяц май. Росход денгам»⁵⁹. По данным расходных денежных книг, жалование в монастыре платили три раза в год: «за рождественские рубахи» в декабре, «великоденские» — в апреле или марте и за «успенские» в августе. В расходы за апрель–март должно было войти жалование за «великоденские рубахи», но записи об этом в книге 1621 г. сентября 1 — 1622 г. августа 31 мы не находим⁶⁰.

Эти и другие факты, представляющие несомненный интерес для исследователей, установлены в процессе работы над научно-справочным аппаратом. Таким образом, приведенные выше примеры показывают, что полный аннотированный именной указатель повышает информативность справочного аппарата издания, выявляет особенности исторического источника, дает возможность исследователям в других областях науки открыть для себя изучение нового вида исторической документации.

Приходные и расходные денежные книги являются учетно-отчетными документами, однако они не обладают «безликостью», как считают многие исследователи. Внимательное отношение к источнику дает возможность более полно воссоздать картину повседневной жизни монастырских насельников, понять, насколько важные и ответственные поручения выполняли те или иные слуги или дворовые люди, как оценивал монастырь их службу, как часто слуги и дворовые люди принимали решение о постриге, каким ремеслом занимались «шваленные» мастера и сколько получали за свое «зделье». По хозяйственным денежным книгам также можно проследить жизненные коллизии отдельных персонажей.

References

- Akty social'no-ehkonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV — nachala XVI v.: V 2 t. T. 1 / Sost. S.B. Veselovskij. M., 1951; T. 2 / Sost. I.A. Golubcov. M., 1958.
Brachev V.S. Peterburgskaya Arheograficheskaya komissiya (1834–1929 gg.). SPb., 1997.
Bulgakov S.V. Nastol'naya kniga dlya svyashchenno-cerkovno-sluzhitelej. 1913. [Reprint.] M., 1993.

⁵⁶ Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. С. 183, л. 47.

⁵⁷ Там же. С. 221, л. 34 об.

⁵⁸ Там же. С. 351, л. 95 об.

⁵⁹ Там же. С. 225, л. 47 об. — 48.

⁶⁰ Там же. С. 225.

- Dmitrieva Z.V.* Vytnye i opisnye knigi Kirillo-Belozerskogo monastyrya XVI–XVII vv. SPb., 2003.
 Hozyajstvennye knigi Chudova monastyrya 1585/86 g. / Podg. S.N. Bogatyrevym. M., 1996.
Kashтанov S.M. Aktovaya arheografiya. M., 1998.
 Letopis' zanyatij imperatorskoj Arheograficheskoj komissii. Vyp. XVIII. SPb., 1907.
Moroshkin M. Ya., soyashch. Slavyanskij imenoslov, ili Sbranie slavyanskikh lichnyh imen v alfavitnom porjadke. SPb., 1867.
Nikol'skij N.K. Kirillo-Belozerskij monastyr' i ego ustrojstvo do vtoroj chetverti XVII v. T. 1, vyp. 2: O sredstvakh sodержaniya monastyrya. SPb., 1910.
Nikol'skij N.K. Kirillo-Belozerskij monastyr' i ego ustrojstvo do vtoroj chetverti XVII v. (1397–1625). T. 2: Upravlenie. Obshchinnaya i kelejnaya zhizn'. Bogosluzenie. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2006.
 Opisi Soloveckogo monastyrya XVI veka / Sost.: Z.V. Dmitrieva, E.V. Krushel'nickaya, M.I. Mil'chik. SPb., 2003.
Petrovskij N.A. Slovar' russkikh lichnyh imen. M., 2005.
 Piscovye knigi Novgorodskoj zemli. T. 5: Derevskoj pyatiny 1550–1560-h gg. / Sost. K.V. Baranov. M., 2004.
 Prihodnye i raskhodnye denezhnye knigi Kirillo-Belozerskogo monastyrya. 1601–1637 gg. / Sost. Z.V. Dmitrieva. M.; SPb.: Al'yans-Arheo, 2010.
 Prihodo-raskhodnye knigi Boldina Dorogobuzhskogo monastyrya / Podg. V.V. Majkovym. Pg., 1923.
 Prihodo-raskhodnye knigi Moskovskih prikazov. 1619–1621 gg. / Sost. S.B. Veselovskij. M., 1983.
 Prihodo-raskhodnye knigi Soloveckogo monastyrya. 1571–1600 gg. / Sost. E.B. Francuzova. M.; SPb.: Al'yans-Arheo, 2013.
 Sbornik gramot Kollegii ehkonomii: V 2 t. T. 1. Pg., 1922; T. 2. L., 1929.
Sokolov A. Russkie imena i prozvizhcha v XVII veke. Kazan', 1891.
Stroev P.M. Spiski ierarhov i nastoyatelej monastyrej Rossijskoj Cerkvi. SPb., 1877.
Torop F. Populyarnaya ehnciklopediya russkikh pravoslavnyh imen. M., 1999.
Tupikov N.M. Slovar' drevnerusskikh lichnyh sobstvennyh imen / Vstup. st. i podg. V.M. Vorob'eva. M.: Russkij put', 2004.
Veselovskij S.B. D'yaki i pod'yachii XV–XVII vv. M., 1975.
Veselovskij S.B. Onomastikon. M., 1974.
 Votchinnye hozyajstvennye knigi XVI v.: vytnye knigi, hlebnye obrochniki i perepisnaya kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1559–1601 gg. / Sost.: A.G. Gorfunkel', Z.V. Dmitrieva; pod. red. A.G. Man'kova. Vyp. 1–3. M.; L., 1983.

Список литературы

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.: В 2 т. Т. 1 / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1951; Т. 2 / Сост. И.А. Голубцов. М., 1958.
Брачев В.С. Петербургская Археографическая комиссия (1834–1929 гг.). СПб., 1997.
Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. 1913. [Репринт.] М., 1993.
Веселовский С.Б. Дьяки и подьячии XV–XVII вв. М., 1975.
Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974.
 Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга Кирилло-Белозерского монастыря 1559–1601 гг. / Сост.: А.Г. Горфункель, З.В. Дмитриева; под. ред. А.Г. Манькова. Вып. 1–3. М.; Л., 1983.
Дмитриева З.В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI — XVII вв. СПб., 2003.
Каштанов С.М. Актовая археография. М., 1998.
 Летопись занятий императорской Археографической комиссии. Вып. XVIII. СПб., 1907.
Морошкин М.Я., свящ. Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.
Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 1, вып. 2: О средствах содержания монастыря. СПб., 1910.
Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Т. 2: Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
 Описи Соловецкого монастыря XVI века / Сост.: З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, М.И. Мильчик. СПб., 2003.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 2005.

Писцовые книги Новгородской земли. Т. 5: Деревской пятины 1550–1560-х гг. / Сост. К.В. Баранов. М., 2004.

Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. / Сост. З.В. Дмитриева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010.

Приходо-расходные книги Болдина Дорогобужского монастыря / Подг. В.В. Майковым. Пг., 1923.

Приходо-расходные книги Московских приказов. 1619–1621 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1983.

Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. / Сост. Е.Б. Французова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013.

Сборник грамот Коллегии экономии: В 2 т. Т. 1. Пг., 1922; Т. 2. Л., 1929.

Соколов А. Русские имена и прозвища в XVII веке. Казань, 1891.

Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877.

Тороп Ф. Популярная энциклопедия русских православных имен. М., 1999.

Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Вступ. ст. и подг. В.М. Воробьева. М.: Русский путь, 2004.

Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подг. С.Н. Богатыревым. М., 1996.

Л.В. Выскочков

Записные книжки великого князя Николая Павловича как исторический источник

К публикации дневников 1822–1825 гг. из фондов ГАРФ

В 2013 г., в серии «Бумаги Дома Романовых» были опубликованы записные книжки великого князя Николая Павловича, предшествующие его вступлению на престол¹. С их изданием Александровская и Николаевская эпохи получили новый ценный источник от первого лица². Ведь до последнего времени записные книжки великого князя Николая Павловича оставались труднодоступны для исследователей. Лишь некоторые его дневниковые записи за полтора месяца междуцарствия с 21 ноября по 13 декабря 1825 г. были опубликованы Б.Е. Сыроечковским в 1926 г. на фоне отмеченного накануне столетнего юбилея восстания декабристов³.

Как отмечают составители М.В. Сидорова и М.Н. Силаева, записные книжки после кончины Николая I перешли последовательно в собственность Александра II, Александра III и хранились в Гатчинском дворце, ставшем к тому

¹ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / Под ред. М.В. Сидоровой, М.Н. Силаевой; пер. с франц.: Е.Э. Лямина, О.В. Эдельман; подг. текста, ком., им. указ.: М.В. Сидорова, М.В. Силаева; геогр. указ.: А.А. Литвин, М.Н. Силаева. М., 2013.

² Сидорова М.В. Дневники и воспоминания императора Николая I // Исторические коллоквиумы музеев. Прошлое и настоящее. Материалы научной конференции / Отв. за вып. С.А. Астаховская. СПб., 2007. С. 85–92.

³ Из дневников Николая Павловича // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / Подг. Б.Е. Сыроечковского. М.; Л., 1926. С. 63–79.

времени своеобразным мемориалом императорской семьи. В настоящее время они хранятся в фонде Николая I в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 43, 45, 47, 49). Исследовавший их ранее Б.Е. Сыроечковский дал археографическое описание: «Книжки маленького формата; книжка за 1822 г. — в зеленой папке, за последние три года в сафьяновых переплетах с золотым тисненым бордюром, а последние две и с золотым обрезом. На каждой странице книжечки, вверху и посередине, отпечатаны последовательно обычные обозначения дней, с указанием церковных праздников, святых и царских дней. В конце книжки напечатаны “Показания чинов главного штаба е.и.в., чинов свиты, министерств, дипломатического корпуса...”, “известие о времени отправления и получения почт в Петербурге” и т.п. <...> Сделаны записи по-французски чрезвычайно мелким, но всё же достаточно разборчивым почерком. Однако, некоторые места не удалось прочесть...»⁴ Все книжки карманного формата 15×10 см, изданы типографским способом.

Помимо автографов в ГАРФ находятся их копии, снятые заведующим Императорскими библиотеками В.В. Щегловым (1851–1917). Это 4 тетради большого формата в коленкорových переплетах (ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 42, 44, 46, 48). Вероятно, В.В. Щеглов готовил их к изданию. К этому времени им были изданы «Воспоминания Николая I о младенческих годах»⁵ и исторический очерк об Императорских библиотеках Зимнего дворца⁶. Именно по его копиям была осуществлена современная публикация в переводе Е.Э. Ляминой и О.В. Эдельман. В необходимых случаях, как отмечают составители М.В. Сидорова и М.Н. Силаева, проводилась сверка с автографами. Составителями же даны комментарии, причем для этой цели, как явствует из некоторых примечаний, отчасти привлекался камер-фурьерский журнал за 1825 г.⁷ Им же принадлежит почти исчерпывающий (около 150 страниц текста) именной указатель, который позволяет ориентироваться в окружении великого князя. Не указаны некоторые лица, о которых не удалось найти сведений, или записанные неразборчиво. Отметим сразу, что некоторые атрибуты вызывают вопросы. Так, прибывший от И.И. Дибича его адъютант барон Александр Александрович Фредерикс (полковник Измайловского полка) в указателе имен неверно отождествлен с командиром л.-гв. Московского полка П.А. Фредериксом⁸. Вероятно, случайно при подготовке географического указателя выпало много раз упоминаемое Николаем Павловичем Царское село⁹.

⁴ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов... С. 63.

⁵ Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно / Сообщ. В.В. Щеглов; пер. с франц. СПб., 1906. С. 5–12.

⁶ Щеглов В.В. Собственные Его Императорского Величества библиотеки и арсеналы: Краткий исторический очерк. 1715–1915. Пг., 1917.

⁷ РГИА. Ф. 516 (Коллекция камер-фурьерских журналов). Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора (камер-фурьерский журнал). 1825.

⁸ См., в частности, комментарий Б.Е. Сыроечковского.

⁹ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 47, 78, 86, 96, 243, 270–272, 420, 542, 557, 563, 579, 580, 583, 595, 596, 604, 605, 610, 620, 626–628, 630, 631, 633.

Дневниковые записи Николай Павловича начинаются 1 января 1822 г., и это не случайно. Именно в конце 1821 — начале 1822 г. имело место продолжение интриги, связанной с возможным престолонаследием Николая Павловича после памятного разговора летом 1819 г., когда Александр I впервые (и единственный раз) напрямую сказал о такой возможности Николаю Павловичу в присутствии Александры Федоровны. Именно тогда (на этот период приходился день рождения Александра I — 12 декабря) все четыре брата собрались вместе в С.-Петербурге. После посещения Михаилом Павловичем цесаревича Константина Павловича в Мраморном дворце, на прощанье, когда младший брат уже садился в сани, цесаревич произнес известный монолог, который в русском переводе передается с небольшими разночтениями: «Помнишь мои слова в Варшаве! Сегодня вечером всё устроилось... Государь обещал составить обо всем этом особый акт и положить его к прочим, хранящимся на престоле в московском Успенском соборе; но акт этот будет содержим в глубокой тайне и огласится только тогда, когда настанет для этого нужная пора»¹⁰. Как известно, 14 (26) января 1822 г. Александром I было инспирировано письмо цесаревича Константина Павловича с отказом от прав на российский престол, а 2 (14) февраля ответное письмо Александра I цесаревичу Константину. Естественно, эта тема в записных книжках Николая Павловича не отражена, да у него и не было достоверной информации, если не считать намеков. Так, 17/29 августа 1823 г. Николай Павлович, между прочим, заметил: «Письмо от Константина»¹¹. Случайно или нет, но 16 августа в Царском селе Александр I подписал неопубликованный манифест о добровольном отречении Константина Павловича, в котором говорилось: «Наследником нашим быть второму брату нашему, великому князю Николаю Павловичу»¹².

Весьма характерны дневниковые записи от 27 августа (8 сентября) 1825 г., когда почти все члены императорской фамилии собрались за несколько дней до этого в Царском селе, наносили друг другу визиты и вели беседы. В тот день Александра Федоровна посетила Марию Федоровну, а Николай Павлович — «Ангела» (Александра I). В памятной книжке осталась запись: «Я к Ангелу, он не может сделать того, что надо сделать... (выделено мной. — Л. В.)». В камер-фурьерском журнале Высочайшего двора осталась запись: «В 45 минут 3-го часа к Их Величествам прибыли из Нового дворца (Александровского дворца. — Л. В.) Его Высочество Великий князь Николай Павлович с супругой. В 15 минут 4-го часа Их Величества с Их Высочествами из внутренних своих апартаментов изволили пойти к Императрице Марии Федоровне во внутренние апартаменты, где находился и Великий Князь Михаил Павлович»¹³.

¹⁰ Цит. по: Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 220.

¹¹ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 272.

¹² Цит. по: Шильдер Н.К. Император Николай Первый: В 2 кн. М., 1997. Кн. 1. С. 596.

¹³ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 г. Л. 649 — 649 об.

Далее, после прогулки и любования Царском селом со смотровой площадки Белой башни в Александровском саду снова интригующие подробности: «...идем обедать к Ангелу, отобедали (в 4 часа. — Л. В.), вернулись к Матушке, говорили, Ангел и Императрица] (имеется в виду Елизавета Алексеевна. — Л. В.) уходят. **Матушка сделала нам сцену, слезы** (выделено мной. — Л. В.)»¹⁴. В 10 минут 11-го часа вечера Александр I в коляске «имел отъезд на Каменный остров». О чём не удалось договориться, чем вызваны слезы Марии Федоровны? Не исключено, что речь шла о престолонаследии. Тогда Николай Павлович выступал в этом эпизоде как активный участник переговоров. Вероятно, он хотел всё равно какой, но определенности. До отъезда Александра I в его последний вояж в Таганрог оставалось 3 дня. На следующий день Николай Павлович с Александрой Федоровной тоже прибудут в С.-Петербург, на соседний с Каменным Елагин остров.

В дневниковой записи от 29 августа (10 сентября) Николай Павлович сообщает о своем приезде в Каменноостровский дворец: «Ждал в генерал-адъютантской комнате, **Ангел позвал меня, говорил...** (выделено мной. — Л. В.)»¹⁵. Эта встреча была до часа пополудни. В час дня, как сообщает камер-фурьерский журнал, прибыл «Высокопреосвященный митрополит Серафим просить Государя Императора посетить завтрашний день, то есть, 30 августа, Александровскую лавру и был принят Его Величеством в верхнем кабинете»¹⁶. Затем Александр I с Елизаветой Алексеевной отправились на Елагин остров к «Матушке» (вдовствующей императрице Марии Федоровне). За обеденным столом присутствовали великий князь Николай Павлович с Александрой Федоровной, а также принцесса Мария Вюртембергская¹⁷. После обеда Александр I пригласил Александру Федоровну на прогулку. Николай Павлович запишет: «Жена возвращается, объявляет мне, что Ангел покупает нам Знаменское или дарит нам Меньшиков дом (бывший участок Меншикова в Петергофе, т.е. будущую дачу “Александрию”. — Л. В.)». Что это? Утешительный приз? После отъезда Александра I 4/16 ноября князю А.Н. Голицыну было дано поручение от «Ангела» «уладить всё, чтобы дать нам участок Меньшикова (подчеркнуто Николаем. — Л. В.)»¹⁸.

Но это будет позже, а пока наступило 30 августа, день Св. Александра Невского и, соответственно, праздник тезоименитства Александра I, великого князя Александра Николаевича. С утра Николай Павлович отправился в Зимний дворец на смену караула гвардейских саперов, потом поехал со своим адъютантом В.А. Перовским в Таврический дворец и встретился с женой. «Ангел, — пи-

¹⁴ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 631.

¹⁵ Там же. С. 632.

¹⁶ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825. Л. 563.

¹⁷ Там же. Л. 563 об. — 564.

¹⁸ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 661.

шет Николай, — берет меня с собой в Невскую (лавру. — *Л. В.*)»¹⁹ После большой службы последовал завтрак у архиепископа и возвращение в Таврический дворец. Отсюда Мария Федоровна, Николай Павлович с Александрой Федоровной и братом Михаилом в четырехместной карете направились в только что отстроенный Михайловский дворец. «Ангел в дверях, — отметил Николай Павлович, — с хлебом, солью и иконой»²⁰. После освящения дворца и обеда в голубом салоне Александр I уходит, за ним следуют Елизавета Алексеевна и Мария Федоровна. Николай Павлович с женой отправляется в Аничков дворец, где переодевается в дорожный костюм. В тот же вечер он отправился в Динабург (Даугавпилс) на учения, а Александр Павлович на следующий день, 1 сентября, из Каменноостровского дворца рано утром также через Царское село отправился на юг. 3 сентября вслед за ним отправилась в путь и императрица Елизавета Алексеевна. В связи с их отъездом прекратились записи в камер-фурьерском журнале «главной половины» (не было их хозяев). Новая запись появилась только 27 ноября, когда литургия была прервана известием о кончине Александра I. Еще одна запись по «главной половине» была сделана 30 ноября. В день праздника Святого Андрея Первозванного Мария Федоровна, Николай Павлович, Александра Федоровна «приобщились Святых Христовых тайн», затем состоялась литургия²¹. В камер-фурьерском журнале в примечании внизу было добавлено: «С сего и до 14-го декабря кроме обыкновенного ничего не происходило»²².

С правой стороны листа записи по «первой половине» Марии Федоровны были продолжены, но достаточно кратко. Только 13 декабря (после манифеста Николая I от 12 декабря о восшествии на престол) работа камер-фурьеров по составлению журналов «главной половины» возобновилась. Таким образом, записные книжки великого князя Николая Павловича, которые заканчиваются короткой записью от 13 декабря 1825 г. (пропуски с 1 по 14 января), оказываются ценным информационным источником периода междуцарствия. Новый перевод дневников периода междуцарствия близок переводу Б.Е. Сыроечковского, но есть небольшие нюансы. Так, наиболее эмоциональны записи Николая Павловича за 27 октября (9 ноября). В переводе Б.Е. Сыроечковского: «Да поможет мне Бог и да пошлет мне его (Александра Павловича. — *Л. В.*) в ангелы-хранители»²³. В новом переводе: «Помоги мне, Господь, и дай мне его в Ангелы-хранители»²⁴. В приписке, которая была сделана явно позднее,

¹⁹ Там же. С. 632.

²⁰ Там же. С. 633.

²¹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 г. С. 836 об. — 837.

²² Там же. Л. 837.

²³ Из дневников Николая Павловича. С. 69.

²⁴ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 674.

в переводе Б.Е. Сыроечковского: «Шульгин (А.С. Шульгин — петербургский обер-полицмейстер. — Л. В.) поддерживает меня, я теряю чувства»²⁵. В новом переводе: «Шульгин меня поддерживает, не чувствую себя»²⁶. Вероятно, нюансы перевода не являются принципиальными. Хотя эта часть дневников Николая Павловича нуждается в отдельном и более тщательном исследовании с привлечением записей камер-фурьерского журнала по «первой половине» Марии Федоровны и других источников. Одна из версий событий междуцарствия была предложена в 1995 г. М.М. Сафоновым²⁷. Итоги изучения междуцарствия подведены в монографии Т.В. Андреевой²⁸.

Возвращаясь к записным книжкам. Вероятно, были и другие причины их появления, вытекающие из особенностей характера и обучения великого князя. Человек долга по своему мироощущению, с практическими наклонностями в жизни, достаточно хорошо по меркам своего времени образованный (миф о плохом образовании Николая следует забыть)²⁹, из гуманитарных наук выделявший историю (как «наставницу жизни»), он с юношеских лет тяготел к историческому документу. Термин «архив» применительно к своим бумагам появился в лексиконе великого князя Николая Павловича, когда ему не исполнилось и 17 лет³⁰. Кроме того, как педант, он был способен вести ежедневные краткие записи (половину странички записной книжки небольшого формата, где уже были проставлены даты). Когда же он стал императором, то перестал вести дневник, не только потому, что не было времени, а еще и потому, что отчасти эту функцию выполняли камер-фурьерские журналы, коллекция которых находится в Российском государственном историческом архиве. Впрочем, понимал он и необходимость сохранения государственных и династических тайн³¹ и весьма ревниво следил за судьбой дневников и мемуаров членов императорской фамилии³². Для памятных книжек характерна «политическая» само-

²⁵ Из дневников Николая Павловича. С. 69.

²⁶ Записные книжки. С. 674.

²⁷ Сафонов М.М. Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166–182.

²⁸ Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 533–598.

²⁹ Киселева Л. Мифы и легенды «царской педагогики»: Случай Николая I // История и повествование: Сб. ст. М., 2006. С. 163–177 (Новое литературное обозрение. Вып. LVI).

³⁰ Столетие Военного министерства. 1802–1902. [Т. 2. Кн. 3]. Главная квартира. История Государевой свиты. Царствование Николая I / Гл. ред. генерал от кавалерии Д.А. Скалон; сост.: генерал-майор В.В. Квадри и капитан В.Н. Шенк. СПб., 1908. Пагинация 2-я. С. 55.

³¹ Выскочков Л.В. Император Николай I и архивы: династические тайны (архивы членов императорской семьи) // Архивы и история российской государственности. Вып. 2. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 98–105.

³² Выскочков Л.В. «После моей смерти сжечь»: Тайна шкатулки императрицы Елизаветы Алексеевны // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука. Посвящается Наталье Ивановне Яковкиной / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. (Тр. кафедры Истории России с древнейших времен до XX века. Т. III). СПб., 2012. С. 101–123.

цензура, хотя многие подробности семейной жизни он приводит не стесняясь. Встречаются многочисленные зашифрованные пометки латинскими буквами в скобках (вероятно, начальные буквы французских слов), понятные лишь автору: «f.l.t.d.h.», «f.l.s.d.d.h.», «f.l.d.d.h.», «f.l.t.d.d.h.», «b.l'u á l'a» и др.³³

Значение опубликованных памятных книжек Николая Павловича трудно переоценить. Да, можно согласиться с публикаторами записок, что для неискушенного читателя эти записи, сделанные «телеграфным» стилем, «кажутся на первый взгляд очень скучными и однообразными»³⁴. Они разительно отличаются от ярких писем или написанных хорошим слогом воспоминаний Николая Павловича. Но таков жанр, таков канон. Это записи для памяти, у Николая Павловича — прекрасной памяти. Поэтому маленький штрих, маленькая подробность должны были воскресить впечатления об упомянутом человеке, событии, настроении, местах пребывания.

Больше всего информации об участии в мероприятиях по долгу службы бригадным генералом. Забот прибавилось с назначением на должность дивизионного генерала 27 февраля 1825 г. Николай Павлович был назначен начальником 2-й гвардейской дивизии. Но одновременно Николай Павлович был генерал-инспектором по инженерной части, курируя строительство крепостей, казарм, госпиталей, подготовку саперных и пионерных частей, выезжая на маневры и учения в Красное село и литовско-белорусские губернии. Так, как уже было сказано, 30 августа (11 сентября) 1825 г. Николай Павлович отправился инспектировать строительство крепости и войска в районе Динабурга и вернулся 20 сентября (2 октября). Через три недели, когда Александр I находился в Таганроге, 24 октября (5 ноября) Николай Павлович записал в дневнике: «...получил благодарность от Ангела через Дибича за мой рапорт об инспекции, и что остаток 2-й пех[отной] дивизии отдан под мою команду...» (подчеркнуто Николаем Павловичем. — Л. В.)³⁵.

Записные книжки густо «населены» персоналиями. Многочисленны упоминания о служебных и семейных встречах с Александром I, который чаще всего фигурирует как «Ангел». Это подтверждает свидетельство супруги Николая Павловича Александры Федоровны, что они между собой называли императора «наш Ангел». Впрочем, так же назвала его и Елизавета Алексеевна, сообщая о кончине Александра I в Таганроге. Вероятно, в ближнем кругу это было принято. Впрочем, как пишет в воспоминаниях хирург Д. К. Тарасов, сопровождавший императора в поездках по России в 1820–1825 гг., был и альтернативный вариант: «Все трое братьев в фамильных отношениях всегда называли императора батюшкой»³⁶. Сравнение дневниковых записей Николая Павловича

³³ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 119, 128, 132, 134, 135, 139–143, 146, 148, 152, 162, 165, 167, 169, 172, 181, 433, 630, 631, 665 и др.

³⁴ Там же. С. 3.

³⁵ Там же. С. 655.

³⁶ Тарасов Д. К. Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение: По личным воспоминаниям лейб-хирурга. М., 2013. С. 111.

с соответствующими записями в камер-фурьерских журналах подтверждает их точность. В журналах дополнительно фиксируется время событий и встреч, и это «перекрестное» сравнение делает оба источника более информативными. Много свидетельств о контактах великого князя с другими членами императорской фамилии, их зарубежными родственниками (прежде всего многочисленными Вюртембергскими).

На страницах памятных книжек Николай Павлович предстает как заботливый отец семейства. Например, трогательные записи о рождении дочек. 30 августа (11 сентября): «в 4 ч. $\frac{1}{4}$ разрешилась без сильных болей и без криков маленькой Ольгой. Да будет во имя Господне тысячекратно благословенно за сие новое подтверждение его бесконечной благодати...» И далее: «Маленькая кричит как лягушка, молитва в спальне, жена целует малютку, все выходят, спустился проведать детей, показываю им Ольгу...»³⁷ Олинька потом постоянно упоминается в дневниках. Следующей девочкой была Александра. Еще во время пребывания в Берлине 4 (16) октября 1824 г. Николай записал: «...моя жена подозревает, что беременна (подчеркнуто Николаем Павловичем. — Л. В.), поддержи ее Бог, и, дай нам счастье видеть ее счастливо разрешившейся...»³⁸ Продолжение последовало 12 (24) июня 1825 г.: «...у себя, у жены, страдает, послал уведомить Матушку и Лейтена, приходят, в 11 $\frac{1}{4}$ в жена одним большим мучением производит на свет милую малютку Александрину... (Александрю Николаевну. — Л. В.)»³⁹. Много упоминаний о посещении детей, играх с детьми, состоянии их здоровья. Занимаясь с мальчиками, Николай Павлович старался развить в них военные навыки. Характерны записи: «Смотрел с мальчиками военные рисунки»⁴⁰; «стрелял из ружья для Саши»⁴¹, «поехал взглянуть на мальчиков, скомандовал им дефиле, сносно...»⁴².

На страницах памятных книжек по понятным причинам много сведений о придворных врачах. Прежде всего это лейб-хирург Александра I Я.В. Виллие, лейб-медик при великокняжеской чете В.П. Крайтон (Крейтон), доктор Марии Федоровны лейб-медик И.Ф. Рюль, лейб-медик императрицы Елизаветы Алексеевны К. Штоффреген (Штоффреген), лейб-медик Я.И. Лейтен, принимавший роды у Александры Федоровны. Отмечены и состоящий при Я.В. Виллие с 1820 г. и сопровождавший вместе с ним Александра I в пути хирург Д.К. Тарасов, зубной врач Н.А. Сосерот, акушерка Гесс. Вопреки распространенному мнению, Николай Павлович не обладал «железным здоровьем», его часто мучили головные боли, вызванные нарушением кровообращения.

³⁷ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 110.

³⁸ Там же. С. 480.

³⁹ Там же. С. 590.

⁴⁰ Там же. С. 138.

⁴¹ Там же. С. 272.

⁴² Там же. С. 179.

Это подтверждается и его собственными свидетельствами⁴³, иногда дополнительно сообщается о сильной слабости, жаре⁴⁴ или о боли в сердце⁴⁵, кровотечении из носа⁴⁶. Неоднократно сообщается о сильной зубной боли⁴⁷, о том, что он «в бешенстве из-за зуба»⁴⁸, что «вырвал зуб»⁴⁹. К лечебным и оздоровительным процедурам можно отнести прием ванн⁵⁰, включая серные⁵¹ и ножные⁵², посещение бани⁵³. На страницах дневников Николай Павлович, внимательный и заботливый муж, фиксирует состояние здоровья Александры Федоровны. Сообщается о ее болезнях и плохом самочувствии⁵⁴.

Служебные обязанности приводили к многочисленным контактам с офицерским корпусом, причем Николай Павлович в зависимости от ситуации выступал и как подчиненный, и как военачальник. Умение работать в бюрократическом механизме и выступать в этих двояких качествах было ему свойственно. Широко представлен генералитет, руководители различных военных структур и командиры гвардейских полков: А.А. Аракчеев (неприятные встречи), А.Х. Бенкендорф, К.И. Бистром, П.М. Волконский, М.С. Воронцов, М.Н. Гартинг, А.К. Геруа, П.В. Голенищев-Кутузов, многочисленные Голицыны, П.В. Гартунг, Е.А. Головин, И.И. Дибич, А.А. Закревский, П.Д. Киселев, П.А. Клейнмихель, В.В. Левашов, П.П. Мартынов, М.А. Милорадович, А.И. Нейдгардт, К.И. Опперман, Ф.В. Остен-Сакен, И.Ф. Паскевич, А.Н. Потапов, Н.Г. Сазонов, Е.К. Сиверс, Н.М. Сипягин, С.С. Стрекалов, Ф.И. Талызин, К.Ф. Толь, Ф.П. Уваров (в сокращенной форме «Уф!»), капитан и полковник Финляндского полка П.А. Храповицкий и др. При генерал-инспекторе по инженерной части Николае Павловиче состоял часто упоминаемый полковник Ф.И. Люце, начальник Гатчинского дворового управления и комендант Гатчины. Реже встречается имя будущего генерала от артиллерии, управляющего Царскосельским и Петергофским дворцовыми управлениями Я.В. Захаржевского.

Часто фигурируют адъютанты всех великих князей, в первую очередь самого Николая Павловича: И.Ф. Деллинсгаузен, А.П. Лазарев (будущий контр-адмирал, один из братьев Лазаревых), А.А. Кавелин, В.А. Перовский,

⁴³ Там же. С. 22, 29, 110, 532.

⁴⁴ Там же. С. 29.

⁴⁵ Там же. С. 110.

⁴⁶ Там же. С. 573.

⁴⁷ Там же. С. 527, 657, 661.

⁴⁸ Там же. С. 590.

⁴⁹ Там же. С. 573.

⁵⁰ Там же. С. 536, 631, 643.

⁵¹ Там же. С. 643, 648, 658, 659.

⁵² Там же. С. 28.

⁵³ Там же. С. 244, 501, 556. и др.

⁵⁴ Там же. С. 96, 119, 531, 573, 656.

П.А. Фредерикс, А.П. Ушаков («Лоло»), но чаще, чем другие, «Флам». Речь идет о флигель-адъютанте Николая Павловича Владимире Федоровиче Адлерберге, полное имя которого было Эдуард Фердинанд Вольдемар (с 1852 — министр Императорского двора и уделов). Только 25 ноября 1825 г., когда стало известно, что «Ангел очень плох»⁵⁵ и Николай Павлович вместе с ним остался ночевать в Зимнем дворце на половине Марии Федоровны, он назван своим именем Эдуард. В предшествующей записи, от 24 ноября и последующей от 26 ноября, он также был Фламом. Вероятно, это не случайно, Николай Павлович явно хотел, чтобы было понятно, о ком он пишет. Вообще все адъютанты великого князя сделали хорошую карьеру, так как отличительной чертой Николая Павловича была привязанность к людям, с которыми он работал. Неоднократно упоминается адъютант великого князя Константина Павловича Ф.П. Опочинин.

Впрочем, не со всеми офицерами складывались хорошие отношения, учитывая его вспыльчивый характер и мелочную до педантизма придирчивость. О конфликтах и наказаниях офицеров встречаются сведения и в памятных книжках. Среди многочисленных офицеров упоминаются будущие декабристы и люди их круга: В.С. Норов («норовская история»: записи от 8/20 февраля 1822 г., 14/26 марта, 27/8 марта)⁵⁶, поручик, затем капитан, л.-гв. Конно-Пионерного эскадрона М.И. Пушин, адъютант начальника Морского штаба, капитан-лейтенант К.П. Торсон. Особо сказано о дуэли 10 сентября 1825 г., подпоручика л.-гв. Семеновского полка К.П. Чернова (члена Северного общества) с флигель-адъютантом В.Д. Новосильцевым, закончившейся смертельными ранениями обоих. Николай Павлович узнал об этом 19 сентября, когда находился под Динабургом. Упомянут и привлеченный к следствию по декабристам полковник Ф.Ф. Гагарин.

Из придворных чинов чаще всего под псевдонимом «Папа» фигурирует бывший «кавалер» (воспитатель) Николая Павловича, и шталмейстер при великокняжеском дворе полковник П.П. Ушаков, с которым великий князь контактировал по поводу покупки лошадей и ремонта экипажей. В связи с этим появляется имя известного каретного мастера П.К. Фробелиуса. Часты упоминания об управляющем Гоф-интендантской конторой бароне П.Р. Альбедиле. Другие придворные чины: управляющий придворной конторой Николая Павловича А.И. Блок, обер-церемониймейстер (и гофмейстер) Д.М. Кологривов, камергер в должности гофмейстера А.П. Гагарин, гофмейстер Г.К. Моден, воспитатель великого князя Александра Николаевича капитан, затем полковник К.К. Мердер, протоиерей при церкви Аничкова дворца и духовник Императорской семьи Н.В. Музовский, секретарь Александры Федоровны И.П. Шамбо, статс-секретарь Марии Федоровны Г.И. Вилламов и многие другие.

Широко представлен дамский придворный штат. В нем состояли обер-гофмейстерина, гофмейстерины, статс-дамы, камер-фрейлины и фрейлины. В великокняжеских дворах их обязанности могли иногда выполнять и «прикоман-

⁵⁵ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 673.

⁵⁶ Там же С. 37, 39, 43.

дированные» лица от «большого двора». Просто как «графиня» именуется свой человек при дворе, Шарлотта Карловна Ливен, воспитательница детей Павла I, графиня с 1799 г., с 1826 г. — княгиня и светлейшая княгиня. После приезда Шарлотты (Александры Федоровны) в Павловск в 1817 г. она была первой, кто вошел к ней «без церемоний <...> и промолвила по-немецки: “Вы очень загорели, я пришлю вам огуречной воды умыться вечером”. Эта дама была пожилая, почтенная княгиня Ливен, которую я впоследствии искренне полюбила...»⁵⁷ Весьма значительной при дворе была роль статс-дамы и начальницы Смольного общества благородных девиц Юлии Федоровны Адлерберг, матери В.Ф. Адлерберга. Еще чаще упоминается гофмейстерина Юлия Федоровна Баранова, воспитательница дочерей великокняжеской четы. Часто упоминается статс-дама и с 1824 г. гофмейстерина Екатерина Васильевна Литта (жена графа Ю.П. Литта).

Большую роль при дворе играла подруга детства Александры Федоровны баронесса Цецилия Владиславовна Фредерикс (Сесиль), супруга адъютанта Николая Павловича барона П.А. Фредерикса, мать двух фрейлин. Особо следует выделить камер-фрейлину Марии Федоровны Е.И. Нелидову (фаворитку Павла I, ее племянница В.А. Нелидова станет позже «узаконенной» связью Николая I). Многочисленные фрейлины отмечены в именном указателе, в эти годы особенно часто Николай Павлович упоминает «Вареньку», фрейлину Александры Федоровны Варвару Павловну Ушакову, часто сопровождавшую великокняжескую чету, и «Катиньку» — Екатерину Петровну Шувалову, с 1823 г. супругу графа К. фон Шлиффена.

Многие факты свидетельствуют о живом интересе великого князя к событиям в мире, внешней политике. Так, 21 июля (2 августа) 1822 г. он упоминает «ужасы Испании» и чтение шифрованных депеш из Испании⁵⁸. Как раз в это время в ходе Испанской революции власть захватили «левые либералы». «Дымилась грозно Пиренеи» — писал тогда А.С. Пушкин. Другая тема, которая, конечно же, интересовала Николая Павловича, это обострение восточного вопроса в связи с восстанием в Греции, начавшемся в 1821 г. Находившийся тогда в Берлине великий князь Николай Павлович принял активное участие в денежном сборе в пользу восставших греков, боровшихся как за свободу Элады, так и за православную веру⁵⁹. Поэтому не случайно 2 (14) августа 1822 г. в памятной книжке появляется И. Каподистрия⁶⁰ — еще несколько лет назад бывший вторым статс-секретарем по иностранным делам (1815–1822), курировавший восточное направление, с мая 1822 г. в отставке, позднее до введения монархии президент Греческой республики (1827–1831). Став императором,

⁵⁷ *Александра Федоровна*. Воспоминания 1817–1820 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 141.

⁵⁸ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 89.

⁵⁹ *Божерянов И.Н.* Императрица Александра Федоровна, августейшая мать императора Александра II. 2-е изд. СПб., 1914. С. 174–175.

⁶⁰ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 96.

Николай I использовал банкротство Священного союза, чтобы занять более четкую и самостоятельную позицию в греческом вопросе. Следил Николай Павлович и за решениями конгрессов Священного союза. В записи от 27 февраля 1823 г. зафиксировано: «Читал веронские бумаги»⁶¹.

В дневниковых записях Николая Павловича упомянуты многие дипломаты: английский посол в Швеции, находившийся в 1825 г. в С.-Петербурге, Б. Блумфильд, член французского посольства П. Ш.А. Бургоэн, португальский «министр» Геррейро да Круз Рафаэль, член британской миссии Э.К. Дисборо, испанский посол Паэс де ла Кадена, французский посол Лаферроне (Феррон де ла Ферроне, неаполитанский Д.-К. Лудольф, шведский Н.Ф. Пальмстерн (Пальмшерн), нидерландский Г.Г. Перпонше. Чаще всего (10 раз) Николай Павлович встречался с Лаферроне, в свете этого становится понятно, почему французский посол самые трудные для Николая I часы в день 14 декабря 1825 г. провел рядом. Весьма любопытно упоминание Чарльза Страффорда-Каннинга, будущего виконта Страффорда де Редклифа, позднее влиятельного английского посла в Турции, известного русофоба, весьма способствовавшего развязыванию Крымской войны. 31 марта (12 апреля) 1825 г. Николай Павлович принял его в Знаменной комнате вместе с другими атташе посольств и оставил запись: «Нахальство Страффорда-Каннинга»⁶². Сравнительно редко Николай Павлович делал записи с такой экспрессивной окраской. Именно в этой связи становится понятным не нашедший объяснения в литературе редкий в дипломатической практике отказ Николая I принять в 1833 г. в качестве английского посла упомянутого Каннинга. С большим трудом императору удалось отклонить этого неприемлемого для него кандидата в послы⁶³. Между прочим, в камер-фурьерском журнале по первой половине (Марии Федоровне) сохранилась запись от 22 марта (3 апреля): «А в половине 3-го часа Ея Величество Государыня Императрица Мария Федоровна соизволила допустить к себе в гостиной комнате на отпускную аудиенцию Великобританского полномочного г. Страффорда Каннинга, о котором Ея Величеству докладывал камердинер Ласунский и он же его с церемониймейстером князем Гагариным вводил»⁶⁴.

В круг общения Николая Павловича входили также литераторы, в том числе учитель русского языка Александры Федоровны и великих княжон В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин, который читал свой труд в великокняжеской семье. Часто упоминаются встречи с художниками и приобретение их картин: Джордж Доу, М.Н. Воробьев, А.И. Зауервейд (художник-баталист, один из учителей Николая Павловича и его детей), Франц Крюгер, профессор К.Д. Фридрих из Дрездена, особо любимый Александрой Федоровной). Не забыты и архитекторы: З.Ф. Дильдин (главный архитектор Аничкова дворца), Адам Менелас

⁶¹ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 182.

⁶² Там же. С. 556.

⁶³ Записки Александра Ивановича Рибопьера // РА. 1877. Кн. 2. № 5. С. 21.

⁶⁴ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 г. Л. 220 об., 221.

(именно ему было поручено возведение коттеджа в «Александрии»), автор проекта Михайловского дворца К.И. Росси, К.Ф. Шинкель. Во время пребывания в Берлине 26 сентября (8 октября) 1824 г. Николай Павлович и Александра Федоровна посетили мастерскую скульптора К.Ф. Вихмана, и Николай отметил «прекрасную статую» жены, заказав себе повторение (позднее она была выполнена в мраморе; погибла во время пожара 1837 г. в Зимнем дворце)⁶⁵. 18 (30) декабря 1824 г. Николай Павлович отметил прусского скульптора Х.Д. Рауха. Это было только начало длительного знакомства. В 1840 г. скульптор работал в С.-Петербурге и создал бронзовые бюсты Александры Федоровны и Николая I. В изображении Николая властная повелительность римского императора-триумфатора сочеталась с чем-то болезненным и отражала внутренний трагический надлом души (в настоящее время в Русском музее).

Записные книжки Николая Павловича — полноценный источник для составления хронологии этого периода, в том числе и поездок великого князя как по России, так и за рубежом. Значительную часть жизни Николай Павлович провел в дороге, и большое внимание уделялось дорожным экипажам. Дворцовыми экипажами и конюшнями заведовала Шталмейстерская часть, в частности Придворная конюшенная контора. При ней существовали придворные мастерские по изготовлению экипажей и упряжи. Николай Павлович имел дело прежде всего со шталмейстером своего двора П.П. Ушаковым (Папа).

На страницах дневников нашло отражение всё разнообразие дорожных и прогулочных экипажей, которыми пользовались при дворе. Чаще всего упоминаются дрожки («дрошки»), в том числе «дрошки в одну лошадь», «городские дрошки в одну лошадь», двухместные дрожки, «двуконные дрожки» (иначе — «дрошки в две лошади»), двухместные дрожки, «дрошки в три лошади»⁶⁶. Не менее часто сообщается о различных типах колясок: «городская коляска», «городская коляска, запряженная четырьмя лошадьми рядом», «дорожная коляска», английская коляска, английская двухместная коляска, четырехместная английская коляска⁶⁷.

Закрытыми экипажами, такими как карета или закрытое ландо, Николай Павлович пользовался только во время поездок с женой и детьми. Типы карет тоже были разнообразными: двухместная карета для поездок в театр и прогулок с женой, двухместная карета четверкой, четырехместная карета⁶⁸. Довольно часто упоминается также ландо (от города Ландау): открытое ландо, «закрытое дорожное ландо», «четырёхместное ландо»⁶⁹. В зависимости от погоды верх мог открываться или закрываться. В записи от 27 сентября (9 октября) 1825 г.: «...поехал с женой в двухместном ландо, сначала открытым, потом закрытым,

⁶⁵ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 47.

⁶⁶ Там же. С. 76, 109, 119, 137, 138, 140, 141, 143, 147, 371, 631.

⁶⁷ Там же. С. 84, 96, 105, 199, 273, 239, 502, 582, 631.

⁶⁸ Там же. С. 127, 143, 168, 178, 185, 239, 472, 511 и др.

⁶⁹ Там же. С. 127, 143, 168, 178, 185, 239, 511 и др.

в Катерингоф (Екатерингоф недалеко от устья Фонтанки. — Л. В.)⁷⁰, высадились смотреть дом, обошли и вернулись в открытом ландо домой»⁷¹. Речь идет о деревянном дворце Екатерины I в Екатеринофе, где 1 мая ежегодно проводились гуляния «большого света», в 1823 г. стараниями М.А. Милорадовича екатерингофский сад был преобразен до неузнаваемости. Реже упоминается кабриолет⁷², «двуколка» (одна колесная ось)⁷³ и «прогулка в линейке с женой», в том числе в Павловске⁷⁴. Зимой Николай Павлович пересаживался на «сани на одну лошадь» или в «две лошади»⁷⁵.

Не обходилось и без дорожно-транспортных происшествий, когда в дорожной коляске ломалась колесная ось⁷⁶. Здание для музея было сооружено позднее, в 1857–1860 гг. Интересно, что при императоре Николае I в конце 40-х гг. XIX в. появилась мысль об устройстве Придворно-Конюшенного музея; приступили к строительству в 1857 г., а завершили в 1860 г.; были там и экипажи, которыми пользовался Николай I⁷⁷.

Прекрасный наездник, Николай Павлович на маневрах мог провести в седле 8 часов подряд, а вечером как ни в чем не бывало присутствовать на балу. Во время совместных прогулок верхом он был в наиболее хорошем расположении духа, тогда с ним легко можно было решить многие сложные вопросы. Именно верхом Николай Павлович изображен на известном групповом портрете «Николай I со свитой», исполненном Ф. Крюгером во время пребывания художника в Петербурге в 1832–1833 г. Отношение его к лошадям было особое. В памятных книжках Николай Павлович особо отмечает клички лошадей, на которых он был во время поездок, или на разводе: Ватерлоо, Орлов, Леди Кисс, Лолотта, Орвиль, Лалла Рук и др., иногда названных по масти (вороной, каурый, гнедой и т.д.)⁷⁸. Особенности характера Николая Павловича, его привычки в полной мере проявились по отношению к лошадям. Он привыкал не только к людям, но и к лошадям. На протяжении всего рассматриваемого периода это «Матильда». Лошадей можно было купить на Галерной улице у Корби и Росси⁷⁹. Жестокое обращение с лошадьми или причинение им вреда могло

⁷⁰ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 642.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 239.

⁷³ Там же. С. 591, 631.

⁷⁴ Там же. С. 82, 245.

⁷⁵ Там же. С. 161, 163–165, 167, 168, 179, 182, 184.

⁷⁶ Там же. С. 129. Подробнее см.: *Высочков Л.В.* Император Николай I на улицах С.-Петербурга и дорогах Санкт-Петербургской губернии Санкт-Петербургской губернии // Центр и регионы: Сб. ст. / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 287–313.

⁷⁷ Придворно-конюшенный музей. Рисунки исполнены в цинкографическом заведении Ф. Кройсь. СПб., 1891. Автор ст. под инициалами В. М.

⁷⁸ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 28, 46, 48–50, 93, 119, 200, 435, 510, 590, 636, 643 и др.

⁷⁹ Там же. С. 239.

привести Николая Павловича в бешенство. Рассказывая об одной загородной поездке в экипаже 13 (25) декабря 1822 г. Николай пишет: «Артамон пьяный, убивает лошадь, остановились, чтобы отпрячь <...> в Стрельне передал Артамона ординарцам от гусар, чтобы выпороли»⁸⁰.

Не случайно при Николае I в Александровском парке Царского села в 1827–1829 гг. архитектором Адамом Менеласом было возведено специальное здание для отслуживших свой срок лошадей «собственного императорского седла» — «Пенсионерная конюшня», а рядом возникло и кладбище для лошадей. Лошадей отправляли «на пенсию» примерно в 18–20 лет, а доживали они при хорошем уходе до 30–35 лет. В документах РГИА сохранилось немало дел по Придворной конюшенной конторе о помещении лошадей в конюшню и «О постановке памятников над падшими лошадьми Собственного Его Величества седла».

Николай Павлович имел также привычные маршруты пеших прогулок. Характерна надпись от 3 (15) марта 1823 г.: «...повстречал жену, спешил на Английской набережной, навстречу жене, Катинька (Е.П. Шувалова. — Л. В.), обратно с ней до Невского проспекта»⁸¹. Другое свидетельство от 21 октября (2 ноября) 1825 г.: «Поехал с женой в двухместной карте на Английскую набережную, пешком по набережной, Адмиралтейскому бульвару и Перспективе (Невскому проспекту. — Л. В.)»⁸². И на следующий день, 22 октября (3 ноября): «Гуляли пешком, зашли в английский магазин (на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы. — Л. В.)»⁸³.

На страницах записных книжек нашли отражение поездки Николая Павловича водой — по водным артериям С.-Петербурга, по Финскому заливу в Кронштадт и Ораниенбаум. Так, в записи от 23 мая (4 июня) Николай Павлович и Александра Федоровна вышли из Аничкова дворца, прошли до Фонтанки и «сели в куттер <...> по Фонтанке, Семеновскому каналу, Обводному, к Московской заставе...»⁸⁴. Вообще куттер — это тип одномачтового судна с косым парусом, предназначенного для прибрежного плавания. Далее упоминаются 12- и 16-весельный куттеры гвардейского морского экипажа⁸⁵, которые при попутном ветре могли достичь Кронштадта за 30 минут⁸⁶.

С 1815 г. по Неве и Финскому заливу пошли пароходы Ч. Берда, которые сначала назывались стимботами (паровыми суднами), а позже — на французский манер пироскафами (от греч. *pyr* — огонь и *skapnos* — судно). В памятной книжке в записи от 17 (29) октября 1825 г., описывая посещение Кронштадта,

⁸⁰ Там же. С. 160.

⁸¹ Там же. С. 200.

⁸² Там же. С. 654.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 580.

⁸⁵ Там же. С. 628, 642.

⁸⁶ Там же. С. 642.

Николай Павлович отметил, что «через торговый порт достиг нового пироскафа, зашел, грелся внизу, вернулся в Ораниенбаум в 25 минут...»⁸⁷ Позднее паровые придворные яхты прочно вошли в быт императорской семьи⁸⁸.

В 1824 г. великий князь Николай Павлович с Александрой Федоровной стали готовиться в зарубежный вояж, который, в отличие от предшествующей совместной поездки 1821 г., решено было совершить морем. Записные книжки Николая Павловича позволяют уточнить время и обстоятельства этой поездки на 84-пушечном линейном корабле «Эмгейтен». По материалам Ф.Ф. Веселаго, об этом походе написал Н.К. Шильдер⁸⁹. Но, судя по всему, первоначально этот сюжет вызвал у историка некоторое недоверие или, по крайней мере, сомнения у его слушателей во время сообщения Шильдера на заседании Императорского русского исторического общества. В дневнике А.А. Половцова от 1 марта 1901 г. осталась запись: «Вчера у государя в Зимнем дворце, в Малахитовой гостиной годовичное собрание исторического общества. <...> Шильдер — анекдотический рассказ о поездке в.к. (великого князя. — Л. В.) Николая Павловича в Берлин; ехали туда морем три недели, а возвращались через Варшаву на колесах, потратив на то шесть недель. Свежо предание, а верится с трудом»⁹⁰.

Точные даты и обстоятельства этого трудного путешествия отражены в записной книжке великого князя Николая Павловича. Было решено отправляться 24 июля (5 августа), когда задул попутный ветер. После прощания Александр I, Мария Федоровна, Александра Федоровна отправились в Ораниенбаум. Время от времени мешал встречный ветер, иногда сильный. В записной книжке от 3 (15) августа Николай Павлович записал: «...у жены морская болезнь, остается лежать на верхней палубе за ширмой и подушками, лег, чтобы меня не вырвало, на кушетке, в столовой, спал...»⁹¹. Шли мимо Борнхольма, Муна и Рюгена, затем корабль взял курс на Росток и бросили якорь в двух милях от Варнемюнде. Из-за сильного ветра только 8 (20) августа прибыли на рейд, а 9 (21) великокняжеская чета в сопровождении капитана I ранга П.Ф. Качалова на 14-весельном катере вошла в канал Варнемюнде и прибыла в Росток. Таким образом, все путешествие заняло 17 дней!⁹² Возвращался Николай Павлович, оставив в Европе Александру Федоровну для лечения. 24 октября (5 ноября) в час дня отбыл с В.Ф. Адлербергом из Берлина и после двухдневного пребывания в Варшаве продолжил путь, достигнув Кобрина 29 октября (10 ноября). Но еще предстояли дорожные злоключения и езда на телегах на пути в Динабург и далее путь на На-

⁸⁷ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 652.

⁸⁸ Русские императорские яхты: Конец XVII — начало XX века: Альбом / Авт.-сост.: В.В. Знаменов, А.Л. Ларионов, Т.Н. Носович. СПб.: ЦВММ, ГМЗ «Петергоф», ВИМАИВ и ВС, 1997.

⁸⁹ Шильдер Н.К. Указ. соч. Кн. 1. М., 1997. С. 151.

⁹⁰ [Половцов А.А.] Дневник Половцова // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 81.

⁹¹ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 449.

⁹² Там же. С. 445, 449, 450–451.

рву, всё это нашло отражение в дневниках Николая Павловича. В С.-Петербург после всех испытаний вернулись 12 (24) ноября и увидели последствия знаменитого наводнения. В целом сухопутный путь из Берлина в С.-Петербург занял 19 дней, на два дня больше морского⁹³. В рассказе Н.К. Шильдера в передаче А.А. Половцова явно какая-то неточность.

Записные книжки представляют интерес и для историков театра, так как Николай Павлович был заядлым театралом и посещал многие постановки как в С.-Петербурге, так и во время европейских турне, участвовал в домашних фарсах, в том числе и в Аничковом дворце. В С.-Петербурге упоминаются три театра: Большой, Малый и недолго просуществовавший театр на площади у Чернышева моста. Впрочем, театральные постановки устраивались и в Зимнем дворце, и в других императорских резиденциях. Большой театр (на месте современной консерватории) встречается чуть ли не единственный раз — 19 (31) января 1823 г., когда великокняжеская чета в карете отправилась в Большой театр на балет⁹⁴. Впрочем, он мог просто не называться в многочисленных упоминаниях посещения театра вообще⁹⁵.

Чаще всего называется Малый театр, который находился у Невского проспекта, там, где сейчас сквер перед Александринским театром, и с 1803 г. был в ведении дирекции Императорских театров. Он находился рядом с Аничковым дворцом и поэтому в дневниковых записях встречаются такие выражения: «иду пешком в Малый театр»⁹⁶; «пешком через сад в Малый театр»⁹⁷. 6 (18) февраля 1823 г. Николай Павлович был в нём вместе с Александрой Федоровной на французском спектакле, причем «пошел смотреть, как всё устроено в театре и каково освещение»⁹⁸.

Позднее, в связи с открытием Александринского театра Малый театр был разобран. Но место для него было определено Николаем I не случайно, ведь рядом был его семейный дом — Собственный Его Императорского Величества дворец. В Малом театре были как французские (в основном)⁹⁹, так и русские спектакли¹⁰⁰, и это тоже фиксируется в записных книжках Николая Павловича. В ряде случаев называются названия постановок. Кратковременным эпизодом в начале 1825 г. стал театр на площади у Чернышева моста (наб. Фонтанки, 57). Это был деревянный театр, перевезенный из Ораниенбаума. Выступали в нем русская и немецкая труппы. Новшеством было газовое освещение, но открытый

⁹³ Там же. С. 489–481.

⁹⁴ Там же. С. 178.

⁹⁵ Там же. С. 189, 433, 472, 481, 483, 486, 506, 509, 511, 537, 561, 641–642, 655–657, 663, 664, 669, 707, 725 и др.

⁹⁶ Там же. С. 641.

⁹⁷ Там же. С. 656.

⁹⁸ Там же. С. 187.

⁹⁹ Там же. С. 136, 139, 140, 174, 177, 182, 186, 187, 433, 668 и др.

¹⁰⁰ Там же. С. 172, 173, 188, 193.

1 января 1825 г. театр через два месяца сгорел до основания из-за треснувшей печки. 2 (14) марта Николай Павлович записал: «Встал, чтобы посмотреть, горит новый деревянный театр <...> опасность прекратилась»¹⁰¹. Камер-фурьерский журнал уточняет, что это было в 10-м часу вечера¹⁰².

Особого комментария требует сообщение о немецком спектакле — опере «Севильский цирюльник» Д. Россини 18 (30) января 1823 г.¹⁰³ Возможно, как предполагают публикаторы записок, это его опера «Альмавива, или Тщетная предосторожность», так как в это время пользовалась успехом опера «Севильской цирюльник» Джованни Паиезелло. Однако предположение, что это могло быть в «Эрмитажном театре»¹⁰⁴, вызывает сомнение. К этому времени он пришел в упадок и был возрожден в начале царствования Николая I в 1826 г. Впрочем, Николай Павлович второй раз упорно называет «Севильского цирюльника» Россини в дневнике от 1 (13) марта того же года, но с уточнением: «Немецкий спектакль в Гербовой (Гербовой зал. — Л. В.), “Севильский цирюльник” Россини, хорошо, русский дивертисмент...»¹⁰⁵ Известно, что когда Александра Федоровна прибыла в Россию в 1817 г., она плохо знала русский язык. Вместе с Николаем она посещала тогда немецкий театр на Дворцовой площади (ныне внутри комплекса зданий Главного штаба). Французской труппы с 1812 г. не было, она появилась в 1819 г. и стала три раза в неделю играть в Большом театре. В дальнейшем труппы сосуществовали. После постройки при Николае I Михайловского театра он стал преимущественно французским, а Александринский — русским.

В дворцовых интерьерах императорских и великокняжеских дворцов также давались небольшие постановки, обычно из двух произведений на французском и русском языках. Так, 1 (13) марта 1823 г. отмечено редкое событие: цесаревич Константин Павлович прибыл из Царского села в Аничков дворец во время спектакля¹⁰⁶. На следующий же день, 2 (14) марта, в Аничков дворец прибыли Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна и присутствовали на постановке водевиля Эжена Скриба «Миг неосторожности» и «Медведь и паша». Особо Николай Павлович оговорил, что «по-французски», т.е. французской труппой¹⁰⁷, так как в том же году драматург П.Н. Арапов создал русский вариант пьесы.

Во время зарубежных поездок, особенно на родину Александры Федоровны, Николай Павлович позволял себе участвовать в фарсах и театрализованных представлениях, посещал театры. Еще в 1821 г. вместе с Александрой Федоровной он участвовал в пьесе английского поэта-романтика Томаса Мура

¹⁰¹ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 537.

¹⁰² РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 г. Л. 174 об.

¹⁰³ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 178.

¹⁰⁴ Записные книжки. Комментарий. С. 708.

¹⁰⁵ Там же. С. 199.

¹⁰⁶ Там же. С. 199.

¹⁰⁷ Там же.

на восточные сюжеты «Лалла Рук», исполнив роль бухарского принца, а Александра Федоровна — дочь индийской принцессы. Спектакль сначала прошел в королевском дворце, а потом повторен в Берлинском театре. С этого времени «Лалла Рук» стало поэтическим псевдонимом Александры Федоровны. В ночь с воскресенья на понедельник 30 ноября (1 декабря) 1824 г. Николай Павлович вновь отбыл в Пруссию, встретился с женой. Страницы его дневников заполнены не только военными сюжетами, но и впечатлениями о посещении театральных постановок, в том числе и оперы¹⁰⁸. 14 (26) декабря 1824 г. он пишет о посещении берлинской Оперы: «Нурмахал» Спонтини, красивый спектакль, и красивая декорация, сюжет «Лалла Рук»¹⁰⁹.

Придворные праздники, маскарады, балы, а также с кем он вальсирует, игры (бильярд, лото, бостон) — всё это также присутствует в записных книжках Николая Павловича. Внимательно отмечает он присутствие или отсутствие вокруг себя «хорошеньких женщин»¹¹⁰. Отмечает, кто во время бала был с ним любезен (например, 27 февраля (8 марта) 1823 г. фрейлина С.А. Урусова, ставшая затем княгиней Радзивилл, будущая его фаворитка)¹¹¹. Впрочем, гораздо чаще на страницах дневников встречается другое: «читал», «читал вслух»¹¹², «смотрел гравюры»¹¹³, «рисовал»¹¹⁴, «музицировал»¹¹⁵. Известно, что Николай Павлович хорошо рисовал, обладал музыкальным слухом, хорошо пел, играл на духовых инструментах. Но есть и неожиданное. 15 (27) октября 1822 г.: «У жены, учился играть на фортепиано»¹¹⁶. И через полгода, 29 марта (29 апреля) 1823 г.: «Гатчинский вечер... концерт на кларнете Бреннера, приехавшего из Мюнхена <нрзб.>, аккомпанировал ему на клавесине»¹¹⁷. И, конечно же, роль Николая Павловича в переходе полковых оркестров от роговой музыки (уже в медном исполнении инструментов) к духовым медным оркестрам в современном понимании.

Упомянуты «музыка и трубы драгун», «музыка саперов» (с. 178), но чаще всего — «музыка Измайловского»¹¹⁸ или в другом месте — «кисло-сладкая музыка Измайловского»¹¹⁹. Музыка Измайловского полка на мотив народного

¹⁰⁸ Там же. С. 506, 507.

¹⁰⁹ Там же. С. 509.

¹¹⁰ Там же. С. 27, 68, 86, 484, 485 и др.

¹¹¹ Там же. С. 198.

¹¹² Там же. С. 24, 59, 87, 109, 122, 164, 167–169, 175, 181, 182, 184, 198, 238, 244, 271, 272, 520, 556, 591, 624, 638, 654, 661, 663, 666, 667 и др.

¹¹³ Там же. С. 171, 657 и др.

¹¹⁴ Там же. С. 124, 139, 164, 178, 184, 230, 472, 487, 492, 506, 520, 638, 640, 647–650, 653, 654, 657, 659, 660, 663, 664, 672, 697 и др.

¹¹⁵ Там же. С. 133, 134, 165, 167, 173, 174, 177, 180, 190, 197, 198, 648 и др.

¹¹⁶ Там же. С. 132.

¹¹⁷ Там же. С. 212.

¹¹⁸ Там же. С. 148, 154, 654.

¹¹⁹ Там же. С. 433.

силезского танца «лендер» звучала под окнами Александры Федоровны в день ее рождения. Под эту музыку Николай Павлович и принцесса Шарлотта танцевали в день своей помолвки в Берлине 23 октября 1815 г.

Упомянутыми сюжетами далеко не исчерпываются информационные возможности записных книжек великого князя Николая Павловича и можно только приветствовать введение в научный оборот этого ценного источника.

References

- Alexandra Feodorovna*. Vospominaniya 1817–1820 // Nikolaj I. Muzh. Otets. Imperator. M., 2000. S. 140–164.
- Andreeva T.V.* Tajnye obščestva v Rossii v pervoj treti XIX v.: pravitel'stvennââ politika i obščestvennoe mnenie. SPb., 2009.
- Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / Под ред. М.В. Сидоровой, М.Н. Силаевой. М., 2013.
- Korf M.N.* Voschestvie na prestol imperatora Nikolaya I // 14 dekabrja 1825 goda i ego istolkovateli (Gerzen I Ogarjoev protiv barona Korfa). M., 1994.
- Safonov M.M.* Mesždutsarstvie // Dom Romanovyh v istorii Rossii. SPb., 1995. S. 166–182.
- Камер-фурьеский журнал 1825 года // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. (28–1618). Д. 129.
- Tarasov D.K.* Imperator Aleksandr I. Poslednie gody žizni i zarstvovanija, bolezn, končina i pogrebenie. M., 2013.
- Šilder N.K.* Imperator Nikolaj Pervyj: Ego žizn' i carstvovanie. Kn. 1. M., 1997.

Список литературы

- Александра Федоровна*. Воспоминания 1817–1820 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 140–164.
- Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.
- Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / Под ред. М.В. Сидоровой, М.Н. Силаевой. М., 2013.
- Камер-фурьеский журнал 1825 года // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129.
- Корф М.А.* Восшествие на престол императора Николая I // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994.
- Сафонов М.М.* Междоцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166–182.
- Тарасов Д.К.* Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение: По личным воспоминаниям лейб-хирурга. М.: Кучково поле, 2013.
- Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Кн. 1. М., 1997.

П. В. Ильин

**«Биографический словарь» действительных
членов Императорской академии наук —
несостоявшийся проект академика
В. В. Латышева**

В числе других проектов и замыслов историко-научного характера, обсуждавшихся в стенах Императорской Санкт-Петербургской академии наук, несомненно, в разное время фигурировала и идея подготовки биографического словаря членов Академии наук с необходимыми библиографическими данными. Эта идея постепенно приобретала черты биобиблиографического справочника, в котором биографические очерки (включая автобиографии действующих членов Академии наук) сопровождалась перечнем основных трудов академиков и библиографией основной литературы, посвященной им. Можно сказать, что идея такого справочника не могла не зародиться одновременно с подготовкой первых специальных исследований по истории Академии и публикацией некоторых основополагающих источников (протоколов заседаний Конференции Академии наук XVIII в. и т. д.)¹.

Как известно, в дореволюционный период идея биобиблиографического справочника академиков в конечном счете была реализована, но только в канун 1917 г., на излете императорской эпохи в истории Академии, и в весьма

¹ *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870–1873. Т. 1–2; *Материалы для истории императорской Академии наук.* СПб., 1885–1900. Т. 1–10; *Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год.* СПб., 1897–1911. Т. 1–4. Отметим, что в томах «Истории...» П. П. Пекарского имеются биографические справки о некоторых членах Академии XVIII в., основанные на документах архива Конференции.

ограниченном виде: были изданы лишь биографии членов Академии, занимавших академические кафедры в 1889–1914 гг.² Публикация этого справочного издания, подготовленного в связи с 25-летним юбилеем пребывания великого князя Константина Константиновича на посту президента Академии, готовилась на протяжении ряда лет (с 1912 г., когда на Общем собрании Академии было принято решение о выпуске в свет истории Академии наук и ее научных учреждений, а затем образована «Комиссия по составлению исторического обзора деятельности Императорской Академии наук»³). Работа по подготовке юбилейной истории и биографического справочника осуществлялась под руководством неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга и при непосредственном практическом участии заведующего архивом Конференции Б.Л. Модзалевского — известного историка науки и литературы, генеалога, специалиста по биографике. Первый том биографического справочника академиков вышел в 1915 г., подготовка второго тома затянулась еще более: он появился в свет только в 1917 г., в условиях революционных событий. Справочник вышел в составе серии изданий, посвященных истории Академии наук как комплексу научных учреждений, публикация которой не была завершена⁴. Он сохраняет свое значение как первый систематический биобиблиографический справочник академиков, работавших в последние десятилетия дореволюционной эпохи.

Однако следует сказать определенно, что проект подготовки первого биографического справочника академиков, причем в наиболее полном виде — словаря всех действительных членов Академии с момента ее основания, возник значительно ранее изложенных событий.

В настоящей статье впервые в отечественной историографии делается попытка рассмотреть в самых главных чертах историю и главные особенности неосуществленного замысла биографического словаря членов Петербургской академии наук, относящегося к рубежу XIX и XX вв., на основе комплекса сохранившихся рукописных материалов, отложившихся в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук.

Предложение о подготовке первого биографического справочника членов Академии было сделано в самые последние годы XIX в. академиком В.В. Ла-

² Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915–1917. Ч. 1–2.

³ Протоколы заседаний Общего собрания Академии наук за 1912 г. Заседание 15 сентября. § 150; Протоколы заседаний Общего собрания Академии наук за 1914 г. Заседание 29 марта. § 113; Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1–1912. Д. 37. Л. 18. Программа исторических очерков ученых учреждений Императорской академии наук за 1889–1914 гг.; Л. 20. Программа для составления биобиблиографических очерков действительных членов Академии наук; СПФ АРАН. Разряд IV. Оп. 1. Т. 1. Ед. хр. 277. Л. 162, 209.

⁴ См. об этом: *Басаргина Е.Ю.* Научно-организационная деятельность Императорской Академии наук в 1889–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009.

тышевым. Сведения об этом предложении, как и обо всем проекте, вынесенном на суд Общего собрания Академии наук, содержатся в главном источнике о работе академической Конференции — протоколах заседаний Общего собрания.

4 декабря 1899 г. на заседании Общего собрания В.В. Латышев зачитал записку следующего содержания: «В предыдущем Общем собрании (§ 163) было, между прочим, постановлено, для сохранения памяти об умерших действительных членах Академии, печатать постоянно их список в “Памятной книжке”, издаваемой Академией, и начать таковой с 1889 года. Это постановление дает мне повод предложить благосклонному вниманию многоуважаемых товарищей следующие мысли. Наша Академия существует уже почти 175 лет. За этот долгий с точки зрения человеческой жизни период времени в рядах ее действительных членов перебивало множество ученых, из коих большинство оставило по себе известное, а некоторые даже — блестящее имя в науке. На нас, наследниках их чести и славы, лежит нравственная обязанность, с одной стороны, всеми силами пещись о развитии и усовершенствовании того, что сделано старшими поколениями, а с другой — хранить благодарную память о жизни и трудах представителей этих старших поколений. Биографии и труды многих из них хорошо известны, но есть и такие, которые в настоящее время почти или совсем забыты. Между тем как нам, академикам, так и всем, кто интересуется историей и успехами просвещения в нашем отечестве, даже <...> всякому образованному русскому человеку, должно быть желательно, а иногда, по тем или другим причинам, может оказаться и необходимым, иметь точные и возможно подробные сведения о жизни и трудах академиков предшествующих поколений. В настоящее время получение таких сведений, разбросанных во множестве книг и журналов XVIII и истекающего ныне XIX столетия, во многих случаях представляется до крайности затруднительным, и облегчение такого труда для всех нуждающихся в этих сведениях кажется мне делом насущной потребности; этой цели скорее всего мог бы удовлетворить биографический словарь академиков, в роде тех, которые издаются нашими университетами по поводу юбилеев, или словаря Исторического общества <...> В этот словарь должны были бы, по моему мнению, войти все действительные члены Академии (включая и бывшую Российскую академию), а также директоры, президенты и вице-президенты за всё время существования Академии. Так как словарь должен иметь справочный характер, жизнеописания должны быть кратки и заключать в себе только важнейшие биографические данные, по возможности тщательно проверенные, но при этом сопровождаемые: 1) указателем биографической литературы о каждом лице; 2) возможно полным перечнем его печатных трудов; 3) общей характеристикой его научной деятельности. Если Конференция угодно будет согласиться в принципе с мыслью о желательности такого предприятия, то осуществление его, вероятно, не представит непреодолимых затруднений, и я позволю себе думать, что каждый из моих многоуважаемых товарищей не откажется способствовать сохранению в потомстве памяти

о том или другом предшественнике по занимаемой им кафедре и притом внести некоторый вклад в историю той науки, которой он себя посвятил, а таким образом <...> проектируемый мною биографический словарь мог бы быть составлен в сравнительно короткое время»⁵.

После обсуждения этого предложения Общее собрание положило «сообщить возбужденный академиком Латышевым вопрос по Отделениям», чтобы последние рассмотрели практические стороны реализации замысла и подготовили предложения об участии в нём своих представителей.

Результаты обсуждения идеи В.В. Латышева в Отделениях рассматривались на одном из следующих заседаний Общего собрания в 1900 г. 13 мая 1900 г. председательствующий сообщил: «В заседании 4 декабря 1899 года (§ 183) академиком Латышевым был возбужден вопрос об издании биографического словаря академиков со времени основания Академии, и это предложение было сообщено на обсуждение каждого Отделения в особенности». Далее были зачитаны решения Отделений, принятые после обсуждения этого предложения. Физико-математическое отделение, «предвидя по многим причинам значительные трудности в исполнении этого предложения, не признало возможным возлагать новую обязанность на академиков и полагало более удобным предоставить заняться этим делом тому, кто бы сам пожелал»⁶. Историко-филологическое отделение постановило «просить академика Латышева принять на себя труд составления биографического словаря академиков, с тем чтобы, не касаясь оценки ученой деятельности лиц, в нем были помещены самые необходимые справочные сведения и библиографический указатель трудов академиков»⁷. Наконец, Отделение русского языка и словесности высказалось за «желательность того, чтобы кто-либо взял на себя продолжение исполнения труда покойного академика Пекарского <...> по документам академического архива, в котором уже обработано значительное число биографий членов Академии с самого ее основания»⁸. По итогам обсуждения на Общем собрании было положено «просить академика Латышева принять на себя труд составления проектированного им биографического словаря академиков»⁹.

Таким образом, инициатива В.В. Латышева — сделать подготовку биографического словаря академиков общеакадемическим коллективным трудом (каждый член Академии составляет биографические справки о своих предшественниках по занимаемой кафедре, включающие оценку их научной деятель-

⁵ Протоколы заседания Общего собрания Академии наук за 1899 г. Заседание 4 декабря. § 183.

⁶ Протокол заседания физико-математического отделения от 19 января 1900 г., § 18.

⁷ Протокол заседания историко-филологического отделения от 1 марта 1900 г., § 62.

⁸ Протокол заседания Отделения русского языка и словесности от 22 апреля 1900 г., § 177. Имеется в виду исследование П.П. Пекарского «История Императорской Академии наук в Петербурге» (СПб., 1870–1873. Т. 1–2).

⁹ Протоколы Общего собрания Академии наук за 1900 г. Заседание 13 мая. § 104.

ности) — не нашла поддержки у его сочленов по Академии. С другой стороны, Конференция и руководство Академии наук, судя по всему, были готовы официально поручить Латышеву работу над «словарем академиков».

Отметим главные черты задуманного В.В. Латышевым «биографического словаря»: он должен был носить справочный характер, биографии планировалось ограничить краткими основными сведениями, проверенными по известным источникам (возможно, по документам академического архива), они должны были сопровождаться полным списком научных трудов члена Академии и «указателем биографической литературы» о нём, т.е. важнейшими элементами библиографического сопровождения. Кроме того, Латышев выдвигал необходимость «общей характеристики научной деятельности» и научного наследия академика, что, с его точки зрения, лучше всего могли сделать представители соответствующих областей научного знания, поэтому, судя по всему, он и обращался к Общему собранию Академии.

В.В. Латышев рассчитывал на согласие как руководства Академии, так и своих товарищей, имея в виду важную задачу — подготовку первого в истории Академии наук биографического справочника ее членов. Однако идея коллективной работы, а особенно необходимость оценки научных трудов своих коллег и предшественников, не вызвали заинтересованного отклика у членов Академии.

Издание биографического словаря, предложенного В.В. Латышевым, не осуществилось. Однако это не означает, что работа над словарем не велась. Обращение к фондам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН привело к обнаружению материалов, которые, несомненно, являются рукописями «словаря академиков», автором и составителем которого был Латышев. Прежде чем обратиться к этим материалам, следует остановиться на личности составителя.

Василий Васильевич Латышев (1855–1921) — академик Петербургской академии наук (избран в 1893 г.), выдающийся филолог-классик, историк античности и эпиграфист. Происходил из чиновничьей среды Тверской губернии, предки ученого принадлежали к мещанскому сословию г. Калязина. Закончив в 1876 г. Императорский Петербургский историко-филологический институт, он работал преподавателем древних языков в одной из гимназий в Вильно. С 1880 г. деятельно занимался эпиграфикой, был командирован для изучения античных надписей в Грецию и на юг России (Одесса, Херсон, Крым, Таганрог), работал в петербургских и московских архивах, частных исторических собраниях, разыскивал и изучал древние эпиграфические памятники. В 1883 г. Латышев становится преподавателем греческой словесности в Петербургском историко-филологическом институте, который закончил семь лет назад, с 1884 г. — приват-доцентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета по кафедре классической филологии, одновременно читает лекции по древней истории на Высших Бестужевских курсах. 1 мая 1893 г. избирается ординарным академиком по кафедре классической филологии историко-филологического отделения Академии наук.

Научные интересы академика В. В. Латышева сосредотачивались на истории древнегреческих поселений на юге России, исследовании древних эпиграфических памятников на этой территории, изучении сообщений древнегреческих и латинских авторов о Скифии и Кавказе. Кроме того, в последние годы жизни он занимался трудами в области византийской агиографии, изучал памятники греческой христианской культуры и раннего славянства. В. В. Латышев — автор основополагающих трудов по эпиграфике античных памятников, найденных на территории Российской империи, фундаментальной публикации свода античных надписей древних городов Причерноморья, обширного исследования, посвященного анализу указаний античных авторов о Кавказе, Крыме и других районах Причерноморья, осуществленного совокупно с изданием свода литературных источников, содержащих эти свидетельства. Читатель впервые мог ознакомиться с двумя масштабными сводами практически всех известных на тот момент письменных свидетельств об античности на юге Российской империи. Оба труда до сих пор не утратили своей научной ценности, их источниковедческое значение для отечественного антиковедения невозможно переоценить¹⁰.

Из других трудов В. В. Латышева необходимо выделить монографии «О некоторых эолических и дорических календарях. Эпиграфические исследования» (СПб., 1883) и «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии» (СПб., 1887) — блестящие научные работы, в которых автор виртуозно использует весь комплекс доступных источников: литературных, эпиграфических, нумизматических, археологических. По полноте привлеченных материалов и глубине исторической реконструкции исследование В. В. Латышева об Ольвии не знало себе равных в русском антиковедении и до сих пор остается образцом историко-филологического изучения, посвященного греческому полису. Перу ученого также принадлежит ряд ценных исследований по древней истории Северного Причерноморья¹¹.

Фундаментальным трудам В. В. Латышева свойствен высокий научный уровень: исчерпывающая внешняя характеристика документов, точность, тщательность и корректность их воспроизведения, полнота филологических и исторических комментариев. Всё это делало труды В. В. Латышева заметным явлением в антиковедении и вообще в научной жизни России, имя и исследования ученого приобретают широкую известность как в стране, так и за ее пределами. Он был избран почетным членом Юрьевского университета, Санкт-Петербургской духовной академии, членом-корреспондентом Берлинской академии наук.

¹⁰ *Латышев В. В.* 1) Свод античных надписей, найденных в Северном Причерноморье. СПб., 1885–1916. Т. 1–2, 4 (4 вып.); 2) Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1900–1906. Т. 1–2 (5 вып.).

¹¹ *Латышев В. В.* 1) Очерк греческих древностей. Вильна, 1888–1889. Ч. 1–2; 2) Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического. СПб., 1884; 3) Краткий очерк истории Боспорского царства. Симферополь, 1893; 4) ПОНТИКА. Сборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909.

Научный метод исследователя сформировался под влиянием его учителя, известного антиковеда и филолога-классика, профессора Петербургского университета Ф.Ф. Соколова, научным работам которого, по оценке В.В. Латышева, было свойственно «установление и всестороннее освещение исторических фактов путем детального критического изучения всех относящихся к ним источников»¹². Этому принципу своего учителя В.В. Латышев следовал неукоснительно. Его труды отличаются стремлением не только уяснить факты, но и установить их взаимосвязь, определить причинность явлений, что удавалось исследователю благодаря его энциклопедическим знаниям в области античной истории. Вклад В.В. Латышева в антиковедение, классическую филологию и эпиграфику весьма велик, его анализу и изучению посвящена обширная литература¹³.

Необходимо отметить свойственную В.В. Латышеву увлеченность научными занятиями, его личную энергию, неутомимую деятельность и подвижничество в реализации поставленных перед собой научных задач. Фактически он один, без помощников, в течение многих лет собрал, изучил, прокомментировал и издал все найденные к тому времени в Северном Причерноморье греческие и латинские надписи, причем издал эту массу документов на самом высоком научном уровне — так, что это издание сразу же вошло в разряд классических публикаций.

В Академии наук В.В. Латышев неоднократно брал на себя обязанности по составлению научных отзывов и некрологов, равно как и по изданию трудов академиков. Под его редакцией и при активном участии издавалось научное наследие епископа Порфирия (Успенского), К.К. Герца, В.Г. Васильевского, Ф.Ф. Соколова.

Следует сказать и о том, что В.В. Латышев одновременно с научными занятиями занимался активной научно-организационной, составительской и редакторской работой; ему принадлежали многие инициативы по подготовке и изданию научных и научно-справочных трудов. С 1900 г. он был товарищем

¹² *Латышев В.В.* Некролог Ф.Ф. Соколова // Гермес. 1909. № 15.

¹³ См.: Василий Васильевич Латышев. Краткий очерк двадцатипятилетней литературной деятельности его. 1878–1903. СПб., 1903; *Жебелев С.А.* Василий Васильевич Латышев // Византийский временник. 1926. Т. 24. С. 105–110; *Успенский Ф.И.* Памяти академика В.В. Латышева // Изв. АН СССР. Т. 20. № 9. 1926. С. 577–584; *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1931. Ч. 2. С. 135–138; *Ельницкий Л.* Памяти академика В.В. Латышева // Вестник древней истории. 1946. № 4. С. 166–167; *Шкляев Н.П.* Выдающийся русский эпиграфист академик В.В. Латышев // Уч. зап. Казанского ун-та. Т. 112; кн. 5. 1952. С. 117–151; Значение работ академика В.В. Латышева для изучения античной истории (к 100-летию со дня рождения) // Вестник древней истории. 1955. № 4. С. 3–9; Памяти В.В. Латышева // Советская археология. 1958. Т. 28. С. 3–4; *Новосадский П.И.* Об ученых трудах академика Василия Васильевича Латышева // Там же. С. 5–6; *Книпович Т.Н.* Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья // Там же. С. 7–14; *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. Историографические очерки. Изд. 2-е. СПб., 2006. С. 254–289.

председателя Императорской Археологической комиссии, редактором большинства ее изданий, основателем и бессменным редактором «Известий Императорской Археологической комиссии», под его редакцией вышли 50 выпусков этого повременного органа. Он руководил составлением указателей к отчетам комиссии за 17 лет ее деятельности, по его инициативе был составлен и издан систематический каталог книжных собраний Археологической комиссии¹⁴.

Кроме того, В.В. Латышев был участником ряда научных и научно-просветительских обществ, в том числе долгие годы являлся почетным членом, а в 1918–1921 гг. — председателем Императорского (затем Российского) Палестинского общества. По его инициативе и под его руководством был составлен систематический каталог книжной коллекции Палестинского общества. В.В. Латышев являлся секретарем классического отделения и членом редакционного комитета Императорского Русского археологического общества, председателем Санкт-Петербургского общества классической филологии и педагогики, председателем организационного комитета 1-го Всероссийского съезда преподавателей древних языков, редактировал издание материалов съезда (1911 г.)¹⁵.

Следует также отметить, что В.В. Латышев совмещал научную и научно-организационную работу с административной и государственной деятельностью. В 1887–1890 гг. он занимал пост директора гимназии при Императорском Петербургском историко-филологическом институте, затем долгие годы являлся директором этого института (1903–1918 гг.), в 1890–1893 гг. был помощником попечителя Казанского учебного округа¹⁶. В 1893 г., вместе с избранием в состав Академии наук В.В. Латышев занимает пост вице-директора Департамента Министерства народного просвещения, а через три года — должность директора Департамента. В 1898 г. ученый становится членом Совета министра народного просвещения, затем членом Ученого комитета Министерства народного просвещения. Под его редакцией печатались труды высочайше учрежденной «Комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе», одним из руководящих членов которой он состоял¹⁷. С 1902 г. Латышев был также членом «Комиссии по преобразованию высших учебных заведений» и редактировал публикацию ее трудов, а затем возглавил «Постоянную комиссию по университетским делам». Постепенно продвигаясь по адми-

¹⁴ Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). Т. 2: Биографический словарь членов общества. М., 1915. С. 195–196; Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. I. С. 413–429.

¹⁵ Латышев Василий Васильевич // Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. I. С. 413–429.

¹⁶ Пятидесятилетие Петроградского историко-филологического института. Биографический словарь лиц, окончивших курс института / Под ред. В.В. Латышева. Ч. I. Пг., 1917. С. 91–107.

¹⁷ Латышев Василий Васильевич // Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. I. С. 413–429.

нистративной лестнице как чиновник Министерства народного просвещения, Латышев приобрел потомственное дворянство, в 1905 г. получил чин тайного советника и, таким образом, был уравнен по своему положению с товарищем министра. События 1917 г. разрушили привычный образ жизни выдающегося ученого и крупного чиновника, так как прекратили свою деятельность многие институты, поддерживавшие существование классического образования и антиковедческих исследований, что, безусловно, стало для В.В. Латышева личной катастрофой: вскоре он тяжело заболевает и умирает в мае 1921 г.

Целеустремленный, энергичный, эрудированный, систематически подготовленный к широким научным занятиям талантливый ученый, который в своих трудах не ограничивался только областью непосредственных профессиональных исследований, академик В.В. Латышев, как мы видели, принимал самое активное участие в разнообразной научно-организационной работе (как в стенах Академии наук, так и за ее пределами), добился успеха в сфере административной и государственной деятельности. Современники отмечали в личности В.В. Латышева систематичность как научной подготовки, так и самой исследовательской работы, огромную работоспособность и высокую дисциплину труда. Так, Ф.И. Успенский писал: «Замечательно, что он мог взяться за прерванную работу по изучению какого-нибудь специального вопроса, — например, спорное чтение греческой надписи, перевод трудного текста и т.п., во всякое время, когда служебные занятия позволяли это. Для него не было затруднения с выжиданием настроения, что для многих из нас составляет психологическую потребность, он мог работать настойчиво и с упорством, пользуясь всяким свободным часом, какой оставляли ему сложные служебные занятия»¹⁸. Современники выделяли и свойственную В.В. Латышеву повышенную ответственность, склонность к точности и порядку, доходящую до педантичности, стремление к последовательной систематизации достигнутых научных результатов и планомерности их отражения в публикационной практике. В научной работе он ценил точность выводов, системность в подборе материала, полноту привлеченных данных, стремился к основательным, прочным и фундаментальным результатам исследования. Стремление к точности, порядку, способность к постоянным и систематическим научным занятиям порождали отмеченное выше пристрастие Латышева к редакторской, систематизирующей и каталогизаторской работе, которую ученый его положения далеко не всегда был склонен брать на себя¹⁹.

Даровитый ученый с большим запасом творческой энергии и немалыми научными амбициями, академик В.В. Латышев не раз приступал к фундаментальным работам, в чём ему в определенной степени помогали склонность

¹⁸ Успенский Ф.И. Памяти академика В.В. Латышева // Изв. АН СССР. 1926. Т. 20. № 9. С. 583–584.

¹⁹ Жебелев С.А. Василий Васильевич Латышев // Византийский временник. 1926. Т. 24. С. 105–110; Успенский Ф.И. Памяти академика В.В. Латышева // Изв. АН СССР. 1926. Т. 20. № 9. С. 577–584.

к систематической работе и развитое авторское самолюбие, желание первым заполнить существующие лакуны в научных исследованиях, которых в то время было немало, в том числе и в истории отечественной науки.

Сказанное выше в значительной мере объясняет, почему, несмотря на обилие имевшихся разнообразных обязанностей и собственные активные исследовательские труды, внимание В.В. Латышева привлекла история Академии наук, содержащая в себе еще множество «белых пятен». Совершенно неудивительно, что в этой связи ученый заинтересовался идеей составления ранее никогда не издававшегося, наиболее полного и систематического справочника биографий академиков, сопровождаемых необходимыми библиографическими данными. Представляется, что академик В.В. Латышев был в целом удачной фигурой для подготовки масштабного справочного издания — он имел склонность к такого рода работе.

Еще одно немаловажное обстоятельство, объясняющее, почему именно В.В. Латышев выступил инициатором подготовки биографического словаря академиков, заключается в том, что ученый отличался особым интересом к историко-научным трудам. В сферу его исследовательского внимания входила не только история научной области, в которой он специализировался, но и вообще история науки в России. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы архивного дела, содержащего справочные историко-научные материалы, собранные и обработанные Латышевым. Дело имеет заглавие «Биографические сведения о русских ученых (Валицкий–Выжевский)»²⁰. Все рукописи, составившие дело, — автографы В.В. Латышева. Они содержат сведения биографического и библиографического характера о 25 русских ученых — профессорах различных университетов. Латышев собрал на основе различных библиографических источников²¹ краткие данные о биографии и научных трудах этих ученых, а также указания о посвященных им воспоминаниях, некрологах, основной литературе. Датируются собранные Латышевым материалы этого дела концом 1890-х гг. По-видимому, это следы другого его большого замысла, идентичного замыслу биобиблиографического словаря академиков и посвященного представителям русской университетской науки. Сохранилась, вероятно, лишь небольшая часть работы: в деле имеются сведения об ученых, фамилии которых начинаются на букву «В». Данные о том, были ли собраны сведения о других университетских ученых, не обнаружены.

Теперь следует перейти к рассмотрению материалов, отложившихся в фондах Петербургского филиала Архива Российской академии наук, которые

²⁰ СПФ АРАН. Разряд IV (Р. IV). Оп. 6. Ед. хр. 105. 25 л.

²¹ Библиографическими источниками в данном случае служили главным образом печатные истории университетов, биографические словари профессоров, «Справочный словарь русских писателей и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и Список русских книг с 1725 по 1825 год» Г.Н. Геннади (Берлин, 1876–1880. Т. 1–2), ряд изданий Академии наук (в том числе «История Императорской академии наук в Петербурге» П.П. Пекарского), энциклопедический словарь Брокгауза–Ефрона.

непосредственно связаны с проектом биографического словаря академиков, предложенным В.В. Латышевым.

Среди документов, находящихся в собрании «рукописей трудов и отдельных документов», поступивших в архив Академии наук от разных учреждений и лиц (в том числе действительных членов Академии), обнаруживаются материалы, имеющие прямое отношение к интересующему нас проекту В.В. Латышева. Это — комплекс рукописей и картотека биографических справок, авторство которых, о чём свидетельствует анализ почерка, принадлежит В.В. Латышеву²².

На первом листе архивного дела имеется характерное заглавие: «Материалы для биобиблиографического словаря академиков, собранные академиком Латышевым в 1895–1900 гг.»²³. Важно отметить, что если опираться на эту запись, то можно утверждать, что работа над биографическим словарем академиков началась, по всей вероятности, задолго до предложения, прозвучавшего на Общем собрании в декабре 1899 г. — еще в 1895 г.

Вопрос о том, продолжилась ли эта работа после обсуждения, состоявшегося как на Общем собрании, так и на заседаниях отделений Академии наук в 1899–1900 гг., пока остается открытым.

Архивное дело, содержащее «Материалы для биобиблиографического словаря академиков...», включает 391 архивный лист. Все рукописи, вошедшие в состав дела, представляют собой автографы В.В. Латышева. Большинство листов образует картотека: на карточках в $\frac{1}{4}$ долю листа расположены сведения об академиках: краткие биографические справки (иногда — лаконичные отдельные записи) и библиографические данные.

Листы 2–9 заняты списками академиков, распределенных В.В. Латышевым по различным областям научного знания, которые в целом соответствуют специализации отделений, разрядов и кафедр Академии наук. Таких областей было выделено 12: математика (чистая и прикладная), астрономия, физика, химия и технология, геология и палеонтология, анатомия и физиология, естественные науки, история, юридические науки, философия, красноречие и филология, востоковедение (объединенное с санскритским и финским языковедением), в отдельный список было выделено Отделение русского языка и словесности. Члены Академии распределены по каждому из этих направлений. Всего, согласно карандашной помете автора, в этих перечнях им учтено 270 человек²⁴.

В.В. Латышев подсчитал количество академиков в каждой из перечисленных областей научной деятельности. У него получились следующие результаты: математика — 33 члена Академии, астрономия — 21, физика — 16, химия и технология — 22, геология и палеонтология — 6, анатомия и физиология — 8, естественные науки — 50, история — 20, юридические науки — 10, Отделение русского

²² СПФ АРАН. Разряд IV (Р. IV). Оп. 6. Ед. хр. 90. 391 л.

²³ Там же. Л. 1. Запись сделана не рукой В.В. Латышева.

²⁴ Там же. Л. 2.

языка и словесности — 47²⁵, философия, красноречие и филология — 16, востоковедение — 16²⁶. Напротив большинства фамилий членов Академии в списках приводятся сведения о годах жизни, а также дата избрания в Академию.

Данные, отраженные в анализируемых списках, охватывают период со времени основания Петербургской академии наук до конца XIX в. Последняя по времени учтенная дата принятия в ряды академиков, выявленная нами при изучении списков — 1899 г.²⁷

Далее, на листах 10–341, находятся биографические справки и библиографические данные, посвященные каждому члену Академии персонально, т.е. сама картотека словаря академиков, задуманного В.В. Латышевым. Листы с биобиблиографическими данными расположены по алфавиту. Они охватывают все виды членства в Академии — ординарных академиков, экстраординарных академиков, сверхштатных академиков, адъюнктов, а также руководителей Академии всех рангов (президенты, вице-президенты, секретари Конференции, конференц-секретари и непременные секретари)²⁸. Учтены также члены Российской академии (впоследствии II Отделение Академии наук). Кроме того, имеются данные о нескольких почетных членах Академии (сведения о них представляются, однако, далеко не полными).

По нашим подсчетам, всего карточек-листов с биобиблиографическими сведениями — 332, на них занесены данные о 303 членах Академии наук. Разница между количеством карточек и биографических справок об академиках происходит вследствие того, что сведения о некоторых членах Академии размещены на нескольких листах, а также из-за наличия дополнительных листов с выписками (справками) из различных документов, научных изданий, вырезок из газет, которые были приложены В.В. Латышевым к некоторым биографическим справкам. В качестве примера приведем одну такую дополнительную справку: «Мартини Христиан. После 1739 г. сведения о нем теряются»²⁹. Среди такого рода дополняющих отдельных листов встречаются справки, сделанные составителем, по всей видимости, в ходе более поздней работы.

Записи картотеки производились чернилами, более поздние пометы на этих записях (а также «дополняющие справки» на отдельных листах) — карандашом или чернилами. На обороте большинства листов, на которых осуществлялись записи, находится посторонний текст. Многие записи на карточках сделаны с сокращениями.

²⁵ В деле имеется особый лист, на котором помещен список академиков — бывших членов Российской академии, насчитывающий 11 человек. Список составлен, согласно помете В.В. Латышева, на основе труда М.И. Сухомлинова «История Российской академии» (Там же. Л. 4).

²⁶ СПФ АРАН. Разряд IV (Р. IV). Оп. 6. Ед. хр. 90. Л. 2–9.

²⁷ Там же. Л. 6 (избрание в академики А.С. Лаппо-Данилевского).

²⁸ Так, например, в числе занесенных на карточки лиц — президенты Академии наук С.С. Уваров, Ф.П. Литке, Д.А. Толстой, президент Российской академии Е.Р. Дашкова.

²⁹ Там же. Л. 205. В картотеке, помимо этой дополнительной записи, о Х. Мартини имеется и биографическая справка: «Мартини Христиан, акад[емик] сначала по кафедре физики, потом логики и метаф[изики], 1725–28» (Там же. Л. 204).

Формуляр биобиблиографической справки состоит из следующих основных элементов: фамилия, имя, отчество; принадлежность к определенной области научного знания; годы жизни (или год рождения); академическое звание или должность в управлении — президент, непреременный секретарь, ординарный академик, экстраординарный академик, адъюнкт и т.д.; дата избрания или назначения, дата увольнения или смерти; в большинстве случаев имеются библиографические списки с указанием страниц. В качестве примера приведем биографические данные карточки, относящейся к В.Е. Адодурову: «Адодуров Василий Евдокимович, математ[ика], род. 15 марта 1709, ум. 1778 или 5 нояб[ря] 1780, адъ[юнк]т 26.10.1733, ув[олен] в апр[еле] 1741, поч[етный]чл[ен] 1778»³⁰.

В ряде случаев биографические данные включают сведения об основных должностях, занимаемых будущим академиком до его избрания в ряды Академии наук, значительно чаще — сведения об академической карьере³¹. В особых случаях указывалось также местожительство члена Академии (если академик долгое время проживал за границей, уехал из России на родину и т.д.)³².

Анализируя материалы картотеки, следует заключить, что хронологические указания биографической части картотеки (годы жизни, даты избрания в ряды Академии, получения академического звания и т.д.) охватывают период с основания Академии наук до конца XIX в. Таким образом, основную часть записей картотеки необходимо отнести ко времени не позднее 1900 г.³³ Вместе с тем по характеру некоторых записей видно, что картотека дополнялась справками более позднего происхождения (не систематически, а в виде отдельных дополняющих записей на уже составленных карточках), касающимися в основном членов Академии — современников В.В. Латышева. Все они сделаны другими чернилами, некоторые дополняющие записи произведены карандашом. Эти записи по своему содержанию относятся к 1901–1905 гг. Последние по времени установленные нами записи картотеки относятся к 1905 г.³⁴

Область библиографических сведений варьируется от краткого перечня публикаций основных трудов члена Академии и упоминаний о нем — до развернутых и весьма подробных списков литературы (в первую очередь в случаях выдающихся ученых — таких как М.В. Ломоносов, Л.Н. Майков, Л. Эйлер и др.)³⁵.

Формуляр библиографических данных состоит из следующих элементов: основные труды члена Академии (монографии, другие исследования, важнейшие

³⁰ Там же. Л. 12.

³¹ См., например, карточки об адъюнкте Н.Н. Алексееве (Там же. Л. 13), академике и непреременном секретаре Академии наук Н.Ф. Дубровине (Там же. Л. 110).

³² Пример — Г.В. Абих (Там же. Л. 10).

³³ В этом отношении важна запись об избрании в ординарные академики А.И. Соболевского (1900 г.), сделанная, судя по внешним признакам, в ходе работы над картотекой (Там же. Л. 279).

³⁴ См., например, сведения о смерти М.И. Сухомлинова (1901 г.), О.В. Струве (1905 г.) (Там же. Л. 285, 286).

³⁵ Там же. Л. 194, 197, 333.

статьи); литература, посвященная научным трудам ученого; биографические исследования о нем в академических и других изданиях (прежде всего записки о научных трудах и заслугах членов Академии, печатавшиеся в «Записках Императорской Академии наук» при избрании в состав Академии и при получении нового академического звания); некрологи (в изданиях Академии, журналах, газетах); документы и другие материалы для биографии; воспоминания современников о члене Академии; статьи из справочной литературы (энциклопедии, словари, другие справочники); сведения о месте публикации списка трудов академика; сведения об опубликованных портретных изображениях. Иногда приводятся сведения об отчетах о научной деятельности члена Академии, помещенных в академических изданиях, а также исследования и публикации с упоминанием ученого.

В числе наиболее часто используемых источников, привлеченных В.В. Латышевым для составления биографических и библиографических справок, необходимо упомянуть следующие: «История Императорской академии наук в Петербурге» П.П. Пекарского (СПб., 1870–1873. Т. 1–2); «История Российской академии» М.И. Сухомлинова (СПб., 1874–1888. Вып. 1–8); «Материалы для истории императорской Академии наук» (СПб., 1885–1900. Т. 1–10 (изданные М.И. Сухомлиновым)); «Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год» (Т. 1: 1722–1743. СПб., 1897; Т. 2: 1744–1770. СПб., 1899); «Опыт российской историографии» В.С. Иконникова (Киев, 1891–1892. Т. 1. Кн. 1–2); «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» С.А. Венгерова (СПб., 1889–1897. Т. 1–5); «Справочный словарь русских писателей и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и Список русских книг с 1725 по 1825 год» Г.Н. Геннади (Берлин, 1876–1880. Т. 1–2); «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова (1772 г.), изданный П.А. Ефремовым в составе подготовленных им «Материалов для истории русской литературы» (СПб., 1867); отдельные истории гимназий и высших учебных заведений, в том числе «История Императорского Московского университета» С.П. Шевырева (М., 1855); «Дополнительное приложение к “Настольному словарю для справок по всем отраслям знания Ф.Г. Толля”» (СПб., 1875–1877. Вып. 1–2); энциклопедия Брокгауза и Ефрона; иностранные биографические справочники, в числе которых «Grosses vollständiges Universal-Lexikon aller Wissenschaften und Künste» И.Г. Цедлера (в 68 т. Лейпциг, 1732–1754); биографические исследования и статьи, главным образом об иностранных ученых, ставших членами Петербургской академии наук (использовались публикации исторических журналов «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник» и др.). Кроме того, были привлечены «Записки Императорской академии наук», протоколы Общего собрания Академии, другие академические печатные материалы и издания, в которых публиковались списки трудов членов Академии, их биографии, записки о научных трудах и заслугах, некрологи и т.д. Как уже говорилось выше, в отноше-

нии некоторых выдающихся ученых — членов Академии привлекалась дополнительная литература и составлялась более подробная библиография.

Вышеназванные публикации документов, исследовательские работы и справочные издания послужили для В.В. Латышева основными библиографическими источниками. Все они, как мы видим, относятся к периоду более раннему, чем 1900 г., что не противоречит сделанному ранее выводу о датировке работы ученого над картотекой. Вместе с тем имеются отдельные дополняющие записи библиографического характера, сделанные другими чернилами, относящиеся к более позднему времени, в основном к 1901–1902 гг.³⁶ Таким образом, следует заключить, что библиографическая часть картотеки, так же как ее биографическая часть, в основе своей части (без небольших по объему дополнений) была составлена не позднее 1900 г.

В целом нужно признать, что привлеченные В.В. Латышевым материалы обеспечили весьма основательную и достаточно полную оснащенность готовящегося словаря академиков как биографическими, так и библиографическими сведениями. По крайней мере, эти материалы успешно решали главную задачу, поставленную автором перед собой — составление биобиблиографических справок, содержащих в достаточном объеме и с необходимой представительностью основанную на авторитетных источниках всю первоначально необходимую информацию.

Следующие листы, 342–344 об., а также листы 380–382 архивного дела заняты данными, извлеченными В.В. Латышевым из «Истории Императорской академии наук в Петербурге» П.П. Пекарского и опубликованных протоколов заседаний Конференции Академии XVIII в., которые начали издаваться, судя по всему, практически одновременно с работой над «биографическим словарем» академиков³⁷. Цель, которую преследовал В.В. Латышев в данном случае, заключалась в том, чтобы собрать более подробную информацию об активности членов Академии наук в рамках основной их деятельности. Опираясь на протоколы (главным образом 1748–1766 гг.), он составлял сводные данные о присутствии членов Академии на заседаниях Конференции. Эти данные (в виде таблиц) записаны на двойных листах, подшитых в дело так, что две части этой работы оказались разделены³⁸.

Далее, на листах 346–378, содержится результат еще одного составительского опыта В.В. Латышева. Он попытался подготовить более подробные биографические справки, которые представляли собой развернутый свод данных

³⁶ См., например, указание на некролог и список трудов М.И. Сухомлинова, опубликованные в составе годового отчета Академии за 1901 г. в «Записках Академии наук» (Там же. Л. 286). В то же время, например, подобные сведения об умершем в 1904 г. неперменном секретаре Академии наук Н.Ф. Дубровине в библиографической части его карточки отсутствуют.

³⁷ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 1: 1722–1743. СПб., 1897; Т. 2: 1744–1770. СПб., 1899.

³⁸ СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 6. Ед. хр. 90. Л. 342–344 об., 380–382.

о деятельности членов Академии в рамках их академических обязанностей. Сведения извлекались из уже упоминавшихся двух основных источников — «Истории Императорской академии наук» П.П. Пекарского и протоколов заседаний Конференции за 1740–1760-е гг. Каждое указание сопровождалось ссылкой на источник (протоколы Конференции) или данные, введенные в научный оборот П.П. Пекарским. Извлеченный материал был также распределен по персональным биографическим листам. Сведения, отраженные на этих листах, относятся к 1740–1760-м гг. Это, как правило, указания, фиксирующие доклады, отчеты, иные выступления членов Академии, отражающие их научную и педагогическую деятельность, участие в экзаменах, в научных экспедициях Академии, в академических событиях, собраниях, торжествах, отдельные биографические данные и т.д. По существу, перед нами своеобразная подробная хроника научной деятельности ученого, сопряженная с основными датами его биографии. В одних случаях эта хроника представлена более подробно, в других — менее, иногда эта работа была только начата, собраны лишь первоначальные сведения. Всего в рамках этой работы В.В. Латышев составил 33 листа с более подробными данными о служебной и научной деятельности 33 членов Академии.

Следует отметить, что в подавляющей своей части это те же персоналии, что были отражены в основной картотеке готовящегося словаря. Вместе с тем есть и исключения: две персоналии имеются только в этом небольшом комплексе «развернутых» биографических справок и отсутствуют в основной картотеке биографий. Это Иван Григорьевич (Иоганн Фольрат) Бакмейстер (ум. около 1794), состоявший с 1754 г. библиотекарем Академии наук и, согласно указаниям, извлеченным Латышевым, находившийся в 1765 г. в звании адъюнкта, и Рафаэль Расесс, назначенный адъюнктом в 1764 г.³⁹ Очевидно, сведения о них В.В. Латышев получил впервые, в результате систематического и последовательного просмотра вышеуказанных двух источников.

Кроме того, на отдельном листе В.В. Латышев фиксировал основные события академической жизни, которые относились к данному периоду (в основном 1749–1759 гг.)⁴⁰.

По всей видимости данные материалы являются свидетельством попытки В.В. Латышева выйти за пределы первоначальной краткой биографической справки и подготовить более развернутый компендиум сведений об академической деятельности членов Академии, опираясь на имеющиеся в его распоряжении первоисточники. Датировать эту попытку следует принимая во внимание срок выхода в свет 2-го тома издания «Протоколы заседаний Конференции», на материалах которого основывался составитель — 1899 г. По-видимому, эта работа над более подробными справками об академической активности членов Академии наук велась в 1899–1900 гг., — т.е. практически одновременно со сде-

³⁹ СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 6. Ед. хр. 90. Л. 346, 366.

⁴⁰ Там же. Л. 379.

ланным В.В. Латышевым на Общем собрании Академии предложением о подготовке биографического словаря.

Завершается рассматриваемое дело (Л. 383–384, 385–391) двумя отдельными материалами — рукописной биографией академика Г.П. Бонгарда (1786–1839) и печатным экземпляром списка научных трудов К.С. Веселовского (1819–1901), многолетнего неперемного секретаря Академии наук. В том случае если эти материалы отложились одновременно, в едином комплексе документов с картотекой и другими бумагами, относящимися к замыслу подготовки «биографического словаря» академиков, они свидетельствуют о том, что В.В. Латышев предпринимал дополнительные усилия по сбору биографических и историко-научных материалов, необходимых для работы над словарем.

Итак, исходя из анализа рукописей, сохранившихся в комплексе материалов «биографического словаря» академиков, готовившегося В.В. Латышевым, следует заключить, что основная работа над словарем проводилась в 1895–1900 гг. У нас нет точных данных о времени начала работы В.В. Латышева над задуманным им словарем академиков, поскольку биографические и библиографические указания не дают возможности установить это, тем не менее дата, приведенная на заглавном листе архивного дела, дает некоторое основание для того, чтобы считать временем начала работы 1895 г., тем более что указанная здесь же дата завершения работы находит себе подтверждение по результатам анализа содержащихся в деле материалов. После 1900 г. (согласно выявленным хронологическим указаниям, в 1901–1905 гг.) Латышев лишь время от времени возвращался к этим рукописям, дополняя их отдельными справками.

В соседних с рассмотренным выше делом № 90 архивных делах материалы, относящиеся к «биографическому словарю» академиков В.В. Латышева, не обнаруживаются.

В другой части разряда IV в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН имеется дело под заглавием «Каталог биографий и ученых трудов членов Академии наук (на отдельных карточках)», авторство которого приписывается В.В. Латышеву⁴¹. Дело содержит более 2,5 тыс. карточек с библиографией научных трудов 24 академиков — в подавляющем большинстве современников Латышева, ученых рубежа XIX–XX вв. На карточках приводятся следующие данные: название научной работы, место и год издания, количество страниц (или страницы — для журнальных публикаций). Записи на карточках сделаны карандашом, разными почерками. Кроме карточек в деле имеются список трудов академика Н.П. Кондакова, датируемый 1911 г. (машинопись с правкой самого академика), биография и список трудов академика Ф.А. Бредихина (рукопись), датируемые 1904 г.⁴² Последние по времени библиографические записи в этой картотеке относятся к 1912–1913 гг.⁴³ Очевидно, к этому времени

⁴¹ СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Т. 1. Ед. хр. 250. 2533 л.

⁴² Там же. Л. 1а, 378–379 об.

⁴³ Там же. Л. 2449–2450.

нужно отнести сбор картотеки, образовавшей данное архивное дело. Таким образом, хронологически это более поздний комплекс материалов по сравнению с рассмотренной нами картотеккой В.В. Латышева.

Изучая материалы данного дела, мы не нашли никаких определенных признаков связи этих материалов с замыслом В.В. Латышева и рукописями рассмотренного выше архивного дела, содержащего картотеку с биобиблиографическими данными о членах Академии. Во-первых, в данном деле нет автографов В.В. Латышева. Во-вторых, в этой части разряда IV (Оп. 1. Т. 1) нет других документов, связанных с замыслом словаря В.В. Латышева. Более того, именно здесь сохранились материалы, связанные с другим биографическим словарем академиков, подготовка которого к печати, в отличие от словаря Латышева, увенчалась успехом. Это рукописные материалы и отдельные части корректуры известного издания «Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской академии наук», датируемые 1913–1914 гг. (т. 1) и 1915–1917 гг. (т. 2), занимающие четыре архивных дела в этой части разряда IV⁴⁴. В-третьих, библиографические сведения данной картотеки хронологически относятся ко времени подготовки «Материалов для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук» — 1912–1913 гг. Наконец, в-четвертых, как уже отмечалось, круг членов Академии, представленный в этой библиографической картотеке, ограничивается академиками, занимавшими кафедры в конце XIX — начале XX в., что полностью совпадает с замыслом опубликованного биографического словаря.

В силу всего сказанного возникают сомнения в принадлежности материалов данного дела В.В. Латышеву. Можно предполагать, что даже если эта картотека библиографических данных (главным образом, вероятно, полученных от самих академиков) и принадлежала Латышеву (чему, однако, нет никаких документальных подтверждений), то она могла собираться гораздо позже 1900 г., как дополнительный библиографический материал, пригодный для дальнейшей работы над словарем академиков, необходимый, в частности, для принципиального расширения библиографических сведений.

Других материалов, относящихся к задуманному В.В. Латышевым «биографическому словарю» академиков, в настоящее время в фондах Санкт-Петербургского филиала архива РАН обнаружить не удалось.

Остается рассмотреть вопрос о том, почему столь основательно начатая работа над первым биобиблиографическим словарем членов Академии не была завершена, несмотря на то что автор в рамках этой работы продвинулся довольно далеко вперед. Почему при всех благоприятных условиях — деятельной и систематически организованной натуре академика В.В. Латышева, его интересе к истории Академии наук, собранных им обширных биографических и библиографических данных, почерпнутых из опубликованных к тому време-

⁴⁴ СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Т. 1. Ед. хр. 274–277.

ни основополагающих источников и литературы, высказанной ему поддержке отделений и руководства Академии (в лице неперменного секретаря Н. Ф. Дубровина⁴⁵) — работа над биографическим словарем академиков не была доведена до конца?

Прямого ответа на этот вопрос в имеющихся в нашем распоряжении архивных и опубликованных материалах обнаружить не удалось. Возможно, сказала большая занятость В. В. Латышева его научными трудами, а также всей его разнообразной общественной и административной деятельностью, в том числе работой в Министерстве народного просвещения. Вероятно, его серьезным образом разочаровал фактический отказ товарищей по Академии наук принять участие в большой и ответственной коллективной работе по подготовке словаря академиков, что не могло не ударить по самолюбию автора предложения. Нельзя исключить и того, что поддержка руководства Академии не была достаточной для продолжения этой работы, а финансирование подготовки словаря отсутствовало. Наконец, через 12 лет после выступления Латышева на Общем собрании Академии с предложением о подготовке «биографического словаря» академиков, такого рода проект стал воплощаться в жизнь, когда в 1911–1912 гг. началась работа над серией юбилейных изданий Академии, среди которых был биографический словарь членов Академии наук, реализованный в 1915–1917 гг. Правда, он был менее масштабным и значительным по своему содержанию, поскольку охватывал не всю историю существования Академии. А еще раньше, в 1908 г., спустя 8 лет после инициативы В. В. Латышева, архивариус академической Конференции Б. Л. Модзалевский по поручению руководства Академии составил и издал список членов Академии со времени ее основания, который в некоторой степени ослабил актуальность публикации биографического словаря академиков⁴⁶.

Подводя итог, следует констатировать, что на рубеже XIX и XX вв. академик В. В. Латышев выдвинул амбициозный проект подготовки систематического справочного свода биобиблиографической информации — словаря академиков Императорской Петербургской академии наук. Особенностью проекта было то обстоятельство, что справочник охватывал всю историю Академии — от ее основания до начала XX в. Другая особенность заключалась в том, что это был не просто список академиков, а полноценный биографический справочник со всеми основными (хотя и краткими) сведениями биографического характера. Возможно, судя по сохранившимся рукописям, Латышев вскоре возымел намерение подготовить более развернутые биографические справки с подробнейшей летописью академических и ученых занятий каждого из членов Академии, опираясь на протоколы заседаний Конференции и другие документы

⁴⁵ СПФ АРАН. Ф. 110 (В. В. Латышев). Оп. 1. № 103. Материалы по деятельности В. В. Латышева в Академии наук. Л. 34 (Выписка из протокола Общего собрания за подписью Н. Ф. Дубровина).

⁴⁶ *Модзалевский Б. Л.* Список членов Императорской Академии наук. 1725–1907. СПб., 1908.

по деятельности Академии наук. Важной частью справочника должны были стать библиографические сведения, включающие как списки трудов членов Академии, так и основную литературу об их биографии и научной деятельности. Наконец, по замыслу Латышева, биографические очерки справочника должны были включать современную оценку научных трудов членов Академии, их вклада в соответствующую область научных знаний. Хотя сохранившиеся рукописи словаря не содержат такого рода сведений, этот существенный элемент замысла В.В. Латышева был оглашен им в ходе его выступления на Общем собрании, когда он представлял свой замысел на суд товарищей по Академии.

Если бы замысел биобиблиографического словаря членов Академии В.В. Латышева воплотился в жизнь, история Российской академии наук, как и история отечественной науки в целом, обогатилась бы весьма ценным, уникальным, на долгое время незаменимым, систематически организованным справочником, охватывающим практически всю дореволюционную историю Академии. В этом отношении он выгодно отличался бы от изданного в 1915–1917 гг. биографического словаря академиков, значение которого для истории отечественной науки хорошо известно⁴⁷.

References

- Akademiya nauk SSSR. Personal'nyj sostav. M., 1974. Kn. 1–2.
Basargina E. Yu. Nauchno-organizacionnaya deyatel'nost' Imperatorskoj akademii nauk v 1889–1917 gg.: Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. SPb., 2009.
Buzeskul V.P. Vseobshhaya istoriya i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka. L., 1931. Ch. 2. S. 135–138.
Elnickij L. Pamyati akademika V.V. Latysheva // Vestnik drevnej istorii. 1946. № 4. S. 166–167.
Frolov E.D. Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki. Izd. 2-e. SPb., 2006. S. 254–289.
Gennadi G.N. Spravochnyj slovar' russkikh pisatelej i uchenyh, umersihh v XVIII i XIX stoletiyah, i Spisok russkikh knig s 1725 po 1825 god. Berlin, 1876–1880. T. 1–2.
 Imperatorskoe Moskovskoe arheologicheskoe obshestvo v pervoe pyatidesyatiletie ego sushhestvovaniya (1864–1914). T. 2: Biograficheskij slovar' chlenov obshestva. M., 1915. S. 195–196.
Knipovich T.N. Vasilij Vasiljevich Latyshev kak issledovatel' Severnogo Prichernomor'ya // Sovetskaya arheologiya. 1958. T. 28. S. 7–14.
 Latyshev Vasilij Vasiljevich // Materialy dlya biograficheskogo slovarya dejstvitelnyh chlenov Imperatorskoj Akademii nauk. Pg., 1915. Ch. I. S. 413–429.
 Materialy dlya biograficheskogo slovarya dejstvitelnyh chlenov Imperatorskoj Akademii nauk. Pg., 1915–1917. Ch. 1–2.
 Materialy dlya istorii Imperatorskoj Akademii nauk. SPb., 1885–1900. T. 1–10.
Modzalevskij B.L. Spisok chlenov Imperatorskoj Akademii nauk. 1725–1907. SPb., 1908.
Novosadskij P.I. Ob uchenyh trudah akademika Vasiliya Vasiljevicha Latysheva // Sovetskaya arheologiya. 1958. T. 28. S. 5–6.
 Pamyati V.V. Latysheva // Sovetskaya arheologiya. 1958. T. 28. S. 3–4.

⁴⁷ В советское время к 250-летию основания Академии наук было выпущено в свет издание «Академия наук СССР. Персональный состав» (М., 1974. Кн. 1–2), которое содержит сведения об ученых, удостоенных избрания в Академию на протяжении XVIII–XX вв. В 1999 г. сведения этого справочника были уточнены и дополнены в новом издании «Российская Академия наук. Персональный состав», однако оба эти издания не могут заменить собой в полной мере биобиблиографический справочник членов Академии наук.

- Peckarskij P.P.* Istoriya Imperatorskoj Akademii nauk v Peterburge. SPb., 1870–1873. Т. 1–2.
 Protokoly obshhego sobraniya Akademii nauk za 1900 g.
 Protokoly zasedanii Konferencii Imperatorskoj akademii nauk s 1725 po 1803 god. Т. 1: 1722–1743. SPb., 1897; Т. 2: 1744–1770. SPb., 1899.
 Protokoly zasedaniya istoriko-filologicheskogo otdeleniya za 1900 g.
 Protokoly zasedaniya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti za 1900 g.
 Pyatidesyatiletie Petrogradskogo istoriko-filologicheskogo instituta. Biograficheskij slovar' lic, okonchivshih kurs instituta / Pod red. V.V. Latysheva. Ch. I. Pg., 1917. S. 91–107.
 Rossijskaya Akademiya nauk. Personal'nyj sostav. M., 1999.
Shklyajev N.P. Vydavushhijysya russkij epigrafist akademik V.V. Latyshev // Uch. zap. Kazanskogo un-ta. 1952. Т. 112, kn. 5. S. 117–151.
Uspenskij F.I. Pamyati akademika V.V. Latysheva // Izv. AN SSSR. 1926. Т. 20, № 9. S. 577–584.
 Vasilij Vasiljevich Latyshev. Kratkij ocherk dvadcatipyatiletnej literaturnoj deyatel'nosti ego. 1878–1903. SPb., 1903.
Zhebelev S.A. Vasilij Vasiljevich Latyshev // Vizantijskij vremennik. 1926. Т. 24. S. 105–110.
 Znachenie rabot akademika V.V. Latysheva dlya izucheniya antichnoj istorii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) // Vestnik drevnej istorii. 1955. № 4. S. 3–9

Список литературы

- Академия наук СССР. Персональный состав. М., 1974. Кн. 1–2.
Басаргина Е.Ю. Научно-организационная деятельность Императорской Академии наук в 1889–1917 гг.: Дисс. ... доктора исторических наук. СПб., 2009.
Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1931. Ч. 2. С. 135–138.
 Василий Васильевич Латышев. Краткий очерк двадцатипятилетней литературной деятельности его. 1878–1903. СПб., 1903.
Геннади Г.Н. Справочный словарь русских писателей и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и Список русских книг с 1725 по 1825 год. Берлин, 1876–1880. Т. 1–2.
Ельницкий Л. Памяти академика В.В. Латышева // Вестник древней истории. 1946. № 4. С. 166–167.
Жебелев С.А. Василий Васильевич Латышев // Византийский временник. 1926. Т. 24. С. 105–110.
 Значение работ академика В.В. Латышева для изучения античной истории (к 100-летию со дня рождения) // Вестник древней истории. 1955. № 4. С. 3–9.
Кнотович Т.Н. Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья // Советская археология. 1958. Т. 28. С. 7–14.
Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1900–1906. Т. 1–2.
Латышев В.В. Свод античных надписей, найденных в Северном Причерноморье. СПб., 1885–1916. Т. 1–2, 4.
 Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915–1917. Ч. 1–2.
 Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1885–1900. Т. 1–10.
Модзалевский Б.Л. Список членов Императорской Академии наук. 1725–1907. СПб., 1908.
Новосадский П.И. Об ученых трудах академика Василия Васильевича Латышева // Советская археология. 1958. Т. 28. С. 5–6.
 Памяти В.В. Латышева // Советская археология. 1958. Т. 28. С. 3–4.
Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870–1873. Т. 1–2.
 Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. СПб., 1897–1911. Т. 1–4.
 Пятидесятилетие Петроградского историко-филологического института. Биографический словарь лиц, окончивших курс института / Под ред. В.В. Латышева. Ч. I. Пг., 1917. С. 91–107.
Успенский Ф.И. Памяти академика В.В. Латышева // Изв. АН СССР. Т. 20. № 9. 1926. С. 577–584.
Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. Изд. 2-е. СПб., 2006. С. 254–289.
Шкляев Н.П. Выдающийся русский эпиграфист академик В.В. Латышев // Уч. зап. Казанского ун-та. Т. 112; кн. 5. 1952. С. 117–151.

В.Н. Семенова

Эфиопская иконография как источник по этноистории страны конца XIX — начала XX в.

Период конец XIX — начало XX в. в Эфиопии — это время активных внешнеполитических контактов между эфиопским государством, средневековым по своей сути, и западными державами, стремящимися расширить границы своего политического и экономического влияния. В период правления Менелика II (1889–1913) открываются дипломатические миссии, различного рода торговые предприятия, строится столица империи — Аддис-Абеба. В Аддис-Абебе стали появляться европейские товары, среди них — картины, иконы, книги. Конечно, это не могло не оказать влияния на художественную традицию христианской Эфиопии.

Наглядным примером происходивших в столичном обществе того времени изменений, связанных со вторжением инокультуры, ее эстетики и философии, служит картина из собрания МАЭ РАН № 4055–14. Она выполнена на бумаге размером 55,5×38 см. Вставлена в деревянную раму и застеклена уже в России.

В музей картина поступила из Государственного Эрмитажа в составе коллекции академика Б.А. Тураева в 1930 г. Он получил ее от доктора А.И. Кохановского, служившего при дипломатической миссии России в Аддис-Абебе с 1905 по 1912 г.¹ А.И. Кохановский привез в Кунсткамеру значительное собра-

¹ *Тураев Б.А.* Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902. С. 195; *Chernetsov S.B.* The aerial Flight of Alexander the Great in Ethiopian painting and literature // *Oriens Christianus. Hefte für die Kunde des christlichen Orients.* 1999. Bd. 83. P. 179.

ние образцов эфиопской традиционной живописи (37 номеров). Отдельную часть его коллекции составляют образцы зарождающейся светской живописи: портреты исторических лиц, изображения парадов, сражений — сюжеты, иконографию которых можно считать инновационной для местной художественной традиции.

Среди них выделяется картина № 4055–14, дающая общее представление об организации общества в империи Менелика II. Эту картину под названием «Классовая структура феодальной Эфиопии» Д.А. Ольдерогге приводит в качестве иллюстрации к статье «Население и социальный строй», опубликованной в сборнике «Абиссиния»². Р. Панкхерст описал ее как патриотическую³. Б.А. Тураев обозначил ее как лубочную политическую картину⁴. Исследователи правы в выделении различных содержательных аспектов этого изображения.

Композиция картины отличается большой сложностью. Всю ее верхнюю часть занимает круг красного цвета, обведенный рамкой из синей, белой (выцветавшей зеленой), желтой и красной полос, начиная изнутри. Д.А. Ольдерогге в упомянутой статье дает изображение этой картины и пояснение. Любопытно его интерпретация круга, в котором изображены цари в виде двух львов. Он считает, что они изображены в радуге.

В круг вписаны два льва один над другим. Верх занимает больший по размеру лев, идущий с поднятой правой передней лапой и смотрящий на зрителя. В правой передней лапе он держит посох с прикрепленным на нем знаменем в виде узкой ленты, заканчивающийся крестом. Голову льва венчает корона.

Надпись на языке геэз сверху гласит:

/moa anbäsa zäamnägädä Yəhuda/

«Победил есть лев, иже сей от колена Иудова» (Апокал. 5:5)

Эта фраза имеет библейское происхождение, отсылая нас к известному образу Льва иудейского. Лев как символ императорской власти, в частности власти династии Соломонидов, к которой относится Менелик II, очень популярен в Эфиопии по сей день. С XV в. в источниках (царских хрониках, воспоминаниях европейцев) встречаются упоминания о львах в связи с царской персоной⁵.

То, что большой лев символизирует Менелика II, сообщает надпись слева от образа:

/Mənilək dagəṁawī šəyümä əgziabəḥēr wānəguśā nəgāšt zäityopya/

«Менелик Второй, наместник Божий и царь царей Эфиопии»

² *Ольдерогге Д.А.* Население и социальный строй // *Абиссиния: Сб. статей.* М.–Л., 1936. С. 10–39.

³ *Pankhurst R.* Some Notes for a History of Ethiopian Secular Art // *Ethiopia observer* [Addis Abeba]. 1966. Vol. 10 (1). P. 33.

⁴ *Тураев Б.А.* Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902. С. 195–196.

⁵ *Pankhurst R.* Lions in Ethiopian culture // *Encyclopaedia Aethiopica.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 573.

Меньший по размеру лев, изображенный ниже, символизирует наследника трона принца Иясу. Его голову украшает «корона» из бело-синих цветов. Надпись справа гласит:

/ʼIyasu Mənilək dagəməwi/

«Иясу, Менелик второй»

Подобные надписи, содержащие имена и звания изображенных людей, называющие сюжет (войну, событие), являются характерной чертой эфиопской живописи этого периода. Язык надписей, как правило, амхарский, так как написанный образ должен был быть понятен местным людям. Геэз использовался обычно в библейских цитатах. На нашей картине мы видим иногда перевод, иногда странную смесь слов из обоих языков.

В правом верхнем углу изображен голубь в сиянии с бело-синими цветами, которые он несет Менелику. Надпись на смеси языков сообщает:

/məssale rəgəb wəzəmānfās qədus yāmərəč abäba yəza əndämätač näw/

«Подобие Голубя. И Святого Духа, когда он (голубь) является, неся цветок благовестия».

Ниже следует продолжение истории уже на языке геэз:

/wätəbe rəgəb amätä məḥrät dagəməwit nätgä amätä fədda qādamawi/

«и глаголет голубь: год милости второй упразднил год суда первого»

Происхождение высказывания неизвестно: по стилистике оно напоминает библейскую фразу пророческого характера. Возможно, эта фраза является ключевой для понимания всей картины.

Внутри круга написано поздравление на амхарском языке:

/ənqutaš amät kamät zämān kəzämān yašəgagəwo əlalähu ašəkärəwwo/

«Я говорю, Ваш слуга: “Энкутаташ даст Вам пройти год за годом, время за временем”»

Под кругом по центру представлена женщина в платье и накидке, напоминающим традиционное эфиопское платье /qämis/ и накидку /kabba/. Руками женщина поддерживают поставленную на голову плетеную корзину с бело-синими цветами. Корзина похожа на /mäsob/, традиционную плетеную корзину-стол. Фигура женщины окружена сиянием.

Надпись на языке геэз слева от нее сообщает:

/zatiyəti hägärənä ityopya wəəmüləmənīləktəsisī läkulu məgəbä fəsəḥa wätəšəwər məädä fəsəḥa/

«Се есть страна наша Эфиопия и мать Менелика; она питает всех дарами радости и несет трапезу радости».

Надпись справа на амхарском языке дает приблизительный перевод этой фразы:

/yämənīlək hägär ityopya məsob təšəkəma lähulu əndabäləčəwu/

«Страна Менелика Эфиопия, неся корзину, всем дает питание»

Отметим, что название страны и имя правителя — Эфиопия и Менелик, употреблены в одном контексте.

С каждой стороны от женщины сверху вниз изображены соответственно львы, быки и свиньи. Надписи сообщают, что львы символизируют «знатных принцев и князей», быки «подобие народа и народов», свиньи — «язычники»:

/mæssale
mäśafənt wämäkwanəṇət
ḥəzb wä aḥzab
arāmawəyan/

В самом низу под женской фигурой, олицетворяющей Эфиопию, дары приносящую, известная цитата из псалма 67:32 на языке геэз:

/ityopya tabäşəḥ ədäwiha habä əgziabəḥēr/
«Эфиопия прострет руки свои к Богу»

Весьма популярная в Эфиопии строчка из псалма 67 дает нам женский род существительного /'ityopya/.

Известен автор картины. Его подпись справа за рамкой изображения не сразу видна:

/uəḥ śəra zäaläqa ḥaddis yägänät säali/
«Эта работа алеки Хадиса, художника рая»

По символическому наполнению и содержанию картина представляет несомненный культурно-исторический интерес. Здесь ярко выражена идея наследования трона Менелика лиджем Иясу. Художник поместил малого льва под большим. Такой способ изображения императора и его племянника встречается на других холстах коллекции А.И. Кохановского — № 2594–22, 18, 30.

Картина № 2594–22, являющаяся образцом нового светского жанра в эфиопской иконографии, представляет в верхней части по центру Менелика и Таиту, в нижней части под ними — лиджа Иясу, обозначенного в надписи как «сын Менелика», хотя он был его племянником. По обеим сторонам от императорской семьи помещены крупные политические деятели того времени. На картине представлен рас Тэсэма — регент при лидже Иясу, который был назначен наследником в 1910 г. Рас Тэсэма скончался между 1 января 1911 и 3 июня 1911 г. Картину можно датировать, таким образом, 1910 — первой половиной 1911 г. Картина представляет интерес и с точки зрения отражения политической обстановки, царящей на тот момент в Абиссинии. На ней средствами традиционной иконографии показано официальное положение дел в правящей династии на период 1910–1911 гг.

Эта же идея читается на религиозной картине № 2594–18. Надпись повторяет надпись на холсте № 2594–22:

/ləḡ Iyasu wäldu lädagəməwi Mənilək nəguśä nəgäşt zäityopya/
«Лидж Иясу, сын Менелика Второго, царя царей Эфиопии»

Верхнюю часть холста занимает традиционный для эфиопской иконописи образ св. Троицы, вписанный в тетраморф — композицию из четырех символов евангелистов. В нижней — меньшей по размеру — части слева помещен Менелик с лиджем Иясу, справа — императрица Таиту с Заудиту, дочерью Менелика.

Центральную доску триптиха № 2594–30 целиком занимает лидж Иясу, хотя центр обычно предназначается для образа Богоматери с Сыном Ее возлюбленным.

Описанная манера представления лиджа Иясу позволяет нам датировать картины периодом 1910–1912 гг. В 1910 г. лидж Иясу был объявлен наследником престола. В начале 1913 г. А.И. Кохановский уже вернулся в Россию и презентовал свою коллекцию Музею антропологии и этнографии, как указано в коллекционной описи.

1909–1912 гг. характеризуются крайне напряженной внутривластной ситуацией в стране, когда император вследствие болезни фактически был неспособен управлять страной. Разворачивается борьба за власть между императрицей Таиту, женой Менелика, и высокопоставленными чиновниками, поддерживающими официального наследника лиджа Иясу. В условиях сложившейся в стране обстановки явное подчеркивание роли лиджа как преемника императора изобразительными средствами дало повод Б.А. Тураеву назвать картину «политической».

Однако если говорить о ее функции, то картина писалась, скорее всего, как своего рода поздравительная открытка императору к Новому Году или к празднику /Yäasë mäsqäl/⁶. Поздравление на амхарском адресовано Менелику. Образ цветка энкутаташ — бело-синих цветов, повсеместно присутствовавших в изображении, — является символом Нового года. Праздник /mäsqäl/, известный в христианском мире как праздник воздвижения Креста, приходится на 17-е число месяца /mäskäräm/ (27 сентября). С точки зрения ритуальной символики он связан с праздником Нового Года, который выпадает на 10 или 11 /mäskäräm/. Более того, в 1908 г. уже плохо себя чувствовавший Менелик выбирает /mäsqäl/ для одного из своих редких появлений на публике⁷.

Хотя столичные художники того времени активно писали картины для продажи иностранцам, в случае с рассматриваемой картиной, скорее всего, было не так. Видимо, она создавалась для местных нужд и имела целью поздравить Менелика и Иясу с упомянутыми праздниками. А.И. Кохановский мог получить ее в качестве подарка после того как праздник прошел и картина стала не нужна.

Образ женщины, названной «нашей страной Эфиопией», выглядит как предшественник хорошо известного образа Матери Эфиопии, ставшего популярным через несколько лет. Р. Панкхерст опубликовал две картины 1930–1940 гг., представляющих Эфиопию как коронованную женщину, протягивающую руки к солнцу. Рядом с ней представлен император Хайле Селлассе⁸. После

⁶ *Semenova V.* The Lion, the lion cub, The Oxen and the Pigs: Interpreting a 1900's Ethiopian Political Popular Painting // *The Life and Times of Lij Iyasu of Ethiopia: New Insights* / E. Ficquet, W. G. C. Smidt (Eds.). Zürich; Berlin: LIT Verlag, 2014. P. 78.

⁷ *Kaplan St.* Mäsqäl // *Encyclopaedia Aethiopica*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 840–841.

⁸ *Pankhurst R.* Some Notes for a History of Ethiopian Secular Art // *Ethiopia observer* [Addis Abeba]. 1966. Vol. 10 (1). P. 46, 65.

освобождения страны образы Матери Эфиопии рисовались также для украшения тэдж бетов⁹.

Анализируемая картина № 4055–14, вероятно, представляет одну из первых попыток выразить идею объединенной страны Эфиопии, населенной разными народами, но управляемой одним государем.

Иудейский лев как символ династии Соломонидов встречается не только на картинах, но и на печатях, монетах, официальных документах и в газетах. Император Менелик часто начинал свои письма словами «Победил есть лев, иже сей от колена Иудова». Концепция Льва иудейского применительно к царской власти и эфиопскому народу получила особое распространение в его правление¹⁰.

В целом же образ, представленный на холсте, не имеет аналогов, не обнаружено также прототипа, который бы автор алека Хадис мог использовать как образец для своей картины. Художник мог видеть похожую «социальную пирамиду» в какой-нибудь иностранной книге и перенести образ на эфиопскую действительность.

Также пока не удалось найти какой-нибудь информации о художнике с таким именем, работавшем в столице в начале XX в. Вполне вероятно, что разговоры о том, как должна строиться монархия, активно шли в образованных кругах Аддис-Абебского общества того времени. Последние в первую очередь были представлены духовенством. Подобные интеллектуальные устремления, поиски «истины» были характерны для Аддис-Абебы первой половины XX столетия — самого оживленного и прогрессивного, «космополитичного» города Эфиопии, с иностранцами, нововведениями и пр.

В любом случае, эта картина является единственным выразительным примером визуализации социальной и политической структуры эфиопской феодальной монархии того периода. Пожалуй, ее можно назвать действительно новаторской для эфиопской иконографии.

Светская картина, появившаяся в эфиопской культуре на рубеже XIX–XX вв., представляет интерес прежде всего с точки зрения художественного выражения некоторых этнокультурных и исторических реалий того времени. Сложился этот жанр под влиянием западноевропейской культуры, активно проникавшей в страну с открытием дипломатических миссий и торговых представительств.

Вместе с иностранной культурой пришли не только ее предметы и знаки, но и сформировался рынок услуг как естественный ответ на потребности европейцев в национальных сувенирах. Именно так получилось со светской картиной. Формируется рынок коммерческой картины — написанной на заказ — новое для эфиопской культуры явление, на тот момент не выходящее за рамки столицы Аддис-Абебы. Заказы брались исполнять церковные художники —

⁹ Тэдж бет /təǧǧ bet/ (букв. *амхар.* Дом медовухи) — эфиопский традиционный аналог баров, английских пабов.

¹⁰ Pankhurst R. Lions in Ethiopian culture // Encyclopaedia Aethiopia. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 575.

иконописцы. Коммерческим интересом объясняется большое количество портретов послов, видов посольств и сценок из эфиопской жизни в собраниях этнографических музеев.

Появляются художники, пишущие картины исключительно на светские темы. Их имена становятся известными. Одним из первопроходцев в этой области стал Фере Хейвет. Его кисти принадлежат две картины из коллекции доктора А.И. Кохановского. Одна — № 2594–24 — изображает самого доктора верхом на коне в сопровождении слуг. Вторая, № 2594–23 — парад эфиопских сановников. Картина № 2594–23 разделена на две части. В центре верхнего ряда представлен лидж Иясу, «сын Менелика II, царя царей Эфиопии», по обеим сторонам от него — крупные эфиопские вельможи, занимающие министерские посты, среди них непосредственные сторонники лиджа Иясу — его опекун рас Тэсэма и военный министр фитаурари¹¹ Хабте Гийоргис.

Названные картины вслед за Б.А. Тураевым можно определить как политические народные картины. Все они отражают в той или иной степени политические предпочтения эфиопской правящей элиты.

Возникает вопрос, насколько адекватно передают холсты из коллекции А.И. Кохановского настроения, царившие в столичном обществе того времени.

Отметим три принципиальных момента, важных для нашей темы.

Первый — это конструирование в обществе образа лиджа Иясу как наследника Менелика не только в политическом, но и в идеальном плане. Подчеркивание его статуса изобразительными средствами.

Второй — статусное изображение Иясу является следствием характерного для эфиопов «обожествления» императорской династии, что можно проследить на примере хроник царей прошлого Зара Якоба и Амда Сиона.

Третий — для этого они используют иконографические каноны и приемы писания, так как другие им просто неизвестны. Композиция картин, в частности их разделение на ярусы и выделение боковых клейм с центральным (№ 2594–22, 30), позаимствована из иконописи.

Помимо названных картин изображение лиджа Иясу и сановников, свидетельствующие о зарождении на основе сакральной живописи светской картины как специфического жанра, можно встретить в церковной росписи. Церковь Мэдхане Алем в Дэссие включает изображения раса Микаэля с лиджем Иясу и раса Микаэля с абуней Петросом. Церковь св. Георгия там же в Дэссие дает изображения раса Микаэля, лиджа Иясу, абуня Петроса и абуня Матеоса, пророка Илии на огненной колеснице, перед которым написаны молящимися рас Микаэль и лидж Иясу, ныгус Фасилидас на коне, император Теодор, император Сисиний и свита раса с лиджем Иясу, священники, солдаты, вооруженные винтовками¹².

¹¹ Фитаурари — титул крупного военачальника, в XVIII в. — командующего передовым отрядом царского войска (*Чернецов С.Б.* Эфиопская феодальная монархия в XVII в. М.: Наука, 1990. С. 305).

¹² *Pankhurst R.* Some Notes for a History of Ethiopian Secular Art // *Ethiopia observer* [Addis Abeba]. 1966. Vol. 10 (1). P. 16.

Интересный материал в плане конструирования образа монарха представляет церковь Энтото Мариам, которая содержала, по свидетельствам очевидцев, изображения Менелика и раса Мэконнена. Со сменой правящей верхушки эти образы были заменены. В конце 40-х гг. XX в. роспись включала портреты Менелика, Таиту, Заудиту и Тэфэри. В религиозные сюжеты были также включены правящие на тот момент лица: Коронация Девы с сидящей императрицей Заудиту и Богоматерь с Младенцем в окружении Менелика и Таиту¹³. Всё это работы известного художника Эмаилафа Херуя (Emailaf Heruy), чей отец — алека Херуй — расписывал церковь св. Георгия в Аддис-Абебе (Qəddus Giyorgis). Факт замены в церковной росписи правителей в зависимости от того, кто находился у власти, отмечает ряд исследователей — открывателей Абиссинии рубежа XIX–XX вв.

Так, экспедиция виконта де Бург де Боза (октябрь 1900 — май 1903), будучи в Аддис-Абебе (январь 1902 г.), посетила церковь Энтото Мариам. Наблюдение, сделанное виконтом, заслуживает отдельного упоминания: «Здесь (в церкви Энтото Марьям) не обошлось без некоторого желания обожествить или по меньшей мере приписать священные свойства правителям страны: портрет Менелика следует за портретом Христа в сюжете Тайной вечерни, а портрет раса Мэконнена помещен рядом с изображениями четырех евангелистов»¹⁴. Экспедиция пришла к выводу, что церковь Энтото таким образом выражает политические идеи, утверждавшиеся в эфиопском обществе того времени. Сделанное наблюдательным европейцем замечание является характерной чертой того времени — политические идеи в тот период нашли отражение и в текстах¹⁵, и в изобразительном искусстве, и в общественной жизни (письмо от 3 июня; 22 июля 1911, 17 ноября 1912: Дневники Чемерзиных).

Эфиопские художники, писавшие светские картины и портреты в начале XX в., все были иконописцами, т.е. людьми, получившими церковное образование. Изображая святые образы или события священной истории, они следовали предписанному канону. Именно канон помогал зачастую узнать представленного персонажа: с помощью так называемых опознавательных символов. Надписи служили тем же целям.

Приемы светской живописи, благодаря которым европейские художники передавали портретное сходство, эфиопам были незнакомы. При необходимости изобразить реально живущее лицо они были вынуждены пользоваться иконописной техникой, которая была им знакома. Самый наглядный пример

¹³ Pankhurst R. Some Notes for a History of Ethiopian Secular Art // Ethiopia observer [Addis Abeba]. 1966. Vol. 10 (1). P. 17.

¹⁴ Du Bourg de Bozas. De la Mer Rouge a l'Atlantique à travers l'Afrique tropicale (octobre 1900 — mai 1903). Paris: F.R. de Rudeval, Editeur, Rue Antoine Dubois, 1906. P. 214.

¹⁵ Действительно, в эфиопской литературе идея общественного устройства (по стратам) дана в известном труде аббы Бахрыя «Зенаху легалла», где он описывает эфиопский народ, сочинении алека Тайе «История эфиопского народа» /Yä'ityopya həzbatarik/и Адме Гийоргиса «История галла» /Yägalla tarik/.

такого переноса иконописных приемов в светскую живопись дает уже упоминавшийся выше триптих из собрания А.И. Кохановского, где основную срединную часть занимает изображение наследника престола лиджа Иясу № 2594–30.

Применение иконописной техники при написании портретов реальных лиц создает у зрителя представление о святости или по крайней мере уважении со стороны эфиопского мастера к изображаемому персонажу. Действительно ли мы имеем дело с чувством глубокого почтения и даже обожествления эфиопского монарха или же правильнее говорить о бессознательной «мифологизации» как об особом способе мировосприятия? Скорее, верно второе. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что картин, явно позиционирующих Иясу как сына, что не отвечает реальности, и наследника Менелика периода 1911 г., достаточно в коллекции МАЭ РАН. «Мы имеем дело не с историей в нашем понимании этого слова, а скорее с мифом, игравшим в жизни эфиопского общества несравненно более важную роль, нежели собственно история»¹⁶.

Характерной чертой эфиопской историографической традиции является создание «мифа» в отношении эфиопского государства, народа и особенно династии¹⁷. Можно предположить, что в период правления Менелика II этот процесс получает некоторую сознательную направленность. По этому периоду мы имеем достаточно источников — письменных и изобразительных — для того чтобы отследить и вычленить процесс создания «мифа» вокруг царствующей семьи.

Последний вариант читается в росписи иконостаса церкви Энтото Рагуэль — в сюжете об архангеле Рагуэле и Менелике, помещенном в плинтусе по соседству с сюжетом избияния св. Эстифаноса и образами св. Петра и Павла. Надпись сообщает:

/zäkämä wähabo qəddus Raguel bäträ lädagəmwäwī Mənilək nəguśä nəgäšt zäituorua/

«Как преподнес святой Рагуэль жезл победителя Менелику Второму царю царей Эфиопии»

Это уточнение было сделано в период поездок автора в Эфиопию 2007 и 2008 гг., когда удалось полностью сфотографировать иконостас церкви Энтото Рагуэль, иконописная программа которого тематически повторяет коллекцию № 2594 А.И. Кохановского из фондов МАЭ РАН.

Наряду с тем, что картина конца XIX — начала XX в. служит полноценным источником по политической и социальной истории страны, это также источник по этнографии Эфиопии.

¹⁶ Чернецов С.Б., Платонов В.М. Еще раз о воздушном путешествии Александра Македонского из Иерусалима в рай и обратно // Палестинский Православный сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 168.

¹⁷ См. династийный трактат «Слава царей» (XV в.) и легенду о царице Савской и Соломоне и их сыне Менелике, который считается первым эфиопским царем. Показательна в этом плане история концепции Льва иудейского, изложенная выше.

По образному содержанию и стилю картину этого периода можно назвать этнографической. Ее характерной чертой является так называемая «эфиопизация». Этот термин применительно к эфиопской сакральной живописи ввел в научный оборот Р. Панкхерст, ориентируясь на дневники и записи европейцев, посещавших Аддис-Абебу в начале XX в.¹⁸ Картина, содержащая в изображении знаки, символы, предметы традиционной культуры, часто становится в условиях современной цивилизации своего рода этнокультурным символом, призванным подчеркнуть национальную идентичность.

Инструментом для создания такой картины является включение в изображение реалий из эфиопской культуры и быта, что приводит к ее этнографичности.

Необходимо оговорить, что реалии из жизни, в частности изображения предметов традиционной материальной культуры, проникали в пространство иконописи и ранее. Этого не избежать ни одной иконографической традиции, так или иначе вписанной в рамки национальной традиции и культуры. При описании миниатюр исследователи обращают внимание на иконографические детали, «срисованные с жизни»¹⁹. Однако эти включения носят естественный характер и не меняют общего иконописного образа, не делают икону жанровой и не всегда встречаются в изображении. В отношении же сакральной живописи конца XIX — XX в. речь идет о частом и не всегда оправданном включении предметов быта и культа в изображение, в результате чего этот жанр живописи уже более приближается к сувенирной продукции.

Приведем примеры для подтверждения высказанного положения.

Ст. Хойнацкий упоминает кресты, которые держат в руках ангелы, святые и старцы на миниатюрах псалтыря из монастыря Дэбрэ Вьрк (Годжам), выписанные с такой четкостью, что по ним можно судить о традиции изготовления крестов в XV в. Та же история наблюдается с кадилами²⁰. Создатель миниатюр Четвероевангелия конца XIV — начала XV в. из обители Дэбрэ Хайк Эстифанос (предположительно) включил в сюжет о введении Христа во храм эфиопский табот, хотя в целом миниатюра следует византийской иконографической форме²¹.

Изображение платка, покрывающего голову Марии на процессуальных крестах XV в., исследователь относит к влиянию исламского, точнее персидского

¹⁸ *Pankhurst R.* Some Notes for a History of Ethiopian Secular Art // Ethiopia observer [Addis Abeba]. 1966. Vol. 10 (1). P. 12.

¹⁹ *Chojnacki S.* Major themes in Ethiopian painting. Indigenous developments, the influence of foreign models and their adaptation. From the 13th to the 19th century. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1983. P. 187.

²⁰ *Ibidem.*

²¹ *Heldman M.E., Munro-Hay S.C.* African Zion: the sacred art of Ethiopia / Catalogue by M. Heldman with S.C. Munro-Hay; ed. by R. Grierson. Addis Ababa: The Institute of Ethiopian Studies, 2006. P. 178–179.

искусства²². Помимо крестов плат, спускающийся с головы на шею только с одной стороны, можно видеть на некоторых эфиопских иконах второй половины XV в. Однако этот факт не меняет канонического образа. Беглый взгляд даже не заметит обозначенную деталь.

Изображение в позе молящегося царя Давида (1382–1413) в сборнике Чудес Марии (монастырь Гешен Марьям, провинция Уолло) также демонстрирует наряд эфиопского монарха того времени, как предполагает Ст. Хойнацкий²³. Длинная красочная туника и богатая тога — вероятно, эфиопская шамма с орнаментированным кантом. Шамма повязана вокруг талии — признак уважаемой персоны в Эфиопии. Правитель написан босым: эфиопы не носили сандалий, а при входе в церковь до сих пор оставляют обувь на пороге.

Сомнения исследователя относительно царских одежд можно понять. Действительно, наряды и предметы быта, включенные в пространство иконописи догондарского периода, часто трудно идентифицируемы, так как они особо не отличаются от общевизантийской традиции. Мафорий Богоматери — это накидка, которую носили женщины поверх туники в странах Ближнего Востока. Подобные детали — туники, тоги, сосуды, платки, оружие, стремена, имеют универсальный вид, восходящий к быту народов Ближнего Востока периода распространения христианства IV–XII вв. и сложения основных иконографических канонов.

Именно такой бытовой деталью, видимо, является подставка для ног, изображение которой с завидной регулярностью появляется в миниатюрах XV в. Характерная орнаментированная полосами обувь на ногах ангелов в эфиопских миниатюрах XIV–XV вв. также была заимствована из византийского искусства, в котором ангелы, естественно, получали королевское облачение. Со временем эта деталь исчезла под влиянием местного обычая ходить без обуви: ангелов стали писать босоногими²⁴.

Помимо этого заметное присутствие бытовых деталей неизбежно в тех иконописных изображениях, где написан внизу либо на отдельной доске заказчик образа, обращающийся таким образом к Богоматери или святому с молитвой о заступничестве. Такой «портрет» реально жившего лица — представителя знати либо императорской семьи, конечно, дает визуальное представление об одежде, украшениях, оружии определенной исторической эпохи, однако не передает характерных черт лица, являясь все-таки условным изображением.

²² *Chojnacki S.* Major themes in Ethiopian painting. Indigenous developments, the influence of foreign models and their adaptation. From the 13th to the 19th century. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1983. P. 189.

²³ *Chojnacki S.* Major themes in Ethiopian painting. Indigenous developments, the influence of foreign models and their adaptation. From the 13th to the 19th century. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1983. P. 194.

²⁴ *Chojnacki S.* Major themes in Ethiopian painting. Indigenous developments, the influence of foreign models and their adaptation. From the 13th to the 19th century. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1983. P. 198.

В рукописях часто в таких изображениях имя просящего стирается и пишется другое, хотя само изображение никак не меняется²⁵.

Информативными источниками по жизни и культуре эфиопского двора являются иконописные образы гондарского периода, когда традиция писать заказчиков становится широко распространенной.

В современной эфиопистике исследователи вполне обоснованно определяют гондарский период как переход к модернизации и выделяют жанровость как характерную черту II гондарского стиля. Соседство сюжетов, отражающих события местной истории, и изображений правителей или знатных особ с библейскими персонажами в росписи церквей отмечали европейцы, активно посещавшие Абиссинию с середины XIX в. Этот процесс проникновения светских элементов в сакральную живопись зафиксирован не только в Аддис-Абебе, но и в других городах Абиссинии: Челекот, Адуа, Асмэра, Гондар, Дэбрэ Маркос, Дэбрэ Табор, Дэссие. Они входят в состав провинций Гондэр, Годжам, Уолло, расположенных на север от современной Аддис-Абебы. Однако в Шоа — центральная Эфиопия — подобные сюжеты также были обнаружены в середине XIX в.²⁶

Тематически основную массу картин того периода составляют, конечно, религиозные изображения, уже занявшие в истории эфиопского искусства свое прочное место и обладающие сложившейся иконографической традицией²⁷. Но в начале XX в. изменения затрагивают и их.

Менее всего подверглась проникновению эфиопских этнических реалий в сакральное изображение икона Богородицы с Сыном Ее возлюбленным, выполненная в популярном типе Марии Маджоре. Это объясняется тем, что сюжет не является исконно эфиопским, как в случае с местными святыми. Однако и в этом случае некоторые моменты выдают влияние эфиопской традиционной культуры.

Образ младенца Христа, по мнению Ст. Хойнацкого, уже начиная с XVII в. постепенно приближается ко внешнему виду эфиопского мальчика. Так, завиток на лбу Христа и волнистые кудри, характерные для I гондарского стиля, уступили место самой обычной стрижке. Обувь младенца Христа выдает западное влияние, хотя традиционно все-таки эфиопские художники предпочитали писать Христа босым, что соответствует эфиопскому традиционному укладу жизни. Иезуиты пытались в 1620-х гг. привить эфиопскому двору привычку носить обувь, но безуспешно²⁸. На иконах из МАЭ РАН № 2594–1, 17, 29 и № 5340–5 младенец написан босоногим.

²⁵ *Balicka-Witakowska E.* Donors // *Encyclopaedia Aethiopica*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. Vol. 2. P. 192.

²⁶ *Pankhurst R.* Some Notes for a History of Ethiopian Secular Art // *Ethiopia observer* [Addis Abeba]. 1966. Vol. 10 (1). P. 15–18.

²⁷ *Fisseha G., Raunig W.* Mensch und Geschichte in Äthiopiens Volksmalerei. Innsbruck: Pinguin-Verlag, 1985. P. 15–16.

²⁸ *Chojnacki S.* Major themes in Ethiopian painting. Indigenous developments, the influence of foreign models and their adaptation. From the 13th to the 19th century. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1983. P. 227.

Книга, которую держит в руках Иисус на картине № 2594–1, представляет собой Евангелие, изготовленное по местному обычаю. Зрителю сразу бросается в глаза красный переплет книги, который Б.А. Тураев назвал «абиссинским». Действительно, такой переплет /gabata/ эфиопы делали для священных книг: евангелия, псалтыри, лестницы (грамматики) и т.п. Дощечки для обложки изготавливались из дерева /wanza/ (*Cordia abyssinica*), произрастающего в Эфиопии, либо из дикого масленичного дерева /wäyga/ (*Olea chrysophylla*). Иногда доски заменялись кусками толстой бычьей кожи, вымачиваемой в кислом молоке. Затем их обтягивали красной кожей, которая приклеивалась и заходила на внутреннюю сторону. Оставшийся квадрат заклеивался кусочком ткани. По коже делалось художественное тиснение с помощью нагретых металлических штампов. Каждая книга состояла из тетрадей, сшиваемых сухожилиями²⁹.

Стоит отметить, что в образах Марии Маджоре XVII–XVIII вв. показана книга явно западного происхождения с характерными застежками и корешком³⁰. Предполагают, что печатные книги ввозились в Эфиопию в течение XVI и XVII вв. В большинстве работ конца XVII в. книга писалась просто как квадрат с двойными линиями по краю, как на более ранних работах XIV в. Фронтиспис рукописи № 5340–5 и триптих № 2594–29 дает нам такой образец. № 2594–17 представляет собой просто светлый квадрат. Поскольку книга не считалась важной деталью, ее изображали упрощенно или даже условно, не выписывая деталей.

Отметим также, что в упомянутом евангелии на иконе № 2594–1 слова /lämaṅam/ «для Марии» написаны красным цветом. Это явление также объясняется эфиопской традицией писать священные имена красными чернилами во всех рукописях и книгах.

Теперь обратимся к фигуре Гебре Селласе, заказчика иконы № 2594–1. Он представлен в парадном облачении, именуемом /kabba lanqa/. Это вид шелковой накидки, расшитой золотом и серебром, которую носят титулованные и высокопоставленные лица.

В настоящее время такую накидку надевает на свадьбу жених. Этот обычай связан с тем, что у эфиопов /kabba lanqa/ символизирует честь и достоинство, ведь ее носили титулованные особы. На голове заказчика — традиционный головной убор священников, представляющий собой большой тюрбан, намотанный определенным образом /kəbas/. Часто головной убор священника называют также просто /təmtəm/³¹, что можно перевести как тюрбан, так как он

²⁹ По лекциям Вячеслава Михайловича Платонова, прочитанным в СПбГУ на Восточном факультете в 2001–2004 гг.

³⁰ *Chojnacki S.* Major themes in Ethiopian painting. Indigenous developments, the influence of foreign models and their adaptation. From the 13th to the 19th century. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1983. P. 226.

³¹ В хронике неизвестного автора, посвященной императору Феодору II, повествуется о драке двух священников: /yähulätumä äm ämiyawäddäqä.../, что означает «тюрбаны обоих упали...» (*Фуселла Л. (ред.)*. История императора Феодора. Написана эфиопом, чье имя неизвестно. Рим, 1959. С. 24).

представляет собой кусок ткани, намотанной на голову. В амхарском толковом словаре³² говорится о том, что носят этот головной убор священники, дэбтэра и арабы. При описании кыбаса указано, что именно священники надевают его.

Определенный интерес представляет платок, который держит Гебре Селла-се на иконе № 2594–1. Возможно, его изображение объясняется той же причиной, по которой на русских иконах святой, держащий Писание в руке, обязательно при этом держал в той же руке плат из почтения к священной книге, которую нельзя было брать «голыми руками».

Платок, который держит Богоматерь на иконе № 2594–1 и № 2595–17, был изображен на прототипе, т.е. на иконе Марии Маджоре. Это не помешало эфиопам показывать плат не только в руке у Богородицы, но и в руках у эфиопских царей и вельмож, чьи иконописные образы помещались в рукописи и включались в роспись мэқдэс /mäqdäs/.

На картине № 2594–22 из собрания МАЭ, написанной художником Касой, в руках у раса Тэсэмы и у лиджа Иясу, представленных фронтально сидящими в креслах (нижний ярус картины) (рис. 1), а также у эччеге³³ Вольде Гийоргиса, представленного фронтально стоящим (верхний ярус, правая сторона) (рис. 2), также изображены платки.

Рис. 1. Рас Тэсэма и лидж Иясу

Рис. 2. Эччеге Вольде Гийоргис

Еще больше этнографических реалий, которые делают священный образ более понятным эфиопскому зрителю, можно наблюдать в повествовательных иконографических сюжетах, где сам характер написанного предполагает некую

³² Амхарский словарь. Аддис-Абеба: Центр по изучению языков; Аддис-Абебский университет, 1993. С. 538.

³³ Эччеге /əččəgē/ — титул главного архимандрита всех монастырей Дэбрэ-Либаносского устава и настоятеля Дэбрэ-Либаносского монастыря. По своему положению в эфиопской иерархии эччеге был вторым после митрополита лицом. Объяснение значения терминов, обозначающих титулы и звания, в этой работе дается по изданию: Чернецов С.Б. Эфиопские хроники XVI–XVII веков / Отв. ред. О.С. Томановская. М., 1984. С. 368–371.

жанровость. Выразительным примером может служить сюжет со спасением людоеда Девой Марией (№ 2594–2).

На иконе людоед дает пить прокаженному из кувшина, какие эфиопы традиционно используют для хранения воды. Подобный кувшин хранится в собрании МАЭ РАН за номером 1086–87. Это сосуд с узким и широким горлом, кожаный, прошит широким ремешком кожи. По изображению кувшина на иконе видно, как им пользоваться. Широкое горлышко предназначено для наливания внутрь воды. Оно закрывается специальной пробкой, которую мы можем видеть на нижнем изображении, где кувшин представлен подвешенным на дереве. Узкое горлышко — для выливания воды. При этом второе горлышко зашито нитками так, чтобы оно было очень узким. Таким образом экономили воду, что важно в условиях местного климата и ландшафта.

За спиной людоеда на иконе видна калебаса — сосуд из тыквы, в котором местные жители носят питьевую воду. Лук, копье, накидка превращают иконописный сюжет в этнографическую картину. Насыщение изображения реалиями эфиопской культуры и быта делает его этнографичным, что и позволяет выделить этнографическую картину как самостоятельное явление в эфиопской иконографии.

На той же иконе показан нож — традиционный эфиопский, слегка изогнутый. Он носит название /кагга/, применяется для нарезания мяса и т.п.

Этнографична и одежда людоеда, изображенного на иконе: /surri/ — штаны до колен, которые являлись повседневной одеждой эфиопских крестьян. Обычно их шили из белой хлопчатобумажной ткани. Как мы видим, религиозный сюжет насыщен предметами не только традиционного эфиопского быта: одежда персонажей часто отражает и меняющуюся эфиопскую моду.

Даже способ подвешивания туши, представленный в нижнем клейме, отражает реалии походного быта абиссинцев. Об этом свидетельствует фотография (сент. — окт. 1901 г.), где показана разделка туши барана, остроумно озаглавленная «На подступах к кухне» (рис. 3)³⁴, которая полностью соответствует этой детали на нашей картине № 2594–2 (рис. 4).

На картине № 2594–3 одеяние Гэбрэ Крystоса — Человека Божьего, св. Алексия — вполне соответствует описанному в житии. На нем надето нищенское рубище. На руке у святого висит традиционное эфиопское приспособление, чтобы отгонять мошкар. Такой же предмет можно встретить в руках у эфиопских вельмож на светских картинах³⁵. В Эфиопии подобные метелочки-мухогонки используют до сих пор по прямому назначению — чтобы отгонять мух. Выполненные из слоновой кости или дерева, они служили знаком отличия высокопоставленных особ, подчеркивая тем самым социальный статус носившего ее.

³⁴ *Du Bourg de Bozas. De la Mer Rouge a l'Atlantique a travers l'Afrique tropicale* (octobre 1900 — mai 1903). Paris: F.R. de Rudeval, Editeur, Rue Antoine Dubois, 1906. P. 132.

³⁵ *Fisseha G., Raunig W. Mensch und Geschichte in Äthiopiens Volksmalerei*. Innsbruck: Pinquin-Verlag, 1985. P. 58, 75–77.

Рис. 3. Разделка туши барана.
Фото 1901 г.

Рис. 4. Фрагмент № 2594–2.
Подвешенная туша

На другой картине, № 2594–7, местный святой, Тэкля Хайманот, представлен в одеянии эфиопского священнослужителя. Поверх платья надета накидка зеленого цвета — мотажит /moʃahət/. Голову святого покрывает клобук — типичный головной убор монаха; состоит из камилавки и покрывала. Следует отметить склонность художника Михаила (иконы № 2594–7, 8, 9) одевать своих персонажей в роскошные орнаментированные одежды. Шнурок на шее у людей, которых крестит святой Тэкля Хайманот, носят в Эфиопии христиане. Он означает, что человек исповедует христианство. После крещения неопитам повязывали на шею синюю тесьму, на которую впоследствии навешивался крестик. Синий цвет, по поверьям, предохранял от дурного глаза. Здесь художник не погрешил против реальности, изобразив на шеях вновь обращенных синие тесемки.

Одежда другого местного святого, Самуила (№ 2594–8), представляет собой традиционное облачение эфиопского монаха. Про одежду святого так написано в житии: «И повелел отец наш авва Мадханина-Эгзиэ собраться всем монахам. И они сотворили молитву над одеянием и поясом и камилавкой (qobě), и облачил его авва Мадханина-Эгзиэ...»³⁶ На голове у святого плат. В житии его головной убор назван геэским словом /qobě/, от которого и произошло амхарское /qob/.

На иконе № 2594–8 в руке у святого Самуила изображен крест. Такой вариант священнического ручного креста обычен для Эфиопии.

Традиция изображения крестов в эфиопской иконописи насчитывает несколько столетий и восходит к ранним образцам местной художественной традиции. В миниатюрах Богоматери Тронной XIII — начала XV в. ангелы держат

³⁶ Тураев Б.А. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902. С. 187.

в руках кресты. В одних образах — это явно коптские кресты, аналогичные представленным у ангелов в росписях Бавит /Bawīt/, Саккары /Saqqārah/³⁷ и Фараса. Другие — кресты эфиопских священников, которыми они благословляют. На иконе XV в. из национальной библиотеки Аддис-Абебы, которая была выставлена в Вене в 1964 г., также изображен священнический крест. Возможно, живописные изображения крестов связаны с его функцией апотропея³⁸. Обычай ношения эфиопскими священниками небольших ручных крестов, подобных тем, что изображены на иконе № 2103–3, для благословения, без сомнения, имеет древние корни³⁹.

Такой крест выделяется в особый тип, называемый крестом священника. Он использовался как знак статуса духовного лица и для благословения паствы. Крест священника был известен и в коптском Египте. Однако именно в Эфиопии он получает широкое распространение и особую форму: на нижнем конце вертикальной перекладины креста имеется прямоугольная основа, символизирующая собой церковный табот, т.е. копию Ковчега Завета, хранящегося в святая святых в каждой церкви.

На иконе № 2594–3 в руке у Самуила Вальдебского изображен посох. На амхарский язык слово «посох» переводится словом /mäqwamiya/ производным от глагола /qomä/ (стоять). Посох используется эфиопским духовенством в церквях: на посох священник опирается, им он также отбивает такт музыки.

Наиболее интересными персонажами в плане насыщения иконографии бытовыми деталями являются конные святые. Всадники в эфиопской сакральной живописи начиная с гондарской эпохи вплоть до наших дней часто изображаются в одеяниях эфиопских воинов.

На иконах, изображающих св. Георгия, последний начиная с XVIII в. обычно был представлен в национальном эфиопском одеянии всадника. На иконе № 2594–12 на Георгии показаны штаны — /surri/, рубаха и накидка. Одежда Георгия богато украшена. На картине № 2594–23 представлена процессия эфиопских вельмож. На многих из них виден широкий белый пояс, поверх которого надет узкий кожаный пояс. За этот пояс эфиопский воин затыкал саблю либо меч.

³⁷ Bawīt — монастырь в Египте в левобережной части долины Нила (15 км от реки), известен сохранившимися образцами коптского искусства (см.: <http://www.treccani.it/enciclopedia/bawit/> (дата обращения 18.11.2013)). На территории комплекса Saqqārah расположен также коптский монастырь, на фрагменты настенных росписей которого ссылается Ст. Хойнацкий, ориентируясь на студии А. Грабаря (*Chojnacki S. Major themes in Ethiopian painting. Indigenous developments, the influence of foreign models and their adaptation. From the 13th to the 19th century. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1983. P. 197*).

³⁸ Доклад на тему «Роль креста в культуре средневековой Эфиопии», где было озвучено это предположение, сделан О.В. Ошариной на конференции памяти С.И. Ходжаш «Жизнь, посвященная музею». 12–13 ноября 2013 г. в ГМИИ им. А.С. Пушкина (Москва).

³⁹ *Chojnacki S. Major themes in Ethiopian painting. Indigenous developments, the influence of foreign models and their adaptation. From the 13th to the 19th century. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1983. P. 197.*

Рис. 5. Пояс военачальника.
Фрагмент картины № 2594–23.
1903 г., худ. Фере Хейвет, МАЭ РАН

Рис. 6. Пояс св. Георгия.
Фрагмент иконы № 2594–12.
МАЭ РАН

Отличие между иконографическим образом святого и образом эфиопского военачальника заключается лишь в том, что на эфиопском вельможе надет еще пояс с патронами (рис. 5), которого, естественно, не могло быть на Георгии (рис. 6). Узкий пояс /qäbäto/ может быть из кожи, парусины либо из ткани.

Попона и стремяна, изображенные на обеих картинах, также эфиопские, причем стремяна специально предназначены только для большого пальца. Эфиопский всадник не мог вставить в седле. Сбруя коня св. Георгия также традиционно эфиопская, что заметно по украшениям и орнаментике. Это объясняет тот факт, что на других изображениях конных святых конные сбруи похожи. Такую сбрую до сих пор можно встретить в Эфиопии, особенно во время праздничных парадов.

Вооружение Георгия, показанное на иконе, соответствует традиционному вооружению эфиопского воина: копье, щит (на иконе № 2594–12 отсутствует), меч.

Меч /säyf/ прямой, суживающийся на конце. Щит /gašša/ круглый, из кожи слона, буйвола, быка либо бегемота.

Описанная выше черта насыщения образа традиционными для эфиопской культуры предметами быта и реалиями характерна для современной эфиопской церковной живописи. Роспись стен церкви Тынтави Иисус, построенной в Аксуме и расписанной 1998/1999–2000/2001, служит наглядным примером. Одежания конных святых такие же, как на наших холстах.

Стиль, изобилующий большим количеством этнографических деталей, можно обозначить как жанровый. Его можно считать характерным для сакральной живописи Аддис-Абебы и других эфиопских городов XIX–XX вв.

Характерные черты эфиопской иконографии конца XIX — начала XX в., рассмотренные выше, свидетельствуют о том, что народная картина и икона этого периода выступает полноценным источником по политической и этнической истории Эфиопии указанного периода.

References

Amharskij slovar'. Addis-Abeba: Centropoizučeniû âzykov. Addis-Abebskij universitet, 1993. (Na amharskom âzyke).

Balicka-Witakowska E. Donors // Encyclopaedia Aethiopia. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. Vol. 2. P. 191–193.

Černecov S.B. Ėfiopskaâ feodal'naâ monarhiâ v XVII v. M.: Nauka, 1990.

Černecov S.B. Ėfiopskie hroniki XVI–XVII vekov / Otv. red. O.S. Tomanovskaâ. M., 1984.

Černecov S.B., Platonov V.M. Ešë raz o vozdušnom putešestvii Aleksandra Makedonskogo iz Ierusalima v raj i obratno // Palestinskij Pravoslavnyj sbornik. Vyp. 100. M., 2003. S. 164–172.

Chernetsov S.B. The aerial Flight of Alexander the Great in Ethiopian painting and literature // Oriens Christianus. Hefte für die Kunde des christlichen Orients. 1999. Bd. 83. P. 179–186.

Chojnacki S. Major themes in Ethiopian painting. Indigenous developments, the influence of foreign models and their adaptation. From the 13th to the 19th century. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1983.

Du Bourg de Bozas. De la Mer Rouge a l'Atlantique à travers l'afrique tropicale (octobre 1900 – mai 1903). Paris: F.R. de Rudeval, Editeur, Rue Antoine Dubois, 1906.

Fisseha G., Raunig W. Mensch und Geschichte in Äthiopiens Volksmalerei. Innsbruck: Pinguin-Verlag, 1985.

Fusella L. (red.). Istoriâ imperatora Feodora. Napisana ėfiopom, ėe imâ neizvestno. Rim, 1959. (Na amharskom âzyke).

Heldman M.E., Munro-Hay S.C. African Zion: the sacred art of Ethiopia / Catalogue by M. Heldman with S.C. Munro-Hay; ed. R. Grierson. Addis Ababa: The Institute of Ethiopian Studies, 2006.

Kaplan St. Mäsqäl // Encyclopaedia Aethiopia. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 840–842.

Ol'derogge D.A. Naselenie i social'nyj stroj // Abissiniâ: Sb. statej. M.–L., 1936. S. 10–39.

Pankhurst R. Lions in Ethiopian culture // Encyclopaedia Aethiopia. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 572–575.

Pankhurst R. Some Notes for a History of Ethiopian Secular Art // Ethiopia observer [Addis Abeba]. 1966. Vol. 10 (1). P. 5–80.

Semenova V. The Lion, the lion cub, The Oxen and the Pigs: Interpreting a 1900's Ethiopian Political Popular Painting // The Life and Times of Lij Iyasu of Ethiopia: New Insights / E. Ficquet, W.G.C. Smidt (eds.). Zürich; Berlin: LIT Verlag, 2014. P. 75–79.

Turaev B.A. Abissinskaâ političeskaâ lubočnaâ kartina moego sobraniâ // Hristianskij vostok. SPb.: Tipografiâ Imperatorskoj Akademii nauk, 1915. T. 3 (2). S. 195–196.

Turaev B.A. Issledovaniâ v oblasti agiologičeskikh istočnikov istorii Ėfiopii. SPb., 1902.

Список литературы

Амхарский словарь. Аддис-Абеба: Центр по изучению языков; Аддис-Абебский университет, 1993. (На амхарском языке).

Ольдерогге Д.А. Население и социальный строй // Абиссиния: Сб. статей. М.–Л., 1936. С. 10–39.

Тураев Б.А. Абиссинская политическая лубочная картина моего собрания // Христианский восток. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1915. Т. 3 (2). С. 195–196.

Тураев Б.А. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902.

Фуселла Л. (ред.). История императора Феодора. Написана эфиопом, чье имя неизвестно. Рим, 1959. (На амхарском языке).

Чернецов С.Б. Эфиопская феодальная монархия в XVII в. М.: Наука, 1990.

Чернецов С.Б. Эфиопские хроники XVI–XVII веков / Отв. ред. О.С. Тomanовская. М., 1984.

Чернецов С.Б., Платонов В.М. Еще раз о воздушном путешествии Александра Македонского из Иерусалима в рай и обратно // Палестинский Православный сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 164–172.

Balicka-Witakowska E. Donors // Encyclopaedia Aethiopia. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. Vol. 2. P. 191–193.

Chernetsov S.B. The aerial Flight of Alexander the Great in Ethiopian painting and literature // Oriens Christianus. Hefte für die Kunde des christlichen Orients. 1999. Bd. 83. P. 179–186.

Chojnacki S. Major themes in Ethiopian painting. Indigenous developments, the influence of foreign models and their adaptation. From the 13th to the 19th century. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1983.

Du Bourg de Bozas. De la Mer Rouge a l'Atlantique à travers l'afrique tropicale (octobre 1900 – mai 1903). Paris: F.R. de Rudeval, Editeur, Rue Antoine Dubois, 1906.

Fisseha G., Raunig W. Mensch und Geschichte in Äthiopiens Volksmalerei. Innsbruck: Pinguin-Verlag, 1985.

Heldman M.E., Munro-Hay S.C. African Zion: the sacred art of Ethiopia / Catalogue by M. Heldman with S.C. Munro-Hay; ed. by R. Grierson. Addis Ababa: The Institute of Ethiopian Studies, 2006.

Kaplan St. Mäsqäl // Encyclopaedia Aethiopica. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 840–842.

Pankhurst R. Lions in Ethiopian culture // Encyclopaedia Aethiopica. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 572–575.

Pankhurst R. Some Notes for a History of Ethiopian Secular Art // Ethiopia observer [Addis Abeba]. 1966. Vol. 10 (1). P. 5–80.

Semenova V. The Lion, the lion cub, The Oxen and the Pigs: Interpreting a 1900's Ethiopian Political Popular Painting // The Life and Times of Lij Iyasu of Ethiopia: New Insights / E. Ficquet, W.G.C. Smidt (Eds.). Zürich; Berlin: LIT Verlag, 2014. P. 75–79.

Л. А. Герд

Рецензия на монографию:

Анисимов О.В. Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины. М.: Индрик, 2014

В последние два десятилетия отечественная историография обогатилась целым рядом исследований, посвященных русскому присутствию в Святой Земле. Интерес к этой тематике вполне закономерен: главная святыня христианского мира на протяжении многих столетий становилась предметом напряженного соперничества и центром пристального внимания великих держав. Россия занимала в отношении Иерусалима, Палестины и Сирии особое место в силу общности православной веры с христианским населением, греческим и арабским. Традиции паломничеств русских людей ко Гробу Господню восходят еще к XI–XII вв., а начиная с XVI–XVII столетий Россия оказывает систематическую помощь и поддержку восточному православию; Святые Места Палестины закономерно занимают здесь одно из первых мест. XIX в. ознаменовался массовым паломничеством русских людей в Палестину, основанием Русской духовной миссии в Иерусалиме, несколько позднее русского консульства, а также Православного Палестинского общества. Историю этих учреждений можно считать уже неплохо изученной благодаря систематическим многолетним исследованиям и публикации документов¹. Центром внимания неизменно

¹ Россия в Святой Земле: документы и материалы. Т. 1–2 / Сост. Н.Н. Лисовой. М., 2000; Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006; Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и православный Восток. Из истории межцерковных связей. М., 2014 и др.

оставалась «русская сторона» вопроса; авторы, при всей неоспоримой значимости их исследований, редко задавались целью анализировать источники по истории католического или протестантского присутствия в Палестине; архивные документы из хранилищ за пределами России ими обычно не привлекались.

Монография О.В. Анисимова является первой в отечественной исторической науке попыткой выйти за рамки этой общей тенденции. Предметом исследования автора монографии стало «пересечение» восходящего к средневековью конфликта за обладание Святыми местами Палестины и Восточного вопроса в середине XIX в. При этом он концентрирует свое внимание на двух главных сторонах этого противостояния, России и Франции. Весьма удачно выбраны, на наш взгляд, хронологические рамки исследования: это правление Наполеона III, которое составило целую эпоху не только в истории Франции, но и Европы в целом. Во введении О.В. Анисимов представляет детальный обзор литературы, посвященной столкновению великих держав по вопросу Палестины. Он убедительно показывает, что все весьма многочисленные отечественные исследования, посвященные Крымской войне, освещают проблему односторонне. Одни историки ограничиваются лишь фактологическим перечнем событий, другие сознательно игнорируют конфессиональную составляющую. Особо останавливается он на взглядах Е.В. Тарле, автора классической фундаментальной монографии по дипломатической истории восточного кризиса 1850-х гг. О.В. Анисимов разделяет мнение некоторых исследователей, считающих, что Тарле мифологизировал причины Крымской войны, а сама война под его пером предстает «результатом научно-художественной реконструкции» (с. 34). Еще большей тенденциозностью, считает он, страдает литература западная, которая традиционно представляет Крымскую войну как войну против русской агрессии на Ближнем Востоке.

Понять происходящее на Ближнем Востоке в XIX–XX вв. невозможно без внимательного знакомства с исторической перспективой этих событий, всего комплекса конфессиональных, политических и национальных факторов, которые определяли сложный клубок противоречий. Этому посвящена первая глава книги «Состояние спора вокруг Святых мест к началу 1850-х гг.» (с. 49–106). Здесь автор представляет читателю панораму противостояния католической (французской и ватиканской), и православной (греческой и русской) традиций в Святой Земле. О периоде до начала XIX в. он говорит кратко, зато гораздо подробнее останавливается на времени, непосредственно предшествовавшем эпохе Наполеона III.

Глава II «Вмешательство Франции в религиозные дела Палестины. Развитие дипломатического конфликта в 1850–1852 гг.» (с. 107–176) непосредственно вводит читателя в основную тему монографии. Здесь уже автор отрывается от историографического изложения и сопоставления мнений своих

предшественников и «погружается» в стихию источников. Вопрос о преобладании католиков над православными в Святых местах, обладание христианскими святынями, такие, казалось бы, частные вопросы, как право ремонтировать и даже подметать то или иное здание и его двор — всё это получало проекцию на отношения между крупнейшими европейскими державами. Миссии Жака Опики и Шарля Лавалетта представлены читателю глазами русских дипломатов, посланника в Константинополе В.П. Титова и посла в Париже Н.Д. Киселева. Анализ дипломатических документов показывает, что русская сторона встала в оборонительную позицию по отношению к претензиям французских католиков на господство в Палестине. Целью русской дипломатии было защитить интересы православных в рамках сохранения *status quo* и обеспечить равное право поклонения святыням для всех христиан. Новое звучание приобрел спор о святых местах после переворота во Франции 2 декабря 1851 г. Русские дипломаты старались использовать создавшуюся ситуацию для решения дела о Святых местах — ведь Луи-Наполеону была необходима легитимация нового положения со стороны других держав. Однако Николай I не сумел воспользоваться ситуацией — он признал Луи-Наполеона без всяких условий, упустив тем самым возможность выполнения русских требований в Палестине. Не так одобрительно отнеслось русское правительство к провозглашению Наполеона III императором год спустя, однако это, как предупреждал Н.Д. Киселев, лишь подтолкнуло Францию к союзу с Англией. Между тем противостояние православных и латинян в Иерусалиме при двойственной политике османских властей вело к усилению напряжения.

Дальнейшее развитие конфликта становится темой третьей главы «Франко-русские отношения во время Восточного кризиса 1853 г.» (с. 177–236). Не желая дополнительных осложнений, Николай I все-таки согласился признать императорский титул Наполеона III, сведя вопрос к дипломатическому этикету и назвав нового императора «господин и добрый друг», взамен ожидаемого «брат». Несмотря на несогласие в вопросе идеологии, Наполеон III сделал шаг навстречу русскому правительству в палестинском споре: уже в конце 1852 г. было предложено начать переговоры. Однако отказ К.В. Нессельроде от обсуждения вопроса вновь вернул вопрос к исходной точке. Французская сторона, впрочем, считала спор оконченным; получение ею новых привилегий от османского правительства и обладание ключами от Вифлеемской базилики было для них вполне достаточным. Последующие шаги России имели целью, с точки зрения ее правительства, защитить турецкие власти от давления со стороны Франции. О.В. Анисимов не согласен с мнением академика Тарле, который возлагает основную вину за неосторожные поступки Николая I на К.В. Нессельроде. Напротив, утверждает автор монографии, министр трезво оценивал ситуацию и, хорошо чувствуя баланс в «европейском концерте», предостерегал Николая от излишнего доверия Англии. Особо чувствительный к вопросам личной и национальной чести, Николай I «связал разрешение спора с судьбой

русско-турецких отношений, т.е. придавал религиозно-дипломатической коллизии общеевропейский характер» (с. 195). Посылка чрезвычайного посольства и привлечение к конфликту Англии — вот два шага, которые способствовали обострению конфликта и ввели его в глобальную перспективу Восточного вопроса. Уверенный в своей силе и в невозможности коалиции Англии и Франции, Николай посылает в Константинополь А.С. Меншикова, который, по его соображениям, своей решимостью лучше всего бы «припугнул» турок.

Пока Россия старалась «не замечать» Францию и вести все переговоры только с султанским правительством как единственным ответственным лицом, Франция в свою очередь также не желала «замечать» Россию и выслала свой флот к Саламину. Единственным, кто в кабинете Наполеона III смог встать на русскую точку зрения, был А. Валуевский, считавший, что действия французов в Палестине в первой половине 1852 г. были ошибкой. Дальнейший ход событий определялся появлением в Константинополе британского посла Ч. Стрэтфорда-Каннинга, который «фактически взял на себя тайное руководство турецкими действиями, подсказывая реис-эффенди Рифаат-паше, что и как следовало говорить русскому послу» (с. 213). Требования Меншикова хорошо известны: немедленный ремонт купола храма Гроба Господня, возвращение православным Вифлеемского храма и пещеры Рождества и др. Стрэтфорд убедил Диван вести кунктаторскую линию, отказывая России в заключении формального соглашения. О.В. Анисимов расценивает российские требования как чрезмерные и подчеркивает, что «документы не раскрывают нам какого-либо серьезного давления французской дипломатии на поведение турецкого правительства весной 1853 г.» (с. 217). Англичане же, на его взгляд, демонстрировали желание видеть вопрос решенным к удовлетворению обеих сторон. Возлагая ответственность за развязывание войны на упорство и политическую недалекость Николая I, О.В. Анисимов склонен видеть в действиях французского правительства гораздо бóльшую уступчивость и готовность к компромиссу, чем это традиционно принято в российской историографии Крымской войны. Распространенное мнение о желании Стрэтфорда и английского кабинета окончательно посорить Россию с Францией автор также явно не разделяет.

Миная не входящие в тему монографии события войны, О.В. Анисимов в следующей главе переходит к дипломатической истории ее последствий (гл. IV «От противостояния к компромиссу. Святые места в послевоенных франко-русских отношениях», с. 237–298). Сближение Франции и России во второй половине 1850-х гг., которое соответствовало планам и А.М. Горчакова, и Наполеона III, как отмечает автор, ничего России не принесло. Лидирующая роль в этом союзе оставалась за Францией, которая была заинтересована в России как в потенциальном союзнике в войне против Австрии. Если в Европе союз не достиг тех целей, которые ставило русское правительство, то в вопросе о Святых Местах он сыграл весьма положительную роль. Самым ощутимым результатом его было соглашение о ремонте купола храма Гроба

Господня, дипломатическую историю которого автор монографии аргументированно излагает на основании изученных им архивных источников. Инициатива французского консула Э. де Баррера о нейтрализации купола храма Гроба Господня была поддержана после обсуждения русскими духовными и дипломатическими представителями. Особенно важным представляется развитие вопроса после прибытия в Константинополь в 1864 г. посла Н.П. Игнатьева. После трехлетних обсуждений различных проектов и контрпроектов в 1866 г., наконец, вопрос был улажен, и к 1868 г. строительство под руководством двух архитекторов (К. Мосса и М.И. Эппингера) завершилось. Новые искры конфликта вокруг Святых Мест в 1860-е гг. уже не приобретали таких бедственных форм, как в середине 1850-х.

В заключении (с. 299–310) О.В. Анисимов подводит основные итоги своего исследования. Главный вывод, который делает автор из проведенного им анализа дипломатической борьбы в палестинском вопросе, состоит в том, что «Святые места служили не просто предлогом для конфликта, они были его детонатором» (с. 299). О.В. Анисимов выделяет несколько фаз развития конфликта вокруг Святых Мест. Первый этап — это споры 1840-х гг., когда Франция переняла инициативу покровительства католикам у Рима, и французские представители активно взялись за восстановление и расширение католического влияния. Второй этап датируется 1850–1851 гг., когда Турция приняла к рассмотрению требования французов. С августа 1851 г. межконфессиональный спор приобрел дипломатический характер. Луи-Наполеон предложил русскому правительству сделку — признать торжество бонапартизма во Франции на условиях отказа от продолжения спора о Святых Местах. Сделка, однако, не состоялась, что показал следующий этап (февраль–август 1852 г.). Первая половина 1852 г. прошла в попытках переговоров на фоне двойной игры турецкого правительства; во второй половине 1852 г. Франции удалось добиться от Турции выполнения своих требований. На исходе 1852 г. спор приобрел политико-идеологический характер; это была борьба за влияние на турецкую политику. На завершающем этапе развития Восточного кризиса (июнь–октябрь 1853 г.) вопрос о Святых Местах был окончательно подменен проблемами целостности Османской империи. По мнению О.В. Анисимова, «франко-русские отношения 1848–1853 гг. — это преимущественно столкновение личностных амбиций Луи-Наполеона и Николая I» (с. 304). В палестинские осложнения они вкладывали соображения престижа. Автор считает необходимым проведение строгой демаркационной линии между спором о Святых Местах и Восточным кризисом. Спор стал причиной кризиса 1853 г., но причиной Восточной войны стала борьба держав за влияние в Турции.

Важной частью книги являются приложения (с. 311–395), которые имеют целью представить читателю в русском переводе основные документы, касающиеся спора о Святых Местах. Завершается монография списком источников, литературы и указателем.

О.В. Анисимов представляет читателю комплексное исследование, основанное на широком круге архивных источников, как изданных, так и неопубликованных. Автор привлекает материалы не только российских архивов, но и архива МИД Франции; кроме того, он хорошо знаком с западноевропейской, особенно французской библиографией вопроса. Всё это делает его исследование новаторским и свободным от излишней «русскоцентричности», которая свойственна отечественным работам по дипломатической истории Нового времени. Вместе с тем нельзя не отметить некоторую увлеченность О.В. Анисимова личностями героев своего повествования, что порой даже приводит его к противоречиям. Так, справедливо подчеркивая скрытность Наполеона III, он неожиданно заявляет о его «редкой откровенности» в беседах с графом А.Ф. Орловым в феврале 1856 г. и с великим князем Константином Николаевичем (с. 243–244). Весьма интересной представляется полемика автора с Е.В. Тарле, которая ведется им на протяжении всего повествования, и особенно пересмотр мнения о причастности К.В. Нессельроде к ошибкам русского правительства накануне войны. Не менее любопытной, хотя и недостаточно, на наш взгляд, обоснованной является точка зрения О.В. Анисимова в отношении роли Англии и посла Ч. Стрэтфорда-Каннинга. Более пристальное знакомство с английской литературой о Крымской войне и с материалами МИД Великобритании могло бы помочь освещению этого вопроса.

Вряд ли можно согласиться с утверждением автора, что ложная интерпретация Кючук-Кайнарджийского договора «послужила главной причиной войны» (с. 240). Тем не менее следует особо подчеркнуть, что О.В. Анисимов впервые в отечественной историографии развенчивает миф о Кючук-Кайнарджийском договоре как дающем право России оказывать покровительство христианам всей Османской империи (с. 74–77). Уже в 1974 г. в результате внимательного анализа текста договора американский исследователь Р. Дэвисон убедительно показал, что речь шла о покровительстве только одной православной церкви в Константинополе. Однако буквально через несколько лет после опубликования договора благодаря усилиям австрийской дипломатии распространилась расширенная его трактовка, подхваченная русской дипломатией, которая с удивительным упорством продолжала повторяться не только до Крымской войны, но и после нее². По-видимому, автору монографии осталась неизвестной статья Дэвисона, а также ее влияние на англоамериканскую историографию по восточному вопросу.

Несмотря на некоторые неизбежные недостатки, монография О.В. Анисимова является поистине новаторской. Главная ценность исследования состоит не только в смелом пересмотре дипломатической истории восточного кризиса. Автор демонстрирует свободный от предвзятости комплексный подход к сложнейшей религиозно-политической ситуации на Ближнем Востоке середины

² Davison R.H. «Russian Skill and Turkish Imbecility»: the Treaty of Kuchuk Kainardji Reconsidered // *Slavic Review*. 1976. Vol. 35 (Sept.). P. 463–483.

XIX в. Он впервые привлекает неизданные материалы из архивов МИД России и Франции, что позволяет ему избежать односторонности в оценках действий дипломатов той и другой стороны. Вместе с тем О.В. Анисимов далек от романтического увлечения видеть в святоместном споре, политическом по своей сути, религиозный альтруизм императоров и их правительств. В заключение хочется высказать надежду, что данная монография откроет новые горизонты в изучении церковно-политической истории христианского Востока и роли в этой истории России.

Аннотации

Т.В. Андреева, Н.Л. Корсакова.

К истории крестьянского вопроса в России:

Записка неизвестного автора «Об освобождении крестьян в России» с пометами на полях императора Николая I

Статья посвящена анализу записки, составленной неизвестным русскоязычным автором на французском языке в первые годы после победы над Наполеоном.

Записка затрагивает одну из самых острых и сложных проблем внутренней политики России первой половины XIX века — проблему крепостничества. В статье она рассмотрена в хронологических рамках двух царствований — Александра I и Николая I — и в контексте выявления единства и различия их принципов решения крестьянского вопроса, определения влияния преобразовательных поисков первой четверти столетия на реформаторскую концепцию второй.

Маргиналии Николая I на французском языке и пометы на русском, принадлежащие, вероятно, М.А. Корфу, свидетельствуют, что данная записка была использована властью в ее поисках решения проблемы крепостничества. Публикуемая записка, в которой ставятся вопросы, сквозные для обоих царствований — распространение крепостного права на новые территории и категории населения, регламентация взаимоотношений помещиков и крепостных и крестьянских повинностей, официально-правовой контроль над ними со стороны государства, продажа крестьян без земли и дворовых — проливает свет на скрытые механизмы формирования аболиционистской идеологии в лоне государственной власти, стратегии и тактики подготовки освобождения крестьян.

Ключевые слова: раб, крепостной, крепостное право, освобождение крестьян, Александр I, Николай I, французский язык, пометы, Комитет 6 декабря 1826 года, П.Д. Киселев.

А.В. Барынкин. Независимость Польши и вопрос формирования ее восточных границ в контексте советской внешней политики рубежа 1918–1919 гг.

Статья посвящена слабо изученному аспекту формирования советско-польских отношений на рубеже 1918–1919 гг. Автор представляет советское видение вопроса независимости Польши и вопроса о формировании ее границ на основе опубликованных материалов Главного командования Красной Армии, документов советской внешней политики и архивных материалов. Автор подчеркивает, что в тот период политические лидеры Советской России не фиксировали и отчетливого видения территориального оформления Польши в контексте официальных декретов. Официально признавая независимость Польши, большевики представили свое видение польских границ в ходе занятия непольских территорий западных окраин бывшей империи Романовых. Территория Царства Польского (Конгрессовой Польши) считалась неприкосновенной, а нарушение ее границ, по мнению советского военного руководства, могло привести к весьма нежелательному конфликту. Единственным фактором, из-за которого на территорию независимой Польши могла быть введена Красная Армия, являлся успех революции в Германии и единогласное одобрение военной помощи немецким революционерам в среде советского политического руководства. Поскольку развитие революции в Германии шло не по советскому сценарию, а острота Гражданской войны в России сковывала максимум людских и материальных ресурсов, то идеи пролетарского интернационализма не могли стать единственной концептуальной основой для выстраивания отношений с Польшей. Большевицкое руководство было вынуждено искать другие формы взаимоотношений со своим западным соседом.

Ключевые слова: советско-польские отношения, Пилсудский, Ленин, Р. Дмовский, советско-польская война, интернационализм, Гражданская война, Царство Польское, Советская Россия.

М. Витухновская-Кауппала. Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель–ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты

Статья посвящена Карлу Йохану Алексису Энкелю, принадлежавшему к семейству финских шведов, члены которого с середины XIX в. играли роль медиаторов в отношениях между российской властью и финскими элитами. В статье показывается, как Энкель, находясь в период деятельности Временного правительства на должности министра статс-секретаря Финляндии, пытал-

ся примирить стремление финских элит к независимости с позицией российской власти, державшейся статус-кво. Энкель стремился использовать личные контакты с членами Временного правительства и влиять на некоторых из них. Наиболее тесные связи создались у него с А.Ф. Керенским. Однако постепенно внутрифинские политические противоречия приводили к обострению российско-финляндских отношений. Наиболее серьезным оказался июльский политический кризис, когда финский сейм одобрил социал-демократический проект закона о верховной власти, фактически объявлявший Финляндию независимой. Энкель и генерал-губернатор М.А. Стахович были вынуждены распустить парламент и назначить новые выборы. К осени, когда позиции Временного правительства начали ослабевать, финская сторона всё энергичнее настаивала на фактическом признании Россией независимости Финляндии. 23 октября / 5 ноября был утвержден статус президента Финляндии и в целом принят законопроект, намного расширявший полномочия финских властей. Однако произошедший через два дня октябрьский переворот сделал возможным реализацию гораздо более радикального проекта — объявления независимости Финляндии. Когда 23 ноября / 6 декабря финский парламент принял Декларацию независимости, именно Энкель стал одним из важнейших посредников между ним и Советом народных комиссаров. В самом конце 1917 г. Совнарком при самом активном участии Энкеля одобрил Декларацию независимости.

Ключевые слова: Карл Энкель, Временное правительство, министр статс-секретарь, октябрьский переворот, независимость Финляндии.

В.Г. Вовина-Лебедева.

С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров:

к вопросу о школах в исследованиях Древней Руси

М.Н. Тихомиров в исследовании древнерусских сюжетов в значительной степени, особенно в последний период жизни, опирался на летописи. Его учитель С.В. Бахрушин опубликовал при жизни только работы о сибирском летописании, которое было, однако, одной из его основных тем.

Отношение С.В. Бахрушина к творчеству А.А. Шахматова видно из замечаний первого на защитах кандидатской и докторской диссертаций А.Н. Насонова. С.В. Бахрушин видел в летописи прежде всего источник информации об исторических явлениях. Реконструкции не вызывали у него доверия. В них он видел пороки шахматовского направления. Имеется посмертно опубликованная статья С.В. Бахрушина о начале древнерусского летописания. Ранее не обращали внимания на то, что основные мысли именно этой статьи были развиты затем М.Н. Тихомировым: о том, что «Повести временных лет» предшествовали более ранние краткие записи, лишенные дат; что их можно назвать «Повестью о первых русских князьях», что она была составлена в первой

половине XI в. в Киеве. Сравнение данной статьи С.В. Бахрушина и неопубликованной и незаконченной последней монографии М.Н. Тихомирова о начале историографии позволяет проследить, каким образом и под влиянием каких обстоятельств мысли учителя трансформировались Т.Н. Тихомировым в собственную концепцию возникновения русского летописания.

Ключевые слова: А.А. Шахматов, М.Н. Тихомиров, С.В. Бахрушин, русское летописание, «Повесть временных лет», русская историография.

Л. В. Выскочков. Записные книжки великого князя Николая Павловича как исторический источник (К публикации дневников 1822–1825 гг. из фондов ГАРФ)

В статье анализируются опубликованные в 2013 г. дневники великого князя Николая Павловича за 1822–1825 гг. из фонда Николая I в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Ранее, в 1926 г., были опубликованы его записи только с 21 ноября по 13 декабря 1825 г., непосредственно предшествующие вступлению на престол. Новое издание дневников будущего императора, подготовленное М.В. Сидоровой и М.Н. Силаевой (пер. с франц. Е.Э. Ляминой, О.В. Эдельман), является ценным источником для изучения периода «междоцарствия», восстания 14 декабря 1825 г. и вступления на престол Николая I. Они содержат много сведений по политической, военной и культурной истории России, истории династии Романовых, семейной жизни великого князя Николая Павловича в конце царствования Александра I и периода «междоцарствия». Дневники Николая Павловича впервые анализируются в сравнении с камер-фурьерским журналом Высочайшего двора 1825 г. из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА). Записные книжки Николая Павловича содержат ценную информацию об Императорском дворе, жизни великокняжеской четы, деятельности Николая Павловича в должности генерал-инспектора по инженерной части. Дневники представляют интерес для изучения повседневной истории императорской семьи, формирования личности Николая Павловича и его семейной жизни. В статье делается вывод о сложных взаимоотношениях лиц Императорской фамилии, связанных с проблемой престолонаследия при Александре I, рассказывается о таинственных переговорах императора Александра I и его властной «матушки» Марии Федоровны с великим князем Николаем Павловичем в августе 1825 г. Анализ дневников позволяет более полно охарактеризовать будущего императора Николая I. В новом прочтении его дневников он предстает не только как военный педант, но и как человек литературно и музыкально образованный, заботливый муж и отец.

Ключевые слова: Российская империя, междоцарствие, архивные источники, камер-фурьерский журнал, Романовы, Александр I, Николай I, Мария Федоровна, Елизавета Алексеевна, Николай Павлович, декабристы.

**П. В. Ильин. «Биографический словарь»
действительных членов Императорской академии наук —
несостоявшийся проект академика В. В. Латышева**

В статье впервые в отечественной историографии освещается вопрос о несостоявшемся биобиблиографическом словаре-справочнике академиков Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Задуманный в самом конце XIX в. выдающимся специалистом по антиковедению и византистике, крупнейшим российским филологом-классиком академиком В. В. Латышевым (1855–1921), этот словарь должен был вобрать в себя сведения биографического характера и библиографию основных трудов всех действительных членов Академии наук с момента ее основания до начала XX в. В основу статьи положены отдельные сохранившиеся в различных фондах Петербургского филиала Архива Российской академии наук материалы, относящиеся к подготовке словаря академиков. К сожалению, инициатива академика В. В. Латышева не увенчалась успехом, работа над словарем не была закончена, остановившись в первые годы XX в., однако рассмотрение ее особенностей и анализ отложившихся в ее результате в архивных хранилищах материалов позволяет судить о самом замысле академика В. В. Латышева, его характерных чертах, об уровне развития историко-научных исследований в Петербургской академии наук в целом. Исследование впервые открывает перед читателем конкретные данные о первом проекте биографического словаря членов Петербургской Академии наук, работа над которым велась на рубеже XIX и XX вв.

Ключевые слова: история науки, историография, Императорская Санкт-Петербургская академия наук, биографический словарь академиков, библиография трудов академиков, академик В. В. Латышев, архивные материалы, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

**С. А. Исаев. Базовые правовые представления
византийцев и американцев: попытка сопоставления**

Сопоставляя правосознание византийцев и американцев, автор видит следующие черты сходства: право обеих стран имело многовековую предысторию; юридические знания и навыки юридического мышления были широко распространены; одинаково понимается соотношение между естественным законом (справедливостью) и позитивным законом; представление о равенстве граждан перед законом фактически отсутствует. Что касается соотношения светской и духовной власти, кодифицированного или прецедентного права, автор, признавая глубокие различия, указывает и на некоторые черты сходства.

Ключевые слова: Византия, Америка, империи, правовые системы, социальные проблемы, кодификация.

Б.С. Каганович. К биографии М.Д. Приселкова

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук имеется огромная коллекция документов академика Н. Марра. Среди этих документов есть два письма, автором которых является выдающийся русский историк Михаил Дмитриевич Приселков (1881–1941). Одно из этих двух писем впервые публикуется в данной статье.

Ключевые слова: Н.Я. Марр, М.Д. Приселков, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

П.В. Крылов. Византия — «страна чудес» в «Чудесах Девы Марии в лицах»

Статья посвящена образу Византии и Константинополя в памятнике средневековой французской литературы «Чудесах Девы Марии в лицах». Время его создания — последняя треть XIV в., характеризуется возрождением внимания к Византии ввиду наступления османов. Ожидание вмешательства божественных сил в помощь христианскому Константинополю накладывается на образ Византии как не вполне ортодоксальной окраины христианского мира, далекой «страны чудес», где допустимы отклонения от принятых во Франции норм.

Ключевые слова: средневековье, мистерия, театр, религиоведение, Константинополь.

С.В. Куликов. Н.Н. Покровский: царский бюрократ как «ученый во власти»

В статье рассматривается личность выдающегося государственного деятеля Российской империи конца XIX — начала XX в. Н.Н. Покровского, причем это делается сквозь призму проблемы «царский бюрократ как “ученый во власти”». Прослеживается, как факт того, что Н.Н. Покровский являлся представителем идеального типа «ученого во власти» (два других идеальных типа, в рамках которых протекали отношения власти и науки в России указанного периода, — «несостоявшийся ученый» и «просвещенный сановник»), влиял на его поведение и бюрократическую карьеру. Анализируются государственные заслуги и основные научные работы Н.Н. Покровского, снискавшие ему славу «финансового гения». Выделяется общее и особенное, то, что обусловило специфику индивидуальности Н.Н. Покровского как «ученого во власти» и государственного деятеля.

Ключевые слова: бюрократ, ученый, власть, финансы, экономика, идеальные типы, бюрократическая элита, Российская империя.

В.В. Носков. Китайские церемонии в Зимнем дворце (Прием миссии Берлинггейма в 1870 г.)

Статья посвящена описанию подготовки церемониала и приема российским императором чрезвычайной китайской миссии, прибывшей в С.-Петербург в начале 1870 г. Миссия направлялась в США и страны Европы, состоявшие в договорных отношениях с Китаем, и имела целью пересмотр условий неравноправных договоров, навязанных державами китайскому правительству по итогам так называемых «опиумных войн». Миссию возглавляли три формально равноправных посланника, но ее фактическим руководителем являлся бывший посланник США в Пекине Энсон Берлинггейм, перешедший после отставки на китайскую службу. По случаю прибытия китайской миссии Экспедиция церемониальных дел Министерства императорского двора совместно с Азиатским департаментом МИД разработала церемониал ее приема императором и императрицей, взяв за образец церемониал приема аналогичной японской миссии в 1862 г. Церемониалы приема представителей стран Востока в России отличались от стандартных процедур приема европейских послов и посланников особой пышностью и стремлением к внешним эффектам. Церемониал приема китайской миссии, состоявшегося 4 февраля 1870 г. в Зимнем дворце, был выдержан в том же духе. Между тем особое внимание к китайской миссии определялось тем обстоятельством, что во главе ее стоял гражданин Соединенных Штатов, которые в тот период проводили дружественную политику в отношении России. Знаком особого внимания являлась также неофициальная аудиенция, данная императрицей супруге Берлинггейма. Отношение к китайской миссии полностью изменилось после его внезапной кончины, последовавшей 11 (23) февраля 1870 г. Оставшись без своего руководителя, китайская миссия не добилась в С.-Петербурге никаких дипломатических успехов. Секретарь миссии, англичанин Джон М. Браун, срочно прибывший на смену Берлинггейму, не был даже удостоен приемной аудиенции, а прощальная аудиенция, данная китайской миссии 4 апреля 1870 г., имела приватный и подчеркнуто неторжественный характер.

Ключевые слова: империя Цин, миссия Берлинггейма, Экспедиция церемониальных дел, Азиатский департамент, дипломатический протокол, российский императорский двор.

Д.М. Омельченко. Образ Египта в произведениях Иоанна Кассиана Римлянина

В статье рассматриваются способы конструирования образа монашеского Египта в «Постановлениях киновитян» и «Собеседованиях» Иоанна Кассиана Римлянина (ок. 360 — ок. 435). Иоанн был одним из основателей регулярного

монашества в Галлии, а также оппонентом Августина Гиппонского в так называемых «полупелагианских» спорах. Произведения, написанные спустя двадцать лет после путешествий Кассиана по Египту, неизбежно несут в себе отголоски ситуации в Галлии в 420-е гг. Образ Египта в них односторонен и весьма тенденциозен. Он отвечал основной цели — научить молодое галльское монашество общежительной дисциплине. Отсюда очень мало внимания к географическим и природным реалиям, к быту и нравам немонашеского населения. Из всего многообразия египетских аскетических практик автором выделяются и детально описываются общежительные монастыри. Отчасти это могло быть связано с противостоянием галльским, подчас хаотичным монашеским инициативам. Цели наставления отвечала попытка «расколдовывания» Египта при обращении к теме чудес. Первенствующее значение для автора имела не подавляющая духовная мощь полулегендарных египетских чудотворцев, а дисциплина, которая позволила бы монахам преодолевать повседневные трудности и не соблазняться как чудесами, так и их отсутствием. При чтении его трудов складывается ощущение, что Иоанну Кассиану по-настоящему была интересна только та часть монашеской культуры Египта, в которой эллинский ум смог утвердить разумный порядок организации повседневной жизни и найти этому обоснование в аскетическом богословии. Особенно данная предпосылка очевидна на примере описания «антропоморфитской смуты». Некоторый отпечаток на образ египетского подвижничества у Кассиана наложила полемика с учением Августина о благодати и свободной воле. Впрочем, считать этот образ совершенным анахронизмом всё же нельзя, поскольку предпосылки собственной позиции Иоанна в этом вопросе лежат в египетском периоде его жизни. Наконец, говоря о многочисленных факторах, способствовавших формированию образа Египта в произведениях Иоанна Кассиана, не стоит упускать из виду, что они, хотя бы отчасти, являлись его воспоминаниями о молодости, поэтому неизбежно приобретали некоторые черты представлений о «золотом веке».

Ключевые слова: Иоанн Кассиан Римлянин, монашество, Египет, Галлия, аскетическое богословие, образ, «пустынный эпос».

Д. В. Панченко. ВОСПОРОС: об одной греко-скандинавской параллели

Греки понимали имя «Боспор», которым они называли два разных пролива, как «коровий брод», «бычья переправа», при этом у них не было внятного представления о том, откуда имя взялось. Привлечение скандинавского материала (пахота Гевьон, в результате которой образуются остров Зеландия и пролив, отделяющий этот датский остров от Швеции) позволяет заключить, что имя «ВОСПОРОС» восходит к рассказу о том, как быки «пропахали» пролив. Таким образом, имя ВОСПОРОС указывает не столько на переправу, сколько на сам

пролив — путь, который мифические быки проложили между двумя массивами суши. Греческие названия Босфора и Керченского пролива отражают традицию, согласно которой узкий и длинный пролив называли «бычьим путем». Вопрос о том, где возникла эта традиция, требует особого рассмотрения.

Ключевые слова: Боспор, Босфор, Керченский пролив, Эресунд, Эсхил, Полибий, Гесиод, Снорри Стурлусон, Гевьон, греческая мифология, скандинавская мифология, этимология.

М.Н. Румынская. Опыт составления именованного указателя к публикации монастырских хозяйственных книг первой трети XVII в.

Введение в научный оборот документальных источников — одна из задач исторической науки. Научную ценность публикации повышает научно-справочный аппарат, важной составной частью которого являются указатели. Тщательно составленные подробные индексы, включающие разнообразные сведения о лицах, понятиях, топонимах, дают возможность оценить объем содержащейся информации и уровень научного издания, а также помогают быстро сориентироваться в книге. Подготовленный с учетом особенностей документов научно-справочный аппарат становится проводником в работе исследователя с опубликованным источником. Однако с ростом количества публикаций документов XVI–XVII вв., к сожалению, снижается уровень подготовки научно-справочного аппарата, в частности индексов имен. В статье раскрыты все аспекты предварительной работы, а также решены проблемы, возникшие при подготовке именованных указателей к публикации приходных и расходных денежных книг Кирилло-Белозерского монастыря первой трети XVII в. Дан анализ и прослежена история развития правил публикации исторических документов раннего периода, начиная с деятельности Императорской Археографической комиссии. В процессе работы были задействованы справочники С.Б. Веселовского, Ф. Горопа, Н.А. Петровского, С.В. Булгакова, М.Я. Морошкина, Н.М. Тупикова, Н.Д. Чечулина, А. Соколова.

Составленный аннотированный указатель содержит сведения о жизни монастырских насельников почти за 40 лет: дате и месте принятия пострига, изменении статуса, выполнении послушания иноком, о службе и изменении послужных списков, иноческих именах при постриге монастырских людей, профессиях мастеров «шваленного дворца»; в отдельных случаях удалось установить даты смерти.

Ключевые слова: именные индексы, научно-справочный аппарат, правила издания документов, приходные и расходные денежные книги, Кирилло-Белозерский монастырь, Археографическая комиссия, Н.К. Никольский.

М.М. Сафонов. «Ссора на лестнице» или еще одна легенда о гибели Пушкина

Дуэль, на которой Пушкин получил смертельное ранение от кавалергарда Ж. Дантеса, была спровоцирована письмом поэта его «приемному отцу», нидерландскому посланнику Я. Геккерну 26 января 1837. В этом письме Пушкин требовал прекратить сношения между семьями и в противном случае грозил устроить дипломату публичный скандал. Пушкинисты не могли отыскать истинного повода, заставившего Пушкина выступить с таким требованием. Исследователи гибели поэта полагали, что таковым явился визит Геккерна на квартиру Пушкина 25 января 1737 г., когда Пушкин не пустил дипломата на порог своего дома и произошла «ссора на лестнице». О ней глухо упомянул В.А. Жуковский в своих конспективных заметках о гибели Пушкина. Однако анализ этих заметок свидетельствует о том, что никакой «ссоры на лестнице» накануне дуэли не было, потому что Геккерн явился на Мойку только в день похорон поэта. Сношениями между семьями, так возмутившими Пушкина, по всей видимости, явилось посещение свояченицей Пушкина А.Н. Гончаровой накануне дуэли квартиры Геккернов.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Я. Геккерн, В.А. Жуковский, дуэль, гибель поэта.

М.Б. Свердлов. К истории великоморавской культурной традиции на Руси конца XI — начала XII в.

Исследование прямых и опосредованных культурных связей Византийской империи со странами южных, западных и восточных славян до настоящего времени остается сложным комплексом проблем. Особый интерес представляет анализ византийской культурной традиции, которая нашла продолжение и развитие в деятельности великоморавской миссии Мефодия, а результаты этой деятельности были учтены при написании выдающегося историко-литературного произведения — Повести временных лет. В статье анализируется ряд дискуссионных аспектов этой темы.

Ключевые слова: миссия Мефодия, культура, традиция, Русь XI–XII вв., Византийская империя.

В.Н. Семенова. Эфиопская иконография как источник по этноистории страны конца XIX — начала XX в.

Собрание эфиопской религиозной и светской живописи МАЭ РАН насчитывает более пятидесяти единиц хранения. Большая часть коллекции относится

ся к концу XIX — началу XX в. Появляется светская живопись, которая представляет интерес прежде всего с точки зрения художественного выражения некоторых этнокультурных и исторических реалий того времени. На картине № 4055–14 представлена идея наследования трона эфиопского императора Менелика лиджем Иясу. Художник написал их в виде львов, поместив малого льва под большим. Подобный способ изображения императора и его племянника встречается на других холстах коллекции МАЭ РАН. Иконопись, особенно роспись церквей, также включает портреты правителей того времени. Интересный материал в плане конструирования образа монарха представляет церковь Энтото Мариам, расположенная в окрестностях столицы Аддис-Абебы. Иконостас церкви содержал, по свидетельствам очевидцев, изображения Менелика. Со сменой правящей верхушки эти образы были заменены. Стоит отметить, что при необходимости изобразить реально живущее лицо эфиопские художники были вынуждены пользоваться иконописной техникой.

Помимо указанных особенностей описываемые образы отличает большая степень жанровости, когда изображение изобилует этнографическими деталями. Необходимо оговорить, что реалии из жизни, в частности изображения предметов традиционной материальной культуры проникали в пространство иконописи и ранее. Однако в отношении религиозной живописи конца XIX — XX в. речь идет о частом и не всегда оправданном включении предметов быта и культа в изображение, в результате чего последняя уже более приближается к сувенирной продукции.

Ключевые слова: Эфиопия, Менелик, власть, религиозный, светская живопись, иконография, церковь, икона, картина, образ.

Н.Б. Срединская. *Bona parapherna* и другое о дамах Феррары XIV в.

Эта статья основана на изучении актов семейного архива известного в Ферраре рода Сакрати, часть которого хранится в Западноевропейской секции Архива СПбИИ, а основная часть находится в Италии, в Государственном архиве г. Модена. Автор исследует нотариальные акты XIV в., фиксирующие сделки, совершенные Альбертиной Сакрати и другими дамами Феррары. На основе анализа этого материала раскрываются малоизученные проблемы регулирования брачно-семейных отношений средневековой Феррары. *Bona parapherna* — женское имущество, не входящее в приданое (греч. Параферна — кроме приданого), то, что супруга приобрела до брака и в браке своим трудом, получила по наследству, и др. Институт *bona parapherna*, воспринятый, как и многое другое в Северной Италии, от римского права, устанавливал отдельный статус имущества супругов, и предоставлял женщине возможность свободно владеть и распоряжаться ее собственностью независимо от воли мужа. Автор

подчеркивает роль и значение актового материала для исследования повседневной жизни и развития права Феррары XIV в. Именно эти источники способны дать наиболее точные сведения как о правовом статусе женщин и регулировании брачно-семейных отношений, так и о глубине проникновения опыта римского права в жизнь североитальянского средневекового города.

Ключевые слова: *bona parapherna*, защита женских прав, акты Феррары XIV в., рецепция римского права.

Т. Н. Таценко. Письмо 1566 г. графини Катарины Шварцбургской из собрания Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН

Статья посвящена собственноручному неопубликованному письму графини Катарины Шварцбургской (1509–1567) к брату, графу Георгу Эрнсту Хеннебергскому, которое хранится в западноевропейской секции под шифром 38/440 и было приобретено Н. П. Лихачевым в 1913 г. в известной берлинской антикварной фирме «Henrici». Написанное на ранненововерхненемецком языке с элементами нижненемецкого диалекта, письмо исполнено беглым неоготическим курсивом непрофессиональной руки и датировано 22 декабря 1566 г. Письмо содержит страстный призыв немолодой уже графини о помощи и защите от проходящих в округе войск. Примечательно, что отраженный в письме эпизод является контрастом к более ранней истории Катарины Шварцбургской, сделавшей ее знаменитой. По преданиям XVI в., которые для своего исторического очерка использовал Фридрих Шиллер, протестантка Катарина Шварцбургская смогла в 1547 г. защитить своих подданных от проходивших через графство мародерствовавших испанских отрядов, задержав их военачальника герцога Альбу в своем замке. Брошенные ему при этом Катариной Шварцбургской слова «Кровь князей за кровь волков!» принесли ей впоследствии всегерманскую славу и прозвание «отважная / Heldenmütige». Статья содержит транскрипцию подлинного текста письма, его перевод на русский язык и фото.

Ключевые слова: Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, графиня Катарина Шварцбургская по прозвищу «отважная», Реформация, «Грумбахские дела», герцог Альба.

Е. Д. Твердюкова. Деятельность Государственной торговой инспекции по борьбе с обманом потребителей в советской торговле (середина 1930-х — начало 1990-х гг.)

Статья посвящена деятельности Государственной торговой инспекции по надзору в сфере советской торговли и проблеме защиты потребителей от основных видов торгового обмана. Отчеты инспекции свидетельствуют, что ее сотрудники чаще всего выносили решения о привлечении виновных в обмане покупателей к дисциплинарной ответственности. Но руководители торгующих организаций игнорировали эти предписания или выполняли их формально. Работа торговых инспекторов была малоэффективна. В 1970–1980-х гг. контролирующие органы отмечали факты нарушения порядка продажи товаров в каждом третьем из проверяемых магазинов. Работники торговли обманывали покупателей на сумму, равную 15 % ежемесячного заработка. Вместо оперативного контроля в этой сфере деятельность Государственной торговой инспекции сводилась к фиксации нарушений и к информированию властей о беспорядках в деле снабжения населения. Исследование позволило сделать вывод, что и при наличии в советском праве нормы об уголовной ответственности за обман покупателей, и при отсутствии таковой нормы в современной России эти правонарушения остаются по большей части безнаказанными, а потребитель по-прежнему плохо защищен от недобросовестности продавцов.

Ключевые слова: СССР, торговля, права потребителей, Государственная торговая инспекция, обман потребителей, правонарушение.

Abstracts

T.V. Andreeva, N.L. Korsakova.

**On the history of the peasant question in Russia:
Memorandum by unknown author «On the liberation
of peasants in Russia» with marginalia of Emperor Nicholas I**

The article analyzes the memo prepared in the first years after the victory over Napoleon by an unknown Russian author in French. The note touches upon one of the most sharp and complex issues of domestic policy of Russia in the first half of the 19th century – the problem of serfdom. In the article, this memorandum is considered in the chronological framework of two reigns, of Alexander I and of Nicholas I, in the context of identification of unity and differences in their approaches to the solution of the peasant question, determining the effect of reformatory striving of the first quarter of the century on the reformist concept of the second quarter.

Marginalia of Nicholas I in French and marks in Russian belonging probably to M.A. Korf show that the note was used by the authorities in her quest to solve the problem of serfdom. The published document poses the problems urgent for both reigns: the spread of serfdom on the new territories and categories of the population, regulation of relations between landlords and serfs and peasants' duties, formal and legal control over the state, sale of the peasants without land and yard. It sheds light on the hidden mechanisms of abolitionist ideology in the bosom of the state power, the strategy and tactics of preparing the liberation of the peasants.

Key words: slave, serf, serfdom, liberation of the serfs, Alexander I, Nicholas I, French, marginalia, 6th December 1826 Committee, P.D. Kiselev.

A. V. Barynkin. The Poland's independence and the question of eastern borders formation in the context of soviet foreign policy on the edge of 1918–1919

The article is devoted to the poorly studied aspect in the formation of the Soviet-Polish relations in 1918–1919. The author presents the Soviet vision of the Polish independence and of the formation of its borders on the basis of the materials of published documents of The Major Command of the Red Army, documents of soviet foreign policy and archive materials, etc. The author emphasizes that over this period political leaders of Soviet Russia did not state any clear vision of Polish territorial formation in the context of official decrees. Officially recognizing the independence of Poland, the Bolsheviks expressed their notion of borders during the occupation of non-polish territories of western part of the Romanovs' empire. The territory of the Kingdom of Poland (Congress Poland) was recognized inviolable and crossing its borders according to the Soviet military leadership could lead to a really undesired conflict.

The only case when the territory of independent Poland could be invaded by the Red Army was the success of the revolution in Germany and the unanimous approval of military assistance to the German revolutionaries among the Soviet political leadership. Because the development of the revolution in Germany didn't go by the Soviet scenario, and the scale of the Russian Civil War needed maximum of human and material resources, the ideas of proletarian internationalism could be the only conceptual basis for building relations with Poland. The Bolshevik leadership was forced to look for other forms of relations with its western neighbor.

Key words: revolution, Bolsheviks, Soviet-Polish relations, Pilsudsky, Lenin, Dmowsky, Soviet-Polish war, internationalism, Civil war, Kingdom of Poland, Soviet Russia.

P. V. Ilyin. «Biographical Dictionary» of full members of the Imperial Academy of Sciences — the failed project of academician V. V. Latyshev

The article for the first time in Russian historiography highlights the subject of the unrealized bio-bibliographical dictionary of academicians of the Imperial St Petersburg Academy of Sciences. Conceived in the late 19th century by an outstanding expert on antiquity and on Byzantine history, a prominent Russian classical scholar academician V.V. Latyshev (1855–1921) this dictionary had to incorporate biographical information and bibliography of major works of all the members of the Academy of Sciences since its founding until the early 20th century. The article is based on different incomplete materials preserved in various funds and collections of St Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, which shed

light on the preparation of the dictionary of academicians. Unfortunately, the initiative of academician V.V. Latyshev was not successful; the work on the dictionary was not finished, being stopped in the early years of the 20th century. However, consideration of its features and analysis of materials deposited in archival funds as a result of this work gives an estimate of the very conception of academician V.V. Latyshev, its characteristics and the level of development of historical and scientific research at St Petersburg Academy of Sciences as a whole. The article reveals for the first time specific information on the first project of a biographical dictionary of the members of St Petersburg Academy of Sciences, which was being prepared on the eve of the 20th century.

Key words: the history of science, historiography, biography, St Petersburg Imperial Academy of Sciences, biographical dictionary of academicians, bibliography of the works of academicians, academician V.V. Latyshev, archival materials, Saint Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.

S.A. Isaev. Basic judicial viewpoints of Byzantines and Americans: an attempt to compare

Comparing judicial viewpoints typical for two empires, the author highlights some similar features: both law systems had long pre-history; law knowledge and judicial attitude towards social problems were widespread; the connection between justice (natural law), and positive law was construed in similar way, and a concept of equality of all persons was dead letter in both. What about religious background of laws, and codification or precedent, there were serious difference, but also some traits of similarity.

Key words: Byzantine, America, Empires, law systems, social problems, codification.

B.S. Kaganovich. To biography of M.D. Priselkov

St Petersburg Archive of the Russian Academy of Sciences has a huge collection of documents of academician N. Marr. Among these documents there are two letters written by eminent Russian historian Mikhail Dmitrievich Priselkov (1881–1941). One of these two letters is published in this article for the first time.

Key words: N. Marr, M.D. Priselkov, St Petersburg archive of the Russian Academy of Sciences.

P. V. Krylov. Bizantium — wonderland of the «Miracles de Notre Dame par personnages»

The article explores the image of Constantinople in «Miracles de Notre Dame par personnages», collection of French religious plays of the late 14th century. The advance of Turks on the rests of Byzantine Empire in this time gives new life to the interest of the West Christian countries on Constantinople's affairs. Waiting for the divine help to Greeks against their eastern enemies superposes on the image of Constantinople as a far situated wonderland, where the transgression of some common norms and traditions is possible and tolerated. For example, the possibility to convert a Christian in slavery by a Jew in the play № 35, and the possibility for a foreign woman to command the army in the play № 37.

Key words: Middle Ages, miracle play, theatre, religious studies, Constantinople.

S. V. Kulikov. N.N. Pokrovsky: Imperial bureaucrat as «a scientist in the government»

The article discusses the personality of outstanding statesman of the Russian Empire of the late 19th — early 20th century N.N. Pokrovsky in the context of the problem of «Imperial bureaucrat as “a scientist in the government”». The author examines how the fact that N.N. Pokrovsky was the representative of an ideal type of «a scientist in the government» (the other two ideal types, which proceeded relations of power and science in Russia specified period of time, «failed scientist» and «enlightened dignitary») influenced his behavior and bureaucratic career. State service and fundamental scientific works of N.N. Pokrovsky, which earned him the reputation of «financial genius», are analyzed. The general and specific features, that determined the personal traits of N.N. Pokrovsky as «scientist in the government» and statesman are survived.

Key words: bureaucrat, scientist, government, finance, economy, ideal types, bureaucratic elite, the Russian Empire.

V. V. Noskov. Chinese Ceremonies in the Winter Palace (Reception of the Burlingame Mission in 1870)

The article takes under consideration the preparation of Ceremonial and reception by the Russian Emperor of the extraordinary Chinese Mission which arrived at St Petersburg early in 1870. The Mission was dispatched to the U.S. and those European countries which had treaty relations with China. Its aim was the revision of the unequal treaties imposed on the Chinese government by the Powers after the so called «Opium Wars». The Mission was headed by three formally equal Envoys

but its actual leader was the former U.S. Minister to China Anson Burlingame who moved on the Chinese service after his retirement. The Expedition of the Ceremonial Affairs of the Ministry of Imperial Court in cooperation with the Asiatic Department of the Russian Ministry of Foreign Affairs prepared in advance the Ceremonial of the Chinese Mission's reception by the Emperor and Empress which was modeled after the Ceremonial of reception of the special Japanese Mission in 1862. Ceremonials of reception of Asiatic envoys in Russia differed sharply from Ceremonials of reception of Western Ambassadors and Ministers by particular splendor and aspirations for outward effects. The Ceremonial of the Chinese Mission's reception which took place on February 4 (16), 1870, was prepared in accordance with the same spirit. Meanwhile special attention to the Chinese Mission was caused by the personality of its head who was a citizen of the United States and represented a friendly Power. Unofficial audience given by the Empress to Mrs. Burlingame was another sign of special attention paid to her husband by the Russian authorities. However, after his sudden death on February 11 (23), 1870, Russian attitude relating to the Chinese Mission changed completely. Losing their American chief the Chinese Mission did not achieve any diplomatic success in St Petersburg. The Mission's Secretary an Englishmen J. McLeavy Brown who urgently arrived to replace Burlingame was not even favored with a reception audience and the farewell audience given to the Chinese Mission on April 4 (16), was private and emphatically non-ceremonial.

Key words: the Ch'ing Empire, the Burlingame Mission, the Expedition of the Ceremonial Affairs, the Asiatic Department, Diplomatic Protocol, the Russian Imperial Court.

D. M. Omelchenko. Image of Egypt in the works of John Cassian the Roman

The article discusses the means of constructing the image of monastic Egypt in «De institutis coenobiorum» and «Collationes» of John Cassian the Roman (c. 360–435). John was one of the founders of the regular monastic life in Gaul, and an opponent of Augustine of Hippo in the «semi-pelagian controversies». Works written twenty years after Cassian's travel to Egypt inevitably carry echoes of the situation in Gaul of 420-s. The image of Egypt in these works is one-sided and tendentious. It answers the basic purpose – to teach young Gallic monasticism of communal discipline. That is why the author paid little attention to the geographical and natural realities. Among all varieties of Egyptian ascetic practices, he described in details only cenobitic monasteries. In part, this could be due to the confrontation against the Gallic religious initiatives. Attempt to «disenchantment» of Egypt, when the author addresses the topic of miracles, served the purpose of teaching. The discipline that would allow the monks to overcome daily difficulties and not be tempted by both miracles and their absence was of primary importance for the author, not over-

whelming spiritual power of semi-legendary Egyptian wonderworkers. Reading his works it seems that Cassian really interested only in that part of the monastic culture of Egypt, that was able to confirm for the Hellenic mind a reasonable procedure of the daily life organization and to find a justification for this in the ascetic theology. In addition, the image of Egyptian asceticism by Cassian bears the imprint of the «semi-pelagian controversies». However, this was not a complete anachronism, as preconditions of John's own attitude to the matter lay in the Egyptian period of his life. Finally, the works of Cassian were partly the memories of his youth and bore some features of concepts of a «golden age».

Key words: John Cassian the Roman, monasticism, Egypt, Gaul, ascetic theology, the «desert epic».

D. V. Panchenko. ΒΟΣΠΙΟΡΟΣ: On some Greek-Scandinavian parallel

The Greeks understood the name *Bosporos*, applied by them to two different straits, as 'cattle-passage' or 'ox-ford', but they did not know where in fact the name had come from. Snorri Sturluson relates the myth of Gefion's ploughing in which both giant oxen and an emerging strait are parts of the story. Comparison with Scandinavian material suggests that the strait name ΒΟΣΠΙΟΡΟΣ initially referred to sea passage along two landmasses and not to passage from one shore to another, across the strait. The place of origin of such a usage (whether Scandinavian or, perhaps, Thracian) requires a special study.

Key words: Bosporos, Aeschylus, Hesiod, Snorri Sturluson, Gefion, Greek mythology, Scandinavian mythology, etymology.

M.N. Rumynskaya. The practice of indexing the monastery general account books of the first third of the 17th century

Introduction of historical sources into scientific use is one of the objectives of historical studies. The scientific value of the published paper is enhanced by the scientific references, with the indexes being the significant part of it. Carefully worded, comprehensive indexes containing various information about people, concepts and placenames, make it possible to evaluate information contained and the importance of the scientific publication as well as to quickly orientate in the book. The reference composed taking into account specific features of the documents can be a guide to scholars in their work with the published historical records. However growth of number of the published scientific sources of the 16th–17th centuries is regrettably accompanied with the decline of the quality of the references, in particular name indexes. The article describes in detail all the aspects of the preliminary work as

well as the problems encountered compiling the name indexes for the publication of the account books of the first third of the 17th century of Kirillo-Belozersky monastery. There has been analyzed and traced the development of the publication rules of historical documents of ancient period since the establishment of the Imperial Archeographic Commission. During the work, there were used several resource guides by S.B. Veselovskiy, F. Torop, N.A. Petrovskiy, S.V. Bulgakov, M.Y. Moroshkin, N.M. Tupikov, N.D. Chechulin, A. Sokolov.

The prepared annotated index contains the information about the life of the brethren through a period of almost 40 years: the date and place of the ordination, status change, monk obedience, the monastic service and service lists, getting the monastic names on becoming monks and nuns, workplaces of monastics, sometimes it turned out to be possible to find out the dates of death.

Key words: name indexes, finding aid, rules of publishing of historical sources, account books, Kirillo-Belozersky monastery, Archeographic Commission, N.K. Nikolsky.

M.M. Safonov. «The quarrel on the stairs» or another legend about the death of Pushkin

Duel, where Pushkin was deadly wounded by Chevalier Guard G. Dantes, was provoked by a letter of the poet to Dantes's «adoptive father» Heeckeren sent on January 26, 1837. In this letter, Pushkin demanded to stop communication between families and threatened otherwise to make the diplomat a public scandal. The scholars could not find the true reason that made Pushkin perform such a request. Researchers of the death of the poet believed that one of these was the visit of Heeckeren at Pushkin's apartment on 25 January 1837, when Pushkin didn't allow the diplomat on the threshold of his house and there was a «quarrel on the stairs». It was mentioned in passing by V.A. Zhukovsky in his concise notes on the death of Pushkin. However, the analysis of these notes suggests that there was no «quarrel on the stairs» on the eve of a duel because Heeckeren was on Moika embankment on the day of the funeral of the poet. The visit of Pushkin's sister-in-law A.N. Goncharova on the eve of the duel to the apartment of Heeckeren apparently was that «relations between families», which so revolted Pushkin.

Key words: A.S. Pushkin, Heeckeren, V.A. Zhukovsky, duel, the death of the poet.

V.N. Semenova. Ethiopian iconography as a source for its ethno history in the late 19th — early 20th centuries

The Ethiopian collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (MAE RAS) in St Petersburg includes more than

50 paintings. A considerable part of this collection was gathered at the beginning of the 20th century. Some of these paintings give an idea of secular themes characterized by the representation of historical events and cultural objects. One of the paintings (№ 4055–14) shows the succession of Menelik, Emperor of Ethiopia (1889–1913) by Lij Iyasy, his nephew. The painter placed Lij Iyasy directly under Menelik. This representation of power can be observed on other paintings kept at the Museum of Anthropology and Ethnography. Religious painting as well presents portraits of historical personalities. There are several images of Menelik inside the Entoto Maryam church that is located near Addis Abeba. European officers who visited Entoto Maryam in these years wrote in their diaries that portraits of previous ruler were replaced by the present one. It's worth to note that Ethiopian painters were obliged to use religious iconography technique to depict real persons.

Besides such historical peculiarities of Ethiopian painting, inclusion of different cultural objects taken from everyday life is typical for Ethiopian iconography of this period.

In fact, there are few miniatures and church paintings drawn before 19th century, which show everyday life. As to Ethiopian religious painting of the 19th–20th century, it is an innovative composition of mixing traditional methods with new models, that can be interpreted as a prototype of further creations in popular painting.

Key words: Ethiopia, Menelik, power, religious, secular painting, iconography, church, icon, painting, image.

N.B. Sredinskaya. *Bona Parapherna* and more about ladies in Ferrara of the 14th century

The paper is based on the study of the documents from family archive of well-known kin of Ferrara Sacrati, part of which is kept now in the Western section of the Archive of SPbIH RAS, while the main part of it is in Italy, in the State Archive of Modena. The author examines the notarial deeds of the 14th century that fixed the transactions conducted by Albertina Sacrati and other ladies of Ferrara. Based on the analysis of this material the author raises an unexplored problem of regulation of marriage and family relations of the Medieval Ferrara. *Bona parapherna* is a women's property excluded from dowry (gr. Παραφέρνα — apart from dowry), that was acquired by spouse before marriage and in marriage by her own work, and received by inheritance, etc. The institute of *bona parapherna*, like many other institutes in Northern Italy, was perceived from the Roman law, established divided status of property of spouses, and provided a woman the right for owning and disposing of her property regardless of will of husband. The author emphasizes the role and importance of such a source, as notarial deeds, for study of everyday life and development of the law of Ferrara of the 14th century. These sources provide the most precise information on legal status of women and regulation of marriage and

family relations, as well as degree of diffusion of experience of the Roman law in life of Northern Italian Medieval town.

Key words: *bona parapherna*, protection of women's rights, deeds of Ferrara of the 14th century, reception of Roman law.

M.B. Sverdlov. The history of Great Moravia cultural traditions in Russia in the late 11th — early 12th century

The study of direct and indirect cultural relations of the Byzantine Empire with the countries of the South, West and East Slavs to the present time remains a complicated set of problems. The analysis of the Byzantine cultural tradition, which found its continuation and development in the activities of the Great Moravian mission of Methodius, is of special interest for historians, and the results of this activity were taken into account while writing of outstanding historical and literary work — the Tale of Bygone Years. The article examines a number of controversial aspects of this subject.

Key words: Great Moravia, Methodius, Byzantine Empire, Tale of Bygone Years.

T.N. Tatcenko. A letter of Catherine Countess of Schwarzburg dated in 1566 from the Archives of St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences

The paper deals with an unpublished authentic letter of Catherine Countess of Schwarzburg (1509–1567) to her brother Georg Ernst Count of Henneberg. The letter is preserved in the Archives of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, its code number is Western European Section, Karton 440, n. 38. The letter has been acquired in 1913 by a renowned Russian historian and collector N.P. Likacheff at the auctions of the antique shop «Henrici» in Berlin. The author of the letter is renowned for the earlier episode of her life dating from 1547, as she have managed to stop the marauders by warning addressed to the Duke Alba: «The blood of prince against the blood of ox». The paper includes a transcription of the letter, his translation into Russian and his reproduction. The letter of 1566 concerns also the marauders, but contrary to her former supposedly heroic spirit, the Countess describes now the situation with a sad irony.

Key words: The Archive of St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Catherine, Countess of Schwarzburg, Reformation, «Grumbach Feud», Duke of Alba.

E.D. Tverdjukova. Activity of State commercial inspection in the fight with the fraud of user in the Soviet trade (middle 1930s – beginning 1990s)

The article is dedicated to the activity of State commercial inspection of supervision in the sphere of Soviet trade and to the problem of the consumers' protection from the basic forms of commercial fraud. The reports of inspection testify that its officials most frequently imposed disciplinary penalty on people guilty of the fraud of buyers. However, the heads of trading organizations ignored these orders or carried out them formally. The work of commercial inspectors was of little effectiveness. In 1970–1980s supervisory bodies uncovered the facts of trade rules violation in each third of the checked stores. The workers of trade deceived buyers by the sum, equal to 15% of monthly earnings. Instead of the operational control in this sphere, the activity of State commercial inspection was reduced to the fixation of disturbances and to informing of the authorities about the disorders in the sphere of supply. A study made it possible to draw the conclusion that both the Soviet law system where there was a penalty for the fraud of buyers and modern Russian legislation with absence of such clause keep these offences mostly unpunished, and consumer is badly protected from the unconscientiousness of salesmen.

Key words: USSR, trade, consumer's rights, State commercial inspection, the fraud of consumers, offence.

M. Vituhnovskaja-Kauppalä. Carl Enckell, the last Minister State Secretary of Finland (April–November 1917), and his Russian political contacts

The article takes under consideration the person of Carl Johan Alexis Enckell, who came from Finland's Finnish Swedish kin, whose members from the middle of the 19th century played the role of mediators between the Russian authorities and the Finnish elite. This article shows how Enckell, who hold a post of the Minister of State Secretary of Finland during the period of the Provisional Government, attempted to reconcile the desire for independence of the Finnish elite with the position of the Russian authorities to maintain the status quo. Enckell tried to use his personal contacts to influence members of the Provisional Government, and he created close ties with Aleksander Kerensky. Gradually Finnish inner political tensions lead to aggravation of Russian-Finnish relations. The most serious political crisis occurred in July when Parliament approved a draft law on the supreme power, developed by the Finnish Social Democratic Party. This law proclaimed the independence of Finland. Enckell and the Governor-General Mikhail Stakhovich were forced to dissolve parliament and to call new elections. By the autumn, when the

status of the Provisional Government waned, the Finnish side more and more energetically insisted on *de facto* recognition of independence of Finland. On October 23 / November 5, the status of the President of Finland was approved, and overall, a bill was adopted which expanded the powers of the Finnish authorities. However, a coup occurred two days later in October made possible the realization of a much more radical project of the independence of Finland. When in November 23 / December 6 the Finnish Parliament adopted the Declaration of Independence, it was Enckell who became one of the most important mediators between them and the Council of People's Commissars. At the end of 1917, the Council of People's Commissars, with the active participation of Enckell, approved the Declaration of Independence of Finland.

Key words: Carl Enckell, the Minister State Secretary, the Provisional Government, October coup, Independence of Finland.

V.G. Vovina-Lebedeva.

S.V. Bakhrushin and M.N. Tikhomirov: the question of the schools in the study of ancient Russia

M.N. Tikhomirov in his studies of ancient stories of Russia relied on the Russian annals in great degree especially in the last period of life. His teacher S.V. Bakhrushin published during his lifetime only works about the Siberian chronicles, which was, however, one of his main subjects. S.V. Bakhrushin's attitude to A.A. Shakhmatov we can see in his comments made during A.N. Nasonov's defenses of both candidate and doctoral theses. S.V. Bakhrushin regarded the annals as a source of information about historical events. Reconstruction was suspect for him and he regarded this as the defects of Shakhmatov's direction. There is a posthumously published article by S.V. Bakhrushin about the beginning of Russian chronicles. Previously the fact that the main ideas of this very article have been developed then by M.N. Tikhomirov was neglected. These suppositions were: the «Tale of Bygone Years» was preceded by earlier brief notes devoid of dates; they can be called «The Tale of the first Russian princes», it was composed in the first half of 11th century in Kiev. The comparison of this S.V. Bakhrushin's article with unpublished and unfinished last monograph of M.N. Tikhomirov about the beginning of historiography allows us to trace how and under what circumstances the influence of the teacher's thought was transformed by M.N. Tikhomirov to his own concept of occurrence of Russian chronicles.

Key words: A.A. Shakhmatov, M.N. Tikhomirov, S.V. Bakhrushin, Russian chronicles, «The Tale of Bygone Years», Russian historiography.

L. V. Vyskochkov. Notebooks of Grand Prince Nicholas as a historical source (On publication of diaries dated 1822–1825 stored in State Archives of the Russian Federation)

The article analyzes the diary of Grand prince Nicholas written in 1822–1825 and stored in the fund of Nicholas I in the State Archive of the Russian Federation, that was published in 2013. In 1926 only records dated from 21 November to 13 December 1825, immediately preceding the accession to the throne, had been published. A new edition of the future emperor's diaries, prepared by M.V. Sidorova and M.N. Silaeva (translated from French by E.E. Lyamina and O.V. Edelman), is a valuable source for the study of the period of «interregnum», insurrection of December 14, 1825 and Nicholas I accession to the throne. These diaries contain a lot of information on political, military and cultural history of Russia, the history of the Romanov dynasty, family life of the prince Nicholas at the end of Alexander I reign and the period of «interregnum». Notebooks of Nicholas contain valuable information about the Imperial court, Nicholas's activity as Inspector-General of the Engineering. Notebooks are of great interesting for scholars studying everyday life of the imperial family, the formation of Nicholas's personality and his family life. The article concludes that the complicated personal relations inside the imperial family were related with the problem of succession to the throne existing during the reign of Alexander I. Analysis of the diaries perfectly characterizes future Emperor Nicholas I. The new reading of his diaries presents Nicholas not only as a soldier, but also as a literary and musically educated person, careful husband and father.

Key words: Russian Empire, «interregnum», archival sources, Romanov, Alexander I, Nicholas I, Maria Feodorovna, Elizabeth Alekseevna, Nikolai Pavlovich, the Decembrists.

Сведения об авторах

Андреева Татьяна Васильевна, д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: ta-a.andreeva2014@yandex.ru

Барынкин Артём Владимирович, к.и.н., старший преподаватель кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: avbarinkin@yandex.ru

Витухновская-Кауппала Марина, д-р философии, доцент, Хельсинкский университет.

E-mail: kauppala@saunalahti.fi

Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна, д.и.н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.

E-mail: varvara_vovina@mail.ru

Высочков Леонид Владимирович, д.и.н., профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: lviskoch@gmail.com

Герд Лора Александровна, д.и.н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

E-mail: loragerd@gmail.com

Ильин Павел Владимирович, к.и.н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: pavil@pi9402.spb.edu

Исаев Сергей Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

E-mail: isayevsviir@yandex.ru

Каганович Борис Соломонович, д.и.н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

E-mail: amabor@mail.ru

Корсакова Наталья Леонидовна, к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, координатор программ Международного благотворительного фонда им. академика Д. С. Лихачева.

E-mail: korsakovanatalia@gmail.ru

Крылов Павел Валентинович, к.и.н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: pavel_kryloff@mail.ru

Куликов Сергей Викторович, к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: sergeykulikov70@mail.ru

Омельченко Дарья Михайловна, к.и.н., младший научный сотрудник Отдела научной систематизации литературы Библиотеки Академии наук.

E-mail: dorothy_om@mail.ru

Носков Владимир Витальевич, д.и.н., профессор, заведующий отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: vvnoskov@yahoo.com

Панченко Дмитрий Вадимович, к.и.н., доцент Факультета свободных искусств и наук СПбГУ и Исторического факультета Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге.

E-mail: dmpanchenko@mail.ru; dmpanchenko@yahoo.com

Румынская Марина Николаевна, лаборант Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: marina.rumin@mail.ru

Сафонов Михаил Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: m.safonov@list.ru

Свердлов Михаил Борисович, д.и.н., главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Российского государственного педагогического университета им. Герцена.

E-mail: sverdlovmb@mail.ru

Семенова Валерия Николаевна, к.и.н., ст. лаборант Отдела этнографии Африки, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

E-mail: vnsemenova@gmail.com

Срединская Наталия Брониславовна, к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: sredinska@yandex.ru

Таценко Тамара Николаевна, к.и.н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

E-mail: tntatsenko@mail.ru

Твердюкова Елена Дмитриевна, д.и.н., доцент, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: tvelena@bk.ru

Contacts of authors

Andreeva Tatiana Vasilievna, Doctor of Sciences (History), leading researcher, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: ta-a.andreeva2014@yandex

Barynkin Artem Vladimirovich, PhD., Senior Lecturer of the Department of European Studies of the Faculty of International Relations, St Petersburg State University.
E-mail: avbarinkin@yandex.ru

Gerd Laura Alexandrovna, Doctor of Sciences (History), leading researcher, St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: loragerd@gmail.com

Ilyin Pavel Vladimirovich, Ph.D., researcher of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: pavil@pi9402.spb.edu

Isaev Sergey Alexandrovich, Ph.D., senior researcher of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: isayevsviir@yandex.ru

Kaganovich Boris Solomonovich, Doctor of Sciences (History), leading researcher, St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: amabor@mail.ru

Korsakova Natalia Leonidovna, Ph.D., senior researcher of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: korsakovanatalia@gmail.ru

Krylov Pavel Valentinovich, Ph.D., senior researcher of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: pavel_kryloff@mail.ru

Kulikov Sergey Viktorovich, Ph.D., senior researcher, St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: sergeykulikov70@mail.ru

Noskov Vladimir Vitaljevich, Doctor of Sciences (History), head of the Department of General history of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: vvnoskov@yahoo.com

Omelchenko Darya, Research Assistant of the Department of scientific systematization of literature of the Library of the Academy of Sciences, Candidate of Historical Sciences.

E-mail: dorothy_om@mail.ru

Panchenko Dmitri, PhD, Associate Professor at Smolny College, St Petersburg State University and Higher School of Economics in St Petersburg.

E-mail: dmpanchenko@yahoo.com; dmpanchenko@mail.ru

Rumynskaya Marina Nikolaevna, laboratory assistant of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: marina.rumin@mail.ru

Safonov Mikhail Mikhailovich, Ph.D., senior researcher of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: m.safonov@list.ru

Semenova Valeria Nikolajevna, PhD, Senior laboratory assistant, Department of Africa Ethnography, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences.

E-mail: vnsemenova@gmail.com

Sredinskaya Natalia Bronislavovna, Ph.D., senior researcher of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: sredinska@yandex.ru

Sverdlov Michail Borisovitch, Dr. Of Sciences (History), chief researcher, St Petersburg Institute of history, Professor, Russian State Pedagogical University.

E-mail: sverdlovmb@mail.ru

Tatsenko Tamara Nikolaevna, Ph.D., senior researcher, St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: tntatsenko@mail.ru

Tverdjukova Elena Dmitrijevna. Doctor of Sciences (History), associate professor, Institute of History of St Petersburg State University.

E-mail: tvelena@bk.ru

Viskochkov Leonid Vladimirovich, Doctor of sciences (History), Professor of the Department of Russian History from ancient times to the 20th century, Institute of History of St Petersburg State University.

E-mail: lviskoch@gmail.com

Vituhnovskaja-Kauppala Marina, PhD, assistant professor, University of Helsinki.

E-mail: kauppala@saunalahti.fi

Vovina-Lebedeva Varvara Gelievna, Doctor of Sciences (History), leading researcher, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: varvara_vovina@mail.ru

Требования к публикации статей и материалов

• Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. (для аспирантов — не более 0,5 а. л.). Объем публикуемых документов и рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14 кеглем, сноски — 10 кеглем).

• Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, учебного звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

• Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева.

• Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы.

• Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.

• Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, так же как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.

• Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации / отказе в публикации / направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.

• Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.

• Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.

• До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.

• Авторы должны подписать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».